

**Вестник Южно-Российского
государственного технического
университета (НПИ).**

**Серия:
Социально-экономические
науки**

**Bulletin
of the South Russian
State Technical
University (NPI).
Series:
Socio-Economic Sciences**

Научный журнал

2023 год Том 16 Выпуск 5

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5

Учредитель и издатель

Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова

Главный редактор

Воденко Константин Викторович,
доктор философских наук, профессор
ЮРГПУ(НПИ)
г. Новочеркасск, Россия
vodenkok@mail.ru

Издание зарегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных
технологий и массовых коммуникаций
Свидетельство ПИ № ФС 77-37943

Издается с 2008 года
Выходит 6 раз в год

Тематика номера:

Социология
Экономика
Философия

Журнал включён ВАК при Минобрнауки
РФ в Перечень российских рецензируемых
научных журналов, в которых должны быть
опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученых степеней
доктора и кандидата наук

Издание включено в систему Российского
индекса научного цитирования (РИНЦ)

Подписной индекс в каталоге агентства
«Пресса России» — 10228

ISSN 2075-2067
eISSN № 2409-9163

Ответственный секретарь

И. И. Сальникова

Верстка и редакция

В. Г. Рыжкова

Адрес редакции и издателя

346428, Россия, Ростовская обл.,
г. Новочеркасск, ул. Просвещения, д. 132
vestnik-npi@yandex.ru

Выход в свет 28.10.2023 г.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Воденко Константин Викторович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (главный редактор);

Абакумова Ирина Владимировна, академик РАО, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Архипова Марина Юрьевна, доктор экономических наук, профессор, Высшая школа экономики, Москва, Россия;

Ван Лэй, PhD, Чанчуньский инженерно-технологический институт, Чанчунь, Китай;

Волков Юрий Григорьевич, доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Голенко-Гинзбург Дмитрий Исаакович, доктор технических наук, профессор, Университет имени Бен-Гуриона провинции Негев, Беер-Шева, Израиль;

Дергачева Елена Александровна, доктор философских наук, доцент, профессор РАН, Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия;

Дятлов Александр Викторович, доктор социологических наук, профессор, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Иванченко Ольга Сергеевна, кандидат социологических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (зам. главного редактора);

Ивушкина Елена Борисовна, Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Ковалев Виталий Владимирович, доктор социологических наук, доцент, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия;

Комиссарова Мария Анатольевна, доктор экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Мемпель-Снежик Анна, PhD, Вроцлавский экономический университет, Вроцлав, Польша;

Нижегородцев Роберт Михайлович, доктор экономических наук, доцент, Института проблем управления РАН, Москва, Россия;

Осмонова Нургул Исраиловна, доктор философских наук, профессор, Российско-Киргизский славянский университет, Бишкек, Киргизия;

Попкова Елена Геннадьевна, доктор экономических наук, профессор, Институт научных коммуникаций, Волгоград, Россия; Российский экономический университет имени В.Г. Плеханова, Москва, Россия;

Почтовюк Андрей Борисович, доктор экономических наук, профессор, Кременчугский национальный университет имени Михаила Остроградского, Кременчуг, Украина;

Ростовская Тамара Керимовна, доктор социологических наук, профессор, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы, Москва, Россия;

Рязанцев Сергей Васильевич, член-корреспондент РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Москва, Россия;

Самыгин Сергей Иванович, доктор социологических наук, профессор, Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия;

Силантьева Маргарита Вениаминовна, доктор философских наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет) МИД России, Москва, Россия;

Скорик Александр Павлович, доктор философских наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Сорвилов Борис Владимирович, д.э.н., профессор, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Белоруссия;

Степан Каван, PhD, Университет Южной Богемии в Ческе-Будеевице, Ческе-Будеевице, Чехия;

Сухарев Олег Сергеевич, доктор экономических наук, профессор, Институт экономики РАН, Москва, Россия;

Тихоновская Светлана Александровна, кандидат экономических наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Череповицын Алексей Евгеньевич, доктор экономических наук, профессор, Санкт-Петербургский горный университет, Санкт-Петербург, Россия;

Черных Сергей Сергеевич, доктор философских наук, доцент, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Щербакова Лидия Ильинична, доктор социологических наук, профессор, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия;

Юлиус Раманаускас, Dr. hab., Университет имени А. Стутлинскаса, Каунас, Литва;

Сальникова Инна Ивановна, Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия (ответственный секретарь).

**ВЕСТНИК ЮЖНО-РОССИЙСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО ТЕХНИЧЕСКОГО
УНИВЕРСИТЕТА (НПИ)
СЕРИЯ: СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ**

2023 год Том 16 Выпуск 5

Содержание

Contents

**Юбилейный год:
М. И. Платов и А. Ф. Лосев**

**Anniversary year:
M. I. Platov and A. F. Losev**

Скорик А. П.
Коммеморативные практики первого
памятника М. И. Платову
(к 270-летию знаменитого
вихорь-атамана).....7

Skorik A. P.
Commemorative Practices the First
Monument to M. I. Platov (to the 270th
Anniversary of the Famous
Vikhor'-Ataman).....7

Лукичев П. Н.
Философская концепция А. Ф. Лосева
(к 130-летию выдающегося
мыслителя).....17

Lukichev P. N.
A. F. Losev's Philosophical Concept
(on the 130th Anniversary of the
Outstanding Thinker).....17

**Теоретическая
и прикладная социология**

**Theoretical
and Applied Sociology**

**Васильева Е. А., Борисов А. Ф.,
Чечулин А. В.**
Инновации в социальной сфере:
социологический анализ зарубежных
практик.....25

**Vasilieva E. A., Borisov A. F.,
Chechulin A. V.**
Innovations in the Social Sphere:
Sociological Analysis of Foreign
Practices.....25

**Васильева Е. Н., Хомутова Н. Н.,
Полтавская М. Б., Калашикова Н. А.**

**Vasilyeva E. N., Khomutova N. N.,
Poltavskaya M. B., Kalashnikova N. A.**

Условия и основные агенты политической социализации студенческой молодежи.....	43	Conditions and Main Agents of Political Socialization of Students.....	43
Капанян Н. Н. Конструкт «значимого другого» в молодежном сегменте современного российского общества.....	58	Kapanyan N. N. Construct of a «Significant Other» in the Youth Segment of Modern Russian Society.....	58
Косарева Е. С., Чистяков А. В., Маслова Ю. В. Образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества.....	66	Kosareva E. S., Chistyakov A. V., Maslova Yu. V. Educational Strategies of Russian Youth in the Context of Digitalization of Society.....	66
Левченко Н. А. Совершенствование кадровой политики в органах государственного и муниципального управления.....	75	Levchenko N. A. Improvement of Personnel Policy in State and Municipal Government Bodies.....	75
Терехов А. В. Мужские онлайн-сообщества: концептуальный анализ и перспективы исследования.....	81	Terehov A. V. Male Online-Communities: Conceptual Analysis and Research Perspectives.....	81

Экономика и управление

Economics and Managment

Азарова Н. А. Организационно-методический инструментарий процесса управления инновационным потенциалом социально- экономических систем.....	91	Azarova N. A. Development of Theoretical Provisions of the Concepts of Formation and Management of Innovative Potential in Socio-Economic Systems.....	91
Батищев А. В., Фетюхина О. Н., Кузнецов А. С. Перспективы развития строительной отрасли в условиях трансформации экономики.....	102	Batishchev A. V., Fetyukhina O. N., Kuznetsov A. S. Prospects for the Development of the Construction Industry in the Context of Economic Transformation.....	102
Вегнер-Козлова Е. О. Перспективы развития индустриально развитых регионов в рамках Индустрии 5.0.....	116	Wegner-Kozlova E. O. Prospects for the Development of Industrial Regions Within the Framework of Industry 5.0.....	116
Гриднев Д. С. Использование методов машинного обучения для выявления факторов рецессии африканских экономик.....	126	Gridnev D. S. Machine Learning Techniques for Assessing Recessionary Factors in African Economies.....	126

Ефимов А. В., Тихоновская С. А. Основные тенденции воздействия внешнеполитических факторов на развитие региональных экономических систем.....137	Efimov A. V., Tihonovskova S. A. The Main Trends of the Impact of Foreign Policy Factors on the Development of Regional Economic Systems.....137
Каплюк Е. В., Руднева К. С., Долгова О. И. Агент-ориентированная модель управления промышленными объединениями в архитектуре индустриального развития Юга России.....147	Kaplyuk E. V., Rudneva K. S., Dolgova O. I. Agent-Based Model of Management of Industrial Associations in the Architecture of Industrial Development of the Southern of Russia.....147
Комнатная Ю. А., Посохова Я. В. Трансграничные слияния юридических лиц в эпоху турбулентности.....162	Komnatnaya Yu. A., Posokhova Ya. V. Cross-border Mergers of Legal Entities in the Era of Turbulence.....162
Сухарев О. С., Ворончихина Е. Н. Устойчивое развитие при санкциях: управление экономикой России.....173	Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. Sustainable Development under Sanctions: Managing the Russian Economy.....173
Филиппов С. В. Обеспечение эффективной коммерческой деятельности производственного предприятия.....183	Filippov S. V. Ensuring Effective Commercial Activity of the Production Enterprise.....183
Философская инноватика	Philosophical Innovation
Дергачева Е. А. Социально-техногенное уничтожение биосферной жизни и формирование стратегии социально-биосферного развития регионов России.....195	Dergacheva E. A. Socio-Technogenic Destruction of Biosphere Life and Formation of a Strategy for Socio-Biosphere Development of Russian Regions.....195
Жидяева Е. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Интернет как фактор формирования правового сознания современной российской молодежи.....204	Zhidyaeva E. S., Samygin P. S., Samygin S. I. The Internet as a Factor in the Formation of Legal Consciousness of Modern Russian Youth.....204
Козловский М. Е. Формирование культуры городского пространства в контексте обеспечения безопасности.....212	Kozlovsky M. E. Formation of Urban Space Culture in the Context of Security.....212
Кочарский Л. С. Современные направления неоевразийства и их практическая реализация.....220	Kocharsky L. S. Modern Trends in Neo-europeanism and Their Practical Implementation.....220

Любченко В. С. Поколение Z в контексте эпохи модерна.....231	Lyubchenko V.S. Generation Z in the Context of the Modern Era.....231
Поломошнов А. Ф., Волохова Е. В., Маслова Ю. В. Интеллигенция: в поисках сущности.....239	Polomoshnov A. F., Volokhova E. V., Maslova Yu. V. Intelligence: in Search of the Essence.....239
Саидова Л. И. Влияние экологического туризма на становление и развитие личности в условиях цифровой эпохи.....249	Saidova L. I. The Impact of Ecotourism on the Formation and Development of Personality in the Digital Age.....249
Яковлева А. И. Культурные архетипы в воспроизводстве социально-экономического неравенства в современной России.....257	Yakovleva A. I. Cultural Archetypes in the Reproduction of Socio-Economic Inequality in Modern Russia.....257

**Актуальные проблемы
высшей школы**

**Actual Problems
of Higher Education**

Богданова О. В. Дополнительное образование в новых социальных условиях: факторы трансформации.....266	Bogdanova O. V. Additional Education in New Social Conditions: Factors of Transformation.....266
Лацвеева А. В., Попов Е. С., Шаровара К. А. Дигитализация российского образовательного пространства в условиях становления академического лидерства....274	Latsveeva A. V., Popov E. S., Sharovara K. A. Digitalization of the Russian Educational Space in the Context of the Formation of Academic Leadership.....274
Павлов П. В. Академическое лидерство: университет в социально-экономических реалиях современного капитализма.....284	Pavlov P. V. Academic Leadership: University in the Socio-Economic Realities of Modern Capitalism.....284

Научная жизнь

Scientific Life

Рязанцев С. В., Волкова О. А. Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов (по материалам международной конференции).....291	Ryazantsev S. V., Volkova O. A. New Migration in Eurasia: Implications for Integration Processes (Based on the Materials of the International Conference).....291
---	--

ЮБИЛЕЙНЫЙ ГОД: М. И. ПЛАТОВ И А. Ф. ЛОСЕВ ANNIVERSARY YEAR: M. I. PLATOV AND A. F. LOSEV

Научная статья
УДК 93/94(470.6) + 908
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-7-16

КОММЕМОРАТИВНЫЕ ПРАКТИКИ ПЕРВОГО ПАМЯТНИКА М. И. ПЛАТОВУ (к 270-летию знаменитого вихорь-атамана)

Александр Павлович Скорик

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
s_a_p@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1283-8137, AuthorID РИНЦ: 437141*

Аннотация. *Цель статьи* — изучить региональные коммеморативные практики на примере генерализующего артефакта социокультурного пространства исторической столицы донского казачества, выявить в исследуемых практиках историческое взаимодействие славного прошлого, приветливого настоящего и стартующего грядущего, использовать междисциплинарные толкования историко-архитектурного пространства для объяснения общей композиции памятника русскому полководцу, показать как историческая память об Отечественной войне 1812 г. и её славном донском герое, уникальной исторической личности, имеющей всероссийское (и отчасти всемирное) значение, становится неповторимым феноменом историко-культурного коммуникативного смыслопорождения между историческими эпохами и превращается в актуальный гражданско-патриотический социальный проект.

Методология. Исследование коммеморативных практик в статье целенаправленно фундируется социогуманитарным цивилизационным подходом, понимаемым автором, прежде всего, в интеллектуальной традиции известного русского мыслителя XIX в. Н. Я. Данилевского и объясняет сохранение исторической памяти в материальных скульптурных композициях и архитектурно-планировочной урбанистике.

Результаты исследования: обобщение коммеморативных практик на примере генерализующего артефакта социокультурного пространства исторической столицы донского казачества, позволяющее обеспечить осуществление гражданско-патриотического воспитания современной студенческой молодёжи.

Перспективы исследования. Результаты могут быть использованы в дальнейшем изучении коммеморативных практик на основе предложенных алгоритмов междисциплинарного познания социокультурного городского пространства при исследовании регионально-научного дискурса.

Ключевые слова: атаман, артефакт, архитектурная пластика, Войско Донское, интерпретации, казаки, память, скульптурная композиция

Для цитирования: Скорик А. П. Коммеморативные практики первого памятника М. И. Платову (к 270-летию знаменитого вихорь-атамана) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 7–16. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-7-16>.

Original article

COMMEMORATIVE PRACTICES THE FIRST MONUMENT TO M.I. PLATOV (to the 270th anniversary of the famous vikhor'-ataman)

Alexander P. Skorik

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI),
Novocherkassk, Russia*

s_a_p@mail.ru, ORCID: 0000-0003-1283-8137, AuthorID RSCI: 437141

Abstract. *The purpose of the article is to study regional commemorative practices on the example of a generalizing artifact of the socio-cultural space of the historical capital of the Don Cossacks, to identify in the studied practices the historical interaction of the glorious past, the friendly present and the starting future, to use interdisciplinary interpretations of historical and architectural space to explain the overall composition of the monument to the Russian commander, to show how the historical memory of the Patriotic War of 1812 and her glorious Don hero, a unique historical figure of All-Russian (and partly worldwide) significance, becomes a unique phenomenon of historical and cultural communicative meaning generation between historical epochs and turns into an actual civil-patriotic social project.*

Methodology. *The study of commemorative practices in the article is purposefully based on the socio-humanitarian civilizational approach, understood by the author, first of all, in the intellectual tradition of the famous Russian thinker of the XIX century N. Y. Danilevsky and explains the preservation of historical memory in material sculptural compositions and architectural and planning urbanism.*

Research results. *Generalization of commemorative practices on the example of a generalizing artifact of the socio-cultural space of the historical capital of the Don Cossacks, which makes it possible to ensure the implementation of civil and patriotic education of modern students.*

Prospects of the study. *The results can be used in the further study of commemorative practices based on the proposed algorithms of interdisciplinary cognition of socio-cultural urban space, in the study of regional scientific discourse.*

Keywords: *ataman (leader of the Don Cossacks), artifact, architectural plastic, Don Army, interpretations, Cossacks, memory, sculptural composition*

For citation: *Skorik A.P. Commemorative practices the first monument to M. I. Platov (to the 270th anniversary of the famous vikhor'-ataman) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 7–16. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-7-16>.*

Актуальность темы исследования. 19 августа 2023 г. отмечалось 270-летие со дня рождения известного донского атамана Матвея Ивановича Платова. Биография выдающегося русского полководца казачьего происхождения достаточно хорошо изучена, начиная с сочинения атаманского адъютанта Н. Ф. Смирного, вышедшего вскоре после смерти М. И. Платова и переизданного в наши дни [12], восторженно-романти-

ческого описания Е. П. Савельева [8], и заканчивая современными исследователями [1; 2; 3]. Роль графа М. И. Платова, особенно в военной кампании 1812–1815 гг., «сделала его личность достоянием общей русской истории» [4, с. 365]. Слава донского атамана перешагнула российские границы и долетела до туманного Альбиона [9]. Вместе с тем «традиция разнопланового сравнительно-исторического анализа пока значительно ус-

тупает позиции глянцево-фактологического описания значимости места и исключительной роли донского героя в реальных событиях своего времени» [10, с. 106], а она связана с зарождением коммеморативных практик о М. И. Платове.

Историческая память о донском герое весьма многообразна и воплощена в различных формах. Облик выдающегося атамана и его волевой характер наиболее удачно, на наш взгляд, переданы в посмертном портрете атамана, выполненном английским художником Джорджем Доу и экспонируемом в Военной галерее Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге, ныне более известном как Государственный Эрмитаж. По подсчётам самодеятельного исследователя С. Ю. Рычкова за период с мая 1813 г. по 2019 г., просторы Мирового океана бороздили 18 кораблей, так или иначе соотносимых с именем М. И. Платова. Ныне в России эксплуатируются шесть кораблей, связанных с именем атамана Войска Донского М. И. Платова [7]. Особая значимость исторической личности М. И. Платова отмечена в Великом Новгороде на памятнике «Тысячелетие России», установленном ещё в 1862 г., где среди 109 фигур российских исторических деятелей нижнего яруса (северо-восточная часть монумента, «Военные люди и герои») присутствует и фигура М. И. Платова. Выдающийся русский поэт Г. Р. Державин в стихотворении «Атаману и войску Донскому» очень точно и справедливо подметил европейское значение немеркнувшей воинской доблести и славы донского атамана, когда в 1807 г., ещё задолго до его подвигов в Отечественной войне 1812 г. и в последующих зарубежных походах Русской Императорской армии 1813–1814 гг., написал:

Платов! Европе уж известно,
Что сил Донских ты страшный вождь.
Врасплох, как бы колдун, всеместно
Падёшь, как снег ты с туч иль дождь.
По чёрных воронов полёту,
По дыму, гулу, мхам, звездам,
По рыску волчью видя мету,
Подходишь к вражьи вдруг носам;
И, зря на туск, на блеск червонца,
По солнцу иль противу солнца
Свой учреждаешь ертаул
И тайный ставишь караул.

Основные цели исследования. В настоящей статье мы сосредоточимся на коммеморативных практиках об атамане, имеющих социально-коммуникативный характер и локализующихся в историческом регионе Дона. Поскольку, с одной стороны, историко-архитектурные формы наиболее доступны широкому кругу людей, а, с другой стороны, они не всегда должным образом интерпретируются и ограничиваются очень кратким набором сведений, неизбежно нуждающихся в более существенных дополнениях и в объяснении смыслопорождающих артефактов.

Обсуждение. Начнём с исторической столицы донского казачества — города Новочеркасска, одного из самых известных, причём не только в России, памятников М. И. Платову, первого по времени сооружения (если не считать несохранившегося даже до появления памятника скульптурного надгробья работы И. П. Мартоса) и созданного к его 100-летию со дня рождения группой талантливых российских скульпторов: замысел модели памятника принадлежит творческому гению А. А. Иванова, оригинал скульптурной композиции выполнил Н. А. Токарев, отливку готовой статуи сделал П. К. Клодт. Идейным вдохновителем сооружения памятника выступил начальник штаба, будущий наказной войсковой атаман Донского казачьего войска, генерал-лейтенант М. Г. Хомутов. Его инициативу поддержал российский император Николай I, который в дополнение к всенародному донскому сбору денег на сооружение монумента, приобретшему всероссийский характер, выделил средства из государственной казны и тщательно следил за тем, как продвигается дело сооружения памятника, ибо придавал большое значение сохранению достойной памяти о М. И. Платове. Генерал-лейтенант М. Г. Хомутов стремился подобрать самого лучшего скульптора для осуществления своей мемориальной задумки, поэтому предварительный заказ на возведение памятника М. И. Платову получили два ваятеля: молодой, с 9 лет воспитывавшийся как будущий скульптор, подававший большие надежды 33-летний академик Императорской Академии художеств Антон Андреевич Иванов (1815–1848), прошедший пятилетнее обучение за границей в Риме и ставший одним из лучших русских скульп-

пторов Николаевской эпохи, а также академик Императорской Академии художеств, известный 60-летний русский скульптор Николай Андреевич Токарев (1787–1866). Из двух представленных проектов выбор пал на работу А. А. Иванова, причём его проект Высочайше утвердил 29 января 1848 г. российский император Николай I.

В понимании молодого скульптора, детально изучившего на стадии проектирования биографию М. И. Платова, атаман представлял, прежде всего, действующим отважным воином, рвущимся в бой. Для ваятеля Матвей Иванович выступал как талантливый исполнитель Высочайшей императорской воли на благо России, как победоносный русский полководец казачьего происхождения. Вот эти личностные черты М. И. Платова Антон Андреевич стремился запечатлеть в скульптурной композиции, поэтому его герой не сидит за столом с картой и не подпирает голову рукой в глубоком раздумье, не воспроизводит мысленно предстоящее сражение. Решительный вождь донских казаков рвётся в бой, он полон отваги и лично готов повести за собой своих воинов. В то же время перед нами храбрый генерал Русской Императорской армии, у которого обнажена боевая сабля, и он может с казаками снести с пути любого противника, сокрушить очередного врага России. Исполненный волей к победе, Платов увлечёт за собой казаков и будет разить супостатов наповал, ибо уже призывно взметнулась булава (пернач) в левой руке как символ атаманской власти. Парадный мундир должен подчеркнуть непобедимость донского героя. Все эти задумки оказались воплощены А. А. Ивановым в изготовленном макете памятника, который во всей красе масштабных форм не суждено было увидеть молодому скульптору, неожиданно ушедшему из жизни.

Наказной войсковой атаман Донского казачьего войска генерал-лейтенант М. Г. Хомутов подключил скульптора Н. А. Токарева к реализации проекта в 1849 г. вместо скорпостижно умершего в самом разгаре подготовительных работ в 1848 г. скульптора А. А. Иванова. 29 июля 1850 г. собрался совет (из 9 действительных членов) Императорской Академии художеств, в числе которых присутствовали: архитектор

А. П. Брюллов, скульптор И. П. Витали, скульптор П. К. Клодт, рисовальщик и гравёр Н. И. Уткин, живописец В. К. Шебуев и др. Экспертный совет тщательно осмотрел полномасштабную вылепленную статую атамана М. И. Платова, и академики «нашли оную исполненную хорошо» и разрешили Н. А. Токареву «распорядиться формовкой» [5, с. 479]. В Литейном дворе Академии художеств скульптору П. К. Клодту удалось отлить к 6 ноября 1851 г. цельную бронзовую статую атамана и выйти на завершающий этап работ по сооружению всей скульптурной композиции.

Памятник, несмотря на все исторические перипетии разрушения и восстановления, и сегодня стоит в самом центре города Новочеркасска, на Т-образном перекрестке Платовского проспекта и улицы Московской. Он дивно украшает Дворцовую площадь (площадь Платова, бывшую Александровскую) и небольшой прямоугольный сквер имени М. И. Платова, расположенный перед старинным Атаманским дворцом и сразу за скульптурной композицией донскому герою. Есть нечто романтическое в этой композиции, что очень точно отразил великий русский поэт В. А. Жуковский в своём стихотворении «Повец во стане русских воинов»:

Хвала, наш Вихорь-атаман;
Вождь невредимых, Платов!
Твой очарованный аркан
Гроза для супостатов.
Орлом шумишь по облакам,
По полю волком рыщешь,
Летаешь страхом в тыл врагам,
Бедой им в уши свищешь;
Они лишь к лесу — ожил лес,
Деревья сыплют стрелы;
Они лишь к мосту — мост исчез;
Лишь к сёлам — пышут седы.

Модель памятника имеет трёхчастную форму, помещённую в двухмерное пространство классического написания арабской цифры восемь, когда в нижнее овальное кольцо входит постамент, по своим размерам составляющий две трети общей высоты скульптурной композиции. Однако коническая ступенчатость прямоугольного постамента визуальнo всё-таки не кажется преобладающей, поскольку снизу имеются три небольшие круговые ступеньки, а сверху постамент

венчает карниз, отделяющий пьедестал от самой скульптуры. К тому же тёмно-коричневый ближе к чёрному монохромный цвет постамента делает его с одной стороны приземистым, а с другой — подчёркивает величие фигуры донского атамана. Полированный прямоугольный постамент из сердобольского гранита (добытого в каменоломнях в районе нынешнего города Сортава́ла Республики Карелия; тогда город Сердоболь) изготовил работавший с 1847 г. в Новочеркасске архитектор И. О. Вальпреде, таланту которого принадлежит планировка центра столицы донского казачества и удачная архитектурная привязка бронзового памятника М. И. Платову в Атаманском сквере. Непосредственно работами по установке постамента в обозначенном месте руководил войсковой архитектор Яков Седов, хотя есть версия о его собственной авторской разработке формы пьедестала.

На лицевой плоскости постамента на накладной прямоугольной плите с окантовкой выгравирована крупным шрифтом достаточно красноречивая надпись золотистого цвета «Атаману Графу Платову за военные подвиги с 1770 по 1816 год. Признательные Донцы». Обозначенный текст лично выбрал император Николай I из шести предложенных вариантов и утвердил версию надписи под номером пять [6]. Прежде всего, в надписи следует выделить именование Платова. Матвей Иванович назван атаманом, но эту высшую должность в Войске Донском он юридически занимал с 15 сентября 1801 г. и до самой своей смерти 3 января (15 января) 1818 г. В графское достоинство за боевые заслуги его возвели во время Отечественной войны 29 октября (10 ноября) 1812 г. на фоне отступления остатков армии Наполеона из России. Тем самым в именовании содержится оценка личности в двух высших ипостасях: Платов сохраняется в благодарной памяти потомков как непревзойдённый атаман донских казаков и знатный русский дворянин, носивший почётный графский титул. Сформулированная в надписи коммеморативная оценка опирается на вполне чёткое обоснование величания донского казака. Это широко известные его военные подвиги на благо Отечества. В надписи обозначены хронологические рамки военных подвигов атамана М. И. Платова с 1770 по 1816 гг. Это указывает первой

датой на довольно ранний выход на службу, а в 16 лет он уже получил казачий чин есаула (в нынешних воинских званиях приравнивается к майору), что означало серьёзный успех для представителя незнатного казачьего рода. Вторая дата фиксирует окончание активного периода служения Отечеству, ведь не является секретом болезненное состояние Матвея Ивановича в последние месяцы жизни. И, конечно же, краткая подпись «Признательные Донцы» не только подчёркивает искреннюю благодарность донских казаков за всё, что сделал талантливый вихорь-атаман М. И. Платов для своей малой Родины и для великой России, но и указывает на исторический регион любимого Тихого Дона.

Донской казак, новочеркасец, русский поэт В. И. Диков, воспевавший южно-российскую природу, донское казачество, неповторимый казачий быт, свой любимый город, написал о памятнике следующие строфы:

А вот и Платов — вихорь Дона,
С кривою шашкою в руках —
Гроза полков Наполеона,
Повсюду наводивший страх.

Теперь обратимся непосредственно к самой бронзовой скульптуре атамана (высота статуи составляет 2,85 м), который изображён на удивление наших современников пешим. Многие горожане и гости Новочеркасска даже сегодня задаются вопросом: «А почему так получилось?!», ведь общеизвестным фактом является личностная характеристика М. И. Платова как искусного кавалериста. Увы, по неписанным традициям скульптурных изваяний Российской империи тех времён считалось, что в скульптурной композиции на коне может быть изображён только император в силу его государственного величия или кто-то из античных богов. Хронологически фигура атамана привязана к началу Отечественной войны 1812 г., когда Матвей Иванович обратился к донским казакам с призывом провести всеобщую (поголовную) мобилизацию, сформировать полки донских ополченцев и выдвинуться в сторону Москвы для защиты родного Отечества, поэтому Платов уступом как бы стоит на пригорке (скале), его правая нога выступает вперёд и согнута в колене, ибо твёрдо опирается на почти незримый камень (утёс). Вся стремительная фигура атамана

призывно развёрнута влево, и он обращается ко всем, кто за ним находится. Его героический порыв подчёркивает вынута из ножен и готовая к бою сабля, пока опущенная вниз на уровень колена и крепко сжимаемая в правой руке атамана-воина. На призыв-обращение к донским казакам указывает левая рука, поднятая полностью вверх над головой и держащая в кулаке старинный символ атаманской власти — булаву (пернач). В пространственном отношении булава скошенно, под небольшим углом направлена на запад, в сторону Триумфальной арки, сооружённой в Новочеркасске на Санкт-Петербургском проспекте (ныне спуске Герцена) в честь победы в Отечественной войне 1812 г. Именно на запад вихорь-атаман водил казачьи полки, чтобы разбить полчища Наполеона. Парадный генеральский мундир символизирует военно-служебный статус и победную реляцию одновременно: Платов призвал казаков на войну, добился победы, стал графом Российской империи и прославил любимый Дон. Величие фигуре придают кивер с высоким вертикальным [белым] султаном, длинным, свисающим сзади справа [красным] шлыком и накинутая на плечи атамана-воина, по большей мере накрывающая спину (чтобы были видны генеральские эполеты), мохнатая бурка, немного развеваемая степным ветром, придающая динамику движения фигуре военачальника. Широкие брюки (не шаровары) надеты на выпуск, вероятно, с красными лампасами, но они не очевидны. На шее можно разглядеть ордена Святого Георгия 2-й и 3-й степени и на груди, вероятно, звезду к ордену Святого Георгия 2-й степени, или, скорее всего, восьмиконечную звезду одного из других заслуженных атаманом орденов за военные подвиги. Через правое плечо надета лента, очевидно, ордена Святого апостола Андрея Первозванного или же лента ордена Святого Александра Невского (что наиболее вероятно, если судить по другим изображениям), или лента ордена Святого Владимира 1-й степени (здесь из-за отсутствия цвета и полос на ленте угадать крайне сложно). Как мы полагаем, это всё же лента ордена Святого апостола Андрея Первозванного, которым М.И. Платова наградили 8 октября 1813 г. В статуе различимы: худощавое лицо человека средних лет, плотно сжатые небольшие губы, корот-

ко стриженные негустые усы, небольшой нос греческого профиля, направленный взгляд глаз на булаву (пернач), прочерченные дуги больших бровей, прижатые скулы с незначительными морщинами, струящиеся из-под высокого кивера приглаженные кудрявые волосы. Всё лицо однозначно выражает твёрдую уверенность и открытость наделённого властью человека. Скульптурная композиция храброго предводителя донских казаков, если внимательно присмотреться, как бы вписывается своей ростовой фигурой в пространственное овальное кольцо верхней части арабской цифры восемь. Боевое положение фигуры атамана М.И. Платова демонстрирует его победоносное командование войсками.

Прямоугольное пространство вокруг памятника на Александровской площади (ныне Платовская площадь) очерчивали десять трофейных пушек образца Отечественной войны 1812 г. на колёсных лафетах, отбитые отважными донскими казаками в боях с французами, что как раз подчёркивало хронологическую предопределённость всей композиции и указывало на момент наивысшей воинской славы атамана М.И. Платова. По мнению старейшего научного сотрудника Новочеркасского музея истории Донского казачества И.П. Потапова [6], восемь из десяти трофейных французских пушек в 1813 г. доставили в Новочеркасск казаки-ополченцы Донского казачьего П.Ф. Грекова (22-го) полка. Однако краевед Е.И. Кирсанов писал о происхождении пушек совершенно иное: «В 1850 году из станицы Усть-Быстрианской взято в город Новочеркасск несколько пушек, которые, вероятно, служили старому городку защитой от неприятельских набегов» [5, с. 479], хотя Евгений Иванович сам сомневался в этом предположении. Как бы там ни было, символическое значение пушек заключается в воспевании победоносности донского атамана и его храбрых казаков, да и весьма характерно для многих воинских мемориалов.

В 1878 г. вокруг памятника и пушек установили превосходно гармонизировавшую с монументом ажурную металлическую ограду, напоминавшую одноуровневый фронтальный лес казачьих пик на манер античных фаланг. Несущие столбы металлической ограды украшали специальные навершия в виде лабрисов (древнегреческих двусторонних боевых топо-

ров), имевших исключительное сакральное значение, весьма далекое от сомнительных современных трактовок феминисток-неоязычниц и разного рода ЛГБТ-организаций. Густая чугунная ограда являлась, вероятно, первым произведением только что открытых чугунолитейных мастерских Ф.Х. Фаслера. Изящное дополнение к памятнику купил и подарил городу старейший представитель Общества донских торговых казаков Д.П. Епифанов. Его родовой хутор и поныне находится за пределами городской застройки Новочеркасска, но уже в городской черте (98 дворов и около 300 жителей; район небольшого озера (пруда) Гарган, улиц Балочной и Локомотивной), рядом с современным хутором Малый Мишкин Аксайского района Ростовской области. Что же касается самого подарка, то есть две исторические версии. По одной из них, городские власти сами приобрели и установили ограду. По другой, Д.П. Епифанов отлил металлическую ограду в своих мастерских [6] и продал её городу. В обоих случаях, как указывает Е.И. Кирсанов [5], фигурирует одна и та же сумма в размере 7196 руб. 11 коп. Увы, ни ажурная ограда, ни пушки не сохранились, и точной версии их исчезновения мы так и не обнаружили. Насколько необходимо сегодня восстанавливать ограду и пушки в количестве десяти штук, сказать трудно, хотя можно допустить вариант установки двух пушек, но здесь надо вначале создать трёхмерную компьютерную модель.

Неотъемлемой частью архитектурно-планировочного ландшафта для памятника атаману М.И. Платову стал окруживший по бокам и на втором плане городской сквер с совершенно круглым литым чугунным фонтаном. В центре фонтана закрепили тогда прекрасную фигурку фантастической птицы, из благородного клюва которой струилась чистая вода. В сквере проложили в разных направлениях пешеходные дорожки, посадили деревья и оградил всю территорию железным забором. Название этого городского сквера исторически неоднократно менялось (Атаманский, Платовский, Дворцовый), но с самого момента своего появления он был и остаётся одним из любимых мест отдыха и неспешных размышлений горожан.

Торжественное открытие памятника атаману М.И. Платову состоялось 9 мая 1853 г.,

и оно по-своему интересно множеством исторических деталей (заслуживающих отдельного описания и толкования), из которых мы бы выделили речь наказного войскового атамана Донского казачьего войска, генерала от кавалерии М.Г. Хомутова. Храбрый воин, талантливый военный организатор и толковый атаман-хозяйственник, инициатор сооружения памятного монумента тогда убедительно сказал: «Друзья, донцы! Ныне мы воздаём достойному — достойное. Он водил нас от победы к победам; он возвысил вашу воинскую славу. Благоговеем же к памяти его. Пройдут времена, нас не станет; но этот безмолвный металл, этот памятник вашей чести и славы и Царских к вам милостей, передаст отдалённому потомству ваши боевые доблести, вашу верность к Престолу и Отечеству. Друзья, близкие моему сердцу, держитесь дружнее, рука за руку, молитесь, служите! За Богом молитва, и за Царём служба не пропадёт. Ура!» [5, с. 481]. До десяти тысяч присутствовавших на площади при открытии памятника ответили в едином порыве мощным «Ура!». И в памяти современников открытия памятника отложились приятные воспоминания.

Послесловие. В фондах Новочеркасского музея истории Донского казачества хранится картина шведского художника и фотографа К.П. Мазера «Открытие памятника атаману Матвею Платову в Новочеркасске в 1853 году». Она живописными средствами повествует о необычном для казаков торжестве в их столице, состоявшемся по случаю открытия монумента любимому атаману, графу М.И. Платову на центральной площади Новочеркасска, с расположением войск, войсковых старшин, почётных гостей, городских обывателей и т.д. Но главное — картина сберегла для далёких потомков подлинный архитектурный вид главной площади города середины XIX в. и с высоты низкого птичьего полёта демонстрирует её удивительную монументальную пластику и широкую перспективу городского пространства Новочеркасска.

Отдельную историческую страницу составляют свидетельства об утрате первоначального скульптурного изваяния атаману М.И. Платову и его восстановлении, но это

больше не о самом памятнике, а, скорее всего, о человеческом беспамятстве, историческом предательстве, ошибках, социальных катаклизмах, поэтому мы опустим описание данного исторического сюжета. Главное — монумент воссоздан, сохранён его изначальный облик, он стоит на том же самом месте, на том же самом пьедестале, и по-прежнему к нему часто идут горожане и гости столицы донского казачества. Конечно же, вокруг него не хватает ажурной металлической ограды с особенностями пластика её неповторимого литья. Увы, по углам скульптурного пространства так и не установлены знаменитые пушки образца Отечественной войны 1812 г. на колёсных лафетах, не восстановлен в первоначальном виде прекрасный фонтан в центре Атаманского сквера, хотя здесь бы не помешал мультимедийный фонтан с искусственным интеллектом, как в старинном дагестанском Дербенте, ведь сегодня Новочеркасск славен своими уникальными инженерами-политехниками, готовыми подковать не только блоху, о чём повествует рассказ Н.С. Лескова «Левшá», где одним из главных героев является именно Платов. Тем не менее памятник атаману М.И. Платову уже 30 лет является достоянием современной эпохи, сбережением исторической памяти о славном сыне Дона.

Заключение. Сложившиеся коммеморативные практики в отношении личности донского атамана М.И. Платова, выразившиеся в исторически первом памятнике основателю Новочеркасска, отчётливо показывают историческое взаимодействие славного прошлого, приветливого настоящего и стартующего будущего. Они сохраняют нашу коллективную память об истории донского казачества для нынешних и будущих поколений, память об истинных национальных героях, внёсших достойный вклад в сбережение нашего Отечества от враждебных посягательств.

В первом памятнике донскому атаману мы фиксируем три артефакта: постамент, городской сквер и пластику архитектурного пространства. Да, внешняя отделка постамента ныне несколько изменилась, но его размерность, каменное основание, общий внешний вид, месторасположение на центральной городской площади остались прежними.

Городской сквер сохранил свои исходные размеры, архитектурно-планировочное предназначение и зелёный природный фон для памятника донскому герою. Общая пластика архитектурного пространства осталась: та же площадь, та же улица Московская, тот же Платовский проспект. Можно говорить о каких-то новых появившихся современных деталях, но первоначальная задумка талантливого архитектора И.О. Вальпреде сохранена.

Исконная идея инициатора сооружения памятника донскому герою наказного войскового атамана Донского казачьего войска, генерала от кавалерии М.Г. Хомутова «достойному — достойное» в общей композиции памятника М.И. Платову и сегодня никуда не делась. Открывающийся прекрасный вид на памятник с многих точек городского пространства, сам восстановленный монумент практически в первозданном виде, вдохновляющая своей призывной позой к защите Отечества скульптурная фигура Матвея Ивановича по-прежнему радуют горожан и гостей столицы донского казачества. Текст надписи на постаменте совершенно тот же, в том же начертании, в той же самой размерности со своими глубокими смыслами, причём каждое поколение будет находить присущие ему нюансы истолкования и соответствия новой исторической эпохе. Сегодня эстафету героической памяти по отстаиванию Отечества в числе других акторов принял 6-й отдельный гвардейский мотострелковый казачий полк имени Матвея Платова народной милиции Луганской Народной Республики.

Основные результаты. Хронологически первый памятник донскому атаману М.И. Платову с одной стороны увековечивает нашу историческую память об Отечественной войне 1812 г. и славном участии в ней донских казаков, а с другой — этот памятник является свидетелем многих исторических событий, ведь все наиболее значимые городские мероприятия традиционно проходят на прилегающей площади Платова. Донскому герою нынешние молодожёны традиционно возлагают цветы, и это не только красивое ритуальное деяние счастливых молодых людей. Здесь, в самом сердце Новочеркасска находится место исторической силы нашего народа, точка отсчёта его культурных эс-

тафет, центр притяжения для казачьей воли и исходный пункт для стремительного движения вперёд к новым свершениям. Продолжающееся возрождение донского казачества «объективно совпадает с идеей социокультурного возрождения исторического центра Области Войска Донского — города Новочеркасска, и отвечает потребностям развития современного российского общества» [11, с. 155]. Культурным знаком возрождения стал восстановленный монумент.

Таким образом, первый памятник донскому атаману, графу М.И. Платову является символом и артефактом мемориальной деятельности Новочеркасска, да и всего исторического региона Дона, его цивилизационной характеристикой, поскольку историко-архитектурный мемориал с центральной скульптурной композицией исторической личности всероссийского (и отчасти всемирного) масштаба в центре Новочеркасска содержит в себе громадное множество культурных текстов, исторических контекстов, интерпретационных подтекстов и гражданско-патриотических интертекстов, в совокупности своей составляющих многоуровневые феномены коммуникативного смыслопорождения, исходящих от сложившихся ранее и развивающихся сегодня коммеморативных практик о первом памятнике донскому атаману, графу М.И. Платову.

Список источников

1. Астапенко М.П. Атаман Платов. Ростов н/Д: Gefest, 2003. 317 с.
2. Безотосный В.М. Донской генералитет и атаман Платов в 1812 году. М.: РОССПЭН, 1999. 192 с.
3. Венков А.В. Атаман Войска Донского Платов. М.: Вече, 2008. 480 с.
4. Донцы XIX века. Ростов н/Д: NB, 2003. 600 с.
5. Кирсанов Е.И. Слава и трагедия Новочеркасска. Т. 1. Каменоломни: Сервис-связь, 2005. 736 с.
6. Потапов И.П. Новочеркасск — город Платова. Новочеркасск: Альтаир, 2014. 192 с.
7. Рычков С.Ю. Тема казачества в традиции наименований кораблей // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского поли-

технического института). Серия: социально-экономические науки. 2019. №5. С. 96–102.

8. Савельев Е.П. Атаман М.И. Платов и основание г. Новочеркасска (в 1805 г.). Новочеркасск: Б. и., 1906. 88 с.

9. Скорик А.П. Английский след в жизненной траектории вихорь-атамана М.И. Платова // Британцы и народы Юга России: проблемы взаимовлияния. Сборник научных статей Всероссийской научной конференции с международным участием. Краснодар: Экоинвест, 2015. С. 121–133.

10. Скорик А.П. Атаман М.И. Платов в мистерии симулякров // Политическая мифология и историческая наука на Северном Кавказе // Южнороссийское обозрение Центра системных региональных исследований и прогнозирования ИППК РГУ и ИСПИ РАН. Вып. 24. Ростов н/Д: Изд-во СКНЦ ВШ, 2004. С. 95–106.

11. Скорик А.П., Лукичев П.Н. Станица или столица: культурологический аспект возрождения казачества // Полис. 1992. №3. С. 153–155.

12. Смирный Н.Ф. Жизнь и подвиги графа Матвея Ивановича Платова. В 3-х ч. Ростов н/Д: NB, 2003.

References

1. Astapenko M.P. Ataman Platov. Rostov-on-Don: Gefest, 2003. 317 p. (In Russ.).
2. Bezotosnyj V.M. Donskoj generalitet i ataman Platov v 1812 godu [Don generals and ataman Platov in 1812]. Moscow: ROSSPJeN, 1999. 192 p. (In Russ.).
3. Venkov A.V. Ataman Vojska Donskogo Platov [Ataman of the Don Army Platov]. Moscow: Vechе, 2008. 480 p. (In Russ.).
4. Doncy XIX veka [Donets of the XIX century]. Rostov-on-Don: NB, 2003. 600 p. (In Russ.).
5. Kirsanov E.I. Slava i tragedija Novochoerkasska [Glory and tragedy of Novochoerkassk]. Vol. 1. Kamenolomni: Servis-svjaz', 2005. 736 p. (In Russ.).
6. Potapov I.P. Novochoerkassk — gorod Platova [Novochoerkassk — the city of Platov]. Novochoerkassk: Al'tair, 2014. 192 p. (In Russ.).
7. Rychkov S. Ju. Tema kazachestva v tradicii naimenovanij korablej [The theme of the Cossacks in the tradition of ship names]. Vest-

nik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo teh-nicheskogo universiteta (Novocherkasskogo po-liticheskogo instituta). Serija: social'no-je-konomicheskie nauki [Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute). Series: Social and economic sciences]. 2019; (5): 96–102. (In Russ.).

8. Savel'ev E. P. Ataman M. I. Platov i osno-vanie g. Novocherkasska (v 1805 g.) [Ataman M. I. Platov and the foundation of Novocher-kassk (in 1805)]. Novocherkassk: B. i., 1906. 88 p. (In Russ.).

9. Skorik A. P. Anglijskij sled v zhiznen-noj traektorii vihor'-atamana M. I. Platova [The English trace in the life trajectory of the whirl-wind-ataman M. I. Platov]. Britancy i narody Juga Rossii: problemy vzaimovlijanija. Sbornik nauchnyh statej Vserossijskoj nauchnoj konferencii s mezhdunarodnym uchastiem [Britons and peoples of the South of Russia: problems of mutual influence. Collection of scientific articles of the All-Russian Scientific Conference with international participation]. Krasnodar: Jekoin-vest, 2015. Pp. 121–133. (In Russ.).

10. Skorik A. P. Ataman M. I. Platov v mis-terii simuljakrov [Platov in the mystery of simu-lacra]. Politicheskaja mifologija i istoricheskaja nauka na Severnom Kavkaze [Political mytholo-gy and historical science in the North Caucasus]. Juzhnorossijskoe obozrenie Centra sistemnyh regional'nyh issledo-vanij i prognozirovanija IPPK RGU i ISPI RAN [South Russian Review of the Center for Systemic Regional Research and Forecasting of the IPPC of the Russian State University and ISPI RAS]. Issue 24. Rostov-on-Don: Izd-vo SKNC VSh, 2004. Pp. 95–106. (In Russ.).

11. Skorik A. P., Lukichev P. N. Stanica ili stolica: kul'turolo-gicheskij aspekt vozrozhden-ija kazachestva [Stanitsa or stolitsa: the cultural aspect of the revival of the Cossacks]. Polis. 1992; (3): 153–155. (In Russ.).

12. Smirnyj N. F. Zhizn' i podvigi grafa Matveja Ivanovicha Pla-tova. V 3-h ch. [The life and exploits of Count Matvey Ivanovich Platov. In 3 parts]. Rostov-on-Don: NB, 2003. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; при-нята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Скорик Александр Павлович — доктор философских наук, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Aleksandr P. Skorik — Doctor of Philosophical Sciences, Doctor of Historical Sciences, Professor, Honored Worker of Higher School of the Russian Federation, Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 1(09)

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-17-24

ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ А. Ф. ЛОСЕВА
(к 130-летию выдающегося мыслителя)

Павел Николаевич Лукичев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

lukichev@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7018-8238,

AuthorID РИНЦ: 371031, SPIN-код: 5266-4541

Аннотация. *Целью статьи* является представление в обобщенном, но целостном виде философских воззрений А. Ф. Лосева.

Методология. В качестве методологии исследования использованы подходы, характерные для бихевиоризма и советской школы социальной психологии, в частности положения об установках и ценностных ориентациях, определяющих жизненные позиции и понимание реальности.

Результатами исследования являются выводы о том, что: в научной литературе практически полностью отсутствуют работы, посвященные анализу философских взглядов А. Ф. Лосева; сложившиеся в молодые годы под влиянием знакомства с идеями Шопенгауэра, Гегеля, Гуссерля взгляды А. Ф. Лосева с годами прошли значительные метаморфозы, но они сохранили основные элементы первоначальных впечатлений, что обеспечило становление специфической философской системы; по понятным социальным причинам она не могла быть последовательно изложена в одной какой-либо монографии, но раскрывается им в комментариях к концепциям античных авторов, изучению и рассмотрению которых А. Ф. Лосев отдал большую часть своей научной жизни.

Перспективы исследования. В нижеприведенной статье предпринята попытка представить философскую систему А. Ф. Лосева, быть может, в несколько концентрированном и кратком виде, поэтому перспективой дальнейших исследований выступает необходимость более полного раскрытия сюжетов философских размышлений А. Ф. Лосева, содержащихся в его комментариях к сочинениям античных авторов, в его монографиях и статьях, посвященных истории философии и собственным философским работам.

Ключевые слова: философская система, материализм, идеализм, философия музыки, символ, мифология, мифологическое мышление, мифологическое сознание, манипуляция сознанием, мифологический конструкт объективной реальности

Для цитирования: Лукичев П. Н. Философская концепция А. Ф. Лосева (к 130-летию выдающегося мыслителя) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 17–24. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-17-24>.

Original article

**A. F. LOSEV'S PHILOSOPHICAL CONCEPT
(on the 130th Anniversary of the Outstanding Thinker)**

Pavel N. Lukichev

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
lukichev@inbox.ru, ORCID: 0000-0001-7018-8238,
AuthorID RSCI: 371031, SPIN-code: 5266-4541*

Abstract. *The purpose of the article is to present A. F. Losev's philosophical views in a generalized, but integral form.*

The research methodology uses approaches typical of the behaviorism and Soviet school of social psychology, in particular the provisions on attitudes and value orientations that determine life positions and understanding of reality.

The results of the study are the conclusions that: in the scientific literature there are almost completely no works devoted to the analysis of A. F. Losev's philosophical views; the views of A. F. Losev formed in his younger years under the influence of acquaintance with the ideas of Schopenhauer, Hegel, Husserl have undergone significant metamorphoses over the years, but they have retained the main elements of the initial impressions, which ensured the formation of a specific philosophical system; for obvious social reasons, it could not be consistently stated in one monograph, but it is revealed by him in the comments on the concepts of ancient authors, the study and consideration of which A. F. Losev devoted most of his scientific life.

The prospects of the research. In the article below, an attempt is made to present this philosophical system of A. F. Losev, perhaps in a somewhat concentrated and concise form, therefore, the prospect of further research is the need for a more complete disclosure of the plots of A. F. Losev's philosophical reflections contained in his comments on the writings of ancient authors, in his monographs and articles on the history of philosophy and his own philosophical works.

Keywords: *philosophical system, materialism, idealism, philosophy of music, symbol, mythology, mythological thinking, mythological consciousness, manipulation of consciousness, mythological construct of objective reality*

For citation: *Lukichev P. N. A. F. Losev's Philosophical Concept (on the 130th anniversary of the outstanding thinker) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 17–24. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-17-24>.*

Введение. Когда в научной среде упоминается имя Алексея Федоровича Лосева, то прежде всего на ум приходит восьмитомная «История античной эстетики». Это в определенной мере справедливо, поскольку из сорока изданных им монографий этот восьмитомник является наиболее фундаментальной работой. Впрочем, ее фундаментальность отнюдь не связана с последовательным изложением эстетических взглядов античных авторов. Скорее, наоборот — их рассмотрение является поводом, приемом раскрытия

собственных философских идей, причем А. Ф. Лосев досконально и скрупулезно приводит все источники, сохранившиеся до современности и связанные с творчеством мыслителей древней Греции и Рима, сквозь их воззрения проявляется личность и убеждения самого создателя данного труда.

Конечно, передать философские воззрения А. Ф. Лосева означало бы полное повторение всех его сочинений. Так что самое надежное — просто прочесть их и сложить таким образом собственное мнение. Воспро-

изведение же их в кратком виде возможно только как интерпретация, что неизбежно приводит к передаче не их самих, а их понимания автором подобной аннотации. Тем не менее возьмем на себя эту задачу. И прежде всего скажем несколько слов о проблеме того, почему главный труд своей жизни А. Ф. Лосев посвящает теме эстетики в ее античном представлении.

Обсуждение. Принято считать, что философская мысль античности была сосредоточена на поиске рецепта правильной и счастливой жизни человека в природном и социальном окружении. Иначе говоря, была нацелена на решение этических проблем. Однако правильное и счастливое бытие индивида невозможно без понимания окружающей природы и, само собой разумеется, общества. Соответственно, мудрец был обязан представить свое учение о мире, чтобы объяснить место человека в мире и определить правила, следование которым сделало бы его жизнь счастливой. Подобная возможность открывается только в том случае, если будет соблюдена мера во всем, и вот тут-то А. Ф. Лосев и входит в конфликт с устоявшимися представлениями об этической нацеленности античной философии, поскольку мера всего — это красота. Все прекрасное соразмерно, а следовательно, философская мысль нацелена на понимание прекрасного и сама эстетически насыщена. Все прекрасное — разумно в смысле соразмерности и рациональности своего существования, «все разумное — действительно». Последнее — это гегелевская фраза («все действительно — разумно, все разумное — действительно»), а отрицать сильное влияние философии Георга Вильгельма Фридриха Гегеля на диалектическую методологию А. Ф. Лосева совершенно невозможно. Тем самым оказывается, что название для своего фундаментального труда им было выбрано не случайно, хотя, по сути, речь в нем идет не столько об эстетике, сколько о философии античного времени вообще. И все же назвать его, скажем, «Историей античной философии», может быть, и было бы правильным, исходя из содержания, но не соответствовало бы замыслу автора. И вот почему...

«А что, товарищ Берия, — спросил как-то И. В. Сталин, — остались ли в Советском Союзе философы-идеалисты?». Лаврентий

Павлович ответил: «Да есть тут один, некто Лосев». «Ну если один — то не страшно. Пусть живет». Этот анекдот, даже если он был выдуман, возможно, самим Алексеем Федоровичем, вполне объясняет его обращение к философии античности, поскольку ее представление в историческом развитии давало простор для рассмотрения и применения диалектического метода исследования и философского осмысления мира, но не с позиций марксистско-ленинского диалектического материализма, а с позиций диалектики Гегеля, феноменологии Гуссерля, эстетического мистицизма Шопенгауэра. И хотя в каждом томе «Истории античной эстетики» в предисловии А. Ф. Лосев постоянно подчеркивает, что в исследовании используется методология диалектического материализма, но, поскольку античные авторы о ней не имели никакого понятия, то их по большей части философский идеализм и логика (и формальная [10], и диалектическая [9]) позволяли использовать собственный методологический конструкт для анализа даже не столько философии, сколько культуры античности. Это в свою очередь заставляло поставить вопрос о значении культуры в целом в эволюции социальной системы, причем для самих античных авторов, по крайней мере, до Цицерона, даже самого термина «культура» не существовало, но именно культура и находится в центре внимания А. Ф. Лосева и отнюдь не только в «Истории античной эстетики» [4; 5; 8; 11]. Об этом аспекте, однако, следует говорить после рассмотрения проблемы идеализма и материализма.

Конечно, сами античные авторы над этой проблемой даже не задумывались, и этот аспект опять же позволяет А. Ф. Лосеву подойти к нему иначе, чем принято было в рамках марксистской идеологии. Излагая последовательно хронологически античную философскую мысль, он, что принципиально важно, не проводит подобного различия. Действительно, материализм и идеализм есть не более чем удобное операциональное деление, когда мы пытаемся провести классификацию различий во взглядах на мир, а при таком подходе история человеческой мысли предстает как процесс познания в целом. В этом отношении такая классификация теряет логическое основание, потому что свое

значение она имеет лишь при попытке разнести процесс познания по искусственно созданным таксонам, слабо соотносимым с реальными результатами гносеологической активности. Так, образ платоновской пещеры [15], который традиционно в марксистской литературе трактовался как доказательство идеализма Платона, по сути, представляет понимание того, что «в действительности все не так, как на самом деле» (Антуан де Сент-Экзюпери). Нашим органам чувств доступно равно столько, сколько необходимо для ориентации в окружающем пространстве для выживания в нем и продолжения рода. Все, что выше, больше, глубже этого, является умопостигаемым. Даже приборы, которые мы используем для проникновения вглубь материи, предназначены для перевода не видимого, не воспринимаемого нами на уровень, доступный нашим ощущениям. Это не идеализм и не материализм, это нечто большее, чем примитивное операциональное деление философии на два идеологических лагеря. Это — объективный подход к пониманию реальности. Однако же то, что умопостигаемо, тоже должно быть понято, а понято оно может быть лишь постольку, поскольку уже было понято прежде.

Вся совокупность тех вопросов, которые нас мучают сегодня, совсем не нова. Изменились декорации, обусловленные эволюцией материальной стороны культуры общества, но биологически человек остался тем же, и проблемы, стоящие перед ним, остались теми же, как и способы их решения, что опять-таки делает актуальными мысли античных философов, которые за давностью лет не потеряли своего значения, причем именно в тех аспектах, которые связаны с отношениями между людьми и человеческого общества с миром природы.

Тут вновь мы видим конфликт А. Ф. Лосева с примитивным пониманием марксизма, восторжествовавшим в советском обществе, а, может быть, и не только в советском. По большей части идею К. Маркса о росте производительных сил, которые взламывают производственные отношения, представляют как изменение средств производства. Между тем главной производительной силой является человек с его знаниями, умениями, навыками, а кроме того — речью, изобразитель-

ным искусством, музыкой, художественной литературой и пр., т.е. всем тем, что делает человека человеком. И если происходит развитие производительных сил, то это означает социальную эволюцию человеческой личности, а вместе с тем — социальных отношений. Коль скоро происходит эволюция знаний, то это — открытие новых идей, изобретений, духовные достижения. Следовательно, именно новые идеи и вызывают совершенствование средств производства, и есть то, что называется развитием производительных сил. Эйдосы правят миром социальных отношений, однако только в том случае, если получают материальное воплощение [5], в том числе, даже прежде всего, в материю человеческого мозга в виде новых нейронных связей. Это заставляет поставить вопрос о том, что есть идея (эйдос), ее символическое воплощение в материю вещи и сама вещь [12].

Думается, что концептуальные представления А. Ф. Лосева об «идее» сложились у него задолго до рассмотрения взглядов античных философов в «Истории античной эстетики», поэтому следует обратиться к его ранним работам, написанным в 20–30-е годы еще до ареста и лагерей. Собственная концепция «эйдоса» наиболее полно изложена им в «Музыке как предмете логики» [14].

Физическая природа звуков, их консонантное или диссонантное соединение, последовательное движение не есть музыка сама по себе. Это только звуковые волны различной частоты и амплитуды, производимые музыкальными инструментами. Инструменты — не источник музыки, но только средство ее озвучивания. Резонанс и тембр инструмента не производит музыки, ибо музыка есть нечто иное, чем тембр и наложение обертонов.

Не является музыкой и ее нотная запись. Это всего лишь последовательность символов, понятная для тех, кто знает нотную грамоту. Такая запись подобна тексту какого-либо литературного произведения, в котором последовательность букв складывается в слова, но эти слова в действительности не звучат. Они как будто звучат внутри читающего. Но и это не так, потому что внутри происходят физиологические и психические процессы. Вот и звуковые волны музыкального произведения, создаваемые исполнителем с использованием инструмента, даже если таким

инструментом является его собственный голосовой аппарат, объективно не являются музыкой. И их восприятие — не музыка, потому что колебания звуковых волн раздражают рецепторы слуха, что создает нервные импульсы в мозге человека, воспринимающего звуки. И дальше происходят только нейронные процессы, причем существует определенное различие физики звука и физиологии восприятия, поскольку физика музыкального звука подчиняется простому арифметическому параметру, открытому еще Пифагором и соответствующему обертоновому ряду. Восприятие же звука осуществляется рецепторами ушной улитки, закрученной по спирали Эйлера в соответствии с экспоненциальным законом. Эти рецепторы не воспринимают абсолютно все частоты колебаний воздушной среды, но отождествляют их небольшие различия в возрастающем с высотой звука диапазоне, отождествляют с конкретным звуком определенной частоты, так что незначительные отличия остаются незамеченными.

И вообще музыка подобна самой жизни. Отзвучавшее уже не существует, не звучавшего еще нет. Есть только здесь и сейчас, но то, что существует здесь и сейчас, есть или одиночный звук или аккорд звуков, которые, взятые сами по себе, музыкой не являются, но то, что является музыкой, должно звучать и дискретно, и непрерывно. Ее дискретность задана материальной природой — физической и физиологической, а, следовательно, непрерывность заключена в том, что не есть материя, это — чистая идея. Однако идея не может существовать вне своего материального носителя, не будучи ни материей, ни энергией, ни информацией. В то же время идея не есть форма, поскольку форма — соната, симфония, романс или что бы то ни было иное — задана извне, господствующими вкусами общества, по сути, общественной практикой. Форма не существует без своего структурированного содержания. Напротив, эйдос музыкального произведения есть целостность музыкальных образов, рожденных эмоциональными переживаниями его автора. Именно эйдос музыкального произведения делает поток звуков музыкой, и наоборот — эйдос музыки делает поток звуков музыкальным произведением, получающим материальное воплощение и соответствующую

форму. В то же время идея музыки и в слушателе призвана вызвать чувства, подобные пережитым автором, подобные, но не тождественные, а это делает слушателя соавтором данного музыкального произведения. Тем самым А.Ф. Лосев предвосхищает взгляды постструктурализма о соавторстве человека, воспринимающего авторский текст [16].

Сказанное в полной мере относится и к философии математики [7]. Использование чисел в расчетах не есть нечто реальное, это абстракция, отчужденная от реальности, совмещенная с ней, но отличная от нее. Математик имеет дело с цифрами, которые в какой-то мере представляют собой символы реальности материального мира. В постструктурализме это схватывается понятием симулякры [2]. Цифры и чертежи, зафиксированные на каком-либо материальном носителе — на ватмане современного инженера, на песке, как это делал Архимед — это символы абстрактных идей, которые в реальности воплощаются во множество индивидуальных вещей. Однако же то сочетание цифр, которое написано рукой математика, и те чертежи, которые воплощены на каком-либо материале инженером, представляют собой результат ментальных процессов, происходивших в головах их креаторов. Эти ментальные процессы в виде соединения нейронов и пробегающих по ним нервных импульсов совсем не являются образами, видимыми их внутренним взором, не являются умопостигаемыми мыслеобразами, и уж тем более не являются идеями предощущаемой истины. Эйдосы остаются все также далекими от возможности анализа их в качестве каких-либо материальных процессов. Такой анализ способен объяснить, как и каким образом возникают материальные основания эйдосов, но то, что эйдосами направляется и что порождает материальные основания умозрительных образов, подобный анализ объяснить не в состоянии.

Иначе говоря, выходит так, что конкретные объекты получают наименования, но имена этих конкретных объектов относятся, по сути, не к ним, а к их обобщенным образам. Имя вещи не есть имя вещи, но есть имя идеи этой вещи. Ель, береза, осина — это не названия конкретных ели, березы и осины, это — наименования рода данных

вещей, т.е. ноумены абстракций. Ноумены являются символами вещей, которые в мышлении замещают сами вещи, и именно поэтому они обозначают не сами вещи, а их идеи. Когда я говорю «клен» (это уже мой личный опыт — ЛПН), конечно, я представляю себе конкретный клен, который видел под окном в своем детстве. Но как бы понятие «клен» ни ассоциировалось с этим конкретным объектом, оно остается абстракцией клена, наименование которого относится к идее (эйдосу) этого рода растений. Так же и понятие «дерево» вообще представляет собой еще более общую абстракцию и относится к идее этой абстракции вообще. Равно и ноумен «растение» является наименованием того общего, что объединяет все растения в реальности их материального существования. Однако в человеческом мышлении оно остается ноуменом идеи этой общности.

Понимание слова, обозначающего вещь, явление, свойство, как имени идеи этих вещей, явлений и свойств [13] позволяет рассмотреть античную мифологию не с позиций вульгарного атеизма или не менее вульгарного монотеизма, а в качестве начальной стадии развития философской мысли античности [3]. В «Теогонии» Гесиод создает систему древнегреческой мифологии, объединяя в единое целое мифы, бытовавшие на племенных территориях, но в том-то и дело, что имена древнегреческих богов — это ноумены явлений, которые имеют различные интерпретации, обозначая зачастую одно и то же. Однако их систематизация требует осмысления того, как одно явление порождает другое и тем самым последовательное изложение мифологии превращается в философскую мысль о диалектике мирового развития. Историческое развитие античной мифологии превращается в историческое развитие самой античности. Подобную же систематизацию, но уже в хронологической последовательности сюжетов проводит в своей «Мифологической библиотеке» Аполлодор (Псевдо-Аполлодор) [1]. Однако, пожалуй, собственно философское осмысление сущности мифологии и мифологических конструкций мира мы находим у Саллюстия, взглядам которого А.Ф. Лосев посвящает большую главу в «Истории античной эстетики» [6]. Комментарии к сохранившимся текстам Саллюстия, как и в других случаях, дают

ему возможность представить собственную точку зрения, но теперь — на мифологию, мифологическое мышление, мифологическую природу человеческого сознания.

Анализ учения Саллюстия, а заодно и Ямвлиха, на которого Саллюстий постоянно ссылается как на своего наиболее авторитетного предшественника в плане символического понимания явного и неявного в реальности показывает миф как способ осмысления человеком окружающего мира. Миф — не сказка, не фантастический вымысел о никогда не существовавшем, сюжет мифа — это символическое осмысление реальности в «специфически данном образе всеединства» [6, с. 335]. В этом смысле миф является способом понимания всего космоса в целом и целостности мира в его всеединстве, поэтому-то дело не в том, что существует некое отличное от логического, рационального мифологическое мышление, а в том, что мышление, каким бы рациональным оно ни было, всегда было, есть и будет мифологическим мышлением. Какими бы символами мы ни выражали свои мысли, мы продолжаем мыслить образами и символами образов выражать свои мысли. Языки меняются, мифы меняются, а мышление остается мифологическим. Даже строго логические размышления, т.е. размышления словами, сохраняют характер мышления символами, ибо слова — это символы, будь то письмена или звуковая сигнальная система. Любая научная концепция, тем более политическая идеология, представляет собой результат мифотворчества, а само мифотворчество и есть способ познания мира и изложения результатов познавательного процесса. Таким образом, получается, что миф, понимаемый в таком широком смысле, является формой сознания, и наше человеческое сознание, именно потому и есть сознание, что способно умозрительно проникать в конструкцию мира. Насколько эта умозрительная конструкция адекватна реальности — это уже другой вопрос.

Заключение. Поразительные — иногда причудливые, но все равно поразительные — прозрения античных авторов, осуществленные без опоры на эксперимент, только посредством логических размышлений, достигают уровня практически классического этапа

развития научных знаний в Новое время, а иной раз и уровня современных научных представлений о физическом и социальном мироустройстве.

Это делает понятным феномен Юлиана Отступника. Флавий Клавдий Юлиан, сын Юлия Констанция, племянник императора Константина был воспитан в христианском духе и был знаком со многими прославленными проповедниками христианства. Однако, почитав трактаты неоплатоников, пообщавшись с некоторыми из них и послушав Саллюстия, который стал его близким другом и даже был им назначен префектом претория, а это одна из высших должностей в поздней Римской империи, Юлиан с энтузиазмом обратился к язычеству. Следствием увлеченности философскими идеями неоплатоников и языческими мистериями стал его собственный мифологический идеологический конструкт, который А. Ф. Лосев называет «своеобразным языческим монотеизмом» [6, с. 373].

Невольно напрашивается сравнение с реформой Эхнатона в Египте, где подобный «языческий монотеизм» в конце концов на территории этого государства потерпел поражение в столкновении с привычным населению и красочным политеизмом. В Римской империи он также потерпел поражение, но в столкновении с недавно утвердившимся христианским монотеизмом. Это показательно — мифологема должна быть не только до некоторой степени адекватна объективной реальности, но и должна соответствовать ментальности тех, кому она предлагается.

Очевидно то, насколько актуальной сегодня, в условиях идейной конфронтации с использованием технических возможностей средств массовой информации и массовой коммуникации, является философская концепция Алексея Федоровича Лосева, получающая практическое значение. Оно состоит в том, что и прежде была, и ныне особенно активно используется возможность манипулирования индивидуальным и массовым сознанием, которое достигается символическими средствами создания мифологического конструкта реальности. При этом действия людей определяются ведь не самой объективной реальностью, а их представлениями о том, что она собой представляет, иначе говоря, исходя из мифологического образа этой

самой реальности. Проблема, как мы видели на примере Юлиана Отступника, в том, насколько данная возможность может быть реализована и сколько времени на ее реализацию необходимо, чтобы преодолеть инерцию прежнего мифологического конструкта.

Список источников

1. Аполлодор. Мифологическая библиотека / Пер., предисл. и комм. А. Шапошников. М.: Эксмо, 2006. 413 с.
2. Бодриар Ж. Симулякры и симуляция / Пер. А. Качалова. М.: Рипол-классик, 2015. 238 с.
3. Лосев А. Ф. Античная мифология в ее историческом развитии. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1957. 620 с.
4. Лосев А. Ф. Греческая трагедия. М.: Государственное учебно-педагогическое издательство Министерства Просвещения РСФСР, 1958. 203 с.
5. Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М.: МГУ, 1982. 479 с.
6. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Последние века. Кн. 1. М.: Искусство, 1988. 415 с.
7. Лосев А. Ф. Диалектика числа у Платона // Миф. Число. Сущность. М.: Мысль, 1994. 920 с.
8. Лосев А. Ф. Самое само. М.: Эксмо-Пресс, 1999. 1022 с.
9. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Софисты. Сократ. Платон. М.: АСТ, Фолио, 2000. 715 с.
10. Лосев А. Ф. История античной эстетики. Аристотель и поздняя классика. М.: АСТ, Фолио, 2000. 880 с.
11. Лосев А. Ф. Античная литература. М.: ЧеРо, Асар, 2005. 542 с.
12. Лосев А. Ф. Вещь и имя. М.: Изд-во Олега Абышко, 2008. 574 с.
13. Лосев А. Ф. Владимир Соловьев. М.: Молодая гвардия, 2009. 616 с.
14. Лосев А. Ф. Музыка как предмет логики. М.: Академический проект, 2012. 205 с.
15. Платон. Государство. Соч. в 3-х т. Т. 3. М.: Мысль, 1971. 685 с.
16. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук / Пер. с фр. В. П. Визгина и Н. С. Автономовой. СПб.: А-скад, 1994. 406 с.

References

1. Apollodor. Mifologicheskaja biblioteka [Mythological Library]. Per., predisl. i komm. A. Shaposhnikova. Moscow: Jeksmo, 2006. 413 p. (In Russ.).
2. Bodrijar Zh. Simuljakry i simuljacija [Simulacra and simulation]. Per. A. Kachalova. Moscow: Ripol-klassik, 2015. 238 p. (In Russ.).
3. Losev A.F. Antichnaja mifologija v ee istoricheskom razvitii [Ancient mythology in its historical development]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshhenija RSFSR, 1957. 620 p. (In Russ.).
4. Losev A.F. Grecheskaja tragedija [Greek tragedy]. Moscow: Gosudarstvennoe uchebno-pedagogicheskoe izdatel'stvo Ministerstva Prosveshhenija RSFSR, 1958. 203 p. (In Russ.).
5. Losev A.F. Znak. Simvol. Mif [Sign. Symbol. Myth]. Moscow: MGU, 1982. 479 p. (In Russ.).
6. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Poslednie veka. Kn. 1 [History of ancient aesthetics. The last centuries. Book 1]. Moscow: Iskustvo, 1988. 415 s. (In Russ.).
7. Losev A.F. Dialektika chisla u Platona [Dialectics of number in Plato]. Mif. Chislo. Sushhnost' [Myth. Number. Essence]. Moscow: Mysl', 1994. 920 p. (In Russ.).
8. Losev A.F. Samoe samo [The very thing]. Moscow: Jeksmo-Press, 1999. 1022 p. (In Russ.).
9. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Sofisty. Sokrat. Platon [History of ancient aesthetics. Sophists. Socrates. Platon]. Moscow: AST, Folio, 2000. 715 p. (In Russ.).
10. Losev A.F. Istorija antichnoj jestetiki. Aristotel' i pozdnjaja klassika [History of ancient aesthetics. Aristotle and the late classics]. Moscow: AST, Folio, 2000. 880 p. (In Russ.).
11. Losev A.F. Antichnaja literatura [Ancient literature]. Moscow: CheRo, Asar, 2005. 542 p. (In Russ.).
12. Losev A.F. Veshh' i imja [Thing and name]. Moscow: Izd-vo Olega Abyshko, 2008. 574 p. (In Russ.).
13. Losev A.F. Vladimir Solov'jov. Moscow: Molodaja gvardija, 2009. 616 p. (In Russ.).
14. Losev A.F. Muzyka kak predmet logiki [Music as a subject of logic]. Moscow: Akademicheskij proekt, 2012. 205 p. (In Russ.).
15. Platon. Gosudarstvo. Soch. v 3-h t. [State. Op. in 3 vols.] Vol. 3. Moscow: Mysl', 1971. 685 p. (In Russ.).
16. Fuko M. Slova i veshhi. Arheologija gumanitarnyh nauk [Words and things. Archeology of the Humanities]. Per. s fr. V.P. Vizgina i N.S. Avtonomovoj. Saint Petersburg: A-cad, 1994. 406 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 26.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 26.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лукичев Павел Николаевич — доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры «Конфликтология и национальная безопасность», Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 160

Pavel N. Lukichev — Doctor of Sociology, Professor, Professor of the Department of «Conflictology and National Security», Southern Federal University.
160 Pushkinskaya str., Rostov-on-Don, Russia

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ И ПРИКЛАДНАЯ СОЦИОЛОГИЯ THEORETICAL AND APPLIED SOCIOLOGY

Научная статья

УДК: 316.422

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-25-42

ИННОВАЦИИ В СОЦИАЛЬНОЙ СФЕРЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЗАРУБЕЖНЫХ ПРАКТИК

Елена Александровна Васильева^{1✉}, Александр Федосеевич Борисов²,
Алексей Викторович Чечулин³

^{1, 2}Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена,
Санкт-Петербург, Россия

³Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ»
им. В. И. Ульянова (Ленина), Санкт-Петербург, Россия

¹Vasilieva_ea@bk.ru[✉], ORCID: 0000-0003-3185-3957, AuthorID РИНЦ: 721164

²Borisovaf@herzen.spb.ru, AuthorID РИНЦ: 278579

³Chechulin-av@ranepa.ru, ORCID: 0000-0001-7643-3679, AuthorID РИНЦ: 75101

Аннотация. Целью исследования является обзор инноваций в социальной сфере, разработанных в зарубежных странах и призванных обеспечить более эффективный переход к инновационной экономике и социальному государственному управлению.

Методологическую базу исследования представляют отдельные положения теории социальных инноваций, а также концепция социального управления. Исследование проводилось методом сравнительного анализа.

Результаты исследования. Инновационность экономики оценивается по таким показателям, как доступность информации, наличие развитой инфраструктуры, диджитализация производственных отраслей и высокий уровень качества подготовки кадров. Среди технологических инноваций в настоящее время наибольший интерес представляют цифровые технологии, которые направлены в том числе на персонализацию процесса предоставления услуг, что повышает уровень удовлетворенности потребителей. Среди организационных инноваций наибольшее распространение получает технология аутсорсинга, предусматривающая с одной стороны сетевой характер инфраструктуры за счет вовлечения небольших организаций, погруженных в местную специфику, и в то же время гарантирующая единство стандартов и нормативов предоставляемых услуг. Социальные инновации — это одновременно: а) процесс разработки и внедрения технологий, в том числе цифровых, позволяющих усовершенствовать процесс предоставления общественных благ, и б) процесс делегирования полномочий государства по регулированию тех отраслей экономики, целью деятельности которых является обеспечение качества жизни граждан и повышения человеческого капитала страны. Обобщение зарубежного опыта социальных инноваций позволяет разработать механизм учета потребностей граждан, который дает возможность актуализировать потенциал местного сообщества, в том числе в части изобретения техни-

ческих и организационных инноваций, обеспечивая тем самым социально-экономическое развитие всего государства.

Перспективы исследования заключаются в развитии и коррекции государственной политики в области инновационного развития социальной сферы Российской Федерации.

Ключевые слова: инновации, социальная сфера, государственное управление, инновационные практики, управляемость, социальные услуги

Для цитирования: Васильева Е. А., Борисов А. Ф., Чечулин А. В. Инновации в социальной сфере: социологический анализ зарубежных практик // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №5. С. 25–42. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-25-42>.

Original article

INNOVATIONS IN THE SOCIAL SPHERE: SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF FOREIGN PRACTICES

Elena A. Vasilieva^{1✉}, Aleksandr F. Borisov², Alexey V. Chechulin³

^{1,2}*Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint Petersburg, Russia*

³*Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI» (ETU), Saint Petersburg, Russia*

¹*Vasilieva_ea@bk.ru✉, ORCID: 0000-0003-3185-3957, AuthorID RSCI: 721164*

²*Borisovaf@herzen.spb.ru, AuthorID RSCI: 278579*

³*Chechulin-av@ranepa.ru, ORCID: 0000-0001-7643-3679, AuthorID RSCI: 75101*

Abstract. *The purpose of the study is to review the innovations in the social sphere developed in foreign countries and designed to ensure a more effective transition to the innovation economy and social public administration.*

The methodological basis of the research is represented by certain provisions of the theory of social innovation, as well as the concept of social governance. The study was conducted by the method of comparative analysis.

Research result. *The innovativeness of the economy is assessed by such indicators as accessibility of information, availability of developed infrastructure, digitalization of production sectors and a high level of quality of personnel training. Among technological innovations, digital technologies are currently of the greatest interest, which are aimed, among other things, at personalizing the process of service provision, which increases the level of customer satisfaction. Among organizational innovations, the most widespread is the technology of outsourcing, which, on the one hand, provides for the network nature of infrastructure through the involvement of small organizations immersed in local specifics and, at the same time, guarantees the unity of standards and norms of services provided. Social innovations are simultaneously: a) the process of development and implementation of technologies, including digital technologies, which allow improving the process of providing public goods and b) the process of delegating the state's authority to regulate those sectors of the economy, the purpose of which is to ensure the quality of life of citizens and increase the country's human capital. The generalization of foreign experience of social innovation allows us to develop a mechanism for taking into account the needs of citizens, which allows to actualize the potential of the local community, including the invention of technical and organizational innovations, thus ensuring the socio-economic development of the entire state.*

The prospects of the study lie in the development and correction of the state policy in the field of innovative development of the social sphere of the Russian Federation.

Keywords: *innovation, social sphere, public administration, innovative practices, governability, social services*

For citation: *Vasilieva E. A., Borisov A. F., Chechulin A. V. Innovations in the social sphere: sociological analysis of foreign practices // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 25–42. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-25-42>.*

Введение. Понятие инноваций и инновативности появилось в отечественной литературе и практике государственного управления сравнительно недавно, хотя не является новым в управленческой литературе. Традиционно это понятие фокусируется на технологической сфере и трактуется как изобретение и внедрение в практическую деятельность технических новшеств как за счет появления новых материалов, так и вследствие использования новых методов обработки известных ресурсов. Но вместе с тем инновации трактуются и как усовершенствование административных процедур, направленное на активизацию потенциала самоорганизации для минимизации транзакционных издержек.

Соответственно, в социальной сфере инновации подразделяются на две группы: с одной стороны, это технологические новшества, позволяющие предоставлять социальные услуги более эффективно и с наименьшими затратами; с другой — это организационные новации, целью которых является делегирование функций по реализации этих услуг в негосударственную сферу. Их основными задачами являются:

1) снижение государственных затрат на предоставление общественных благ, которые априори признаются нерыночными, но одновременно жизненно значимыми для сохранения сообщества;

2) повышение качества предоставляемых услуг за счет максимально возможного учета специфических потребностей, характерных для различных малых социальных групп (обособленных как территориально, так и культурно);

3) обеспечение контроля качества предлагаемых услуг за счет установления нормативов и регулирования договорных отношений и конкурсных процедур.

Социальные инновации в современном государственном управлении — это глобальное изменение (трансформация) принципа взаимодействия гражданского общества на партнерство, целью которого является повышение уровня социального доверия и единства. Проблемой остается при этом соотношение технологической и процессуальной составляющей: широко распространено, в том числе в научной литературе, мнение, что новые технологии, особенно информационные («цифровизация», «диджитализация» и т.п.), способны автоматически обеспечить повышение эффективности любой деятельности.

Целью настоящей статьи является обзор инноваций в социальной сфере, разработанных в зарубежных странах и призванных обеспечить более эффективный переход к инновационной экономике и социальному государственному управлению. Гипотеза исследования заключается в том, что необходимым условием эффективности социальных инноваций является децентрализация и клиентоориентированность процесса предоставления социальных благ.

Обзор литературы. Понятие «инновация» в управленческую научную мысль было внедрено Й. Шумпетером [34], и позже было конкретизировано в пяти подходах к определению инноваций:

1) как вовлеченность в экономический оборот результатов интеллектуальной деятельности для получения прибыли;

2) как введение нового продукта или трансформация известной идеи в новый или улучшенный продукт, услугу, рабочий процесс или новый метод, пользующийся спросом на рынке;

3) как сдвиг производственной функции;

4) как процесс приобретения изобретения или идеи экономического содержания;

5) как способ удовлетворения общественных потребностей, основанный на достижениях науки и техники [3].

В отечественной литературе инновация определяется в двух основных значениях: технологическом (как усовершенствование техники и технологий) и процессуальном (как усовершенствование административных процедур). Второе значение стало предметом специального направления стратегического управления — инновационного менеджмента, целью которого является формирование векторов производственной и научно-технической деятельности организации для вывода на рынок новой или усовершенствованной продукции [14].

К концу XX века сформировалась концепция инновационной экономики, которая сосредоточена на обеспечении непрерывного процесса технологического совершенствования за счет наращивания знаний и совершенствования информационно-коммуникационной системы как производственного фактора [27]. Этот уклад выдвинул на первый план совершенствование организационных процессов [22], ключевыми требованиями стали экономичность (принцип «малозатратного государства»), эффективность и энергичность в терминологии Г. Питерса и Дж. Пьера [32], а также продуктивность, маркетингизация, ориентация на клиентов, децентрализация, ориентация на цели, заданные политиками, и отчетность по результатам [17].

По нашему мнению, внедрение инновационного государственного управления подразумевает изменение ценностных установок и поведенческих паттернов в коммуникационной сфере, как внутри бюрократической системы, так и при взаимодействии с гражданским обществом [6]. Методами, которые позволяют обеспечить успешность инновационного государственного управления, как правило, называют: децентрализацию процесса принятия решений; обеспечение открытости и транспарентности информации, касающейся общественно значимых процессов; вовлечение институтов гражданского общества в процессы стратегического планирования, в том числе на эта-

пе целеполагания, посредством организации общественных слушаний и привлечения экспертного сообщества; делегирование прав принятия решений по вопросам местного значения, в том числе в негосударственную сферу, например, по образцу национальных диаспор коренных народов Севера в Канаде (территория Нунавут) [18].

Особое значение инновативное государственное управление приобретает в социальной сфере, то есть отрасли производства общественных благ (public goods), направленных на удовлетворение потребностей граждан в коллективных неконкурентных услугах, качество которых определяет качество жизни каждого гражданина и общества в целом [13]. Категория «общественное благо» была предложена П. Самуэльсоном, который указывал, что особенностью этих услуг является совместное потребление с осознанием того, что «потребление любого индивида не приводит к уменьшению потребления другого» [33, с. 387]. При этом полезность этих благ имеет внешний потребительский эффект, то есть издержки или выгоды от их предоставления помимо непосредственных участников транзакции распространяются также и на иных агентов, а потому имеют значительное социальное значение и не могут осуществляться без государственного участия.

Под социальными инновациями понимается инструмент правительства, направленный на обеспечение эффективного управления через сеть общественных субъектов [31]. Это процессуальный аспект инновативности, включающий трансформацию ключевых принципов взаимодействия, стимулирования деятельности негосударственного сектора посредством создания новых общественных практик, социальных движений и даже социальных институтов. Основной задачей социальных инноваций является создание таких условий, в которых гражданское общество приобретает черты субъектности, принимая на себя часть полномочий и ответственности государства, снижая тем самым уровень социального напряжения и обеспечивая общественное единство, самоорганизацию и взаимопомощь.

Эффективность социальных инноваций традиционно оценивается по трем основным

критериям¹ [4]: доступность, разнообразие, учет потребностей населения. В социологии потребность понимается как субъективное ощущение нехватки какого-либо материального объекта либо недостаточности желательных эмоциональных переживаний. Социальная потребность может не только возникать спонтанно, но и сознательно формироваться в ходе инновационной активности, что определяет пределы управляемости, традиционно понимаемой как реальная возможность рационального вмешательства в протекание процесса управления, возможность влияния на него в желательном для субъектов управленческих практик направлении [7], а также как качество социальной среды, позволяющее социализированным субъектам устанавливать и достигать конкретные цели во взаимодействии друг с другом [19]. При этом содержание взаимодействия приобретает ярко выраженный субъект-субъектный характер: управляющие субъекты — государство и производители услуг — предлагают потребителям свое видение системы, а управляемый субъект — граждане, как атомизированные, так и солидаризованные — выдвигают свои контрпредложения в формате инноваций.

К основным проблемам, связанным со стимулированием инноваций в социальной сфере в России, относят:

1) противоречие между требованием диверсификации и принципом централизации и унификации государственных услуг, что затрудняет возможность применения некоторых методов стимулирования разнообразия [24];

2) проблема формирования спроса на рынке социальных услуг [28].

Таким образом, для повышения эффективности инноваций в социальной сфере в России должна быть сформирована собственная модель организации социальных инноваций, опирающаяся на перспективные зарубежные практики, передовые информационные технологии и учитывающая особенности отечественной модели государственного управления.

Зарубежные модели организации инноваций в социальной сфере

Великобритания: социальная сфера как государственный заказ

В Великобритании социальные инновации формировались на принципе снижения роли органов государственной власти в процессе определения размера социальных выплат и активного привлечения частных страховых компаний. Государственные социальные агентства стали, по сути, посредниками между гражданами, нуждающимися в конкретных услугах для удовлетворения своих потребностей в сфере социальной поддержки, здравоохранения или образования, и организациями, которые такие услуги оказывают [25]. В задачи менеджера входит изучение потребностей клиентов, поиск решений для их удовлетворения, заключение соответствующих договоров, а также учет и контроль качества предоставляемой помощи, но выбор конкретной организации, которая будет предоставлять услуги и, соответственно, получит возмещение своих затрат из страхового фонда, предоставлен самому гражданину-потребителю.

В результате в Великобритании сформировалась и получила широкую общественную поддержку система так называемого социального предпринимательства, под которым понимается «самостоятельная, прозрачная и подотчетная организация с четкой социальной и/или экологической миссией, которая генерирует большую часть своих доходов за счет продажи собственных товаров и/или услуг и реинвестирует большую часть своей прибыли» [5]. Роль государства при взаимодействии с этой экосистемой сводится фактически к реализации четырех функций: 1) аккумулярование финансовых ресурсов, предназначенных для реализации задач социальной поддержки граждан; 2) определение перечня и критериев качества социальных услуг, необходимых для удовлетворения потребностей клиентов; 3) отбор организаций, услуги которых соответствуют определенным критериям, и 4) учет и контроль качества работы этих организаций в формате обратной связи. При этом с учетом

¹ Конвенция о правах инвалидов (принята резолюцией 61/106 Генеральной Ассамблеи ООН от 13.12.2006 г.) [Электронный ресурс]. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/disability.shtml (дата обращения: 18.06.2023).

действующей системы «кейс-менеджмента» в случае, если частные инновации становятся популярными, то социальные агентства по запросу потребителей, могут заключить договор на предоставление таких услуг за счет бюджетных средств.

В 2010-х годах в Великобритании широкое распространение получили инновации, позволяющие гражданам удовлетворять свои социальные потребности в формате самоорганизации с использованием сетевых информационных технологий. Так, например, в 2011 году была запущена платформа CASSEROLE CLUB (<https://www.casseroleclub.com>), предоставляющая возможность разделить остающуюся после ужина домашнюю еду с пожилыми соседями, проживающими одиноко, что способствует преодолению социальной изоляции, сплочению местных сообществ и снижению расходов на социальную поддержку одиноких пожилых.

Таким образом, сложившаяся модель социальных инноваций в Великобритании представляет собой своеобразную систему социального заказа: преобладающим актором является потребитель социальных услуг, который формулирует свою нужду и выбирает наиболее удобный для него формат ее удовлетворения; организации, предоставляющие социальные услуги, находятся в высококонкурентной среде и вынуждены совмещать необходимость обеспечения определенных критериев качества с привлечением внимания потенциальных клиентов к своим услугам в том числе за счет инноваций как организационных, так и технологических; государственные органы выполняют преимущественно функции контроля качества и поддержки наиболее актуальных и популярных инноваций.

Германия: опора на общинное сознание

В отличие от Великобритании, в Германии не отказались от ответственности государства за реализацию социальных услуг, напротив, организация работы в социальной сфере активно опирается на иерархический механизм управления. Традиционным субъектом социальной правовой политики в Германии являлись коммуны (общины), которые еще со Средних веков имели высокий уровень самостоятельности и фактически представляли собой государство в миниатюре [23].

Сложившаяся в ФРГ система, получившая название «социальное рыночное хозяйство», была построена на модели социального страхования и базировалась на таких принципах, как принцип субсидиарности (полномочия государственных органов перераспределяются снизу вверх, от коммун до федеральных органов), принцип солидарности (когда финансирование потребностей нуждающихся социальных групп осуществляется за счет более обеспеченных групп, например, пенсионное обеспечение старших поколений обеспечивается работающими гражданами, которые ожидают такого же попечения от младших поколений) и принцип эквивалентности (устанавливающий зависимость размера социальных выплат от суммы страховых взносов) [20]. Государство в этой системе становится не управляющим, а регулирующим и гарантирующим субъектом, то есть удовлетворение потребностей осуществляется преимущественно за счет внутренних ресурсов общины. Социальные инновации относятся к зоне ответственности организаций (публичных корпораций), функционирующих в социальной сфере, хотя защита граждан от рисков рыночных отношений остается зоной ответственности органов власти [26]. Таким образом, в Германии сейчас социальная политика опирается на исторически сложившуюся систему самоуправления. Член общины солидарно участвует в формировании страховых фондов, осуществляя выплаты из своих доходов, и в случае наступления страхового случая (заболевание, несчастный случай, потеря работы, потеря трудоспособности как в связи с возрастом, так и вследствие болезни) он вправе требовать удовлетворения своих потребностей за счет этих фондов. Социальную помощь оказывают специализированные учреждения, деятельность которых сосредотачивается преимущественно на помощи пожилым людям, людям с тяжелыми заболеваниями, а также на содействии в воспитании детей. Уровень требований к качеству социальных услуг достаточно высокий, что практически исключает возможность деятельности волонтерских организаций, но, тем не менее, помощь носит преимущественно адресный характер. Это определяет прикладной характер большинства внедряемых инноваций, боль-

шинство из которых направлены на облегчение деятельности социальных работников, например, специализированные программы для стимулирования умственной активности больных деменцией (см., например, www.retrobrain.de).

Финляндия: опора на институты гражданского общества

Финляндия представляет собой социальное государство с ярко выраженной ориентацией на скандинавскую модель регулирования социальной сферы. Перечень и качество социальных услуг гарантируется государством и реализуется муниципалитетами за счет широкой налоговой базы, а также субсидий, предназначенных для выравнивания размера доходов [1].

Одним из ключевых принципов государственного управления в Финляндии является требование открытости и гласности, касающееся в первую очередь информации о правах граждан, которое также распространяется и на процесс принятия общественно значимых решений. Это обуславливает значимость общественных организаций как для граждан, которые используют их в качестве канала для взаимодействия с чиновниками, так и для государства, которое опирается на них как на полноценных участников самоуправления. Большинство граждан состоят в различных объединениях, некоторые сразу в нескольких, при этом значительное число этих объединений не ведут политическую деятельность, а сосредоточены на отстаивании интересов малых социальных групп, выполняя функции коммуникационного канала между гражданами и государством, особенно на местном уровне. Именно поэтому организация социальных инноваций относится к сфере совместных полномочий муниципалитетов и гражданского общества.

Социальные инновации, внедренные сейчас в Финляндии, можно условно сгруппировать по двум основаниям: персонализация социальных услуг и технологические решения, позволяющие снизить бюджетные затраты. Так, например, в сфере заботы об одиноко проживающих пожилых людях государственная политика заключается в максимальном продлении возможности самостоятельного проживания в собственном доме [2]. Технические инновации для этой категории граж-

дан направлены как на повышение качества их жизни за счет, например, устройств, позволяющих облегчить бытовые условия (приборы для голосового оповещения и напоминаний, миниатюрные слуховые аппараты и т.п.), так и на оптимизацию усилий медицинского персонала по предоставлению услуг по уходу (сенсорные коврики, подающие социальному работнику сигнал в случае падения, или дозатор, сигнализирующий медицинскому персоналу в том случае, если пациент не принял лекарственное средство в установленное время). При этом зачастую муниципальные программы, реализуемые на принципах государственно-частного партнерства, совмещают оба вида инноваций.

Таким образом, в Финляндии социальные инновации реализуются на принципе активного участия общественных организаций. Именно они выявляют и актуализируют социальные потребности граждан, отбирают и апробируют решения, как технологические, так и организационные, которые позволяют максимально персонализировать эти услуги с учетом потребностей конкретного клиента. Наиболее удачные инновации финансируются за счет муниципальных средств, а в случае их недостатка — за счет специализированных фондов, и рекомендуются к внедрению в государственных и частных учреждениях, предоставляющих социальные услуги. Контроль их качества при этом остается за государством, которое также централизованно устанавливает нормативы, опираясь на требование социальной справедливости и ориентацию на качество жизни.

Япония: гармония дисциплины и патернализма

Государственное управление в Японии определяется системой так называемой «карьерной бюрократии», в результате чего бюрократия в Японии структурирована по признаку поколений, в пределах которых она гомогенизирована, стандартизирована и унифицирована, то есть не поддерживает проявления яркой индивидуальности чиновников [29]. Задачи регулирования социальной сферы в части организации социальной помощи гражданам возложены на муниципалитеты (нижний уровень местного самоуправления), вопросы среднего образования и здравоохранения — на префектуры. При этом финанси-

рование и контроль качества предоставляемых услуг осуществляется соответствующими министерствами центрального правительства, что существенно ограничивает самостоятельность местного самоуправления [29].

Социальные инновации инициируются как снизу в формате централизации и популяризации наиболее успешных практик муниципалитетов (например, инициатива о бесплатном медицинском обслуживании престарелых), так и путем прямого административного руководства, когда центральное правительство напрямую определяет форму осуществления тех или иных социальных услуг с помощью определенных практик, разработанных с участием государственного финансирования (внедрение технологических инноваций, например, роботов-помощников, создание которых осуществляется по заказу Министерства экономики, торговли и промышленности). В последние годы нарастает тенденция активного участия предпринимательского сообщества в решении наиболее актуальных проблем социальной сферы, таких как:

- нарастающее старение населения, сопровождаемое усилением запроса на повышение качества медицинских услуг;

- культурные особенности, исключаящие активное обращение за помощью, что стимулирует общественный запрос на технологические инновации, облегчающие повседневную жизнь для людей с различными ограничениями;

- усиление атомизации граждан, когда вследствие усиления технологизации и цифровизации всех сфер жизнедеятельности происходит разрыв социальных связей, что приводит к нарастанию стресса и возникновению психологических дисфункций.

Тем не менее в силу распространенного патерналистского сознания и консерватизма в японском обществе приоритетными являются проекты, инициируемые или поддерживаемые государством, что воспринимается как гарантия качества и минимизация рисков.

Таким образом, в Японии социальные инновации остаются сферой ответственности государства. Они могут быть инициированы и частными акторами, но для их распространения требуется одобрение со стороны соответствующих органов государственной власти и местного самоуправления. В результате,

несмотря на отсутствие активной общественной дискуссии и апробации, характерной для других моделей, эффективность социальных инноваций в общественно-значимых сферах остается достаточно высоким за счет централизации контроля качества социальных услуг, а патернализм и групповое сознание, характерные для японской культуры, обеспечивают высокий уровень доверия граждан к деятельности чиновников всех уровней, что снижает коммуникативные издержки на популяризацию и распространение предлагаемых инноваций.

Китай: технологии как средство ослабления социальных противоречий

В Китайской Народной Республике государственное управление опирается на два основополагающих принципа: с одной стороны, это патернализм, свойственный азиатской культурной матрице, с другой — это социалистическая идеология, подразумевающая ответственность государства за уровень и качество жизни граждан на условиях равенства и справедливости. Последние 20 лет в социальной сфере выстраиваются новые, приближенные к рыночным, институты [16], при этом, несмотря на стремление внести элементы личной ответственности граждан за обеспечение социальных услуг, государство продолжает оставаться основным управляющим субъектом, определяя номенклатуру предлагаемых услуг, критерии оценки их качества, а также перечень льгот, которые могут быть предоставлены гражданам для облегчения доступа к этим услугам.

Инновации официально относятся к приоритетам китайской государственной политики. В стране до 2020 года действовал Национальный среднесрочный и долгосрочный план технологического развития и план Центрального Комитета Коммунистической партии Китая (ЦК КПК) «Углубление системной реформы с целью ускорения темпов реализации стратегии развития по инновационному пути» [21]. Стратегия технологического развития заключается в стимулировании инновационного предпринимательства посредством предоставления местными органами власти преференций субъектам малого бизнеса в случае, если они реализуют программы в сфере социальных инноваций. Одновременно привлекается потенциал гражданского

общества посредством координации и стимулирования деятельности общественных организаций, осуществляющих свою деятельность в социальной сфере.

Основой инновационной деятельности в социальной сфере являются потребности населения, причем наибольшее внимание уделяется тем потребностям, которые имеют потенциал социального протеста. Некоммерческий сектор, преимущественно в форме добровольческих объединений, осуществляет функции обратной связи, реализуя опросы общественного мнения с целью выявления наиболее острых запросов и разработки планов инновационной активности. Основным инструментом выступают технологические инновации, позволяющие усовершенствовать процесс предоставления социальных услуг в сфере общественных коммуникаций, здравоохранения и общественного транспорта. Наиболее показательным кейсом реализации социальных инноваций с учетом специфики китайской экономики и государственного управления является так называемый «социальный портрет» или «социальный рейтинг» гражданина. В настоящее время граждане получают социальные преференции в формате скидок, льгот или поощрений за одобряемые поведенческие практики и ограничения или штрафы за порицаемые [8]. Человек при этом утрачивает часть своей субъектности, фактически превращаясь в элемент этой экосистемы, одновременно получая возможность персонализированного удовлетворения своих бытовых потребностей.

Таким образом, в Китайской народной республике социальные инновации рассматриваются как технологии, позволяющие реализовать две основные задачи. С одной стороны, технологические инновации, как и в других развитых государствах, позволяют персонализировать систему предоставления социальных услуг с целью удовлетворения потребностей конкретного человека с учетом его жизненных обстоятельств, благосостояния и ожиданий. С другой стороны, государство посредством анализа полученных массивов самых различных данных получает возможность реального и непосредственного контроля поведенческих практик и превентивного применения карательных мер. Перспективы такой системы представляют-

ся достаточно неоднозначными: несмотря на то, что, несомненно, совершенствование системы предоставления социальных услуг приводит к увеличению удовлетворенности граждан и снижению социального напряжения, происходит это за счет нарастающей атомизации граждан и своеобразного замыкания человека в собственном виртуальном микро-мире. Десубъективизация человека может привести к разрушению идеологического единства и коллективистского сознания, составляющих ядро китайской культурной матрицы, снизить инновационный потенциал и предпринимательскую инициативу, что в долгосрочной перспективе приведет к разрушению тенденции интенсивного экономического развития, составившего славу современной КНР.

Индия: цель — снижение неравенства

Национальный девиз Индии сформулирован как «Единство в разнообразии», что подчеркивает сложную социальную структуру этого многонационального и поликонфессионального социума. Государственное управление, особенно в социальной сфере, в таких условиях опирается на неизменность и нерушимость принципов политического нейтралитета и толерантности при одновременном учете множества культурных и религиозных традиций. При этом особенностью менталитета индийцев является отсутствие запроса на социальное равенство, то есть сложившаяся система строгой иерархичности и крайней социальной асимметрии не встречает активного неприятия или сопротивления, что позволяет сохранять сегрегационные социальные практики [12].

Тем не менее суть социальной политики государства с момента обретения независимости составляет именно преодоление бедности и совершенствование качества жизни. Национальным советом по инновациям была предложена стратегия, предусматривающая систему поддержки простых низовых инноваций [15], финансирование которых осуществляется в форме грантов как правительственных, так и от международных организаций. В рамках этой системы добровольческая организация «Общество исследования и инициатив для устойчивых технологий и институтов» (Society for Research and Initiatives for Sustainable Technologies and Institutions,

SRISTI) ищет, систематизирует и документирует изобретения и инновации, создаваемые малоимущими гражданами, проводит их апробацию, в случае необходимости — обеспечивает доработку проекта, оформляет авторское право на изобретение, и, наконец, способствует его распространению. SRISTI реализует программу, целью которой является обеспечение коммуникации между изобретателями и научно-экспертным сообществом, и образовательную программу, направленную на повышение образовательного уровня в целом, привлечение студентов к работе с низовыми инновациями и вовлечение в эту деятельность женщин.

При этом несмотря на то, что Индия является одним из государств с наиболее развитым высокотехнологическим инновационным потенциалом, в отличие от Китая здесь социальные инновации не имеют ярко-выраженного цифрового характера. Напротив, большинство поддержанных низовых инноваций сосредоточены в сфере заполнения технологических пробелов, более рационального использования ограниченных ресурсов. Фактически инновационным в этой системе является не содержание изобретений, которые зачастую представляют собой адаптированные и локализованные варианты известных технологий, например, в IT-сфере, а их влияние на инклюзию малоимущих социальных групп в современные технологические цепочки [10].

Таким образом, система инноваций в социальной сфере Индии имеет выраженную мотивационную составляющую. Ее основной целью является не удовлетворение потребностей отдельных нуждающихся субъектов (граждан или социальных групп), а создание условий для их вовлечения в активное социальное взаимодействие и стимулирование самоорганизации. Разработка технических инноваций, повышающих качество здравоохранения, образования или социальной поддержки осуществляется в рамках государственного финансирования, институты гражданского общества принимают на себя обязанности выявления возможностей решения местных проблем с учетом культурно-религиозной специфики, а формат государственно-частного партнерства позволяет коммерциализировать наиболее успешные

или востребованные практики и технологии для повышения качества жизни в сообществах как за счет непосредственно обеспечения дохода от изобретения, так и за счет качественного изменения условий быта, например, совершенствования водоснабжения или агротехнологий. Основной целью этой системы является обеспечение равного доступа к социальным услугам, как физического, так и финансового, для всех граждан, независимо от их места проживания, национальной или конфессиональной принадлежности. Это модель развития малоимущих социальных групп за счет включения их в экономическую активность страны. Пользуясь словами известной притчи, можно сказать, что она предусматривает раздачу удочек, а не рыбы.

К сожалению, полноценного анализа влияния новой модели инновационного развития страны до настоящего времени не проводилось, а потому определить, какое именно влияние на решение ключевых проблем индийской социальной сферы (высокий уровень бедности и безработицы, нехватка и низкое качество жилищ, медицинского обслуживания, образования, высокий уровень экологических угроз) она оказала, не представляется возможным.

Систематизируя инновационные практики зарубежных государств, механизм государственной социальной инновационной политики, основанной на учете потребностей граждан, можно сформировать следующим образом:

- 1) по итогам научных исследований разрабатываются стандарты и нормативы наиболее востребованных услуг в социальной сфере;

- 2) государством проводится процедура учреждения или отбора организаций, которые готовы предоставлять эти услуги. В регионах, где рынок социальных услуг развит, а спрос на них велик (например, в мегаполисах), преимущество отдается аутсорсингу, так как это позволяет снизить бюджетные расходы;

- 3) организации, функционирующие в этой системе, в процессе предоставления услуг взаимодействуют с потребителями и выявляют уровень их удовлетворенности;

- 4) граждане, не удовлетворенные предложенной системой, в свою очередь актив-

но используют предложенные механизмы обратной связи для влияния на процедуру предоставления или номенклатуру предлагаемых услуг;

5) при этом параллельно формируются инновации, как технологические, так и организационные. В регионах с конкурентной социальной сферой такие инновации начинают внедряться организациями, предоставляющими услуги. Обобщение региональной практики позволяет принять решение о внедрении инновации на общегосударственном уровне;

6) по итогам внедрения инноваций происходит корректировка перечня социальных услуг, предоставление которых проходит с государственной поддержкой, а также корректируются критерии их качества.

Таким образом, именно учет потребностей граждан позволяет обеспечить инновационное развитие социальной сферы, одновременно реализуя обе функции социальных инноваций: и технологическое развитие, и организационные нововведения. Важнейшей в этой системе становится организация обратной связи, позволяющая решить целый ряд проблем: выявление социальных потребностей граждан, оценку эффективности технологических инноваций в их удовлетворении и одновременно формирование потребностей посредством популяризации этих инноваций.

Заключение и дискуссия. Итак, социальные услуги — это вид общественных благ, представляющий собой деятельность по удовлетворению общественных потребностей в социальной сфере на условиях совместного потребления в неконкурентной среде и с неограниченным доступом большинства граждан, которые в отдельных случаях могут носить навязанный характер. Их особенности в сравнении с другими видами экономических услуг определяют значение, которое приобретает государство в этой сфере, фактически являясь третьей стороной договора и определяя его важнейшие условия: номенклатуру предоставляемых услуг, критерии оценки их качества и цену.

Ключевыми новациями, которые определяют эффективность государственной социальной инновационной политики, являются новые формы организации коммуникаций.

В первую очередь к ним относятся методы активизации гражданского участия, основывающиеся на создании такой конфигурации взаимодействия населения и органов государственной власти, которая позволила бы обеспечить соуправление в формате партнерских отношений. Осуществляется это за счет активизации способности местного сообщества и отдельных граждан самостоятельно реагировать на возникающие риски и угрозы и адаптироваться к кризисам посредством максимально эффективного использования имеющихся в их распоряжении ресурсов, что позволяет не устранить эти риски, а предотвратить их разрушительные или дестабилизирующие последствия. Субъектом управления, особенно на региональном уровне, в этом случае становится местное сообщество и отдельные институты гражданского общества, которые принимают на себя функции как по предоставлению основных социальных услуг, так и по обеспечению безопасности, устойчивости и управляемости всего региона [30].

Для активизации социального и инновационного потенциала местных сообществ используются маркетинговые методы формирования устойчивого спроса. При этом следует учитывать, что любые экономические методы стимулирования будут неэффективны, если предлагаемые потребителю инновации не демонстрируют результативность, причем не только в традиционном смысле снижения издержек производителя услуги, но и в социальном. Большинство инноваций в социальной сфере, которые получают поддержку в рамках диджитализации, сосредоточены именно на экономическом эффекте, а именно: оптимизации организаций, предоставляющих социальные услуги, сокращении расходов местных бюджетов, исключении или сокращении коррупционных рисков, связанных с взаимодействием чиновников и потребителей услуг, сокращении затрат на проведение исследовательской и экспертной работы за счет использования массива bigdata в сочетании с современными методами автоматизированного анализа.

Однако технологические инновации имеют издержки, большая часть которых находится в психолого-социальной плоскости. Во-первых, формализация процесса принятия решения об условиях и порядке предо-

ставления социальных услуг исключает саму возможность их персонализации, причем один из ключевых критериев оценки их качества со стороны потребителей — это именно учет личностных особенностей и жизненных обстоятельств конкретного клиента. Во-вторых, исключение личностного фактора при оказании услуги, как было указано выше, исключает возможность установления прочных социальных связей, другими словами, потребитель не воспринимает того, кто предоставляет ему услугу, как личность, с которой можно выстроить личностные отношения. В результате у потребителя не формируется лояльность и доверие к поставщику, а, следовательно, снижается удовлетворенность процессом получения услуги. В-третьих, остро актуальной становится проблема обеспечения информационной безопасности. Люди, нуждающиеся в социальных услугах, зачастую уязвимы в отношении преступного поведения: юридическая практика полна примерами мошенничеств, осуществляемых от имени социальных служб в отношении одиноких пенсионеров, инвалидов, семей, находящихся в сложных жизненных ситуациях, детей-сирот. Оцифровка их личных данных и банковских реквизитов, конечно, существенно упрощает процесс получения ими социальных услуг, но одновременно формирует угрозу «утечки» этих данных в недобросовестные руки. И, наконец, в-четвертых, проблема, на которую очень мало обращают внимание — десоциализация потребителей социальных услуг, их исключение из социума, что существенно снижает их качество жизни и фактически тем самым нивелирует саму цель системы социальных услуг.

Также следует учитывать, что в России потребители социальных услуг отличаются консервативностью и инертностью, а потому помимо простого информирования процесс внедрения новых технологий или организационных практик должен сопровождаться разъяснением их удобства и популяризацией, вплоть до агитации. Так, даже внедрение такой удобной и прозрачной технологии, как электронная очередь в медицинских учреждениях, столкнулось с неготовностью некоторых категорий граждан, например, пенсионеров, к их использованию. Посетители поликлиник все равно стараются сохранить

элементы «живой очереди», а запись на определенное время онлайн до сих пор остается предлагаемой, но не распространенной практикой [9; 11].

Таким образом, внедрение инноваций в социальную сферу не может руководствоваться исключительно экономическими мотивами и нуждается в дополнительной оценке социальной результативности, что снова возвращает фокус внимания управляющих субъектов к проблеме эффективной коммуникации между поставщиками социальных услуг (как государственных, так и выполняющих свои функции в формате аутсорсинга) и потребителями с целью выявления их реальных нужд, ценностей и интересов, а также уровня их удовлетворенности перечнем и качеством предоставляемых услуг.

Обобщая вышесказанное, можно отметить, что в условиях инновативной экономики социальные услуги выполняют три важнейшие функции. Активное использование технологических инноваций в социальной сфере позволяет снизить затраты государства на выполнение функции поддержки нуждающихся граждан. Одновременно стимулирование инновационной активности в социальной сфере позволяет актуализировать потенциал местного сообщества, в том числе в части изобретения технических и организационных инноваций, обеспечивая тем самым социально-экономическое развитие всего государства. И, в свою очередь, активизированное местное сообщество способствует совершенствованию коммуникационных практик, повышая тем самым уровень эмпатии и доверия, что способствует упрочению социального единства. Однако для выполнения этих функций инновации в социальной сфере должны опираться на социальные инновации, то есть реализовать этот механизм можно только в условиях описанной выше трансформации системы государственного управления, что связано с необходимостью урегулирования некоторых институциональных противоречий.

Список источников

1. 100 социальных инноваций Финляндии [Электронный ресурс] / Ред. И. Тайпале. Хельсинки: Nakaraino, 2018.

360 с. URL: <https://finlandabroad.fi/documents/4248263/0/100+социальных+инноваций+из+Финляндии.pdf/a94b5d82-ce28-963c-d52d-6c336dc79ce1?t=1579007867192> (дата обращения: 14.06.2023).

2. Акимова С.Л. Финские инновации в медицине и социальной сфере // Педиатр. 2017. Т. 8. №1. С. 120–129.

3. Алтуфьева Н.В. Теоретические аспекты понятий «инновации» и «инновационный потенциал» в системе социально-экономического развития // Теоретическая экономика. 2020. №11. С. 67–75.

4. Антонова Н.В., Еремина О.Ю. Социальные функции государства: новые векторы развития // Журнал российского права. 2020. №12. С. 89–102.

5. Апокина К.В., Зубайдуллина В.Р. Социальное предпринимательство в Великобритании [Электронный ресурс] // Экономика и менеджмент инновационных технологий. 2019. №6. URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (дата обращения: 04.04.2023).

6. Васильева Е.А. Трансформация государственной службы в условиях административной реформы: дис. ... д-ра социол. наук: 22.00.08. СПб., 2016. 364 с.

7. Волчкова Л.Т., Васильева Е.А. Качество государственного управления: теоретический аспект // Социологическая эпистемология и методология в XXI веке: материалы Первых Ковалевских чтений. СПб.: Астерион, 2006. 390 с.

8. Вызовы пандемии и стратегическая повестка дня для общества и государства: социально-политическое положение и демографическая ситуация в 2021 году / Отв. ред. В.К. Левашов, Г.В. Осипов, С.В. Рязанцев, Т.К. Ростовская. М.: ФНИСЦ РАН, 2021. 558 с.

9. Ивахненко С.Д., Мельник А.А., Запринова Т.В. Оценка доступности дистанционной записи на прием к врачу в поликлиниках г. Екатеринбурга // Актуальные вопросы современной медицинской науки и здравоохранения. Материалы IV Международной (74 Всероссийской) научно-практической конференции молодых ученых и студентов, Всероссийского форума медицинских и фармацевтических вузов, посвященные 100-летию со дня рождения ректо-

ра Свердловского государственного медицинского института, профессора В.Н. Климова. Екатеринбург: Изд-во УГМУ, 2019. С. 603–608.

10. Кириченко И.В. Индия: социальная составляющая инновационной политики // Инновации. 2019. №8(250). С. 71–75.

11. Красноставская Н.В., Шевцова И.Е. Поведение индивидуальных потребителей услуг частных медицинских центров на предпокупочных стадиях в виртуальном пространстве [Электронный ресурс] // Вестник евразийской науки. 2018. Т. 10. №2. URL: <https://esj.today/PDF/86ECVN218.pdf> (дата обращения: 21.07.2023).

12. Леонова О.Г. Индия: единство в разнообразии. Феномен индийского секуляризма // Социально-гуманитарные знания. 2018. №8. С. 229–241.

13. Лихнович Ю.Ю. Социальная сфера и социальная инфраструктура: подходы к определению // Сборник научных трудов ВУЗов России «Проблемы экономики, финансов и управления производством». 2008. №25. С. 304–310.

14. Мартынюк А.В., Зарецкий А.В., Макаров М.А., Разнобарский И.И. Инновационный менеджмент: основные понятия, классификация и сущность // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2012. №7. С. 107–110.

15. Мировой опыт инновационной политики: очерки / Под ред. С.В. Вольфсона. Вып. 2. Томск: Томский государственный университет, 2013. 287 с.

16. Мозиас П.М. Социальная сфера Китая: тенденции и проблемы развития // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 9: Востоковедение и африканистика: Реферативный журнал. 2018. №3. С. 99–105.

17. Морозова Г.А. Процесс совершенствования государственного управления // Труды Нижегородского государственного технического университета им. Р.Е. Алексеева. 2014. №2(104). С. 256–262.

18. Питерская Е.С. Современные этносоциальные исследования в канадской и американской Арктике // Серия Исследования по прикладной и неотложной этнологии. Т. 179. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 2005. 38 с.

19. Рубцова М.В. Социологическая теория управляемости. СПб.: Книжный дом, 2010. 182 с.
20. Соловьева С.В. Новые подходы в управлении учреждениями социальной сферы Германии: социологический аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук: 22.00.08. Н. Новгород, 2005. 23 с.
21. Соловьева Т.С., Попов А.В., Каро-Гонсалес А., Хуа Ли. Социальные инновации в Испании, Китае и России: ключевые аспекты развития // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2018. Т. 11. №2. С. 52–68.
22. Социально-экономический анализ инновационного управления цифровыми медиа-коммуникациями / Н.Л. Захаров, Н.Н. Покровская, Т.В. Сметанина, С.Н. Малявин, А.В. Чечулин, С.И. Шелонаев. СПб.: ВВМ, 2022. 196 с.
23. Супрыгина Г.Г. Обзор немецкого «Социального государства» и его трансформаций // Вестник КемГУ. 2013. №2(54). С. 140–146.
24. Тарасенко А.В. Диверсификация сферы социальных услуг в России: факторы региональных различий // Препринт М-58/17. СПб.: Изд-во Европейского университета в Санкт-Петербурге, 2017. 28 с.
25. Целых М.П. Модернизация социальной работы в Великобритании на рубеже XX–XXI веков [Электронный ресурс] // Вестник Таганрогского института имени А.П. Чехова. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-sotsialnoy-raboty-v-velikobritanii-na-rubezhe-hh-xxi-vekov> (дата обращения: 07.06.2023).
26. Чилькина К.В. Солидарность в немецком праве: к вопросу о сущности и истории развития социального государства // Татищевские чтения: актуальные проблемы науки и практики. Материалы XVII Международной научно-практической конференции. В 3-х т. Т. 2. Тольятти: Волжский университет имени В.Н. Татищева, 2020. С. 50–56.
27. Шевченко И.В., Александрова Е.Н. Инновационная экономика: вопросы теории и основные тенденции развития // Финансы и кредит. 2005. №14(182). С. 7–16.
28. Экономика и государство: новые стимулы и вызовы экономического развития в условиях долгосрочной вирусной пандемии: коллективная монография / Под ред. И.В. Михалёва, И.Л. Литвиненко. М.: МГГЭУ, 2022. 334 с.
29. Япония в эпоху великих трансформаций / Под ред. Д.В. Стрельцова. М.: АИРО-XXI, 2020. 320 с.
30. Bryson J., Beimer-Farris B. A., Bassett T. Promises and pitfalls of adaptive management in thinking sustainability: the lens of political ecology // Sustainability in the cultural landscape: understanding and managing changes in the human environment. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2012. Pp. 283–299.
31. Massey A. Governance: public governance to social innovation? // Policy & Politics. 2016. №44(4). Pp. 663–675.
32. Peters G., Pierre J. Governance, Accountability and Democratic Legitimacy // Governance and Democracy: Comparing National, European and International Experience / A. Benz, Y. Papadopoulos (eds.). London: Routledge, 2006. 320 p.
33. Samuelson P. The Pure Theory of Public expenditure // Review of economics. 1954. Vol. 36. №4. Pp. 387–389.
34. Schumpeter J.A. Capitalism, socialism and democracy. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. 456 p.

References

1. 100 social'nyh innovacij Finljandii [100 social innovations of Finland] [Elektronnyj resurs]. In I. Tajpale (eds.). Hel'sinki: Haka-paino, 2018. 360 p. URL: <https://finlandabroad.fi/documents/4248263/0/100+social'nyh+innovacij+iz+Finljandii.pdf/a94b5d82-ce28-963cd52d-6c336dc79ce1?t=1579007867192> (data obrashhenija: 14.06.2023). (In Russ.).
2. Akimova S.L. Finskie innovacii v medicine i social'noj sfere [Finnish innovations in medicine and social sphere]. *Pediatr [Pediatrician]*. 2017; 8(1): 120–129. (In Russ.).
3. Altuf'eva N.V. Teoreticheskie aspekty ponjatij «innovacii» i «innovacionnyj potencial» v sisteme social'no-jekonomicheskogo razvitija [Theoretical aspects of the concepts of «innovation» and «innovation potential» in the system of socio-economic development]. *Teoreticheskaja jekonomika [Theoretical economics]*. 2020; (11): 67–75. (In Russ.).
4. Antonova N.V., Eremina O. Ju. Social'nye funkicii gosudarstva: novye vektory razvit-

ija [Social functions of the state: new vectors of development]. *Zhurnal rossijskogo prava* [Journal of Russian Law]. 2020; (12): 89–102. (In Russ.).

5. Apokina K. V., Zubajdullina V. R. Social'noe predprinimatel'stvo v Velikobritanii [Social entrepreneurship in the UK] [Elektronnyj resurs]. *Jekonomika i menedzhment innovacionnyh tehnologij* [Economics and management of innovative technologies]. 2019; (6). URL: <https://ekonomika.snauka.ru/2019/06/16602> (data obrashhenija: 04.04.2023). (In Russ.).

6. Vasil'eva E. A. Transformacija gosudarstvennoj sluzhby v uslovijah administrativnoj reformy: dis. ... d-ra sociol. nauk [Transformation of the civil service in the conditions of administrative reform. Dr. Sci. (Sociology) diss.]: 22.00.08. Saint Petersburg, 2016. 364 p. (In Russ.).

7. Volchkova L. T., Vasil'eva E. A. Kachestvo gosudarstvennogo upravlenija: teoreticheskij aspekt [The quality of public administration: a theoretical aspect]. Sociologicheskaja jepistemologija i metodologija v XXI veke: materialy Pervyh Kovalevskih chtenij [Sociological epistemology and methodology in the XXI century: materials of the First Kovalev readings]. Saint Petersburg.: Asterion, 2006. 390 p. (In Russ.).

8. Vyzovy pandemii i strategicheskaja povestka dnja dlja obshhestva i gosudarstva: social'no-politicheskoe polozhenie i demograficheskaja situacija v 2021 godu [The challenges of the pandemic and the strategic agenda for society and the state: socio-political situation and demographic situation in 2021]. Otv. red. V. K. Levashov, G. V. Osipov, S. V. Rjazancev, T. K. Rostovskaja [In V. K. Levashov, G. V. Osipov, S. V. Rjazantsev, T. K. Rostovskaya (eds.)]. Moscow: FNISC RAN, 2021. 558 p. (In Russ.).

9. Ivahnenko S. D., Mel'nik A. A., Zaripova T. V. Ocenka dostupnosti distancionnoj zapisi na priem k vrachu v poliklinikah g. Ekaterinburga [Assessment of the availability of a remote appointment with a doctor in the polyclinics of Yekaterinburg]. Aktual'nye voprosy sovremennoj medicinskoj nauki i zdravooohranenija. Materialy IV Mezhdunarodnoj (74 Vserossijskoj) nauchno-prakticheskoy konferencii molodyh uchenyh i studentov, Vserossijskogo foruma medicinskih i farmacevticheskikh vuzov, posvjashhennye 100-letiju so dnja rozhdenija rektora Sverdlovskogo gosudarstvennogo medicinskogo instituta, professora V. N. Klimova [Topical is-

sues of modern medical science and healthcare. Materials of the IV International (74 All-Russian) scientific and practical conference of young scientists and students, the All-Russian Forum of Medical and Pharmaceutical Universities dedicated to the 100th anniversary of the birth of the rector of the Sverdlovsk State Medical Institute, Professor V. N. Klimov]. Ekaterinburg: Izd-vo UGMU, 2019. Pp. 603–608. (In Russ.).

10. Kirichenko I. V. Indija: social'naja sostavljajushhaja innovacionnoj politiki [India: the social component of innovation policy]. *Innovacii* [Innovations]. 2019; 8(250): 71–75. (In Russ.).

11. Krasnostavskaja N. V., Shevcova I. E. Povedenie individual'nyh potrebitelej uslug chastnyh medicinskih centrov na predpokupochnyh stadijah v virtual'nom prostranstve [Behavior of individual consumers of services of private medical centers at the pre-purchase stages in the virtual space] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik evrazijskoj nauki* [Bulletin of Eurasian Science]. 2018; 10(2). URL: <https://esj.today/PDF/86ECVN218.pdf> (data obrashhenija: 21.07.2023). (In Russ.).

12. Leonova O. G. Indija: edinstvo v raznobrazii. Fenomen indijskogo sekularizma [India: Unity in Diversity. The phenomenon of Indian secularism]. *Social'no-gumanitarnye znanija* [Socio-humanitarian knowledge]. 2018; (8): 229–241. (In Russ.).

13. Lihnovich Ju. Ju. Social'naja sfera i social'naja infrastruktura: podhody k opredeleniju [Social sphere and social infrastructure: approaches to definition]. Sbornik nauchnyh trudov VUZov Rossii «Problemy jekonomiki, finansov i upravlenija proizvodstvom» [Collection of scientific papers of Russian universities «Problems of economics, finance and production management»]. 2008; (25): 304–310. (In Russ.).

14. Martynjuk A. V., Zareckij A. V., Makarov M. A., Raznobarskij I. I. Innovacionnyj menedzhment: osnovnye ponjatija, klassifikacija i sushhnost' [Innovation management: basic concepts, classification and essence]. *Aktual'nye problemy gumanitarnyh i estestvennyh nauk* [Actual problems of humanities and natural sciences]. 2012; (7): 107–110. (In Russ.).

15. Mirovoj opyt innovacionnoj politiki: ocherki [World experience of innovation policy: essays]. Pod red. S. V. Vol'fsona [In S. V. Wolfson (eds.)]. Issue 2. Tomsk: Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2013. 287 p. (In Russ.).

16. Moziar P.M. Social'naja sfera Kitaja: tendencii i problemy razvitiya [The social sphere of China: trends and problems of development]. *Social'nye i gumanitarnye nauki. Otechestvennaja i zarubezhnaja literatura. Serija 9: Vostokovedenie i afrikanistika: Referativnyj zhurnal* [Social sciences and humanities. Domestic and foreign literature. Series 9: Oriental and African Studies: An Abstract Journal]. 2018; (3): 99–105. (In Russ.).
17. Morozova G.A. Process sovershenstvovaniya gosudarstvennogo upravleniya [The process of improving public administration]. *Trudy Nizhegorodskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta im. R.E. Alekseeva* [Proceedings of the Nizhny Novgorod State Technical University named after R.E. Alekseev]. 2014; 2(104): 256–262. (In Russ.).
18. Pitserskaja E.S. Sovremennye jetnosocial'nye issledovaniya v kanadskoj i amerikanskoy Arktike [Modern ethnosocial studies in the Canadian and American Arctic]. *Seriya Issledovaniya po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii* [Research series on applied and urgent Ethnology]. Vol. 179. Moscow: Institut jetnologii i antropologii RAN, 2005. 38 p. (In Russ.).
19. Rubcova M.V. Sociologicheskaja teorija upravljajemosti [Sociological theory of controllability]. Saint Petersburg: Knizhnyj dom, 2010. 182 p. (In Russ.).
20. Solov'eva S. V. Novye podhody v upravlenii uchrezhdenijami social'noj sfery Germanii: sociologicheskij aspekt: avtoref. dis. ... kand. sociol. nauk [New approaches in the management of social institutions in Germany: sociological aspect. Ph. D. (Sociology) Thesis]: 22.00.08. N. Novgorod, 2005. 23 p. (In Russ.).
21. Solov'eva T. S., Popov A.V., Karogonsales A., Hua Li. Social'nye innovacii v Ispanii, Kitae i Rossii: ključevye aspekty razvitiya [Social innovations in Spain, China and Russia: key aspects of development]. *Jekonomicheskie i social'nye peremeny: fakty, tendencii, prognoz* [Economic and social changes: facts, trends, forecast]. 2018; 11(2): 52–68. (In Russ.).
22. Social'no-jekonomicheskij analiz innovacionnogo upravleniya cifrovymi mediatekhnologijami [Socio-economic analysis of innovative management of digital media communications]. N.L. Zaharov, N.N. Pokrovskaja, T.V. Smetanina, S.N. Maljavin, A.V. Chechulin, S.I. Shelonaev. Saint Petersburg: VVM, 2022. 196 p. (In Russ.).
23. Suprygina G.G. Obzor nemeckogo «Social'nogo gosudarstva» i ego transformacij [Review of the German «Welfare State» and its transformations]. *Vestnik KemGU* [Bulletin of KemSU]. 2013; 2(54): 140–146. (In Russ.).
24. Tarasenko A.V. Diversifikacija sfery social'nyh uslug v Rossii: faktory regional'nyh razlichij [Diversification of social services in Russia: factors of regional differences]. Preprint M-58/17. Saint Petersburg: Izd-vo Evropejskogo universiteta v Sankt-Peterburge, 2017. 28 p. (In Russ.).
25. Celyh M.P. Modernizacija social'noj raboty v Velikobritanii na rubezhe HH-XXI vekov [Modernization of social work in Great Britain at the turn of the XX–XXI centuries] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik Taganrofskogo instituta imeni A.P. Chehova* [Bulletin of the Taganrog Institute named after A.P. Chekhov]. 2011; (2). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsiya-sotsialnoy-raboty-v-velikobritanii-na-rubezhe-hh-xxi-vekov> (data obrashhenija: 07.06.2023). (In Russ.).
26. Chil'kina K. V. Solidarnost' v nemeckom prave: k voprosu o sushhnosti i istorii razvitiya social'nogo gosudarstva [Solidarity in German law: on the question of the essence and history of the development of the welfare state]. *Tatishhevskie chtenija: aktual'nye problemy nauki i praktiki. Materialy XVII Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [Tatishchev readings: actual problems of science and practice. Materials of the XVII International Scientific and Practical Conference]. In 3 v. Vol. 2. Tol'jatti: Volzhskij universitet imeni V.N. Tatishheva, 2020. Pp. 50–56. (In Russ.).
27. Shevchenko I. V., Aleksandrova E. N. Innovacionnaja jekonomika: voprosy teorii i osnovnye tendencii razvitiya [Innovative Economics: questions of theory and main development trends]. *Finansy i kredit* [Finance and Credit]. 2005; 14(182): 7–16.
28. Jekonomika i gosudarstvo: novye stimuly i vyzovy jekonomicheskogo razvitiya v uslovijah dolgosrochnoj virusnoj pandemii: kollektivnaja monografija [Economy and State: new incentives and challenges for economic development in the context of a long-term viral pandemic: a collective monograph]. Pod red. I. V. Mihaljova, I. L. Litvinenko [In I. V. Mikha-

lev, I.L. Litvinenko (eds.)). Moscow: MGGJeU, 2022. 334 p. (In Russ.).

29. Japonija v jepohu velikih transformacij [Japan in the era of great transformations]. Pod red. D.V. Strel'cova [In D.V. Streltsov (eds.)]. Moscow: AIRO-HHI, 2020. 320 p. (In Russ.).

30. Bryson J., Beimer-Farris B. A., Bassett T. Promises and pitfalls of adaptive management in thinking sustainability: the lens of political ecology. Sustainability in the cultural landscape: understanding and managing changes in the human environment. Cambridge University Press, Cambridge, UK, 2012. Pp. 283–299.

31. Massey A. Governance: public governance to social innovation? *Policy & Politics*. 2016; 44 (4): 663–675.

32. Peters G., Pierre J. Governance, Accountability and Democratic Legitimacy. Governance and Democracy: Comparing National, European and International Experience. A. Benz, Y. Papadopoulos (eds.). London: Routledge, 2006. 320 p.

33. Samuelson P. The Pure Theory of Public expenditure. *Review of economics*. 1954; 36(4): 387–389.

34. Schumpeter J.A. Capitalism, socialism and democracy. London, New York: Taylor & Francis e-Library, 2003. 456 p.

Статья поступила в редакцию 18.08.2023; одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 18.08.2023; approved after reviewing on 16.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Елена Александровна — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Elena A. Vasilieva — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Sociological chair, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Emb., St. Petersburg, Russia

Борисов Александр Федосеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры социологии Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Россия, г. Санкт-Петербург, наб. р. Мойки, 48

Aleksandr F. Borisov — Doctor of Sociological Sciences, Professor of Sociological chair, Herzen State Pedagogical University of Russia.

48 Moika Embankment, St. Petersburg, Russia

Чечулин Алексей Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Связи с общественностью», Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет «ЛЭТИ» им. В. И. Ульянова (Ленина).

Россия, г. Санкт-Петербург, ул. проф. Попова, 5

Alexey V. Chechulin — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Public Relations chair, Saint-Petersburg Electrotechnical University «LETI» (ETU).

5 Prof. Popova str., Saint Petersburg, Russia

Вклад авторов:

Васильева Е. А. — концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Борисов А. Ф. — научное руководство; концепция исследования; итоговые выводы.

Чечулин А. В. — развитие методологии; доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Vasilieva E. A. — research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Borisov A. F. — scientific management; research concept; final conclusions.

Chechulin A. V. — development of methodology; follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 316.33

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-43-57

УСЛОВИЯ И ОСНОВНЫЕ АГЕНТЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИАЛИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

*Екатерина Николаевна Васильева¹, Наталья Николаевна Хомутова²,
Мария Борисовна Полтавская³✉, Нина Александровна Калашникова⁴*

*¹Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации,
Волгоград, Россия*

*²Северо-Западный государственный медицинский университет им. И.И. Мечникова,
Санкт-Петербург, Россия*

^{3,4}Волгоградский государственный университет, Волгоград, Россия

*¹vasilevaen@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0460-5539, AuthorID РИНЦ: 240731,
SPIN-код: 8682-4325*

²natalya.khomutova@szgmu.ru, ORCID: 0000-0002-0157-2428, AuthorID РИНЦ: 507382

³poltavskaya@volsu.ru✉, ORCID: 0000-0001-7275-626X, AuthorID РИНЦ: 411910

⁴kalashnikova@volsu.ru, ORCID: 0000-0002-4072-0390, AuthorID РИНЦ: 335427

Аннотация. Целью исследования является характеристика основных агентов влияния и описание специфики политической социализации студенческой молодежи в условиях развития социальных медиа.

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции политической социализации молодежи. К используемым научным методам относятся исторический, сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты исследования. Политическая социализация молодежи становится важнейшей целью государства. При этом условия социализации подразумевают использование следующих технологий: социальные медиа, технологии информирования, пропаганды, контекстной рекламы, PR-акции и т.д. Семья, образовательные учреждения как агенты политической социализации не используют политическую коммуникацию, однако могут осуществлять коммуникации по политическим вопросам, транслировать политические знания и нормы. Государственные институты, политические партии и иные формальные организации вступают в политическую коммуникацию с разными группами населения. Неформальные организации и сообщества для передачи политической информации, ориентаций и политических убеждений используют неформальные каналы коммуникации, не поддающиеся жесткому контролю извне (слухи, сплетни, анекдоты, мифы, карикатуры, мемы), которые передают не столько политическую информацию, сколько отношение к ней, делят мир на «своих» и «чужих». Критическое мышление, формируемое в условиях образовательного процесса, может выступать средством социализации студенческой молодежи. Рассмотрена способность социальных медиа распространять политическую информацию на основе формирования эхо-камер.

Перспективы исследования заключаются в развитии условий для политической социализации молодежи. Обобщенные данные об основных агентах политической социализации могут быть использованы при корректировке методов работы со студенческой молодежью.

Ключевые слова: общество, политическая социализация, молодежь, студенческая молодежь, гражданское общество, критическое мышление

Для цитирования: Васильева Е. Н., Хомутова Н. Н., Полтавская М. Б., Калашникова Н. А. Условия и основные агенты политической социализации студенческой молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 43–57. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-43-57>.

Original article

CONDITIONS AND MAIN AGENTS OF POLITICAL SOCIALIZATION OF STUDENTS

*Ekaterina N. Vasilyeva¹, Natalya N. Khomutova²,
Mariya B. Poltavskaya³✉, Nina A. Kalashnikova⁴*

¹*Volgograd Academy of Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia*

²*North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov, Saint Petersburg, Russia*

^{3,4}*Volgograd State University, Volgograd, Russia*

¹*vasilevaen@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-0460-5539, AuthorID RSCI: 240731,
SPIN-code: 8682-4325*

²*natalya.khomutova@szgmu.ru, ORCID: 0000-0002-0157-2428, AuthorID RSCI: 507382*

³*poltavskaya@volsu.ru✉, ORCID: 0000-0001-7275-626X, AuthorID RSCI: 411910*

⁴*kalashnikova@volsu.ru, ORCID: 0000-0002-4072-0390, AuthorID RSCI: 335427*

Abstract. *The purpose of the study is to characterize the main agents of influence and describe the specifics of the political socialization of students in the context of the development of social media.*

The methodological basis of the study *is the basic provisions of the concept of political socialization of youth. The scientific methods used include historical, comparative, causal and statistical analysis.*

The results of the study. *The political socialization of young people is becoming the most important goal of the state. At the same time, the conditions of socialization imply the use of the following technologies: social media, information technologies, propaganda, contextual advertising, PR campaigns, etc. Family, educational institutions as agents of political socialization do not use political communication, but they can carry out communications on political issues, broadcast political knowledge and norms. State institutions, political parties and other formal organizations engage in political communication with different groups of the population. Informal organizations and communities for the transmission of political information, orientations and political beliefs use informal communication channels that are not subject to strict control from the outside (rumors, gossip, anecdotes, myths, cartoons, memes), which convey not so much political information as attitude to it, divide the world into «their» and «strangers». Critical thinking, formed in the conditions of the educational process, can act as a means of socialization of students. The ability of social media to disseminate political information based on the formation of echo chambers is considered.*

The prospects of the research *are in the development of conditions for the political socialization of young people. Generalized data on the main agents of political socialization can be used to adjust the methods of working with students.*

Keywords: *society, political socialization, youth, student youth, civil society, critical thinking*

For citation: *Vasilyeva E. N., Khomutova N. N., Poltavskaya M. B., Kalashnikova N. A. Conditions and main agents of political socialization of students // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 43–57. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-43-57>.*

Введение. Политическая социализация осуществляется на уровне формальных институтов и в межличностном взаимодействии в процессе коммуникации. Формальные институты транслируют доминирующую политическую культуру с целью интеграции акторов, что становится базой для обеспечения стабильности политической системы. В данной работе политическая культура рассматривается инструментально через следующие индикаторы: политические нормы, политические ценности, политические установки, реализующиеся в политических практиках и действиях акторов. Такая позиция позволяет нам не включаться в концептуальные споры о применимости понятия «политическая культура» [9].

Методологическую базу исследования представляют базисные положения концепции политической социализации молодежи. К используемым научным методам относятся исторический, сравнительный, причинно-следственный и статистический анализ.

Результаты. Рассматривая политическую культуру в традиции Г. Алмонда и С. Вербы [1], мы не разделяем подхода политологов к определению гражданской культуры Британии и Соединенных Штатов как универсального типа. Универсальность западной политической культуры для европейских стран и США обусловлена тем, что она сформирована в большей мере поступательно. Единственным серьезным потрясением для западной политической системы явился период доминирования в Европе фашизма, от ценностей и идей которого властью на официальном уровне был артикулирован полный отказ. В современной России формирование политической культуры не является поступательным: периоды дореволюционной России, постреволюционной, существования СССР и современный ознаменованы формированием разных ценностей, норм и установок, при этом полного отказа от какой-

либо из парадигм сегодня не транслируется, хотя в разные периоды ценности, нормы и установки предыдущих периодов отвергались. Необходимо учитывать, что культура акторов является результатом исторического процесса, зависит от социально-экономических условий формирования, политической ситуации.

В разных культурах, религиях, на разных этапах исторического развития, в разных странах формируются базовая политическая культура и несколько специфических моделей (политических субкультур). Структурным элементом культуры является политическая культура, включающая политические ценности, нормы, практики, политические ориентации и т.д. В этом отношении важно разделять легитимные политические ориентации, установленные в нормативных документах и закреплённые практикой, и неформальные ориентации, т.е. те, которые приняты некой группой, сообществом: их активное продвижение ведет к формированию конфликтных ситуаций. Теоретические подходы, структурирующие факторы формирования политических ценностей, политической культуры, политической идентификации, политического сознания и политического поведения формируют целый комплекс социологических и политических теорий, раскрывающих процессы формирования идентичности в результате политической социализации.

Вертикальная модель коммуникации с целью трансляции политической культуры осуществляется на институциональном уровне следующими агентами: образовательными учреждениями, армией, системой государственной власти (федеральный, региональный, местный уровни), общественным мнением как институтом гражданского общества. В этом случае коммуникация часто является односторонней, актор становится объектом воздействия, несогласие с транслируемыми ценностями и нормами приводит к санкциям. В семье и образовательных учреждениях трансляция осуществляется в процессе

воспитания, система государственной власти использует законы как инструмент нормативного регулирования поведения актора (например, административное или уголовное наказание за несанкционированные политические протесты).

Модель горизонтальной коммуникации выстраивается на личном уровне, агентами политической социализации выступают друзья, референтные социальные группы, наставники в образовательных учреждениях и т.д. В этом случае можно выстраивать двустороннюю или многостороннюю коммуникацию, обсуждать волнующие вопросы, открыто сомневаться или дискутировать. Исторически обусловлено, какая форма коммуникации — вертикальная или горизонтальная — доминирует в политической социализации молодежи. Большое влияние на этот процесс оказывает разрыв поколений, вызванный социальными изменениями на фоне значимых исторических событий. Разрыв поколений определяет уровень доверия молодежи агентам социализации, выстраивающим вертикальную коммуникацию.

Отдельно выделим агентов, влияние которых осуществляется одновременно и/или последовательно по моделям вертикальной и горизонтальной коммуникации, т.е. трансляция политических знаний и идей осуществляется системно. Кроме семьи к ним относятся, во-первых, формальные общественные объединения (некоммерческие организации, в том числе политические партии, а также известные движения и т.д.), вхождение в данные общественные объединения обусловлено уже сложившимися политическими ценностями, установками и нормами акторов; во-вторых, неформальные объединения, группы по интересам, которые, сочетая институциональные и личные коммуникационные технологии, могут осуществлять как общественно полезную, так и противоправную деятельность. Основным инструментом включения новых членов в разные типы организация является информирование о своей деятельности по каналам личной коммуникации или политической коммуникации.

Применительно к коммуникации, опосредованной СМИ, целесообразно использовать термин «политическая коммуникация» [13], т.к. модели коммуникации внутри семьи

или образовательного учреждения не являются примерами классического понимания политической коммуникации. Понятие «политическая коммуникация» формировалось в русле теории массового общества и обоснования СМИ как инструмента, объединяющего массы (Г. Блумер, Г. Лассуэлл, Х. Арендт, П. Лазарсфельд, К. Дойч, Г. Алмонд, Дж. Коулман и др.) [8].

В XX веке политическая коммуникация, опосредованная СМИ, существенно усложнилась, что связано с появлением и распространением информационно-коммуникативных технологий, сети Интернет, следовательно, изменились условия политической социализации акторов, особенно политической социализации студенческой молодежи. Студенческая молодежь в период обучения в учреждениях среднего и высшего образования дистанцируется от семьи. В то же время интенсивность воздействия программ воспитания падает, т.к. основная цель учреждений среднего и высшего образования — формирование профессиональных компетенций. Ослабление вертикальной коммуникации компенсируется расширением горизонтальной коммуникации, а также сохранением влияния политической коммуникации, что в современных условиях определено выходом СМИ в сеть Интернет, а также трансформацией СМИ.

Обсуждение. Российский политолог А.И. Соловьев пишет о формировании специфической политической культуры как итоге информационной революции, изменения плотности, структуры коммуникации, расширения субъектов взаимодействия [13]. Большой вклад в исследование интернет-коммуникаций внесли теоретики политических коммуникаций в сети Интернет С.В. Володенков и Ю.Д. Артамонова. Исследователи проследили историческое развитие концепта «медиатизация», который раскрывает сущность трансформаций социальных практик под влиянием медиа (понятие «медиа» в 1980-х годах используется в значении «СМИ»). Медиатизация — это процесс передачи через СМИ символов, культурных образцов, норм и т.д. С.В. Володенков и Ю.Д. Артамонова отмечают, что первоначально понятие использовалось для исследования влияния культурных образов, трансляции

руемых медиа, на стиль жизни, а в 1995 году Е. Верон доказал, что современные медиа повлияли на то, что политика стала объектом повседневного потребления [2]. И.А. Быков, исследуя политическую коммуникацию [5], делает системный обзор работ, в которых формулируются важные выводы о специфике новой медиасреды, сформированной в процессе появления сетевых средств массовой информации. Сетевые СМИ дешевле и быстрее в производстве и распространении контента, однако уровень достоверности информации, публикуемой в них, ниже, чем в традиционных СМИ. Электронные СМИ меняют стиль сообщений, способствуют глобальному перераспределению аудитории, аккумулируют финансы (появляются медиаимперии). Сегодня исследование медиатизации — это не только изучение влияния СМИ на практики, но и анализ трансформации самих СМИ: от печатной продукции, к радио- и телеэфирам, наконец, к выходу СМИ в Интернет-пространство, а также исследование того, как политический процесс изменяется под форматы масс-медиа (увеличение пиар-материалов, формирование пиар-индустрии и т.д.).

С.В. Володенков [6; 7] связывает расширение использования сети Интернет с процессом цифровизации, т.е. внедрением цифровых технологий в политическую сферу, расширением доступа широких масс к цифровым технологиям. Официально Интернет в РФ появился 7 апреля 1994 года, в марте 1996 года Фонд Сороса совместно с правительством РФ приступил к реализации программы «Университетские центры России», однако повсеместное подключение к сети Интернет россиян пришлось на 2005–2007 годы¹. В 2016 году сформировался пакет услуг по безлимитному Интернету, что интенсифицировало цифровизацию в РФ.

Цифровизацию можно рассматривать как основу:

— оптимизации инструментов политической социализации и влияния на общественное мнение с целью повышения управляемости обществом;

— расширения реализации права на свободу слова, а также взаимодействия акторов,

т.к. коммуникации не препятствуют временные и пространственные ограничения, т.к. есть доступ к необходимым технологиям;

— потенциальную угрозу стабильности политической системы при появлении новых политических акторов, которые претендуют на власть и обладают ресурсами изменения политической системы и организации протестных движений.

Влияние на общественное мнение с целью повышения управляемости обществом в сети Интернет осуществляется через модели государственных публичных коммуникаций с использованием технологий Web 2.0 (технология, позволяющая привлекать к созданию онлайн-контента пользователей). Технологии Web 2.0 в России стали активно внедряться в алгоритмы государственного управления в 2008–2009 годах с целью формирования цифрового правительства (примерами реализации является Единый портал государственных услуг Российской Федерации, Центры управления регионом и т.д.).

Технологии Web 2.0 используются повсеместно, не только в целях государственного управления. Они стали платформой развития социальных сетей, позволили проводить онлайн-трансляции, настраивать контекстную рекламу, осуществлять двустороннюю и многостороннюю коммуникацию и т.д. Появление социальных сетей позволило как формальным институтам и объединениям, так и неформальным объединениям выйти на новый уровень информирования о своей деятельности, политической коммуникации, существенно расширить сферу влияния за счет развития новых цифровых технологий.

С распространением технологии Web 2.0 введено понятие «социальные медиа» — это инструмент политической коммуникации на платформах социальных сетей. Сегодня акторы могут потреблять и комментировать политический контент не только в социальных сетях, во многих официальных электронных СМИ есть соответствующие инструменты. Параллельно с развитием социальных медиа активно обсуждаются вопросы безопасности, технологии отслеживания групп, транслирующих противоправный контент.

¹ История развития российского Интернета. Справка [Электронный ресурс] // РИА Новости. URL: <https://ria.ru/20110919/439857350.html> (дата обращения: 12.09.2023).

Для этого институционализируются и формируются механизмы упрощения идентификации пользователей социальных медиа (например, профили привязываются к номеру телефона) в целях повышения безопасности социальных сетей. Идентификация пользователей способствовала развитию методик исследования цифрового пространства (как структуры пользователей, так и контента), для этого сегодня используются технологии, разработанные на основе анализа Big Data.

Эксперты Мирового Интернет-проекта² (World Internet Project) Е.В. Бродовская и Т. Хуанг раскрывают предпосылки формирования одного из инструментов повышения безопасности социальных сетей — концепта «цифровое гражданство» [4]. Цифровое гражданство задает нормативные рамки безопасной коммуникации в цифровом пространстве, т.к. формируется цифровой профиль акторов — это информация, которую можно найти о них в сети Интернет (аккаунты, фотографии, электронная почта, история онлайн-покупок и т.д.). Выкладывание личной информации в открытый доступ, конечно, приводит к актуализации проблемы защиты личных данных, но в то же время повышает ответственность акторов при организации онлайн-модерирования, сбора ресурсов (краудфандинг, краудсорсинг и т.д.).

Для современной студенческой молодежи активность в социальных медиа является повседневной практикой, другой вопрос — интересна ли современным студентам политическая коммуникация в социальных медиа? Е.В. Бродовская и Т. Хуанг сопоставляют теорию поколений и теорию цифрового гражданства и приходят к выводу, что современную молодежь можно назвать цифровым поколением. В своем исследовании 2019 года авторы выявили, что цифровое поколение в России существенно дифференцировано по стратегиям онлайн-практик, как гражданских, так и политических: 45,3% опрошенных не проявляют политической и гражданской активности онлайн, 29,1% читают политические новости органов государственной власти, 27,8% подписаны на сообщества, обсуждающие политические новости, 26,1%

подписаны на актуальные новости оппозиционных политических сил, 7,9% занимаются волонтерством в сети, 7,4% ведут блоги, затрагивая там политические темы, по 5,2% модерировать политические сообщества онлайн и занимаются сбором ресурсов в политических целях [4].

Политологи А.С. Ахрименко, Д.К. Стукал, А.П. Петров анализируют факторы распространения протестных настроений в социальных медиа и делают вывод, что сетевые связи в онлайн-среде приближаются по своим свойствам к связям в офлайн-среде и за счет этого способны аккумулировать протестный потенциал активистов. Они выделяют механизмы распространения сообщений: во-первых, перепост или репост (авторы обсуждают данный вопрос на примере Twitter, поэтому пользуются понятием «ретвит») [3]; во-вторых, использование хештегов (сообщений со знаком #); в-третьих, эффект эхо-камеры (в том числе сетевая гомофилия — это тенденция образовывать связи по сходным признакам, объединяясь с теми, у кого схожие взгляды, например, в политике) [16].

Зарубежные ученые достаточно давно исследуют влияние социальных платформ на распространение информации и формирование эхо-камер. Основные направления исследования [14]:

- 1) связи пользователей по сходным признакам в сетях взаимодействия;
- 2) распространение информации единомышленникам автоматически, без формирования акторами соответствующих запросов (это позволяют сделать технологии искусственного интеллекта, контекстной рекламы и др.).

За счет технологий таргетирования социальные сети имеют ресурсы ограничивать доступ актора к разным точкам зрения, автоматически подбирая информацию одностороннего характера. Это позволяет формировать группы пользователей-единомышленников, которые говорят о политических событиях схожими формулировками, одинаково интерпретируют политические события, т.е. развивается эффект эхо-камеры, когда все повторяют друг за другом. В итоге те, кто попадает в сообщество с иной точкой зрения,

² Официальный сайт Мирового Интернет-проекта [Электронный ресурс]. URL: <https://www.worldinternetproject.com/> (дата обращения: 12.09.2023).

будут критиковаться основными пользователями сообщества, начнет работать закон «свой-чужой».

Необходимо учесть, что технологии взаимодействия между пользователями и алгоритмы подачи информации сильно различаются в зависимости от социальных сетей, это влияет на популярность социальных сетей у акторов, в то же время в критических ситуациях доступ к социальным сетям может регулироваться нормативными документами и соответствующими технологиями блокировки. На фоне политических событий 2022 года и принятых в РФ юридических постановлений³ рейтинг Интернет-ресурсов в России существенно изменился (см. табл. 1–2). Введение ограничений стало обоснованным решением, направленным на противодействие

распространению фейков, активизирующих протестные настроения и дестабилизирующих российскую политическую систему. Исследование коммуникационных связей пользователей Twitter⁴ показало, что фейки распространяются быстрее, чем официальные новости [14].

Агенты политической коммуникации содействуют оптимизации технологий доступа к информации о пользователях социальных сетей, обработки информации с целью выявления механизмов влияния коммуникации в социальных медиа на общественное мнение, а также на поведение акторов. Исследуются следующие вопросы: как акторы ищут информацию; как принимают решение не читать всплывающие сообщения; как социальные медиа влияют на политическое по-

Таблица 1

Table 1

**Наиболее востребованные онлайн-ресурсы в РФ в январе 2022 г.
 (целевая аудитория: люди старше 12+)**

The most popular online resources in Russia in January 2022 (target audience: people over 12+)

№	Интернет-ресурс	Месячный охват, тыс. чел	Месячный охват, % от населения	Среднедневной охват за месяц, тыс. чел	Среднедневной охват за месяц, % от населения
1	Яндекс	93993.2	77	61195.6	50.1
2	Google	91415.2	74.9	55299.2	45.3
3	Youtube	89459.7	73.3	45303.5	37.1
4	WhatsApp ⁵	83887.3	68.7	70102.8	57.4
5	ВКонтакте	79164.7	64.8	46102.2	37.8
6	Sberbank	75077.9	61.5	34879.8	28.6
7	Mail.ru	70779.4	58	22381.7	18.3
8	Instagram ⁶	67004.6	54.9	37818.9	31
9	Tiktok	65837.3	53.9	31701.8	26
10	Gosuslugi	57268	46.9	8474.9	6.9

³ Федеральный закон от 4 марта 2022 года №32-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и статьи 31 и 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» (в СМИ известен как «Закон о фейках» или «Закон о военной цензуре»); Тверской суд Москвы по иску Генпрокуратуры признал американскую Meta Platforms Inc. экстремистской организацией и запретил ее деятельность по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории РФ; Федеральный Закон от 14 июля 2022 г. №255-ФЗ «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием».

⁴ Сервис заблокирован в России по требованию Генпрокуратуры по статье 15.3 (распространение незаконной информации).

⁵ Instagram/Whatsapp/Facebook принадлежат компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ). Источник: Данные открытого рейтинга MediaScope. URL: <https://mediascope.net/data/>.

⁶ Instagram/Whatsapp/Facebook принадлежат компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ). Источник: Данные открытого рейтинга MediaScope. URL: <https://mediascope.net/data/>.

ведение; как меняется политическая коммуникация; как онлайн-коммуникация влияет на политическую социализацию и др.

На распространение информации в социальных сетях влияет множество факторов:

— онлайн-поляризация, которая может способствовать распространению дезинформации;

— ограничение внимания пользователей, предпочтения пользователей выбирать информацию, которая соответствует их убеждениям;

— цифровое неравенство;

— алгоритмы таргетирования, которые ограничивают процесс выбора, предлагая контент, похожий на тот, с которым мы обычно сталкиваемся.

Все эти факторы тесно связаны с эффектом эхо-камеры, в которой мнения, политические взгляды или убеждения пользователей укрепляются благодаря повторяющимся взаимодействиям с участниками сообщества, имеющими схожие взгляды. Избирательное воздействие и предвзятость лишь усиливают данный эффект (т.е. склонность искать информацию в соответствии с ранее существовавшими мнениями).

Согласно теории групповой поляризации, разрабатываемой социальным психологом Сержем Московичи, поляризация в обществе связана с необходимостью избегания сомнений и неуверенности, человеку нужна группа, чтобы чувствовать себя увереннее [10]. И найти сообщество по интересам легче всего в социальных сетях, где простой запрос по ключевым словам в поисковой строке позволяет найти сообщество, если публикации сообщества открыты для ознакомления, то сделать вывод о том, соответствует ли оно интересам актора, легко, как и вступить в данное сообщество. Технология очень доступна для молодых людей, принадлежащих цифровому поколению.

Эхо-камера может выступать в качестве механизма для усиления существующего мнения внутри группы и в результате поляризовать группу еще больше, актуализируя ее протестный потенциал. Эхо-камеры существуют в различных формах онлайн-СМИ, таких как блоги, форумы и сайты социальных сетей. В некоторых исследованиях существование эхо-камер как социального феномена ставятся под сомнение [14; 15]. Проблема

Таблица 2
 Table 2

**Наиболее востребованные онлайн ресурсы в РФ в мае 2022 г.
 (целевая аудитория: люди старше 12+)**

The most popular online resources in Russia in May 2022 (target audience: people over 12+)

№	Интернет-ресурс	Месячный охват, тыс. чел	Месячный охват, % от населения	Среднедневный охват за месяц, тыс. чел	Среднедневный охват за месяц, % от населения
1	Яндекс	94300.3	77.2	62483.5	51.2
2	Google	90966.1	74.5	55439.5	45.4
3	Youtube	88768.2	72.7	46849.9	38.4
4	WhatsApp ⁷	83522.3	68.4	70078.2	57.4
5	ВКонтакте	81176.2	66.5	49501.1	40.5
6	Sberbank	75992.6	62.2	37421.1	30.7
7	Mail.ru	69930.4	57.3	22065.2	18.1
8	Telegram	65899.2	54	40095	32.8
9	Tiktok	62441.3	51.1	30046	24.6
10	Avito	56341.6	46.2	16313.8	13.4

⁷ Instagram/Whatsapp/Facebook принадлежат компании Meta (признана экстремистской и запрещена в РФ).
 Источник: Данные открытого рейтинга MediaScope. URL: <https://mediascope.net/data/>.

усугубляется нехваткой сравнительных исследований в социальных сетях, особенно в отношении политической социализации.

Важно осуществлять сравнительные исследования различных платформ, сравнивать онлайн и офлайн политическую социализацию, анализировать разные типы социального взаимодействия в социальных медиа — репосты, хештеги, лайки, комментарии в группах разных социальных сетей. Важно понять, как формируется склонность актора к политической повестке, какова структура социального взаимодействия актора в онлайн и офлайн, проявляется ли социальная гомофилия (склонность акторов ассоциировать себя с определенной группой) у современных российских студентов, распространяют ли они информацию вне сообщества или только внутри сообщества. Вычислить социальную гомофилию можно по количеству участников группы, построив социальный граф конкретных сообществ.

Наибольшую угрозу ресурсы социальных медиа представляют, если социальные группы (объединения, движения) используют их как площадку агрегирования протестных настроений. Сегодня онлайн-технологии способствовали трансформации политического участия, развитию цифрового активизма и киберактивизма [17]. Р.В. Парма, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, предлагает рассматривать понятие «политический активизм» в рамках социальных медиа как «общественную деятельность, объединяющую граждан для реализации общих интересов посредством влияния на решения органов власти и связанную с выдвижением требований и проявлением инициативы, а также с обеспечением представительства» [11, с. 145–170]. По результатам Всероссийского опроса, проведенного департаментом политологии Финансового университета в рамках исследовательского проекта «Формирование установок гражданской активности: факторы, технологии, эффекты», наибольшая поляризация политических настроений наблюдается в молодежной среде, именно среди студентов вузов было выявлено 15% оппозиционеров.

В предыдущем разделе мы обозначили, что институты образования и армия как агенты социализации обеспечивают механизмы

осуществления контролируемой политической социализации граждан, т.е. помогают акторам усвоить нормы (в том числе правовые) и ценности (в том числе закрепленные в Конституции), а также получить знания о политической системе в процессе вертикальной коммуникации. Большое влияние оказывает и горизонтальная коммуникация, где агентами выступают акторы и социальные группы, с которыми сложились доверительные отношения. Специфика общественных объединений и социальных групп — в том, что одновременно протекает вертикальная, горизонтальная и политическая коммуникации. В зависимости от типа общественного объединения и типа социальной группы (формальные или неформальные) политические ценности, транслируемые установки и нормы могут или способствовать сохранению политической системы, или формировать протестные настроения. В целом контроль за социальными медиа осуществлять сложно. В то же время как формальные, так и неформальные общественные объединения используют социальные медиа как площадку, позволяющую получать доступ к реципиентам информации. Возникает вопрос: можно ли рассматривать социальные медиа (и в целом СМИ) как наиболее влиятельный инструмент политической социализации? Или наиболее эффективна личная коммуникация, как вертикальная, так и горизонтальная, а не вертикальная и горизонтальная коммуникация, опосредованная социальными медиа? Социальные медиа как инструмент сегодня используют все агенты социализации, такие как образовательные учреждения, государственные органы управления, политические лидеры, армия, общественные объединения (как формальные, так и неформальные), экономические, политические и культурные элиты для трансляции ценностей, установок, норма в процессе коммуникации, это определяет специфику политической социализации современной молодежи.

Таким образом, специфика условий политической социализации современной студенческой молодежи определяется развитием инструментов, политических технологий социальных медиа, а также использованием агентами политической социализации в процессе политической коммуникации. Это

вписывается в повседневные практики современной студенческой молодежи, принадлежащей к цифровому поколению. Важным фактором, определяющим специфические условия политической социализации, является цифровизация, т.е. широкое распространение социальных медиа. Акторы, проходя первичную политическую социализацию в семье и средних образовательных учреждениях, параллельно могут самостоятельно выстраивать стратегию своей политической социализации, осуществляя коммуникацию в цифровой среде. Молодежь, приобретая статус студента, включается в образовательный процесс с частично или полностью сформированными политическими установками, нормами и ценностями. Политическая культура формируется в семье, которая как агент социализации свободна от внешнего контроля, а также в школе, где используются традиционные инструменты воспитания и образования, исключая политическую коммуникацию в социальных сетях, единственно возможный инструмент — трансляция политических образов для повышения узнаваемости государственных символов.

В среднем образовательном учреждении осуществляется контролируемая социализация и используется термин «воспитание». В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» дается определение образования как единого целенаправленного процесса воспитания, а воспитание — это «деятельность, направленная на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданской ответственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»⁸. Формирование ценностей в интересах государства, закрепление соци-

ализации в рамках задач воспитания — все это показывает, что обучающийся является объектом воздействия агентов социализации.

В то же время в ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» закреплён запрет на политическую агитацию, принуждение к принятию убеждений, в том числе политических. В данном случае соблюдаются естественные и конституционные права обучающихся, каждый гражданин — личность и субъект принятия решений. Необходимо обозначить, что реализация поставленных в данном нормативном документе задач будет идти неравномерно, в зависимости от возраста обучающихся и типа образовательного учреждения. Опустим период получения общего среднего образования, обозначим специфику политической социализации студенческой молодежи. В период студенчества перестраиваются каналы коммуникации. Вертикальная модель трансляции ценностей (агенты социализации — семья и образовательное учреждение) сменяется горизонтальной моделью (агенты — друзья, референтные социальные группы).

Заключение. Студенческая молодежь является специфической группой населения, а условия ее политической социализации включают исторические события, которые могут нести иные смыслы и ценности, нежели исторические события, в которых социализировались предыдущие поколения. Молодежь действует в зависимости от того, какие политические ценности разделяет: традиционные (стандартные) для базовой политической культуры или новые (нестандартные) политические ценности. В ситуации разрыва политических ценностей разных поколений могут формироваться протестные настроения, риск которых повышается, если ограничена самореализация молодежи или не удовлетворены основные потребности. Политическая система, в зависимости от баланса сил и угроз, может дестабилизироваться.

Основной инструмент социализации — коммуникация, следовательно, большую роль в политической социализации молодежи играет не только непосредственная коммуникация, но и опосредованная, не только личная,

⁸ ФЗ «Об образовании в Российской Федерации».

но и с помощью средств массовой коммуникации. СМИ обладают ресурсами реализации права на свободу слова и ресурсами манипуляции, пропаганды. В современном мире СМИ расширили влияние на общественное мнение благодаря использованию цифровых технологий, цифровизации и др. через социальные медиа. Данные технологии доступны разным агентам социализации (формальным и неформальным, институциональным и неинституциональным) для передачи как достоверной информации, так и фейков.

В период обучения в вузе, что следует из исследования Т.М. Ньюкомба, политические представления молодых людей могут существенно измениться, измениться частично, а могут не измениться. Влияние на изменение политических представлений оказывает коммуникация (коммуникативные акты). Критическое мышление, формируемое в условиях образовательного процесса, может выступать средством социализации студенческой молодежи [12].

Гипотетически коммуникация с родителями по обсуждению политических новостей оказывает большее влияние на политические ценности, установки, нормы и практики современной молодежи, чем коммуникация в социальных сетях. Важно определить, из каких источников получают молодые люди информацию о политической обстановке, с кем обсуждают данные темы и обсуждают ли в принципе. Полученная информация поможет нам структурировать группы молодежи по практикам политического участия, а также выявить, какие агенты политической социализации оказывают существенное воздействие на российскую студенческую молодежь в социальных медиа.

Еще один важный фактор политической социализации — это политические технологии, которые используют агенты политической социализации в социальных медиа, это могут быть как технологии информирования, так и пропаганды, как контекстная реклама, так и PR-акции и т.д. Семья, образовательные учреждения как агенты политической социализации не используют политическую коммуникацию, однако могут осуществлять коммуникации по политическим вопросам, транслировать политические знания и нормы. Напротив, государственные институты,

политические партии и иные формальные организации вступают в политическую коммуникацию с разными группами населения. Неформальные организации и сообщества для передачи политической информации, ориентаций и политических убеждений используют неформальные каналы коммуникации, которые не поддаются жесткому контролю извне. Традиционно к неформальной политической коммуникации относят слухи, сплетни, анекдоты, мифы, а в современном обществе сюда добавляются политические карикатуры, мемы. Отметим, что неформальные каналы коммуникации передают не столько информацию, сколько отношение к ней. В свою очередь, слухи и сплетни можно рассматривать как особые формы передачи информации, которые выполняют функции дифференциации и интеграции — делят мир на «своих» и «чужих», объединяя «посвященных» в сообщество, которому доверили важную информацию. В условиях нехватки достоверной информации, значимости обсуждаемой темы для индивида, возрастает потребность в неформальной политической коммуникации.

Список источников

1. Алмонд Г.А., Верба С. Гражданская культура (подход к изучению политической культуры) (I) // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. Журнал политической философии и социологии политики. 2010. №2(57). С. 122–144.
2. Артамонова Ю.Д., Володенков С.В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. №2(28). С. 9–27.
3. Ахременко А.С., Стукал Д.К., Петров А.П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных // Политические исследования. 2020. №2. С. 73–91. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>.
4. Бродовская Е.В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2019. №5. С. 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>.

5. Быков И. А. Сетевая политическая коммуникация: Теория, практика и методы исследования: монография. СПб.: ФГБОУ ВПО «СПГУТД», 2013. 200 с.

6. Володенков С. В. Влияние технологий интернет-коммуникаций на современные общественно-политические процессы: сценарии, вызовы и акторы // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2019. №5(153). С. 341–364.

7. Володенков С. В. Политика в цифровом формате в исследованиях российских и зарубежных ученых: представляю номер // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2022. Т. 24. №3. С. 339–350. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350.

8. Володенков С. В. Политическая коммуникация и современное политическое управление // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. 2011. №6. С. 22–31.

9. Малинова О. Ю. Политическая культура в российском научном и публичном дискурсе // Полис. Политические исследования. 2006. №5. С. 106–128.

10. Московичи С. Век толп. Исторический трактат по психологии масс / Пер. с фр. Т. П. Емельяновой. М.: Центр психологии и психотерапии, 1998. 480 с.

11. Парма Р. В. Общественный активизм российских граждан в офлайн- и онлайн-пространствах // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2021. №6. С. 145–170. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>.

12. Слижкова Е. В., Мальцева И. В. Критическое мышление как средство социализации студентов // Проблемы современного образования. 2019. №6. С. 72–88.

13. Соловьев А. И. Коммуникация и культура: противоречия поля политики // Политические исследования. 2002. №6. С. 6–17.

14. Cinelli M., De Francisci Morales G., Galeazzi A., Quattrocioni W., Starnini M. The echo chamber effect on social media // Proceedings of the National Academy of Sciences. U.S.A. 2021. Vol. 118. №9. DOI: <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>.

15. Dubois E., Blank G. The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media // Information, Com-

munication & Society. 2018. №21(5). Pp. 729–745. DOI: 10.1080/1369118X.2018.1428656.

16. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J. M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks // Annual Review of Sociology. 2001. №27. Pp. 415–444.

17. Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J. R. Towards Cyberactivism 2.0? Understanding the Use of Social Media and Other Information Technologies for Political Activism and Social Movements // Government Information Quarterly. 2014. Vol. 31. №3. Pp. 365–378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.10.016>.

References

1. Almond G. A., Verba S. Grazhdanskaja kul'tura (podhod k izucheniju politicheskoj kul'tury) (I) [Civil culture (an approach to the study of political culture) (I)]. *Politija: Analiz. Hronika. Prognoz. Zhurnal politicheskoj filosofii i sociologii politiki* [Politiya: Analiz. Chronicle. Forecast. Journal of Political Philosophy and Sociology of Politics]. 2010; 2(57): 122–144. (In Russ.).

2. Artamonova Ju. D., Volodenkov S. V. Mediatizacija kak issledovatel'skij koncept: osnovnye predposylki, formirovanie i vozmozhnosti dal'nejshego razvitija [Mediatization as a research concept: basic prerequisites, formation and possibilities for further development]. *Praksema. Problemy vizual'noj semiotiki* [Praxema. Problems of visual semiotics]. 2021; 2(28): 9–27. (In Russ.).

3. Ahremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Set' ili tekst? Faktory rasprostraneniya protesta v social'nyh media: teorija i analiz dannyh [Network or text? Factors of protest propagation in social media: theory and data analysis]. *Politicheskie issledovanija* [Political Studies]. 2020; (2): 73–91. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.).

4. Brodovskaja E. V., Huang T. Cifrovoe pokolenie: grazhdanskaja mobilizacija i politicheskij protest rossijskoj molodezhi [Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: Jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: Economic and social changes]. 2019; (5): 3–18. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.5.01>. (In Russ.).

5. Bykov I.A. Setevaja politicheskaja komunikacija: Teorija, praktika i metody issledovanija: monografija [Network political communication: Theory, practice and research methods: monograph]. Saint Petersburg: FGBOU VPO «SPGUTD», 2013. 200 p. (In Russ.).
6. Volodenkov S.V. Vlijanie tehnologij internet-kommunikacij na sovremennye obshhestvenno-politicheskie processy: scenarii, vyzovy i aktory [Influence of Internet communication technologies on modern socio-political processes: scenarios, challenges and actors]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2019; 5(153): 341–364. (In Russ.).
7. Volodenkov S.V. Politika v cifrovom формате v issledovanijah rossijskih i zarubezhnyh uchenyh: predstavljaju nomer [Politics in digital format in the research of Russian and foreign scientists: I present the issue]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov. Serija: Politologija* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science]. 2022; 24 (3): 339–350. DOI: 10.22363/2313-1438-2022-24-3-339-350. (In Russ.).
8. Volodenkov S.V. Politicheskaja kommunikacija i sovremennoe politicheskoe upravlenie [Political communication and modern political management]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 12: Politicheskie nauki* [Bulletin of the Moscow University. Series 12: Political Sciences]. 2011; (6): 22–31. (In Russ.).
9. Malinova O. Ju. Politicheskaja kul'tura v rossijskom nauchnom i publichnom diskurse [Political culture in Russian scientific and public discourse]. *Polis. Politicheskie issledovanija* [Polis. Political studies]. 2006; (5): 106–128. (In Russ.).
10. Moskovichi S. Vek tolpy. Istoricheskij traktat po psichologii mass [The age of crowds. Historical treatise on mass psychology]. Per. s fr. T.P. Emel'janovoj. Moscow: Centr psichologii i psihoterapii, 1998. 480 p. (In Russ.).
11. Parma R.V. Obshhestvennyj aktivizm rossijskih grazhdan v oflajn- i onlajn-prostranstvakh [Public activism of Russian citizens in offline and online spaces]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2021; (6): 145–170. DOI: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2042>. (In Russ.).
12. Slizkova E.V., Mal'ceva I.V. Kriticheskoe myshlenie kak sredstvo socializacii studentov [Critical thinking as a means of socialization of students]. *Problemy sovremennogo obrazovanija* [Problems of modern education]. 2019; (6): 72–88. (In Russ.).
13. Solov'ev A. I. Kommunikacija i kul'tura: protivorechija polja politiki [Communication and culture: contradictions of the field of politics]. *Politicheskie issledovanija* [Political studies]. 2002; (6): 6–17. (In Russ.).
14. Cinelli M., De Francisci Morales G., Galeazzi A., Quattrociocchi W., Starnini M. *The echo chamber effect on social media. Proceedings of the National Academy of Sciences. U.S.A.* 2021; 118(9). DOI: [e2023301118](https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118) <https://doi.org/10.1073/pnas.2023301118>.
15. Dubois E., Blank G. The echo chamber is overstated: The moderating effect of political interest and diverse media. *Information, Communication & Society*. 2018; 21(5): 729–745. DOI: [10.1080/1369118X.2018.1428656](https://doi.org/10.1080/1369118X.2018.1428656).
16. McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. Birds of a Feather: Homophily in Social Networks. *Annual Review of Sociology*. 2001; (27): 415–444.
17. Sandoval-Almazan R., Gil-Garcia J.R. Towards Cyberactivism 2.0? Understanding the Use of Social Media and Other Information Technologies for Political Activism and Social Movements. *Government Information Quarterly*. 2014; 31(3): 365–378. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.giq.2013.10.016>.

Статья поступила в редакцию 08.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 08.09.2023; approved after reviewing on 28.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Васильева Екатерина Николаевна — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры философии, Волгоградская академия Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Россия, г. Волгоград, ул. Историческая, 130

Ekaterina N. Vasilyeva — Doctor of Sociological Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation.

130 Istoricheskaya str., Volgograd, Russia

Хомутова Наталья Николаевна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Социально-гуманитарные науки, экономика и право», Северо-Западный государственный медицинский университет им. И. И. Мечникова.

Россия, г. Санкт-Петербург, пр. Пискаревский, 47

Natalia N. Khomutova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Sciences, Economics and Law, North-Western State Medical University named after I. I. Mechnikov.

47 Piskarevsky ave., Saint Petersburg, Russia

Полтавская Мария Борисовна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социология и политология», Волгоградский государственный университет.

Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100

Maria B. Poltavskaya — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Sociology and Political Science, Volgograd State University.

100 Universitetskiy ave., Volgograd, Russia

Калашникова Нина Александровна — кандидат философских наук, доцент кафедры «Философия и теория права», Волгоградский государственный университет.

Россия, г. Волгоград, пр. Университетский, 100

Nina A. Kalashnikova — Candidate of Philosophical Sciences, Associate Professor of the Department of Philosophy and Theory of Law, Volgograd State University.

100 Universitetskiy ave., Volgograd, Russia

Вклад авторов:

Васильева Е. Н. — научное руководство; теоретическое обоснование методологической базы исследования; итоговые выводы.

Хомутова Н. Н. — описание специфики политической социализации студенческой молодежи; итоговые выводы.

Полтавская М. Б. — характеристика основных агентов влияния на политическую социализацию молодежи; итоговые выводы.

Калашикова Н. А. — обзор научной литературы, доработка текста.

Contribution of the authors:

Vasilyeva E. N. — scientific guidance; theoretical justification of the methodological basis of the study; final conclusions.

Khomutova N. N. — description of the specifics of political socialization of student youth; final conclusions.

Poltavskaya M. B. — characteristics of the main agents of influence on the political socialization of youth; final conclusions.

Kalashnikova N. A. — review of scientific literature, revision of the text.

Научная статья

УДК 316.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-58-65

КОНСТРУКТ «ЗНАЧИМОГО ДРУГОГО» В МОЛОДЕЖНОМ СЕГМЕНТЕ СОВРЕМЕННОГО РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА

Нина Николаевна Капанян

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

ninakapanyan@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3495-8255,

AuthorID РИНЦ: 9256-3161, WoS Research ID: ABH-3579-2020

Аннотация. *Целью исследования* является социокультурный анализ конструирования образа «значимого другого» в условиях, когда полистилизм современной культуры совпал с цифровизацией культурного пространства, макдонализацией производства массовой культуры, что оказывает существенное влияние на конструирование «значимого другого», особенно в молодежном сегменте российского общества.

Методологическую базу исследования составляют концептуальные подходы теории социализации, теории символического интеракционизма и теории социального конструирования реальности, теория «значимого другого» в интерпретации Дж. Мида, а также концептуальные идеи российских ученых о полистилилизме современной культуры, об особенностях цифровой социализации современной молодежи.

Результаты исследования. Социокультурный анализ конструирования «значимого другого» в молодежном сегменте современного российского общества показал, что существующая социальная неопределенность, рискогенность современного общества, продолжающаяся геополитическая нестабильность способствуют поиску «значимого другого», его актуальности для молодежи как образца для выбора собственной модели поведения.

Перспективу исследования составляет дальнейший социокультурный анализ конструирования образа «значимого другого» с акцентом на геополитическую напряженность и проведение специальной военной операции

Ключевые слова: «значимый другой», студенческая молодежь, социализация, конструирование, культура, киноискусство

Для цитирования: Капанян Н. Н. Конструкт «значимого другого» в молодежном сегменте современного российского общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 58–65. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-58-65>.

Original article

CONSTRUCT OF A «SIGNIFICANT OTHER» IN THE YOUTH SEGMENT OF MODERN RUSSIAN SOCIETY

Nina N. Kapanyan

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
ninakapanyan@rambler.ru, ORCID: 0000-0002-3495-8255,
AuthorID RSCI: 9256-3161, WoS Research ID: ABH-3579-2020*

Abstract. *The purpose of the research is a sociocultural analysis of the «Significant other's» image construction in conditions when the polystylism of modern culture coincided with the digitalization of the cultural space, the macdonalization of the production of mass culture, which has a significant impact on the construction of the «Significant other», especially in the youth segment of Russian society.*

The methodological basis of the research is the conceptual approaches of the theory of socialization, the theory of symbolic interactionism and the theory of social construction of reality, the theory of the «Significant other» in the interpretation of J. Mead, as well as the conceptual ideas of Russian scientists about the polystylism of modern culture, about the peculiarities of digital socialization of modern youth.

Research results. *Sociocultural Analysis of the «Significant other» Construction in the Youth Segment of Modern Russian Society showed that the existing social uncertainty, riskogenics of modern society and the ongoing geopolitical instability contribute to the search for the «Significant other», its relevance to young people as a pattern for choosing their own behaviour model.*

The prospects of research *are a further socio-cultural analysis of constructing the image of the «Significant other» with an emphasis on geopolitical tensions and the conduct of a special military operation.*

Keywords: *«Significant other», student youth, socialization, construction, culture, cinema*

For citation: *Kapanyan N. N. Construct of a «Significant other» in the youth segment of modern Russian society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 58–65. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-58-65>.*

Введение Рассмотрение конструирования «значимого другого» заставляет обратиться к социальным конструктивистам, полагающим, что как индивиды, так и общество в целом воспринимают и понимают реальность как конструкцию, формирующуюся в процессе социальной интеракции индивидов и групп. В своем классическом труде «Социальное конструирование реальности» П. Бергер и Т. Лукман исследовали вещи, которые индивиды принимают как должное в качестве реального, подчеркивая, что «очевидные» факты социальной реальности могут отличаться в восприятии различных

индивидов из разнообразных культур и даже среди индивидов, являющихся представителям одной и той же культуры [1].

Понятие «значимого другого» П. Бергер и Т. Лукман рассматривают в первую очередь в контексте первичной социализации, которая является основой для вхождения индивида в общество, где «значимые другие» влияют на определение объективной реальности и выступают в качестве «посредников» между социальным миром и индивидами, «модифицируя последний в процессе его передачи». Индивид, проходящий процесс первичной социализации, идентифицирует себя

со «значимыми другими», где эмоциональная составляющая играет весьма значимую роль. Идентифицируя себя со «значимыми другими», индивид принимает различные роли и соответствующие им модели социального поведения, интернализируя их, в результате чего становится возможной идентификация, что является «рефлексивной сущностью» диалектической связи между «идентификацией со стороны других и самоидентификацией». Что касается вторичной социализации, то она, по мнению П. Бергера и Т. Лукмана, «представляет собой интернализацию институциональных или институционально обоснованных “подмиров”, когда “носители” социального знания институционально определены, а характер вторичной социализации зависит от статуса носителя социального знания». [1, с. 90–91].

Исследование восприятия институционализированных фигур «значимых других» непосредственно связано с работами известного психолога А.В. Петровского. Он предложил трехмерную модель рассмотрения «значимого другого», согласно которой наличествует три обобщенных, отдельных, но в то же время пересекающихся факторов, способствующих институционализации «значимых других» для социальных акторов: информативная компонента межличностной коммуникации, «социометрический» статус «значимого другого», институциональная роль «значимого другого» [9]. Нельзя не согласиться с М.Ю. Кондратьевым, который подчеркивает, что «“Значимый другой” — личность, оказывающая влияние на других людей, что выражается в качественном изменении их смысловых образований и поведенческой активности» [6, с. 177]. Однако, если психологов в большей степени интересует «узко индивидуальные характеристики “значимого другого”», то социологи заинтересованы в выделении социального типа «значимого другого», его значимости для конкретной социальной группы и для общества в целом. Нас же в первую очередь интересует конструирование «значимого другого» в молодежном сегменте современного российского общества, поскольку в настоящее время наблюдается на массовом уровне изменение молодежью социализационных практик. Эти практики имеют многообразный характер,

что соответствует культурному полистилизму российского общества. Значительную роль в социализационных практиках играют «значимые другие» — индивиды, которые выступают образцами для формирования личностью собственных суждений и жизненных целей.

Основные социальные типы, влияющие на конструирование «значимого другого». Дж. Мид полагал, что формирование идентичности в первую очередь определяется социальным контекстом, где индивиды вступают в интеракцию с различными Другими [7]. Операционно используя идеи Дж. Мида, О. Кэпп утверждает, что мы категоризируем друг друга по принадлежности к определенным социальным типам, опираясь на набор символов и имиджей, ассоциируемых с культурой. Согласно Кэппу, индивиды используют социальные типы с тем, чтобы передать суждение (мнение) друг другу, выразить свое одобрение (неодобрение, осуждение), что может быть категоризовано на три основные составляющие: похвала, осуждение и странность. Следуя данным трем категориям, социальные типы делятся на «героев», «негодяев» и «простаков» [13]. При этом не стоит думать, что данные типы применимы ко всем членам общества (его большинству), следующим в своем поведении принятым социальным нормам. Выделенные социальные типы, скорее, относятся к той категории индивидов, которые отличаются от общей массы, выделяются из нее, чье поведение не является типичным и оценивается общественным мнением. Если «негодяи» являются предметом общественного осуждения (порицания), а зачастую рассматриваются как представляющие угрозу для существования общества, то «простаки» выступают как странные люди, чье поведение вызывает насмешку, но не воспринимается в качестве некой угрозы. В русской культуре именно поэтому существует высказывание «шут гороховый» — дураков не боятся, над ними посмеиваются, в русских сказках героя даже не называют «дурак», а применяют ласковое определение «дурачок» (Емеля-дурачок, Иванушка-дурачок).

Созданные конструкты социальных типов («значимых других») становятся инсти-

туциализированными благодаря различным культурным институтам, большей частью посредством средств массовых информационных [3]. Отсюда можно заключить, что «значимые другие» могут рассматриваться как социальные конструкты, наделяемые определенными социальными ценностями, становящимися транзиттерами этих ценностей как для отдельной социальной группы, так и для общества в целом, в том числе и для молодежного сегмента общества.

Влияние типа культуры на конструирование «значимого другого». Вполне очевидным представляется, что «значимые другие» из ближайшего окружения сохраняют свою важную роль в социализации индивида в различных социокультурных условиях существования общества, однако институализированные роли «значимых других» зависят от типа культуры, преобладающей в том или ином обществе на том или ином этапе его развития. Так, по мнению Ионина, после крушения самодержавия в России в течение некоторого периода времени присутствовал некий «разгул» в области культуры, однако достаточно быстро он сменился «тоталитарным политическим каноном», который по сути «представляет совокупность незыблемых правил и норм, нарушить которые не позволено никому» [5, с. 118]. Советский политический канон основывался на ряде принципов, самыми базовыми из которых были следующие: принцип целостности (тотальности), принцип иерархии, принцип целенаправленности. Основываясь на данных принципах, культура приобрела моностилистический или репрезентативный характер, когда ее «элементы (убеждения, оценки, образы мира, идеологии и т.д.) обладают внутренней связанностью и, кроме того, активно разделяются либо пассивно принимаются всеми членами общества» [5, с. 118]. В условиях репрезентативной (моностилистической) культуры конструирование образов «значимых других», поведение и стиль жизни которых должны были стать руководством к действию для советских людей, осуществлялось согласно вышеперечисленным принципам. Как отмечает А. Прохоров, каждая национальность в советский период имела своих героев («значимых других»), нашед-

ших свое воплощение в кинематографе. Так, например, у русских это Александр Невский, у украинцев — Богдан Хмельницкий, у башкир — Салават Юлаев [10].

В культуре так называемой оттепели (стилистически остававшейся по сути репрезентативной) большее внимание уделяется формированию героя, обретающего значимость в процессе своего становления, проходя нелегкий путь, начиная с детства до становления личности, воплощающей положительные, нормативные характеристики советской идеологии и «овладевая советским символическим строем». Но при этом положительным значимым образом становится и социальный тип простака, который вступает в борьбу с существующей несправедливостью в обществе. Самым ярким таким социальным типом, пожалуй, является герой картины Э. Рязанова «Берегись автомобиля» Юрий Деточкин, который совершает противоправные действия, но не для собственного обогащения, а желает (подобно Робин Гуду) оказать помощь нуждающимся людям. Однако основной характеристикой социального героя оттепели становится сосредоточенность на духовной составляющей, искание своего собственного пути в жизни. Как отмечает исследовательница киноискусства Н. М. Зоркая, герои периода оттепели становятся «антигероичными», поскольку, если ранее герой всегда был неотделим от истории, то теперь он уходил в некое собственное суверенное пространство, пытался в нем обособиться [4]. Такой уход в себя, в свои собственные чувства и переживания становится интересным только для образованной интеллигентной части общества, но не приобретает черты массового социального типа героя.

Годы перестройки, а затем распад Советского Союза заставили говорить о «гибели культуры», что проявлялось в разрушении традиционных форм культурной организации общества и переходе от репрезентативной культуры к полистилистической, которая характеризуется следующими компонентами: деиерархизацией, деканонизацией, неупорядоченностью, детотализацией, включением, диверсификацией, эзотеричностью, негативностью, ателеологией [5]. Данные трансформации в культуре в целом привели

и к различным стилям и жанрам в области киноискусства, что проявилось в появлении таких социальных типов, которые, по мнению А.П. Петровой, характеризовались с одной стороны «сплавом опьяняющего ощущения свободы», а с другой — «ужасом от отсутствия почвы под ногами» [8, с. 96].

Собственно говоря, единственным реальным «значимым другим» (социальным типом героя) конца прошедшего века предстает Данила Багров (реж. А. Балабанов, 1997 г.). Подтверждением этому является следующий факт: в конце 2020 году телеканал «Русский бестселлер» проводил онлайн-опрос, целью которого было выявление наиболее значимого героя кинематографа российского кино; всего было предложено на выбор 50 героев, в которых вошли значимые образы из различных по своему жанру картин, включая Штирлица, Шурика, Маэстро, слесаря Гошу, Сашу Белого и многих других. Большая часть принявших участие в опросе отдали предпочтение Даниле Багрову (45%), на втором месте оказался Илья Муромец, а на третьем — Глеб Жеглов. Проведенный опрос подтвердил результаты опроса, проведенного в 2017 году, когда Данила Багров был признан национальным супергероем России¹.

Анализ проведенного качественного исследования. Социальное самочувствие современной молодежи, относящейся к поколению Z, характеризуется следующими настроениями: поколение Z в целом выражает удовлетворенность отношениями в семье, в среде своих друзей, своим образованием и своей жизнью в целом. Этому поколению молодежи свойственна ориентация на защиту гражданских прав (в первую очередь права на жизнь, образование и трудоустройство), недоверие к основному большинству социальных институтов (исключая Президента, армию и волонтерское движение), аполитичность, незаинтересованность в участии в политике, низкий уровень социального доверия (ориентация преимущественно на доверие к близкому кругу), достаточно высокий уровень доверия своим родителям и мировоззренческая близость родителей и молодежи этой возрастной группы [12; 2; 11].

Все описанные характеристики и социальное самочувствие поколение зуммеров обуславливают выбор ими «значимого другого». В этом качестве не выступают учителя и преподаватели (институт образования), которые редко рассматриваются в качестве Учителя жизни. Не рассматриваются молодежью в этом качестве также представители других социальных институтов — политических партий или общественных движений. Тем не менее социальный образец, даже если он рационально не воспринимается в качестве такового, все же присутствует в коллективных представлениях молодежи этого возрастного периода. Эта гипотеза была положена в основу одного из вариантов качественного сбора эмпирического материала — эссе, которое было проведено в октябре 2023 года среди студентов 1–2 курсов (17–19 лет) гуманитарных и технических специальностей Южного федерального университета (ЮФУ, Ростов-на-Дону) и Южно-Российского политехнического университета им. атамана М.И. Платова (ЮРГПУ (НПИ), Новочеркасск). Выбор темы эссе — «Данила Багров: уходящий или современный герой российской молодежи?» — был определен несколькими причинами: 1) высоким уровнем популярности Данилы Багрова именно как «значимого другого» в молодежной среде в первое десятилетие XXI века; 2) высоким уровнем рейтинга фильма «Брат-2» в 2019 году в российском прокате; 3) узнаваемостью главного героя (Данилы Багрова) в среде молодежи разных возрастных подгрупп и высоким уровнем цитируемости его ключевых фраз в медийном пространстве. Вместе с тем значительное изменение социальной среды российского общества к 2022 году за два последних десятилетия, благополучный период ранней и юношеской социализации поколения Z обуславливали сомнение в актуализации этого героя для данного поколения. Кроме того, проблематизация темы эссе была направлена на осмысление самой необходимости «значимого другого» для студенческой молодежи. Предполагалось также, что нынешние зумеры критически относятся к художественному образу Данилы Багрова и не воспринимают

¹ Большой вопрос [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bolshoyvopros.ru/>.

его в качестве «значимого другого». Всего было собрано 48 эссе. Уровень повторяемости в них основных сюжетов, оценок и суждений является достаточным для выделения типичных смыслов, вкладываемых молодежью в понимание «значимого другого». Предварительно студентам было дано домашнее задание посмотреть фильмы режиссера А. О. Балабанова «Брат» и «Брат-2» с целью последующей аудиторной работы с этими кинотекстами. Работа над эссе проводилась в аудиториях в течение трех часов, допускалась возможность использования кинотекстов для их цитирования.

Анализ материалов эссе позволил выделить чувствительность студенческой молодежи к социальному контексту второго десятилетия XXI века и обнаружить доминирование интерпретации Данилы Багрова в качестве «значимого другого». При анализе содержания эссе были выделены следующие смысловые блоки (категории), которые с большей или меньшей полнотой раскрывались всеми авторами:

- 1) черты литературного/кинообраза, которые важны для выбора героя;
- 2) мотивация для выбора героя;
- 3) роль героя для общества;
- 4) характерные черты Данилы Багрова в восприятии авторов эссе;
- 5) личностное отношение автора эссе к Даниле Багрову;
- 6) актуальность образа Багрова для современной молодежи;
- 7) роль образа Багрова для России;
- 8) возможен ли герой с негативными чертами?
- 9) кто сегодня в России может рассматриваться как герой?

Приведем выдержки из эссе.

«Герой может быть обаятельным, умным, добрым, благородным, но если в нем нету ни грамма жизни, если сам он насквозь фальшивый, то ему никогда не найдется места в сердцах людей. Помимо всего, важнейшим фактором является его своевременность. Если герой своевременен, его мотивы и цели близки большинству, то этому большинству проще будет себя ассоциировать с ним» (эссе №5).

«Похожий на миллионы зрителей, "свой" понятный всем парень — с таким ге-

роем зрителю легко ассоциировать самого себя...» (эссе №7).

«Герой в художественной литературе или в кино является символом, который борется за справедливость, за правду, за любовь» (эссе №11).

«Кто становится культовым героем на все времена? Тот, полагаю, кто ближе всего по духу с народом. Тот, который вместе со своими согражданами преодолевает трудности времени, схожие с реальными трудностями большинства людей» (эссе №17).

«Герой своего времени описывается без фальши и прикрас. Он настоящий. Он не идеализируется. Он — воплощение обычного человека. Такая правда цепляет людей и заставляет поверить герою» (эссе №21).

Основным мотивом, который побуждает людей искать (выбирать) героя, по мнению большинства авторов эссе, выступает необходимость определять свое собственное поведение в сложных ситуациях: *«Герои нужны во все времена, иначе мы не сможем построить собственную шкалу морально-нравственных ценностей, не сможем говорить о чести и достоинстве, не сможем восхищаться уникальными навыками и знаниями, к которым стоит стремиться...» (эссе №37).*

Основная задача такого внутреннего поиска героя — самоопределение человека, утверждение в верности собственных ориентиров. В разных формулировках во всех эссе указывается именно эта мысль. Человек ищет такой образ, на который хотел бы сам походить: *«По моему мнению, человек ищет образ, который соответствует его личным качествам или хотел бы им соответствовать. Мы стремимся выбрать героя на основе влияния внешних условий, таких как мнение окружения и процессы, происходящие в стране и мире» (эссе №2).*

Все студенты — авторы эссе — в своих размышлениях указывали также на роль образа героя не только для отдельного человека, но для общества в целом. Она проявляется в первую очередь в том, что такой образ задает определенный стандарт личности, формирует ценностные ориентиры. Но при этом в ряде эссе отмечается, что образ «значимого другого» (героя) не специально конструи-

ируется литературой или кинематографом, они лишь выражают ожидания общества: «Литература и кинематограф только “одушевляют” образ героя, наделяя его именем и лицом. Само общество решает, кого оно считает героем, оно само наделяет героя теми качествами, которые ценит и уважает. Создать героя “с нуля” и навязать его обществу нельзя. Таким образом, кино и книги лишь очеловечивают героя, уже придуманного обществом» (эссе №31).

Заключение. Сохраняющейся тренд социальной неопределенности и рисковости современного общества, проведение специальной военной операции, усиление геополитической нестабильности, которая воспринимается молодежью как угроза войны, а также узкий спектр социального доверия социальным институтам, свойственный молодежи, — все эти факторы обуславливают обращение к поиску «значимого другого», его актуальность для молодежи поколения Z.

Современная молодежь, как и старшие поколения, видит в «значимом другом» образец для выбора собственной модели поведения. Анализ смысловых ориентиров на художественный образ Данилы Багрова показывает сложную палитру оценки образца для подражания образованной частью поколения Z. Молодежь считывает в этом образе простоту, которая интеллектуалами рассматривается как «совковость» и духовная ограниченность. Однако в большей части студенческих эссе эта простота рассматривается позитивно и оценивается как необходимая черта для «значимого другого». Значительное число авторов эссе соглашались на такие характеристики в «значимом другом», как жестокость, хладнокровие, агрессивные действия, но при условии, что они совершаются во имя справедливости, для защиты слабых и Родины.

Сравнение смысловых единиц, которые используются авторами эссе для характеристики Данилы Багрова, а также личностного отношения к этому образу показывает, что комплекс традиционных духовных ценностей — ценность семьи, справедливости, патриотизма — в кризисные периоды жизни общества выступает доминантой по отношению к ценности гражданских прав.

Список источников

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
2. Глотов М.Б. Поколение как категория социологии // Социологические исследования. 2004. №10. С. 42–49.
3. Захаркин Р.А. Роль значимых других и медиа значимых других в процессе вторичной социализации // Общество: социология, психология, педагогика. 2018. №2(7). С. 1–4.
4. Зоркая Н.М. История отечественного кино. XX век. М.: Белый город, 2014. 780 с.
5. Ионин Л.Г. Социология культуры. 4-е изд. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 427 с.
6. Кондратьев М.Ю., Ильин В.А. Азбука социального психолога. М.: ПЕР СЭ, 2007. 464 с.
7. Мид Дж.Г. Философия настоящего / Пер. с англ. М.: НИУ ВШЭ, 2014. 271 с.
8. Петрова А.П. Репрезентация образа героя в российском кинематографе XX — XXI веков: Эволюция и актуальная социокультурная диагностика: дис. ... канд. культурол. наук. Челябинск, 2021. 227 с.
9. Петровский А.В. Человек над ситуацией. М.: Смысл, 2010. 559 с.
10. Прохоров А. Унаследованный дискурс; парадигмы сталинской культуры в литературе и кинематографе «оттепели». СПб.: Академический проект; Изд-во ДНК, 2007. 344 с.
11. Радаев В.В. Миллениалы: Как меняется российское общество. М.: ВШЭ, 2019. 310 с.
12. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблемы и реальность. М.: РОСПЭН, 2009. 227 с.
13. Klapp O.E. Social types: Process and Structure // American Sociological Review. 1956. Vol. 23. №6. Pp. 643–686.

References

1. Berger P., Lukman T. Social’noe konstruirovaniye real’nosti. Traktat po sociologii znaniya [Social construction of reality. A treatise on the sociology of knowledge]. Moscow: Medium, 1995. 323 p. (In Russ.).
2. Glotov M. B. Pokolenie kak kategorija sociologii [Generation as a category of sociology].

Sociologicheskie issledovaniya [Sociological research]. 2004; (10): 42–49. (In Russ.).

3. Zaharkin R.A. Rol' znachimyh drugih i media znachimyh drugih v processe vtorichnoj socializacii [The role of significant others and media significant others in the process of secondary socialization]. *Obshchestvo: sociologiya, psihologiya, pedagogika* [Society: sociology, psychology, pedagogy]. 2018; 2(7): 1–4. (In Russ.).

4. Zorkaja N.M. Istorija otechestvennogo kino. XX vek [History of Russian cinema. XX century]. Moscow: Belyj gorod, 2014. 780 p. (In Russ.).

5. Inin L.G. Sociologiya kul'tury [Sociology of culture]. 4-e izd. Moscow: GU VShJe, 2004. 427 p. (In Russ.).

6. Kondrat'ev M. Ju., Il'in V.A. Azbuka social'nogo psihologa [The ABC of a social psychologist]. Moscow: PER SJe, 2007. 464 p. (In Russ.).

7. Mid Dzh. G. Filosofija nastojashhego [Philosophy of the present]. Per. s angl. Moscow: NIU VShJe, 2014. 271 p. (In Russ.).

8. Petrova A.P. Reprerentacija obraza geroja v rossijskom kinematografe XX — XXI vekov: Jevoljucija i aktual'naja sociokul'turnaja diag-

nostika: dis. ... kand. kul'turof. Nauk [Representation of the image of the hero in the Russian cinema of the XX — XXI centuries: Evolution and current socio-cultural diagnostics. Ph. D. (Culturology) diss.]. Cheljabinsk, 2021. 227 p. (In Russ.).

9. Petrovskij A.V. Chelovek nad situaciej [Man over the situation]. Moscow: Smysl, 2010. 559 p. (In Russ.).

10. Prohorov A. Unasledovannyj diskurs; paradigmy stalinskoj kul'tury v literature i kinematografe «otepeli» [Inherited discourse; paradigms of Stalinist culture in literature and cinema «thaw»]. Saint Petersburg: Akademicheskij proekt; Izd-vo DNK, 2007. 344 p. (In Russ.).

11. Radaev V.V. Millenialy: Kak menjaetsja rossijskoe obshchestvo [Millennials: How Russian society is changing]. Moscow: VShJe, 2019. 310 p. (In Russ.).

12. Semenova V.V. Social'naja dinamika pokolenij: problemy i real'nost' [Social dynamics of generations: problems and reality]. Moscow: ROSPJEN, 2009. 227 p. (In Russ.).

13. Klapp O.E. Social types: Process and Structure. *American Sociological Review*. 1956; 23(6): 643–686.

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 04.09.2023; approved after reviewing on 22.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Капанян Нина Николаевна — старший преподаватель кафедры «Иностранные языки» Южно-Российского государственного политехнического университета имени М. И. Платова. Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Nina N. Kapanyan — a Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages, Platov South Russian State Polytechnic University. 132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-66-74

ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ СТРАТЕГИИ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ ОБЩЕСТВА

Елена Станиславовна Косарева^{1✉}, Анатолий Васильевич Чистяков²,
Юлия Владимировна Маслова³

¹Ростовский юридический институт МВД России, Ростов-на-Дону, Россия

²Шахтинский автодорожный институт (филиал),
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Шахты, Россия

³Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹kosarevaelena@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-3386-4214, AuthorID РИНЦ: 848611

²afrika28@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID РИНЦ: 474536
AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

³yuuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID РИНЦ: 379483

Аннотация. Цель исследования: выявить образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества.

Методологическая база исследования. В рамках статьи авторы анализируют результаты вторичной базы данных, связанные с ценностными ориентациями молодежи и их отношению к образованию. Применяя в работе нормативно-ценностную концепцию и деятельностный подход, авторы работы определяют значимость образования для современной молодежи и выявляют нормы поведения в рамках получения образования.

Результаты исследования. Авторы работы отмечают, что в настоящее время зафиксировано три темы образовательных стратегий: короткое высшее образование, когда после школы молодой человек идет в вуз по направлениям обучения бакалавриата или специалитета, длительное высшее образование, когда после бакалавриата/специалитета молодёжь остается обучаться в магистратуре, и нетрадиционные стратегии, связанные с обучением после школы в колледже, а потом вузе. Описанные стратегии за счет цифровизации дополняются цифровыми элементами: фиксируется цифровизация не только процесса поступления в вуз, но и выбора университета и образовательной программы. Также цифровизация способствует распространению тренда на осознанное получение образования в рамках обучения на образовательных онлайн-платформах.

Перспективы исследования касаются рассмотрения влияния образовательных траекторий молодежи на формирование карьерных планов.

Ключевые слова: образование, образовательные стратегии, российская молодежь, высшее образование, система СПО, цифровизация.

Для цитирования: Косарева Е. С., Чистяков А. В., Маслова Ю. В. Образовательные стратегии российской молодежи в условиях цифровизации общества // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 66–74. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>.

Original article

EDUCATIONAL STRATEGIES OF RUSSIAN YOUTH IN THE CONTEXT OF DIGITALIZATION OF SOCIETY

Elena S. Kosareva¹✉, Anatoly V. Chistyakov², Yulia V. Maslova³

¹*Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Rostov-on-Don, Russia*

²*Shakhty Road Institute (branch),*

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Shakhty, Russia

³*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*kosarevaelena@mail.ru✉, ORCID: 0000-0002-3386-4214, AuthorID RSCI: 848611*

²*afrika28@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-5420-0505, AuthorID RSCI: 474536*

AuthorID Scopus: 56684619400, WoS Research ID: ABG-5393-2020

³*yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID RSCI: 379483*

Abstract. *The purpose of the study:* identify educational strategies of Russian youth in the context of digitalization of society.

Methodological basis of the study. *Methodological basis of the study.* As part of the article, the authors analyze the results of a secondary database related to the value orientations of young people and their attitude towards education. Using the normative-value concept and activity approach in their work, the authors of the work determine the importance of education for modern youth and identify norms of behavior within the framework of receiving education.

The results of the study. *The authors of the work note that currently there are three themes of educational strategies: short higher education, when after school a young person goes to a university in the areas of bachelor's or specialist's study, long-term higher education, when after a bachelor's/ specialist degree young people remain to study in a master's degree, and non-traditional strategies related to studying after school in college and then university. The described strategies are complemented by digital elements through digitalization: the digitalization of not only the process of entering a university, but also the choice of university and educational program is recorded. Digitalization also contributes to the spread of the trend towards conscious education through learning on online educational platforms.*

The prospects of the research *further consideration of the educational trajectories of young people and their influence on the formation of career plans.*

Keywords: *education, educational strategies, Russian youth, higher education, secondary vocational education system, digitalization*

For citation: *Kosareva E. S., Chistyakov A. V., Maslova Yu. V. Educational strategies of Russian youth in the context of digitalization of society // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 66–74. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-66-74>.*

Введение. В настоящее время цифровые технологии стали неотъемлемой частью жизни человека. Уже нельзя представить образование, экономику и сферу здравоохранения без использования «цифры». Сегодня одним

из важнейших направлений, развиваемых в России, выступает цифровая трансформация, в рамках которой подчеркивается, что во всех отраслях экономики страны необходимо достичь «цифровой зрелости»¹.

¹ Указ Президента РФ от 21 июля 2020 г. №474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/74304210/>.

В рамках данной работы мы хотели бы отметить, что особую значимость имеет цифровая трансформация образовательного процесса — внедрение информационно-коммуникационных технологий в образовательное пространство, что позволяет молодым людям приобретать необходимые цифровые компетенции в процессе обучения и успешно применять их при выходе на рынок труда.

Молодежь является одной из самых многочисленных социально-демографических групп в России: по данным переписи населения 2020 года в настоящее время в России проживает 33755288 человек от 18 до 35 лет², поэтому данной социально-демографической группе уделяется со стороны государства огромное внимание, что обуславливает проводимую молодежную политику одним из приоритетных направлений внутренней политики страны.

В России в конце 2020 года был принят ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации»³. В 2021 году Распоряжением Правительства РФ была утверждена долгосрочная программа содействия занятости молодежи на период до 2030 года⁴. На проблемы молодежи и стратегии их решения пристальное внимание обращает Президент Российской Федерации. В 2022 году вопросам молодежной политики было посвящено заседание Государственного Совета⁵. Президент Российской Федерации отметил, что: «...уже через двадцать, а кто-то через десять лет будет осуществлять то, что мы сегодня с вами делаем, то, во что мы вкладываем свои собственные силы, — в реализацию тех

целей развития страны, которые мы определяем. Их таланты и достижения в самых разных сферах будут прямо влиять на развитие России, а их устремления и помыслы, понимание Отечества, значимости его тысячелетней истории, ценностей и традиций, преданность Родине, конечно, будут определять её будущее»⁶.

Раскрытие талантов и возможность проявления различных достижений со стороны молодежи неразрывно связаны с образовательной сферой, которой так же в настоящее время уделяется огромное внимание: происходит оснащение школ передовой техникой, внедрение лучших учебно-методических практик в систему школьного образования, поддержка и развитие университетов и научных организаций в России (реализация программы Приоритет 2030)⁷, развитие образовательных площадок для молодежи (Российское общество Знание)⁸.

Отметим, что в настоящее время существует большое разнообразие возможностей в получении молодыми людьми образования, которые пополняются в связи с цифровизацией, в связи с чем возникает вопрос: «Какие траектории в образовании выбирает российская молодежь?».

Степень разработанности и методологические основания исследования. Развитие образования как одного из эффективных социальных лифтов способствует реализации проводимой в России молодежной политики⁹.

Образовательная проблематика является одним из направлений деятельности Инс-

2 Итоги ВПН-2020. Т. 2 Возрастно-половой состав и состояние в браке [Электронный ресурс] // Федеральная служба государственной статистики. Официальный сайт. URL: https://rosstat.gov.ru/vpn/2020/Tom2_Vozrastno-polovoj_sostav_i_sostoya_nie_v_brake.

3 Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. Официальный сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>.

4 Распоряжение Правительства РФ от 14 декабря 2021 г. №3581-р Об утверждении Долгосрочной программы содействия занятости молодежи на период до 2030 года [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. Официальный сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403136100/>.

5 Заседание Государственного Совета [Электронный ресурс] // Президент России. Официальный сайт. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/70169>.

6 Там же.

7 Приоритет 2030. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://priority2030.ru/>.

8 Российское общество Знание. Официальный сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://znanierussia.ru/>.

9 Федеральный закон от 30 декабря 2020 г. №489-ФЗ «О молодежной политике в Российской Федерации» [Электронный ресурс] // Информационно-правовой портал Гарант.ру. Официальный сайт. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/400056192/>.

титута социологии РАН. На базе Института социологии ФНИСЦ РАН действует Центр социологии науки и образования¹⁰, занимающийся освещением вопросов образования: деятельности исследовательских университетов [10], неравенства в образовательной среде [7], форматов получения образования [3].

В структуре научных институтов и исследовательских центров НИУ ВШЭ можно отметить Институт образования¹¹. Среди публикаций научно-исследовательского коллектива Института образования есть множество направлений: электронные образовательные платформы [2], мотивация школьников в обучении [4], ценностно-смысловые ориентации преподавателей [8] и др. Одним из важных и длительных проектов Института является проект «Траектории в образовании и профессии», который осуществляется при поддержке Центра фундаментальных исследований НИУ ВШЭ, а оператором полевого этапа лонгитюда является Фонд «Общественное мнение»¹². При рассмотрении образовательных и профессиональных маршрутов молодежи ученые обращаются к таким вопросам, как получение молодыми людьми специального профессионального образования [6], а также доступность высшего образования [5].

Тема получения образования и выстраивания карьерных стратегий населением России волнует современное общество, о чем свидетельствует появление в 2020 году подкаста РБК Тренды «Списать не получится», освещающего в своих выпусках концепцию образования на протяжении всей жизни — *life long learning*. Данная концепция становится более доступной в связи с активным распространением информационно-коммуникационных технологий. Исследователи обращаются к изучению дистанционных технологий в рамках образовательного пространства высших учебных заведений, указывая перспективы и риски использования онлайн-технологий [1; 9].

В связи с актуальностью и значимостью темы образования, а именно формирования образовательных траекторий, на наш взгляд, целесообразно обратиться к выявлению образовательных стратегий современной российской молодежи в контексте активного распространения цифровых технологий.

В рамках данной статьи на основе определения ценностных ориентаций российской молодежи и формирования ее представлений об образовании путем анализа вторичной базы данных по выбранному направлению исследования мы проанализируем существующие в России образовательные траектории молодежи.

Образование как ценность в среде российской молодежи. Обращаясь к ценностным ориентациям российской молодежи, мы можем выделить следующий факт: при составлении социального портрета молодежи россияне отмечают, что для современных молодых людей в большинстве своем характерна нацеленность на материальное благополучие, которое можно достичь путем получения качественного образования и престижной работы¹³. Если мы посмотрим на ответы самой молодежи, то увидим, что стремление к обучению чаще фиксируется в возрасте 25–34 лет (42%), нежели чем в возрасте 18–24 года (28%) (рисунок 1).

Если мы обратимся к данным Всероссийского центра исследования общественного мнения (ВЦИОМ), то увидим, что 44% опрошенного населения России считает образование инструментом для успешного трудоустройства, а 26% указывают, что образование помогает в карьерном продвижении¹⁴.

Исходя из представленных материалов ВЦИОМ, мы видим, что в жизни российской молодежи образование является значимым, рассматривается как одна из ценностей, но в большинстве случаев молодые люди воспринимают образование в качестве инструмента, который позволяет им выстраивать

¹⁰ Центр социологии науки и образования [Электронный ресурс] // Институт социологии ФНИСЦ РАН. Официальный сайт. URL: https://www.isras.ru/index.php?page_id=653&dep=69&p=0.

¹¹ Институт образования [Электронный ресурс] // НИУ ВШЭ. Официальный сайт. URL: <https://ioe.hse.ru/>.

¹² Проект «Траектории в образовании и профессии» [Электронный ресурс]. URL: <https://trac.hse.ru/about>.

¹³ Образ российской молодежи: мониторинг. Опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring>.

¹⁴ Высшее образование: социальный лифт или потерянное время? Опрос ВЦИОМ [Электронный ресурс]. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/vysshee-obrazovanie-sotsialnyi-lift-ili-poteryannoe-vremya>.

жизненные стратегии, достигать самореализации, успеха и материального благополучия.

Влияние цифровизации на образовательные траектории российской молодежи. Если мы посмотрим на то, какими же являются образовательные траектории современной молодежи, то мы увидим, что выделяется три типа маршрутов: короткое высшее образование — 11 классов / бакалавриат (специалитет); длительное высшее образование: 11 классов / бакалавриат (специалитет) / магистратура; нетрадиционные стратегии, где после школы идет учеба в колледже, затем учеба в вузе, возможно даже получение нескольких высших образований¹⁵.

Чаще всего молодыми людьми реализуются первые два образовательных маршрута, связано это с предоставляемыми государством возможностями: выделением довольно

большого объема бюджетных мест в высших учебных заведениях. Как указано на сайте Минобрнауки России, на 2023/2024 учебный год вузам было установлено 590101 бюджетное место¹⁶. Помимо траектории «школа — вуз» в настоящее время используется маршрут «школа — колледж», а в дальнейшем — «школа — колледж — вуз» [6]. В России описанные образовательные траектории довольно часто использовались в прошлые десятилетия и продолжают использоваться современными молодыми людьми. Что же тогда трансформируется в настоящее время?

На наш взгляд, идет изменение внутри данных образовательных стратегий. Например, сейчас многие родители уделяют огромное внимание выбору школы, иногда даже отдают предпочтение домашним формам обучения или школам-пансионам.

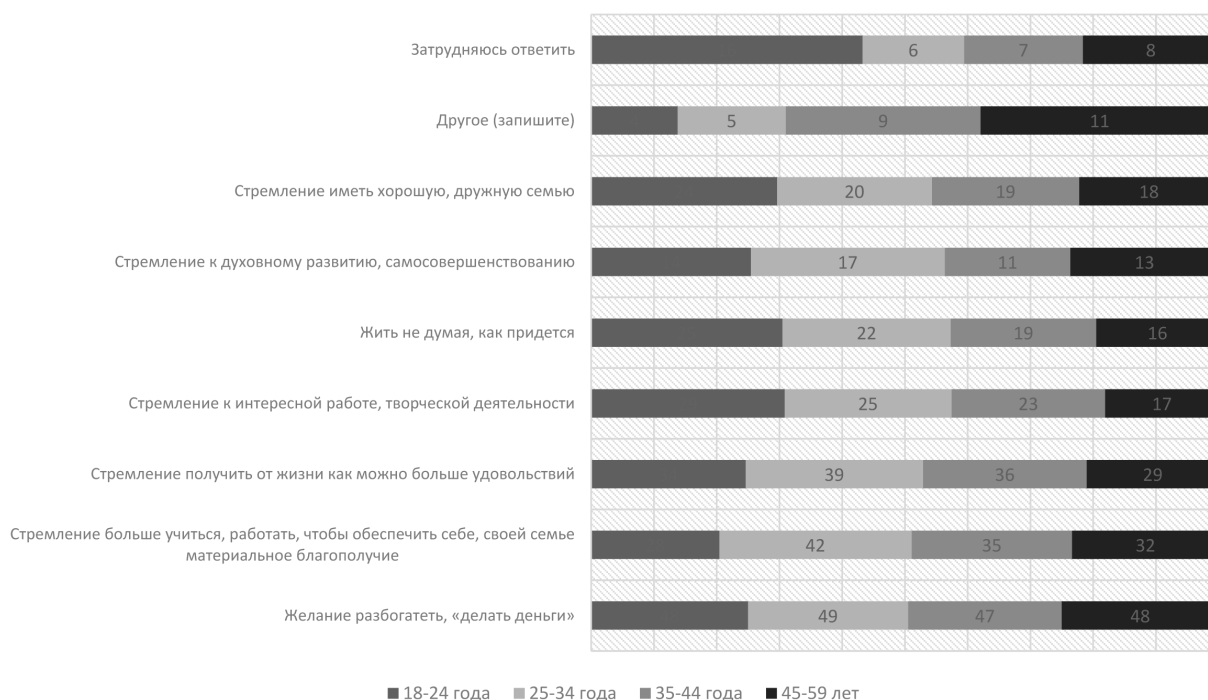

Рис. 1. Данные ответов респондентов на вопрос о характерных чертах молодежи, которые вступают в самостоятельную жизнь¹⁷.

Fig. 1. Data of respondents' answers to the question about the characteristics of young people who are entering independent life

¹⁵ Путь «школа → вуз → работа» выходит из моды? — траектории выпускников всё более разнообразны: разбираем наглядно [Электронный ресурс]. URL: <https://ioe.hse.ru/news/697347866.html>.

¹⁶ Минобрнауки России подвело итоги распределения бюджетных мест вузам и научным организациям на 2023–2024 учебный год [Электронный ресурс] // Сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50956/>.

¹⁷ Диаграмма построена на основе результатов опроса ВЦИОМ «Образ российской молодежи: мониторинг». URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/obraz-rossiiskoi-molodezhi-monitoring>.

В настоящее время государство обращает особое внимание на укрупненные группы специальностей и направлений подготовки (УГСН), в рамках которых готовят кадры для цифровой экономики (на данный учебный год вузам было выделено 160361 бюджетное место)¹⁸, что позволяет молодежи выбирать данные направления обучения, а в дальнейшем успешно реализовываться в востребованных для общества профессиях.

В связи с развитием информационно-коммуникационных технологий у вузов появляется возможность создавать красочные интерфейсы сайтов вуза, страницы образовательных программ, что способствует привлечению внимания абитуриентов к конкретному вузу/сузу и той или иной реализуемой им программе. Грамотные приемные кампании абитуриентов начинаются до самого поступления в учебное заведение и связаны именно с рекламной кампанией самого заведения, его позиционированием и доступностью получения необходимой для абитуриента информации. Это позволяет молодым людям самостоятельно мониторить сайты учебных заведений, узнавать списки вступительных испытаний, оценивать свои шансы на поступление. Кроме того, большое внимание учебные заведения уделяют социальным сетям и репрезентации учебного заведения в социальных медиа. Данный показатель также важен для современных молодых людей, так как они могут связаться не с официальными представителями организации, а найти сверстников, которые со стороны обучающегося могут описать возможности учреждения. О факте цифровизации поступления в вуз свидетельствуют данные, полученные Агентством «Университеты и маркетинг»¹⁹. В рамках данного исследования отмечено, что цифровизация сейчас затрагивает выбор как образовательной программы и вуза, так и самого процесса поступления в вуз (поскольку вузы на сайтах открывают кабинет абитуриента для подачи документов, а также

Госуслуги предоставляют возможности электронной подачи)²⁰.

Развитие дистанционных образовательных технологий позволяет учебным заведениям реализовывать программы ДПО, привлекая внимание абитуриентов к организации. Также удобство составляет и сам процесс подачи документов, который осуществляется последние два года через цифровые порталы, что расширяет возможности получения образования для многих молодых людей.

Приобретая образование в учебном заведении, молодые люди выходят чаще с большим багажом теоретических знаний, которые необходимо умело переложить в практическую плоскость на рынке труда. Отметим, что в некоторых случаях обучающиеся в процессе получения образования совмещают учебу и работу, в чем им также помогает цифровизация, поскольку сейчас много вакансий удаленной работы, требующей цифровых навыков.

Большинство из представителей молодежи выбирают концепцию образования на протяжении всей жизни и в дальнейшем пополняют свой багаж теоретических знаний и практических навыков путем обучений на образовательных платформах (Нетология, ЯндексАкадемия и др.). Как показывает опрос, проведенный компанией «Нетология» и платформой «Россия — страна возможностей», 99% опрошенных не собирается ограничиваться полученным в вузе образованием и 80% опрошенных указали, что планируют получать навыки в рамках образовательных платформ²¹.

Заключение. Вопросы, ориентированные на образовательные стратегии молодежи, являются значимыми как для государственных органов, так и для научного сообщества.

В настоящее время зафиксированы такие типы образовательных стратегий, как короткое высшее образование — школа / вуз (бакалавриат (специалитет)), длительное высшее образование — школа / вуз (бакалавриат (спе-

18 Минобрнауки России подвело итоги распределения бюджетных мест вузам и научным организациям на 2023–2024 учебный год [Электронный ресурс] // Сайт Минобрнауки России. URL: <https://minobrnauki.gov.ru/press-center/news/novosti-ministerstva/50956/>

19 Результаты опроса первокурсников [Электронный ресурс]. URL: <https://t.me/digitalunimarket/417>.

20 Там же.

21 Россияне с высшим образованием рассказали, где, как и зачем они планируют учиться дальше [Электронный ресурс]. URL: <https://skillbox.ru/media/education/rossiyane-s-vyshshim-obrazovaniem-rasskazali-gde-kak-i-zachem-oni-planiruyut-uchitsya-dalshe/>.

циалитет) / магистратура), нетрадиционные стратегии, где после школы идет учеба в колледже, затем учеба в вузе, возможно даже получение нескольких высших образований.

Распространение цифровых технологий в современном мире способствует выбору образовательной организации для обучения и образовательной программы путем мониторинга молодежи цифровых медиа (официальный сайт, страницы образовательных программ учебного заведения, образовательные порталы, сайты рейтинговых агентств, интернет-отзывы). Также цифровизация повлияла на процесс поступления в вуз, сделав его по большому счету удаленным. Помимо этого, цифровизация способствует распространению тренда на осознанное получение образования в рамках обучения на образовательных онлайн-платформах, что позволит реализоваться в профессиональном плане и достичь карьерных высот.

Список источников

1. Архангельская А. А., Колтыго Е. И., Цыганова И. В., Матвеева Л. А., Локаткова О. Н. Проблемы дистанционного обучения и дальнейшие перспективы его развития в медицинском университете [Электронный ресурс] // Мир науки, культуры и образования. 2021. №4(89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-distantcionnogo-obucheniya-i-dalneyshie-perspektivy-ego-razvitiya-v-meditinskoy-universitete> (дата обращения: 14.10.2023).

2. Глухов А. П., Андреева А. А., Гуринов М. Ю., Королева Д. О. Интервенция электронных образовательных платформ в российскую систему образования: экосистемный подход // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2023. №74. С. 176–189.

3. Кузнецов Р. С., Кузнецов И. С. Социальный капитал студентов в цифровой образовательной среде: аудиторный и дистанционный форматы обучения // Социологическая наука и социальная практика. 2022. №3. С. 45–62.

4. Макарычева И. А. Мотивационная сфера школьника. Общее понятие мотива и мотивации в учебной деятельности // Вестник науки и образования. 2018. №4(40). С. 82–86.

5. Мальцева В. А., Розенфельд Н. Я. Траектории российской молодежи в образовании и профессии на материале лонгитюда: сложные маршруты выпускников вузов // Вопросы образования / Educational Studies Moscow. 2022. №3. С. 99–148.

6. Мальцева В. А., Сальникова И. Е., Шабалин А. И. Вместо университета — в колледж: что приводит успевающих одиннадцатиклассников в СПО? // Мониторинг. 2022. №3(169). С. 45–65.

7. Попова Е. С. Неравенство образовательных шансов в цифровом измерении // Профессиональное образование и рынок труда. 2022. №1. С. 55–67.

8. Романова О. А. Ценностно-смысловые ориентации преподавателей гуманитарных дисциплин в организациях СПО [Электронный ресурс] // Отечественная и зарубежная педагогика. 2023. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovye-orientatsii-prepodavateley-gumanitarnyh-disttsiplin-v-organizatsiyah-spo> (дата обращения: 09.10.2023).

9. Тимиргалеева Р. Р., Горбунова Н. В., Гришин И. Ю. Управление развитием цифрового потенциала молодежи на основе конвергенции технологий менеджмента, образования и информационно-коммуникационных технологий // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. Т. 14. №2. С. 142–148.

10. Трофимова И. Н. Национальные исследовательские университеты: статус и результаты деятельности // Социология науки и технологий. 2022. Т. 13. №1. С. 116–129.

References

1. Arhangel'skaja A. A., Kolytso E. I., Cyganova I. V., Matveeva L. A., Lokatkova O. N. Problems of distance learning and further prospects of its development at the medical University [Problems of distance learning and further prospects of its development at the medical University] [Elektronnyj resurs]. *Mir nauki, kul'tury i obrazovaniya* [The world of science, culture and education]. 2021; 4 (89). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-distantcionnogo-obucheniya-i-dalneyshie-perspektivy-ego-razvitiya-v-meditinskoy-universitete> (data obrashheniya: 14.10.2023). (In Russ.).

2. Gluhov A. P., Andreeva A. A., Gurin M. Ju., Koroleva D. O. Intervencija jelektronnyh obrazovatel'nyh platform v rossijskuju sistemu obrazovanija: jekosistemnyj podhod [Intervention of electronic educational platforms in the Russian education system: ecosystem approach]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Sociologija. Politologija* [Bulletin of Tomsk State University. Philosophy. Sociology. Political science]. 2023; (74): 176–189. (In Russ.).
3. Kuznecov R. S., Kuznecov I. S. Social'nyj kapital studentov v cifrovoj obrazovatel'noj srede: auditornyj i distancionnyj formaty obuchenija [Social capital of students in the digital educational environment: classroom and distance learning formats]. *Sociologicheskaja nauka i social'naja praktika* [Sociological science and social practice]. 2022; (3): 45–62. (In Russ.).
4. Makarycheva I. A. Motivacionnaja sfera shkol'nika. Obshee ponjatie motiva i motivacii v uchebnoj dejatel'nosti [Motivational sphere of a student. The general concept of motive and motivation in educational activities]. *Vestnik nauki i obrazovanija* [Bulletin of Science and Education]. 2018; 4(40): 82–86. (In Russ.).
5. Mal'ceva V. A., Rozenfel'd N. Ja. Traektorii rossijskoj molodezhi v obrazovanii i profeszii na materiale longitjuda: slozhnye marshruty vypusnikov vuzov [Trajectories of Russian youth in education and profession on the material of the longitudinal study: difficult routes of university graduates]. *Voprosy obrazovanija / Educational Studies Moscow* [Questions of education / Educational Studies Moscow]. 2022; (3): 99–148. (In Russ.).
6. Mal'ceva V. A., Sal'nikova I. E., Shabalin A. I. Vmesto universiteta — v kolledzh: chto privodit uspevajushhih odinnadcatiklassnikov v SPO? [Instead of university — to college: what brings the successful eleventh graders to the vocational school?]. *Monitoring*. 2022; 3(169): 45–65. (In Russ.).
7. Popova E. S. Neravenstvo obrazovatel'nyh shansov v cifrovom izmerenii [Inequality of educational chances in the digital dimension]. *Professional'noe obrazovanie i rynek truda* [Vocational education and the labor market]. 2022; (1): 55–67. (In Russ.).
8. Romanova O. A. Cennostno-smyslovye orientacii prepodavatelej gumanitarnykh disciplin v organizacijah SPO [Value-semantic orientations of teachers of humanities in the organizations of vocational education and training] [Jelektronnyj resurs]. *Otechestvennaja i zarubezhnaja pedagogika* [Domestic and foreign pedagogy]. 2023; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsennostno-smyslovye-orientatsii-prepodavateley-gumanitarnykh-distiplin-v-organizatsiyah-spo> (data obrashhenija: 09.10.2023). (In Russ.).
9. Timirgaleeva R. R., Gorbunova N. V., Grishin I. Ju. Upravlenie razvitiem cifrovogo potenciala molodezhi na osnove konvergencii tehnologij menedzhmenta, obrazovanija i informacionno-kommunikacionnykh tehnologij [Managing the development of digital potential of youth on the basis of convergence of management technologies, education and information and communication technologies]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2021; 14(2): 142–148. (In Russ.).
10. Trofimova I. N. Nacional'nye issledovatel'skie universitety: status i rezul'taty dejatel'nosti [National Research Universities: status and results of activity]. *Sociologija nauki i tehnologij* [Sociology of Science and Technology]. 2022; 13(1): 116–129. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 29.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Косарева Елена Станиславовна — старший преподаватель кафедры иностранных языков Ростовского юридического института МВД России. Специалист в области лингвистического анализа романо-германских юридических текстов. Стаж научной работы — 13 лет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Еременко, 83

Elena S. Kosareva — Senior Lecturer of the Department of Foreign Languages, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Specialist in the field of linguistic analysis of the Roman-Germanic legal texts. 13 years of research activities.

83 Eremenko str., Rostov-on-Don, Russia

Чистяков Анатолий Васильевич — доктор социологических наук, профессор, исполняющий обязанности декана факультета очно-заочного и дистанционного обучения, Шахтинский автодорожный институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Шахты, пл. Ленина, 1

Anatoly V. Chistyakov — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Acting Dean of the Faculty of Full-time and Distance Learning, Shakhty Road Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

1 Lenina sq., Shakhty, Russia

Маслова Юлия Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Yulia V. Maslova — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign languages, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 351.83

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-75-80

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ КАДРОВОЙ ПОЛИТИКИ В ОРГАНАХ ГОСУДАРСТВЕННОГО И МУНИЦИПАЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Наталья Александровна Левченко

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, г. Новочеркасск, Россия
levchenkonna@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4016-7881, AuthorID РИНЦ: 366454*

Аннотация. *Целью исследования* является рассмотрение инструментов повышения эффективности кадрового менеджмента в органах государственной и муниципальной власти с учетом текущих особенностей социально-экономического развития.

Методологическую базу исследования представляют теоретические аспекты кадровой политики, рассматривающие их как стимул роста эффективности государственного менеджмента на территории Российской Федерации. Реализация актуальных проблем, стоящих перед государственными и муниципальными органами управления, требует особого внимания как в теоретическом плане, так и на уровне практических исследований.

Результаты исследования. Одним из приоритетных результатов проведенного исследования является анализ эффективности реализации программ кадровой политики. Рассмотренные особенности кадрового менеджмента на всех уровнях власти требуют пристального изучения с учетом современной социально-экономических тенденций.

Перспективу исследования составляет углубленный анализ государственного и муниципального управления с учетом определенных теоретических аспектов, позволяющих отразить специфику процессов современного кадрового менеджмента.

Ключевые слова: государственное управление, кадровая политика, общественный баланс, гражданское общество, эффективное управление, инструменты кадровой политики

Для цитирования: Левченко Н. А. Совершенствование кадровой политики в органах государственного и муниципального управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 75–80. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-75-80>.

Original article

IMPROVEMENT OF PERSONNEL POLICY IN STATE AND MUNICIPAL GOVERNMENT BODIES

Natalya A. Levchenko

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
levchenckona@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-4016-7881, AuthorID RSCI: 366454*

Abstract. *The purpose of the study is to consider tools for improving the efficiency of personnel management in state and municipal authorities, taking into account the current features of socio-economic development.*

The methodological basis of the study is the theoretical aspects of personnel policy, considering them as an incentive to increase the effectiveness of public management in the territory of the Russian Federation. The implementation of urgent problems facing state and municipal government bodies requires special attention both in theoretical terms and at the level of applied research.

The results of the study. One of the priority results of the conducted research is the analysis of the effectiveness of the implementation of personnel policy programs. The considered features of personnel management at all levels of government require close study, taking into account the current socio-economic situation.

The perspective of the study is a comprehensive analysis of state and municipal management, taking into account specific content aspects that allow reflecting the specifics of the processes of modern personnel management.

Keywords: *public administration, personnel policy, public balance, civil society, effective management, tools of personnel policy*

For citation: *Levchenko N. A. Improvement of personnel policy in state and municipal government bodies // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 75–80. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-75-80>.*

Введение. Базисом для социально-экономических процессов в обществе, профессиональной ориентации, занятости населения, социальной защиты населения является государственная и муниципальная кадровая политика.

Безусловно, все компоненты общественной жизни, такие как политическая сфера, экономика, социальная сфера интегрированы друг в друга и взаимодействуют между собой [8]. Дисбаланс в этом равновесии за счет увеличения доли одной из отраслей приводит к искажению текущего состояния системы в целом и механизмов её регулирования в частности. Кроме того, все компоненты жизни современного общества испытывают воздействие исторических факторов, определяющих приоритеты текущих коммуникаций

экономических, политических, социальных и духовных составляющих системы [7].

Процесс общественного развития в настоящее время характеризуется преобладанием социально-духовных ценностей в жизни общества, поэтому актуальными задачами кадровой политики являются всестороннее развитие и совершенствование различных институтов гражданского общества, стимулирование развития предпринимательства на местном уровне, введение ограничений в области государственного монополизма, усиление творческой конкуренции.

Осуществление социально-экономических преобразований в современном обществе требует наличия высококвалифицированных менеджеров в сфере государственного и муниципального управления, что предполагает

ет наличие широкого кадрового потенциала и продуктивной системы осуществления кадрового резерва [2].

Кадровое обеспечение в сфере государственного и муниципального управления. В настоящее время стратегической задачей социально-экономического развития экономики является кадровое обеспечение в сфере государственного и муниципального управления. На современном этапе в практической деятельности целесообразно использовать принципы управленческого профессионализма и компетентности, которые становятся приоритетными в современных условиях [4].

Решение современных проблем в сфере кадровой менеджмента через адаптационный подбор кадров представляется малоэффективным. Необходимо осуществление новых технологий кадровой работы в органах государственного и муниципального управления. Неэффективные управленческие решения могут сдерживать инновационные процессы в экономике и социальной сфере [1]. Существует насущная необходимость в управленцах нового формата, с современным мышлением, обладающих актуальными знаниями и навыками, которые способны приумножить нравственные ценности и обеспечить эффективность кадровых решений. В случае кадровых перестроек особое внимание необходимо обратить на актуальные механизмы подбора квалифицированного персонала.

Эффективная мотивация в области карьерного роста является базовым инструментом осуществления мероприятий кадровой менеджмента в области государственного и муниципального управления. В настоящее время приходится наблюдать довольно высокую степень заинтересованности менеджеров, работающих в сфере государственного и муниципального управления, в повышении квалификации [10]. Прежде всего, это объясняется применением базового принципа выражения общественных задач, их отдельных элементов, соответствующих современным реалиям. Применение данных технологий в первую очередь способствует реализации современных профессиональных требований, увеличивает коэффициент эффективности управленческих решений, позволяет

эффективно реализовывать менеджерами свой творческий потенциал.

Следовательно, с учетом современных условий возросла сложность процесса управления и появилась насущная потребность в формировании кадров, отвечающих текущим профессиональным требованиям, поэтому происходит реорганизация управленческих структур, реорганизация государственных и муниципальных структур управления, возрастает и личностный потенциал государственных и муниципальных служащих.

Современные социально-экономические и политические факторы диктуют особые требования к профессиональным качествам, эффективной системе мотивации менеджеров государственного и муниципального управления [9].

Существует потребность в наличии наработанных инструментов для осуществления результативной политики кадровой менеджмента на основе продуктивной коммуникации всех уровней государственного и муниципального управления [3].

Органы государственного управления, будучи центральными субъектами государственной кадровой политики, своевременно координируют актуальные методики эффективного использования кадровых ресурсов на различных уровнях организации общества: федеральном, региональном и местном. Процесс осуществления кадровой политики на государственном уровне невозможен без мероприятий, отвечающих современным требованиям профессиональных и личных качеств кадровых ресурсов.

Качественные меры по совершенствованию механизмов кадровой политики являются в настоящее время базовым атрибутом продуктивной работы кадровой менеджмента как в обществе в целом, на и на отдельном предприятии в частности. Для решения этих проблем необходима процедура совершенствования концепции кадровой политики в области государственного и муниципального управления.

В условиях переходной экономики назрела потребность в создании целостной системы управленческих кадров, соответствующих современным требованиям. Данная система состоит из трех компонентов:

1) кадровая политика федерального уровня. На этом уровне обозначены задачи, цели и направления реализации кадровой политики в соответствии с Конституцией РФ;

2) кадровая политика субъектов РФ, отражающая конституционно-правовые нормы государства в сфере менеджмента;

3) муниципальная кадровая политика, использующая кадровый потенциал муниципальных образований.

При реализации концепции государственного управления необходимо учитывать особенности отечественных кадровых инструментов, а также зарубежный опыт в сфере менеджмента.

Комплексное взаимодействие всех аспектов кадровой политики имеет синергетический эффект только при действенном механизме реализации кадровых мероприятий на всех уровнях государственной власти и во всех сегментах общества.

Сложившаяся сегодня система управления человеческим капиталом — это реалии нашего времени, когда главным становится социальный ресурс, поэтому данное направление профессиональной подготовки, реализующее социальную политику на всех уровнях, обеспечивает подготовку необходимых кадровых ресурсов.

Таким образом, базисом современной кадровой политики является кадровый потенциал муниципальных образований, где происходит формирование, совершенствование личностных и профессиональных черт управленца.

Заключение. В настоящее время в России созданы оптимальные условия для того, чтобы осуществлять всю текущую работу по подготовке резерва кадров государственной и муниципальной службы с учетом современных социально-экономических тенденций. Реализация данного комплекса мероприятий возможна только при использовании современных образовательных технологий и инструментов [5]. Прежде всего необходимо:

— совершенствование образования на всех уровнях, включая начальное, обеспечение раннего выявления талантливой российской молодежи через мониторинг контингента учащихся;

— применение принципа непрерывности образовательного процесса в области менеджмента;

— использование современных педагогических технологий в образовательном процессе.

Для достижения этих целей важна точная формулировка и обоснование всех кадровых задач: текущих и стратегических. Наличие эффективных мероприятий государственной кадровой политики, обновлённой системы работы с кадрами — это реалии современной действительности. Принципы эффективной кадровой политики являются катализатором продуктивной деятельности всех общественных структур и органов государственной власти в решении кадровых вопросов, эволюционном развитии кадрового потенциала.

Таким образом, для эффективной реализации кадровой политики целесообразно осуществлять системный анализ кадрового потенциала с учетом текущих и перспективных задач, а также создавать действенные механизмы реализации основных направлений своей деятельности, включая разработку целевых комплексных программ кадрового развития [6].

Крайне необходимо обеспечивать переподготовку и повышение квалификации кадрового состава органов государственного и муниципального управления, обеспечивать нормативно-правовое, финансовое и наукоемкое сопровождение кадровой политики.

Список источников

1. Абанников В.Н. Инновационный менеджмент: учебное пособие / 2-е изд. испр. и доп. СПб.: РГГМУ, 2010. 254 с.
2. Баталова Ю.В. Государственное и муниципальное управление // Под общ. ред. Н.А. Омельченко. М.: Юрайт, 2023. 453 с.
3. Борщевский Г.А. Управление государственными программами и проектами. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 299 с.
4. Коргова М.А. Кадровый менеджмент: учебное пособие для вузов. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2023. 216 с.
5. Левченко Н.А., Куприк К.Д., Бородкина Е.В. Проблемы совершенствования процесса управления трудовыми ресурсами

в местном сообществе // Гуманитарий юга России. 2018. Т. 7. №5. С. 235–240.

6. Левченко Н. А., Серова А. К. Особенности муниципального управления в современных условиях // Сборник: Социально-экономические и политические процессы в современном обществе. Новочеркасск: Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М. И. Платова, 2016. С. 95–98.

7. Мухаев Р. Т. Государственное и муниципальное управление / Р. Т. Мухаев, Р. А. Абрамов. М.: ИНФРА-М, 2023. 468 с.

8. Прокофьев С. Е. Государственное и муниципальное управление / Под ред. С. Е. Прокофьева, О. В. Паниной, С. Г. Еремина, Н. Н. Мусиновой. 2-е изд. М.: Юрайт. 2023. 608 с.

9. Охотский Е. В. Государственная и муниципальная служба / Под общ. ред. Е. В. Охотского. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт. 2023. 378 с.

10. Фотина Л. В. Кадровая политика на государственной службе / Под общ. ред. Л. В. Фотиной. М.: Юрайт. 2023. 362 с.

References

1. Abannikov V. N. Innovacionnyj menedzhment: uchebnoe posobie [Innovation management: textbook]. 2-e izd. ispr. i dop. Saint Petersburg: RGGMU, 2010. 254 p. (In Russ.).

2. Batalova Ju. V. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [State and municipal administration]. Pod obshh. red. N. A. Omel'chenko [In N. A. Omelchenko (eds.)]. Moscow: Jurajt, 2023. 453 p. (In Russ.).

3. Borshhevskij G. A. Upravlenie gosudarstvennymi programmami i proektami [Management of state programs and projects]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 299 p. (In Russ.).

4. Korgova M. A. Kadrovij menedzhment: uchebnoe posobie dlja vuzov [Personnel man-

agement: a textbook for universities]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt, 2023. 216 p. (In Russ.).

5. Levchenko N. A., Kuprik K. D., Borodkina E. V. Problemy sovershenstvovanija processa upravlenija trudovymi resursami v mestnom soobshhestve [Problems of improving the process of human resource management in the local community]. *Gumanitarij juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2018; 7(5): 235–240. (In Russ.).

6. Levchenko N. A., Serova A. K. Osobennosti municipal'nogo upravlenija v sovremennyh uslovijah [Features of municipal management in modern conditions]. Sbornik: Social'no-jekonomicheskie i politicheskie processy v sovremenom obshhestve [Collection: Socio-economic and political processes in modern society]. Novocherkassk: Juzhno-Rossijskij gosudarstvennyj politehnicheskij universitet (NPI) im. M. I. Platova, 2016. Pp. 95–98. (In Russ.).

7. Muhaev R. T. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [State and Municipal Administration]. R. T. Muhaev, R. A. Abramov. Moscow: INFRA-M, 2023. 468 p. (In Russ.).

8. Prokof'ev S. E. Gosudarstvennoe i municipal'noe upravlenie [State and municipal administration]. Pod red. S. E. Prokof'eva, O. V. Paninoy, S. G. Eremina, N. N. Musinovej [In S. E. Prokofiev, O. V. Panina, S. G. Eremin, N. N. Musinova (eds.)]. 2-e izd. Moscow: Jurajt. 2023. 608 p. (In Russ.).

9. Ohotskij E. V. Gosudarstvennaja i municipal'naja sluzhba [State and municipal service]. Pod obshh. red. E. V. Ohotskogo [In E. V. Okhotsky (eds.)]. 2-e izd., pererab. i dop. Moscow: Jurajt. 2023. 378 p. (In Russ.).

10. Fotina L. V. Kadrovaja politika na gosudarstvennoj sluzhbe [Personnel policy in the public service]. Pod obshh. red. L. V. Fotinoy [In L. V. Fotina (eds.)]. Moscow: Jurajt. 2023. 362 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 29.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Левченко Наталья Александровна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ).

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Natalya A. Levchenko — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of «Social Sciences and Humanities» chair, South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК: 316.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-81-90

МУЖСКИЕ ОНЛАЙН-СООБЩЕСТВА: КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПЕРСПЕКТИВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Алексей Витальевич Терехов

*Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте РФ, Москва, Россия
alex124368@gmail.com, ORCID: 0009-0006-6179-9540*

Аннотация. *Актуальность исследования* связана с необходимостью осмысления мужских онлайн-сообществ как фактора вторичной социализации мужчин в России, который влияет на их брачные и семейные установки. Последние в свою очередь выступают фактором сохранения существенного разрыва в ожидаемой продолжительности жизни мужчин и женщин в России и влияют на функционирование и развитие института семьи.

Цель исследования заключается в выработке и обосновании концептуального аппарата для исследования мужских онлайн-сообществ как источников формирования новой маскулинности в современном российском обществе.

Методологическую базу исследования представляет дискурс-аналитический подход, теория маскулинности и концепция онлайн-сообществ.

Результаты исследования. *Результатом исследования* является концептуальная модель, соединяющая понятия маскулинности и онлайн-сообществ, представляя последние в качестве дискурса, в рамках которого осуществляется переосмысление мужских социальных норм и поведенческих паттернов. Обосновывается продуктивность дискурс-аналитического подхода в условиях сложившегося в России гендерного ландшафта, а также необходимость изучения мужских сообществ для понимания современных тенденций трансформации маскулинности. В работе рассмотрены теоретические подходы социологии гендера и мужских исследований, используемые зарубежными и российскими учёными.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим изучением эмпирического материала мужских онлайн-сообществ и выработке обоснованных методических рекомендаций для органов власти Российской Федерации, направленных на поддержку мужчин как субъектов семейного и брачного поведения.

Ключевые слова: онлайн-сообщества, социализация мужчин, маскулинность, брачные и семейные установки, институт семьи, продолжительность жизни

Для цитирования: Терехов А. В. Мужские онлайн-сообщества: концептуальный анализ и перспективы исследования // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 81–90. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-81-90>.

Original article

MALE ONLINE-COMMUNITIES: CONCEPTUAL ANALYSIS AND RESEARCH PERSPECTIVES

Alexey V. Terehov

*Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia*

alex124368@gmail.com, ORCID: 0009-0006-6179-9540

Abstract. *The relevance of the study is related to the need to understand male online communities as a factor of secondary socialization of men in Russia, which affects their marital and family attitudes. The latter, in turn, act as a factor in maintaining a significant gap in the life expectancy of men and women in Russia and affect the functioning and development of the institution of the family.*

The purpose of the study is to develop and substantiate a conceptual apparatus for the study of male online communities as sources of the formation of a new masculinity in modern Russian society.

The methodological basis of the research is the discourse-analytical approach, the theory of masculinity and the concept of online communities.

The results of the study. The result of the research is a conceptual model that combines the concepts of masculinity and online communities, presenting the latter as a discourse within which male social norms and behavioral patterns are reinterpreted. The article substantiates the productivity of the discourse-analytical approach in the conditions of the gender landscape that has developed in Russia, as well as the need to study male communities in order to understand modern trends in the transformation of masculinity. The paper examines the theoretical approaches of the sociology of gender and male studies used by foreign and Russian scientists.

The prospects of the research are connected with further study of the empirical material of male online communities and the development of sound methodological recommendations for the authorities of the Russian Federation aimed at supporting men as subjects of family and marital behavior.

Keywords: *online communities, socialization of men, masculinity, marital and family attitudes, family institution, life expectancy*

For citation: *Terehov A. V. Male online-communities: conceptual analysis and research perspectives // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 81–90. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-81-90>.*

Введение. В социологии гендера в России и за рубежом активно развивается область, обозначаемая как критические исследования мужчин и маскулинностей или мужские исследования [2]. В рамках этой дисциплины мужчины исследуются как большая социальная группа, изучается динамика их положения в социальной структуре, а также социальные нормы и ожидания, связанные с мужским гендером. Современные концеп-

ции мужских исследований обращают всё больше внимания на микросоциальный уровень, включая в анализ субъективные смыслы и ценности, лежащие в основе поведения мужчин. Вместе с этим в мужских исследованиях на смену эссенциалистской трактовке гендера как статичного, неотделимого от биологического пола набора норм приходит конструктивистский подход. Последний предполагает концептуализацию гендера как

социально сконструированного, а следовательно, исторически изменчивого и динамичного явления [4]. Таким образом, динамика и трансформация гендера являются характерными для исследований в данной области.

Трансформация социальных норм мужского поведения, культурного идеала мужчины нередко рассматривается исследователями как кризис маскулинности [10; 14]. Согласно определению И.С. Кона, кризис маскулинности — это «кризис привычного гендерного порядка и освящающей его идеологии, которая перестала соответствовать изменившимся социально-экономическим условиям». Он отмечает, что «[п] о всем трем главным макросоциальным осям — общественное разделение труда, политическая власть и брачносемейные отношения — социально-ролевые различия между мужчинами и женщинами резко уменьшились» [6, с. 107]. Отметим, что изменения в указанных сферах имеют сложную природу и порождены многочисленными экономическими, политическими и социальными процессами, связанными со становлением обществ современного типа — обществ модерна. Один из таких процессов — становление социальной идентичности рефлексивного типа, описанное Э. Гидденсом как результат глобализации и трансформации социальных институтов современного общества. С этой точки зрения «индивид должен выбирать свою идентичность среди стратегий и выборов, предлагаемых экспертными и знаковыми системами» [5, с. 457]. Гендерная идентичность также подвергается конструкции и реконструкции: находясь в окружении конкурирующих дискурсов, в которых циркулирует и производится соответствующее знание, индивид отбирает лишь некоторые нарративы, которые далее станут основой его гендерной идентичности. Добавим, что имеется в виду всё же не полностью волюнтаристское конструирование гендерной идентичности, когда индивид может принять любые возможные комбинации норм или ролей; этот процесс ограничен процессом социализации и существующими дискурсами.

Исторически социализация мальчиков и мужчин протекала под влиянием не только семьи, но и особых институтов — мужских союзов. Этот институт имеет древнюю исто-

рию и считается одной из базовых социальных организаций, встречающихся в разных формах как в архаических, так и в современных обществах [6]. Известно также, что в социализации мужчин гомосоциальные союзы (т.е. союзы, ориентированные на взаимодействие с себе подобными) исторически играли более важную роль, чем в социализации женщин [13].

В современном обществе с учётом отмеченного выше тренда на рефлексивное построение идентичности значение гомосоциальных союзов в первичной и вторичной социализации (ресоциализации) мужчин только возрастает. Мы можем рассматривать мужские онлайн-сообщества как одну из форм мужских гомосоциальных союзов, характерную для современных обществ. Однако, область исследования таких сообществ только начинает формироваться за рубежом и представлена рядом работ англоязычных авторов [12; 16; 17; 20; 21]. В настоящей работе предпринимается попытка концептуального осмысления мужских онлайн-сообществ как дискурса, выступающего одним из агентов трансформации маскулинности в современном российском обществе.

Мужские онлайн-сообщества как объект социологического исследования. Онлайн-сообщества (или виртуальные сообщества) в целом изучаются социологами уже с конца XX века. Ф. Шарков и Н. Кириллина рассматривают их как «группы акторов, взаимодействующих в виртуальном пространстве... вне географических и политических границ и объединённых общими интересами или целями», для которых «характерна значительная эмоциональная вовлечённость участников в процесс сетевого взаимодействия» [9, с. 229]. Они также обращают внимание на растущую взаимосвязь «реальных» и виртуальных социальных практик: на текущем этапе развития цифрового пространства «виртуальные сообщества принимают некоторые характеристики традиционных» и вместе с тем «повышается вероятность дополнения или замещения пространственных связей в реальных сообществах виртуальными компонентами» [9, с. 229]. Имеет место и возникновение новых, не имеющих референта вне онлайн-среды, сообществ.

Исходя из этого определения, можно сказать, что сущностными признаками онлайн-сообществ являются эмоциональная вовлеченность участников и общность целей. Тогда мужским онлайн-сообществом будет являться такое онлайн-сообщество, которое преследует цели социализации мужчин, а также выполняет функцию эмоциональной поддержки, характерной для гомосоциальных мужских союзов. Заметим, что в таком случае к мужским онлайн-сообществам нельзя отнести профессиональные сообщества или сообщества по интересам (форум автомехаников, форум геймеров и т.п.). Хотя во многих подобных сообществах могут состоять преимущественно мужчины, что отразится в своеобразном «мужском» стиле коммуникации, тем не менее гендерная принадлежность и особый мужской опыт участников сообщества не будут являться предметом дискуссий.

Мы полагаем, что высоким потенциалом для продуктивного исследования мужских онлайн-сообществ обладает дискурс-аналитический подход. В социологии дискурс-аналитический подход — это группа идейно сходных, но различающихся в методическом аспекте концепций. Общей и базовой предпосылкой всех этих концепций является утверждение взаимообусловленности знания и социальных процессов, что отражено в определении дискурса, предложенном М. Йоргенсен и Л. Филлипс: «Дискурс — это форма социального поведения, которая участвует в формировании социального мира (включая знания, людей и социальные отношения) и, таким образом, в поддержании и сохранении социальных паттернов» [3, с. 25]. Виртуальные сообщества можно рассматривать как дискурс именно постольку, поскольку участие в сообществе означает включенность в артикуляцию определенного типа знания, в случае с мужскими сообществами — знания о мужском социальном опыте, связанных с мужчинами социальных нормах, ценностях и ролевых ожиданиях. Даже пассивное участие в таких сообществах в виде читателя способствует распространению этой информации, а значит, тоже может считаться поддержанием дискурса.

У существующих дискурс-аналитических концепций разные теоретические и методоло-

гические основания, а также разные области применения; например, в основе теории дискурса Э. Лакло и Ш. Муфф лежит постструктуралистская философия, а сам подход разрабатывался для изучения политических процессов и власти [3]. В концепции Т. Ван Дейка делается акцент на том, как и кем в обществе осуществляется контроль над производством текстов и их особенностями, как легитимируется и поддерживается неравенство и господство [18]. Существуют и другие концепции дискурс-анализа. Из них, на наш взгляд, наиболее релевантным для изучения мужских онлайн-сообществ будет являться критический дискурс-анализ Н. Фэркло. Автор этого подхода рассматривает дискурс как «и конституирующий, и конституируемый», имея в виду его диалектическую связь с социальной практикой [3, с. 109–118]. Согласно позиции Н. Фэркло, дискурс может порождать социальные изменения, т.к. в нём артикулируются новые значения, которые впоследствии могут закрепляться в социальной практике. Например, дискурс феминизма, существовавший в виде текстов и идей, а также социальном движении, реализовался в многочисленных недискурсивных практиках и институтах, таких как женское избирательное право, отмена профессиональных и образовательных ограничений для женщин и др.

Преимуществом подхода Н. Фэркло является постулат о связи дискурса и социальной практики, который позволяет исследователю выйти за пределы дискурса (исследуемых текстов или визуальных материалов) к его участникам и контексту, что является более ценным для исследования. Кроме того, критический дискурс-анализ не предполагает строгой методической базы, благодаря чему позволяет комбинировать разные, подходящие по ситуации методы сбора и анализа данных, а полученные результаты укоренять в предметных теориях, соответствующих выбранной области научного интереса.

Изучение мужских-онлайн сообществ как дискурса. В критическом дискурс-анализе Н. Фэркло следует уделять равное значение как самому дискурсу, так и социальному контексту, в котором он развернут. Для мужских-онлайн сообществ таким контекстом выступает гендерный порядок. Это понятие,

развиваемое российской исследовательницей Г.Г. Силласте, означает «систему социальных норм, политической культуры и социальных институтов, формирующих в обществе отношение к гендерным проблемам и к их решению» [8, с. 7]. В России одной из ключевых характеристик гендерного порядка является колоссальный разрыв в ожидаемой продолжительности жизни полов (67,6 лет для мужчин против 77,7 у женщин). При этом в российском обществе сохраняются требования к мужчинам, отражающие положение их как «сильного пола», в частности требование карьерного успеха и материального достатка, а также традиционная роль кормильца [1]. В условиях, когда мужчины не имеют ни карьерных, ни образовательных институциональных преимуществ перед женщинами, реализация этих императивов в значительной степени затруднена. Зарубежные исследователи полагают, что гендерная структура современных обществ позволяет мужчинам извлекать пусть и ограниченные (в отличие от традиционных патриархальных обществ), но ощутимые выгоды от их положения «сильного пола», что обозначается термином «патриархатные дивиденды» [2, с. 56]. На наш взгляд, в российском обществе следует, напротив, говорить об издержках от положения мужчин как «сильного пола».

Дискурс мужских онлайн-сообществ отражает описанный нами конфликт социальных норм. Участники сообществ рефлексировали себя как мужчин в контексте социальных ожиданий от них, критически рассматривая последние как устаревшие, несоответствующие современным социальным институтам и условиям. Их рефлексия направлена, с одной стороны, на ослабление, «расшатывание» существующих моделей маскулинности, с другой — на выработку новых компонентов маскулинности, отражающих фактическое положение мужчины в обществе, институциональную среду, а также и актуальное положение женщин.

Центральной, структурирующей темой дискурса является вопрос отношений мужчины и женщины. Они рассматриваются в аспекте знакомства, ухаживания, брака и совместной жизни, связанных с ними нормами и практиками. Так, мужские сообщества, посвященные «эффективному соблазнению

женщин», разрабатывают особые стратегии поведения для знакомства и общения с девушками. Эти стратегии обосновываются при помощи наукообразных отсылок к биологии или экономике, что видно, например, по следующему представлению о женщинах: «[они] движимы желанием жениться на мужчине, который будет заботиться о них и поддерживать материально [...] однако, биологически расположены к тем, кто обеспечит “хорошие гены” для будущего ребенка» [19, р. 92]. Исследователи мужских онлайн-сообществ отмечают обилие дискурсивных отсылок к биологии, экономике, а также наукообразный стиль текста, характерный для этого дискурса [11]. Последнее особенно проявляется в использовании многочисленных терминов и аббревиатур, например, «БЖ» — бывшая жена, «КБП» — конфетно-букетный период и т.д. Такой стиль используется для придания значимости транслируемым идеям, а также выполняет функцию консолидации: наличие собственного арго создает чувство причастности участников к сообществу и позволяет им дифференцировать себя от других.

В дискурсе мужских онлайн-сообществ отражен взгляд мужчин на практики, связанные с отношениями полов в современном обществе. Переосмысление текущих идеалов мужчины, создание новых моделей маскулинности в рамках таких сообществ свидетельствует о неудовлетворенности существующим гендерным контрактом. Крайним моментом этой неудовлетворенности является разочарование в самой возможности мужчины успешно создать союз с женщиной в желаемом формате. Подобное разочарование закономерно ведет к отказу от попыток создать семью, что проявляется, в частности, в отношении к браку. Исследователи зарубежных мужских сообществ отмечают, что брак в них рассматривается как невыгодная, нежелательная для мужчины практика [12]. Это связано, к примеру, с риском потери имущества в случае развода и практикой, когда отец фактически лишен возможности видеть ребенка [16; 20]. Сходные аргументы обнаруживаются и в русскоязычных мужских сообществах: «За измену жены мужчина ничего не имеет права сделать [...] родные дети мужчине тоже не принадлежат, в случае развода, которым сегодня заканчиваются большинство браков, они автоматически

достаются женщине. Прав на свое имущество мужчина никаких не имеет. Суду абсолютно не важно, кто своим трудом наживал совместную квартиру».

Отметим, что дискурс предполагает опеределенный плюрализм мнений и высказываний, и поэтому выявить конечную, «истинную» позицию его участников бывает затруднительно. В связи с этим социологическое исследование должно фиксировать, какие позиции являются допустимыми, а какие — исключенными из дискурса. Выявление элементов, которые исключены из дискурса, может дать ценные сведения о его функционировании, т.е. о том, как дискурс структурирует и направляет знание. В дискурс анализе область исключенного обозначается как «область дискурсивности» [3].

Плюрализм мужских сообществ. Русскоязычные мужские онлайн-сообщества только начинают привлекать внимание исследователей, за рубежом эта область исследований также развивается сравнительно недавно. Существует множество мужских сообществ на разных платформах, в том числе в социальных сетях (ВКонтакте, Telegram и др.) и на отдельных веб-сайтах, обычно функционирующих как форумы (например, forum.pickup.ru). Их численность колеблется от нескольких десятков до нескольких тысяч активных участников, однако, охват (посещаемость веб-страниц) доходит до нескольких сотен тысяч в месяц.

Большое количество сообществ связано с существованием различий в их основных идеях и темах. Авторы ряда работ отмечают плюрализм мнений и ориентаций мужских онлайн-сообществ [21; 17]. Например, Р. Шмитз и Э. Казьяк выделили два типа сообществ, исходя из их идейной ориентации, обозначив первый как «Киберпарни в поисках маскулинности» и второй как «Виртуальные жертвы в поисках равенства» [17]. К первой группе были отнесены сообщества, «предлагающие жизненные советы для того, чтобы помочь мужчинам в принятии и реализации своей мужественности». Существенной чертой таких сообществ является ориентация на идеалы традиционной маскулинности: высокий социальный и профессиональный статус, достаток, брутальная внешность, соответствующие хоб-

би (охота, тяжелая атлетика) и т.д. Исследователи отметили, что в рамках этих сообществ провозглашается свобода мужчин от таких институтов, как семья и брак, а также отказ от эгалитарного стиля отношений, в которых партнёры имеют равные права, в пользу отношений с главенством мужчины. Для второй группы сообществ характерной является тема справедливости: положение мужчины рассматривают как подавленное, уязвимое в связи с существующими социальными институтами и практиками; сами сообщества мыслятся как потенциальные социальные движения и потенциальные агенты политических изменений, а их риторика по форме напоминает риторику феминистских организаций [17, р. 9].

Аналогичное разделение может быть применимо для русскоязычных мужских онлайн-сообществ. Например, ко второму типу можно отнести сообщества инцелов — мужчин, рассматривающих женщин как источник собственных сексуальных неудач и обычно предлагающих административные или политические методы изменения гендерного порядка [7; 15]. Интересно, что само название «инцел» происходит от английского incel («involuntary celibate», или «невольно соблюдающий целибат»), поэтому дискурс таких сообществ на русском языке в значительной степени будет созвучен их зарубежным аналогам. Вместе с тем нельзя не заметить, что полное сходство русскоязычных сообществ с зарубежными невозможно в силу целого ряда причин. К таким причинам относятся культурные и политические различия (например, сильные политические позиции феминизма в западных странах), разный гендерный ландшафт и гендерные нормы, а также в немалой степени исторические условия, в которых в России формировались институты семьи и брака. Кроме того, первыми внимание к мужским онлайн-сообществам в академической среде проявили исследователи феминистского толка. В силу этого цель многих текстов заключается не столько в понимании социальных причин существования и динамики мужских сообществ, сколько в критике их как антифеминистских.

Перспективы исследования. Исходя из предложенной нами концептуальной рамки, дальнейшее исследование мужских

онлайн-сообществ может быть направлено на решение нескольких задач. В качестве первой, содержательной, задачи мы можем назвать выделение наиболее важных тем, обнаруживаемых в исследуемом дискурсе. Решение этой задачи требует получения, обработки и анализа больших массивов текстовых данных. Поскольку требуемые данные доступны в открытых источниках любому пользователю сети, методом сбора данных может стать веб-скрэппинг — автоматизированный сбор информации с сайтов, позволяющий сохранить все данные в удобном для исследователя формате. Для первичной обработки и анализа будут актуальны количественные методы интеллектуального анализа текстов (text mining), в дополнение к которым затем будет полезно применение качественных методов, нацеленных на углубленное понимание материала.

Другая задача социологического исследования в этой области — соединение полученного содержательного материала с социальным контекстом российского общества. Это задача, предполагающая переход от эмпирического материала к теоретическим выводам, в частности необходимо изучить, какие социальные практики и институты являются наиболее болезненными и конфликтогенными для российских мужчин, оценить динамику маскулинности с точки зрения того, какие социальные нормы подвергаются рефлексии, какими мыслятся идеальные и реальные ролевые ожидания от мужчин. Наконец, третьей и наиболее амбициозной задачей, следующей за такой социологической диагностикой, является выработка практических рекомендаций, которые могли бы внести вклад в демографическую, гендерную и культурную политику в отношении мужчин в России.

Помимо этих задач остаётся актуальным вопрос классификации русскоязычных мужских онлайн-сообществ. Опираясь на зарубежный опыт, можно утверждать, что полного идейного единства между такими сообществами нет, а различия могут быть настолько выраженными, что порождают противостояние между участниками сообществ. Дальнейшие содержательные исследования должны наметить возможные линии раздела, на основе которых впоследствии будет очерчена «карта» мужского онлайн-пространства.

Отметим, что предлагаемая нами концептуальная рамка рассматривает мужские онлайн-сообщества как дискурс маскулинности. Подобный подход был продуктивно использован учеными за рубежом и представляет собой наиболее логичный вариант с учётом того, что мужские онлайн-сообщества не имеют «реальной» составляющей в виде социальных организаций, территориальной привязки, т.е. существуют исключительно виртуально. Однако, не следует забывать, что участники этих сообществ тем или иным образом интегрируют виртуальную коммуникацию в свою жизнь, и в связи с этим логичным продолжением исследований мужских сообществ было бы понимание социального портрета их участников, влияние этих сообществ на их образ жизни и биографию. Для решения этого круга задач наиболее актуальными будут классические социологические методы анкетного опроса и личного интервью. Могут иметь место методы включенного наблюдения с участием социологов в жизни сообществ.

Заключение. Проведенный нами обзор опыта изучения мужских онлайн-сообществ позволяет утверждать, что дискурс-аналитический подход является перспективной моделью для их осмысления. С точки зрения этого подхода мужские онлайн-сообщества следует рассматривать как дискурс маскулинности, в рамках которого осуществляется рефлексивное переосмысление гендерных норм и ролевых ожиданий, особенностей функционирования современных социальных институтов, связанных с гендером и половыми практиками, а также положения мужчин в этих институтах. Дискурс-аналитический подход позволяет дополнить эмпирический материал, представленный преимущественно текстами, с изучением современного гендерного ландшафта России в институциональном, демографическом и ценностном аспектах.

Представляется, что российский контекст существования мужских сообществ в значительной степени уникален в связи с институциональными, демографическими и культурными особенностями российского общества и его исторического развития. Несмотря на это, опыт зарубежных исследователей может оказаться ценным

в качестве концептуальной опоры, в том числе в связи с тем, что имеют место содержательные пересечения тем, затрагиваемых зарубежными и отечественными мужскими онлайн-сообществами.

Список источников

1. Ваньке А. В., Тартаковская И. Н. Трансформации маскулинности российских рабочих в контексте социальной мобильности // Мир России. 2016. №4. С. 136–153.
2. Здравомыслова Е. А., Тёмкина А. А. Что такое «маскулинность»? Понятийные отмычки критических исследований мужчин и маскулинностей // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2018. №6(148). С. 48–73.
3. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.
4. Касаткин Е. В. Маскулинность в фокусе современной социологии гендера // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2022. Т. 15. №2. С. 34–42.
5. Кимелев Ю. А., Полякова Н. Л. Модерн и процесс индивидуализации: исторические судьбы индивида модерна. М.: Праксис, 2017. 492 с.
6. Кон И. С. Меняющиеся мужчины в изменяющемся мире // Этнографическое обозрение. 2010. №6. С. 99–114.
7. Красиков В. И. Гендерная ненависть в Рунете: маскулисты и радфемки // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2020. Т. 4. №3(15). С. 235–244.
8. Силласте Г. Г. Социальные транзисии и формирование нового гендерного порядка // Женщина в российском обществе. 2019. №2. С. 3–16.
9. Шарков Ф., Кириллина Н. Конвергируемость реальных и виртуальных сообществ в цифровом пространстве: социологический обзор // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. №3. С. 229–249.
10. Connell R. W., Messerschmidt J. W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept // Gender & society. 2005. Vol. 19. №6. Pp. 829–859.
11. Denes A. Biology as consent: Problematizing the scientific approach to seducing women's bodies // Womens Studies International Forum. 2011. Vol. 34. Pp. 411–419.
12. Eddington S. M. Alt-resilience: a semantic network analysis of identity (re) construction in an online men's rights community // Journal of Applied Communication Research. 2020. №48(2). Pp. 1–22.
13. Flood M. Men, sex, and homosociality: How bonds between men shape their sexual relations with women // Men and masculinities. 2008. №10(3). Pp. 339–359.
14. Kimmel M. S. The contemporary «crisis» of masculinity in historical perspective // The Making of Masculinities (Routledge Revivals). Routledge, 2018. Pp. 121–153.
15. Maxwell D., Robinson S. R., Williams J. R., Keaton C. A short story of a lonely guy: A qualitative thematic analysis of involuntary celibacy using Reddit // Sexuality & Culture. 2020. №24(6). Pp. 1852–1874.
16. Preston K., Halpin M., Maguire F. The black pill: new technology and the male supremacy of involuntarily celibate men // Men and masculinities. 2021. Vol. 24. №5. Pp. 1–19.
17. Schmitz R. M., Kazyak E. Masculinities in cyberspace: An analysis of portrayals of manhood in men's rights activist websites // Social Sciences. 2016. Vol. 5. №2. Pp. 1–16.
18. Van Dijk T. A. Aims of critical discourse analysis // Japanese discourse. 1995. №1(1). Pp. 17–28.
19. Van Valkenburgh S. Digesting the Red Pill: Masculinity and Neoliberalism in the Manosphere // Men and Masculinities. 2018. №24. Pp. 1–20.
20. Wright S., Trott V., Jones, C. 'The pussy ain't worth it, bro': assessing the discourse and structure of MGTOW // Information, Communication & Society. 2020. №23(6). Pp. 908–925.
21. Xiaoting H., Chenjun Y. Mapping the manosphere. Categorization of reactionary masculinity discourses in digital environment // Feminist Media Studies. 2022. №3. Pp. 1–18.

References

1. Van'ke A. V., Tartakovskaja I. N. Transformacii maskulinnosti rossijskich rabochih v kontekste social'noj mobil'nosti [Transformations of masculinity of Russian workers in the

context of social mobility]. *Mir Rossii* [The world of Russia]. 2016; (4): 136–153. (In Russ.).

2. Zdravomyslova E.A., Tjomkina A.A. Chto takoe «maskulinnost'»? Ponjatijnye otmychki kriticheskikh issledovanij muzhchin i maskulinnostej [What is «masculinity»? Conceptual master keys of critical studies of men and masculinities]. *Monitoring obshhestvennogo mnenija: jekonomicheskie i social'nye peremeny* [Monitoring of public opinion: economic and social changes]. 2018; 6(148): 48–73. (In Russ.).

3. Jorgensen M.V., Phillips L. Dzh. Diskurs-analiz. Teorija i metod [Discourse analysis. Theory and method]. Per. s angl. 2-e izd., ispr. Kharkov.: Gumanitarnyj Centr, 2008. 352 p. (In Russ.).

4. Kasatkin E.V. Maskulinnost' v fokuse sovremennoj sociologii gendera [Masculinity in the focus of modern sociology of gender]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (NPI). Serija: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(2): 34–42. (In Russ.).

5. Kimelev Ju. A., Poljakova N.L. Modern i process individualizacii: istoricheskie sud'by individa moderna [Modernity and the process of individualization: historical destinies of the modern individual]. Moscow: Praksis, 2017. 492 p. (In Russ.).

6. Kon I.S. Menjajushhiesja muzhchiny v izmenjajushhemsja mire [Changing men in a changing world]. *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. 2010; (6): 99–114. (In Russ.).

7. Krasikov V.I. Gendernaja nenavist' v Runete: maskulisty i radfemki [Gender hatred in Runet: masculinists and radfemki]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye i obshhestvennye nauki* [Bulletin of Kemerovo State University. Series: Humanities and Social Sciences]. 2020; 3(15): 235–244. (In Russ.).

8. Sillaste G.G. Social'nye tranzicii i formirovanie novogo gendernogo porjadka [Social transitions and the formation of a new gender order]. *Zhenshhina v rossijskom obshhestve* [A woman in Russian society]. 2019; (2): 3–16. (In Russ.).

9. Sharkov F., Kirillina N. Konvergiruemość real'nyh i virtual'nyh soobshhestv v

cifrovom prostranstve: sociologičeskij obzor [Convergence of real and virtual communities in the digital space: a sociological review]. *Sociologičeskoe obozrenie* [Sociological Review]. 2022; 21(3): 229–249. (In Russ.).

10. Connell R.W., Messerschmidt J.W. Hegemonic masculinity: Rethinking the concept. *Gender & society*. 2005; 19(6): 829–859.

11. Denes A. Biology as consent: Problematizing the scientific approach to seducing women's bodies. *Womens Studies International Forum*. 2011; (34): 411–419.

12. Eddington S.M. Alt-resilience: a semantic network analysis of identity (re) construction in an online men's rights community. *Journal of Applied Communication Research*. 2020; 48(2): 1–22.

13. Flood M. Men, sex, and homosociality: How bonds between men shape their sexual relations with women. *Men and masculinities*. 2008; 10(3): 339–359.

14. Kimmel M.S. The contemporary «crisis» of masculinity in historical perspective. The Making of Masculinities (Routledge Revivals). Routledge, 2018. Pp. 121–153.

15. Maxwell D., Robinson S.R., Williams J.R., Keaton C. A short story of a lonely guy: A qualitative thematic analysis of involuntary celibacy using Reddit. *Sexuality & Culture*. 2020; 24(6): 1852–1874.

16. Preston K., Halpin M., Maguire F. The black pill: new technology and the male supremacy of involuntarily celibate men. *Men and masculinities*. 2021; 24(5): 1–19.

17. Schmitz R.M., Kazyak E. Masculinities in cyberspace: An analysis of portrayals of manhood in men's rights activist websites. *Social Sciences*. 2016; 5(2): 1–16.

18. Van Dijk T.A. Aims of critical discourse analysis. *Japanese discourse*. 1995; 1 (1): 17–28.

19. Van Valkenburgh S. Digesting the Red Pill: Masculinity and Neoliberalism in the Manosphere. *Men and Masculinities*. 2018; (24): 1–20.

20. Wright S., Trott V., Jones, C. 'The pussy ain't worth it, bro': assessing the discourse and structure of MGTOW. *Information, Communication & Society*. 2020; 23(6): 908–925.

21. Xiaoting H., Chenjun Y. Mapping the manosphere. Categorization of reactionary masculinity discourses in digital environment. *Feminist Media Studies*. 2022; (3): 1–18.

Статья поступила в редакцию 09.09.2023; одобрена после рецензирования 25.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 09.09.2023; approved after reviewing on 25.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Терехов Алексей Витальевич — аспирант кафедры «Организационное проектирование систем управления», Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Россия, г. Москва, пр. Вернадского, 84

Alexey V. Terehov — Postgraduate Student of the Department «Organizational design of Management Systems», Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

84 Vernadskogo av., Moscow, Russia

ЭКОНОМИКА И УПРАВЛЕНИЕ ECONOMICS AND MANAGEMENT

Научная статья
УДК 338.22(930.23)
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-91-101

ОРГАНИЗАЦИОННО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ИНСТРУМЕНТАРИЙ ПРОЦЕССА УПРАВЛЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫМ ПОТЕНЦИАЛОМ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Наталья Анатольевна Азарова

*Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова,
Воронеж, Россия
azarovarsd@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8244-8922, AuthorID РИНЦ: 583069*

Аннотация. *Целью исследования* является развитие методологии процесса управления инновационным потенциалом в рамках познания возникновения, становления деятельности социально-экономических систем, включая изучение и совершенствование инструментария их функционирования.

Методологическую базу исследования представляет изучение теоретических трудов российских и зарубежных ученых. В целях решения обозначенных задач автором были использованы методы анализа, синтеза, систематизации, классификации, обобщения концептуальных решений. При изучении экономической природы был использован системный подход, который базируется на эволюционных и институциональных основах экономических знаний. Выбранные методы обеспечивают точное понимание особенностей развития процесса управления инновационным потенциалом социально-экономических систем.

Результаты исследования. С помощью методологии научного познания была исследована сущность процесса управления инновационным потенциалом как элемента социально-экономической системы. На основе проведенного анализа с помощью структурного, системного, институционального подходов были выявлены направления и подсистемы процесса, характеризующие управление инновационной деятельностью. Выделены понятия инновационного конвейера, инновационной воронки, которые позволяют определить инструментарий процесса управления инновационного потенциала как основного элемента инновационной деятельности с помощью активной институционализации социально-экономических систем.

Перспективы исследования заключаются в дополнении методического материала и совершенствовании методов измерения процесса управления инновационного потенциала в рамках функционирования социально-экономических систем различными инструментами процессной деятельности.

Ключевые слова: инновационный потенциал, социально-экономические системы, инновации, инновационные процессы

Для цитирования: Азарова Н.А. Организационно-методический инструментарий процесса управления инновационным потенциалом социально-экономических систем // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 91–101. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-91-101>.

Original article

DEVELOPMENT OF THEORETICAL PROVISIONS OF THE CONCEPTS OF FORMATION AND MANAGEMENT OF INNOVATIVE POTENTIAL IN SOCIO-ECONOMIC SYSTEMS

Natalya A. Azarova

*Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov,
Voronezh, Russia*

azarovarsd@rambler.ru, ORCID: 0000-0001-8244-8922, AuthorID RSCI: 583069

Abstract. *The purpose of the research is to develop the methodology of the process of managing innovation potential within the framework of cognition of the emergence, formation and spread of socio-economic systems, including the study and improvement of the tools of its functioning.*

The methodological basis of the research is the study of theoretical works of Russian and foreign scientists. In order to solve these problems, the author used methods of analysis, synthesis, systematization, classification, generalization of conceptual solutions. When studying the economic nature, a systematic approach was used, which is based on the evolutionary and institutional foundations of economic knowledge. The selected methods provide an accurate understanding of the features of the development of the process of managing the innovative potential of socio-economic systems.

Results of the research. *Using the methodology of scientific cognition, the essence of the process of managing innovation potential as an element of the socio-economic system was investigated. Based on the analysis carried out, the directions and subsystems of the process characterizing the management of innovation activity were identified using structural, systemic, and institutional approaches. The concepts of the innovation pipeline and innovation funnel are highlighted, which make it possible to define the tools of the process of managing innovation potential as the main element of innovation activity with the help of active institutionalization of socio-economic systems.*

The prospects of the research *in the study of the issues of measuring the management process of innovation potential within the framework of the functioning of socio-economic systems by various tools of process activity.*

Keywords: *innovative potential, socio-economic systems, innovations, innovative processes*

For citation: *Azarova Natalya A. Development of theoretical provisions of the concepts of formation and management of innovative potential in socio-economic systems // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 91–101. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-91-101>.*

Введение. Условия функционирования постиндустриального общества, развитие которого осуществляется в течение последних десятилетий, непосредственно связано с поиском новых инструментов, обеспечивающих развитие инноваций в современной экономике. Методология изучения данной области постоянно совершенствуется, приспосабливаясь к достижениям научно-технического прогресса, а результаты современных научных изысканий вынуждают проводить дальнейший углубленный анализ и теоретические исследования. Какие тенденции, экономические процессы и явления способствуют данным научным исследованиям, можно ли результаты смоделировать и спрогнозировать, если да, то как — это лишь часть жизненно важных вопросов в области изучения инновационных процессов и явлений.

Методика. Актуальные достижения в теории роста показывают, что развитие и стимулы для накопления исследований и разработок являются важнейшими аспектами инноваций. Между тем инновации также воспринимаются как ключевой фактор развития и эффективности деятельности региона. Во-первых, знания и инновации играют важную роль в региональном экономическом росте [12], однако, учитывая их все более сложный характер, их вряд ли можно производить в рамках одного региона или компании, а внешние источники и потоки знаний и инноваций приобретают все большее значение. Во-вторых, в настоящее время инновации рассматриваются как один из наиболее важных нематериальных активов. В-третьих, отсутствие инноваций в компании означает ее крах в долгосрочной перспективе [3]. Потенциал социально-экономических систем позволяет определить возможности эффективного обеспечения экономического развития социально-экономических систем. «Социально-экономическая система» — это целостная совокупность взаимосвязанных и взаимодействующих социальных и экономических институтов (субъектов) и отношений по поводу распределения и потребления материальных и нематериальных ресурсов, производства, распределения, обмена и потребления товаров и услуг [2]. Предприятие также может являться особым видом соци-

ально-экономических систем. Понятие инновационного потенциала также имеет достаточную степень методологической изученности. Большинство авторов научных трудов определяют инновационный потенциал как «способность системы к трансформации фактического порядка вещей в новое состояние с целью удовлетворения существующих или вновь возникающих потребностей» [1, с. 146]. Инновационный потенциал характеризует чаще всего развитие внутренней среды предприятия, который отражает научно-технические, кадровые, производственные, инфраструктурные, социальные, финансовые составляющие, взаимодействие которых обеспечивается диффузией и синергетическим эффектом [8].

Результаты. Эффективность управления инновационным потенциалом социально-экономических систем как объекта исследования будет осуществляться в полной мере, если в качестве основы методологического исследования управления будут применяться информационный, синергетический, системный подход и разработаны эффективные инструменты управления деятельностью инновационных организаций и бизнес-образовательных структур с учетом инновационного потенциала в целях реализации экономической деятельности (рис. 1) [6].

Анализ научных исследований показал, что инновационный процесс представляет собой дуализованность и эволюционность инновационной деятельности. С одной стороны, этот процесс последовательно-параллельного осуществления инновационной, научной, концептуальной производственной деятельности, сбыта, маркетинга, менеджмента, поэтому в целях развития методического инструментария оценки процесса управления инновационным потенциалом социально-экономических систем можно сгенерировать понятие инновационного процесса как способа преобразования инновационной идеи с помощью инновационного потенциала в инновационный продукт. С другой стороны, это научное видение позволяет преобразовывать инновационную идею в инновационный продукт с помощью управления инновационным потенциалом. Инструментами процесса управления инновационным потенциалом можно назвать основ-

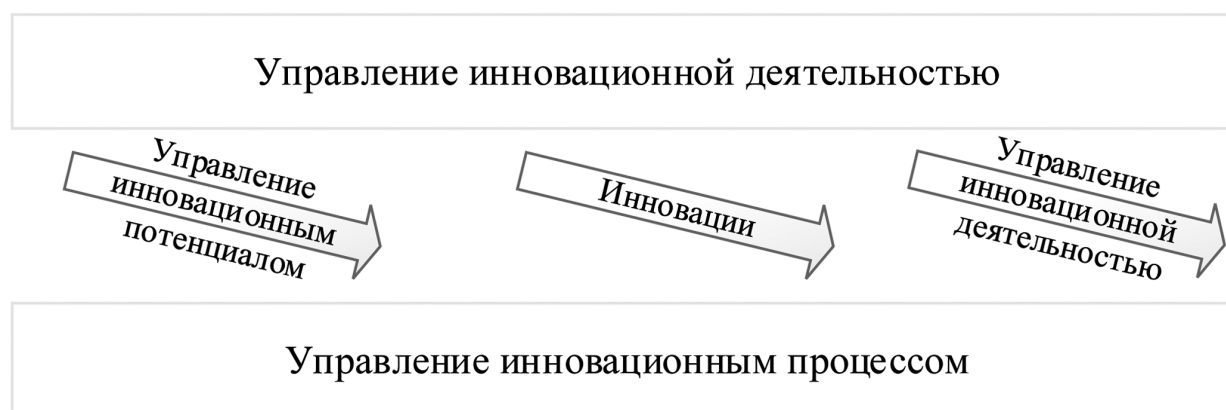

Рис. 1. Элементы процесса управления инновационным потенциалом социально-экономических систем

Fig. 1. Elements of the process of managing the innovative potential of socio-economic systems

ные два: «инновационный конвейер» и «инновационную воронку». Однако это два разных инструмента, используемых в исследованиях инновационного процесса и инновационного потенциала, знание различий между которыми позволит лучше управлять жизненным циклом инноваций. Инновационный конвейер — это процесс, который предприятия используют для генерации новых идей, их тестирования и вывода на рынок [4], это некий конвейер, который направлен на то, чтобы помочь компаниям достичь своих целей, предоставляя основу для развития и функционирования инноваций.

Инновационный конвейер показывает, как идея проходит через каждый этап инновационного процесса компании. Иначе можно сказать, что это некая структура, которая использует пошаговый подход для обеспечения последовательного потока идей в организации. Инновационный конвейер — это бизнес-структура для достижения целей компании с использованием последовательных и инновационных процессов и подходов [10]. В результате инновационного процесса механизм обеспечения реализации инновационной идеи заключается в том, что идея проходит через так называемый «инновационный конвейер», выполняя установленный набор действий, обуславливающих «этапы инновационных преобразований».

Выделим последовательность управленческих действий, обусловленную реализацией инновационного потенциала:

- 1) изменения идеи согласно требованиям клиентов и конкуренции;
- 2) сохранение скорости инновационных преобразований;
- 3) отслеживание результатов инновационного прогресса;
- 4) создание качественного инновационного проекта;
- 5) непрерывность и быстрота инноваций;
- 6) возможность персонализации инноваций;
- 7) краткость жизненного пути конечного инновационного продукта.

Механизм управления инновационным потенциалом в виде инновационного конвейера является циклическим процессом. Конвейер инноваций направлен на то, чтобы помочь компаниям постоянно создавать новые продукты и услуги. С использованием конвейера инноваций возможно оценивать и улучшать коммерческие идеи. Таким образом быстро и с минимальными затратами определяется приоритетность идей, демонстрирующих наиболее значительный потенциал. Инновационный конвейер определяет последовательность выполнения заданной инновационной программы. Инновационный конвейер описывает основы инновационных инициатив, в том числе то, как некая команда инноваторов генерирует идеи новых продуктов, какие идеи превратятся в прототипы и как будут работать со своими основными заинтересованными сторонами для создания и улучшения текущих концепций.

Например, после представления идеи команде инноваторов следует выполнить следующие действия:

- 1) осуществить исследование экономической проблемы;
- 2) осуществить исследование предлагаемого решения;
- 3) осуществить исследование возможных инновационных решений.

Обсуждение. Выделим основные подпроцессы, которые будут обязательны для выполнения задач эффективного управления инновационным потенциалом социально-экономических систем.

Во-первых, разработка и утверждение плана инновационного задания, предоставленного инновационной командой. Благодаря данному подпроцессу инновационный конвейер обеспечивает гибкую структуру для запуска новых продуктов и услуг, а также является ключом к успешному запуску нового продукта, потому что он предлагает «дорожную карту» для разработки и коммерциализации новых продуктов. Выполняя этапы конвейера инноваций, производитель может быть уверен, что продукт готов к выходу на рынок и есть необходимая поддержка со стороны команды, которая готова решать любые проблемы, которые могут возникнуть. Инновационный конвейер помогает организациям сосредоточиться на решении проблем клиентов. Предприятия создают инновационные конвейеры с учетом инновационных стратегий. Следовательно, эти стратегии нацелены на решение конкретных потребностей или проблем клиентов. Сосредоточение внимания на потребностях клиентов позволяет разрабатывать продукты и услуги, которые им понравятся.

Во-вторых, обеспечение гибкости деятельности инновационного конвейера. Преимущество конвейера инноваций в том, что он гибкий. Его можно адаптировать к конкретным потребностям организации, подогнать под свою организационную структуру, независимо от того, является ли проект малым бизнесом, крупной корпорацией или регионом. Кроме того, конвейер инноваций может помочь предприятиям улучшить свои продукты и услуги в ответ на отзывы клиентов и меняющиеся рыночные условия.

В-третьих, измерение и оценка результатов деятельности инновационного конвейера. Инновационный конвейер позволяет легко измерять полученные результаты произведенных изменений и научно-технических достижений. Он позволяет отслеживать прогресс и идеи своей команды, определять, где в процессе есть «узкие» места, и вносить соответствующие коррективы. Более того, данный подпроцесс управления инновационным потенциалом включает в себя несколько этапов, начиная с идеи и заканчивая коммерциализацией. Предприятия могут отслеживать результаты своей инновационной деятельности, измеряя свои успехи в генерировании новых идей, подтверждая их с помощью маркетинговых исследований, создавая прототипы, а также масштабируя и коммерциализируя их. Следовательно, конвейер инноваций позволяет оценивать и совершенствовать свои идеи, прежде чем начать их массово производить и тиражировать.

Описание процесса управления инновационным потенциалом — это описание экономического механизма в виде управленческого инструмента, который требует тщательного и постоянного сравнения каждого инновационного предложения с набором руководств, фильтров и стандартов (рис. 2). Процесс управления инновационным потенциалом упрощает выбор диагностических критериев и определение идей, которые стоит реализовать, и идей, которые не стоит реализовывать. Таким образом, инновационная команда, реализующая инновационный потенциал, может свести к минимуму количество неопределенностей, присутствующих в инновационном процессе, и вместо этого сосредоточиться на реализации нужных и востребованных задач. Кроме того, они могут избавиться от идей, которые не будут работать, и сосредоточиться на тех, которые принесут им значительные результаты. Следовательно, происходит эффективное использование ресурсов, если каждый этап инновационного процесса осуществляется последовательно согласно установленной процедуре, а также с учетом тщательно контролируемых результатов [11]. Разберем осуществление процесса инновационной деятельности на примере. Например, сотрудник предприятия представляет идею. Сначала, с одной стороны, инно-

вационная группа может рассмотреть проблему, чтобы увидеть, соответствует ли представленная идея характеру решения проблемы; с другой стороны, инновационная группа рассмотрит предложенное решение, чтобы определить, решает ли оно проблему; с третьей стороны, если это произойдет, команда направит идею в совет по инновациям. Если нет, идея либо сохраняется для будущего использования, либо отбрасывается.

Однако, как только совет по инновациям (или некий экспертный совет) одобрит идею, то вся команда начнет работать над построением и разработкой плана проекта. Непосредственная реализация инновационного проекта является четвертой стадией реализации процесса управления инновационным потенциалом социально-экономических систем с помощью «инновационного конвейера».

В чем разница между инновационным конвейером и инновационной воронкой? «Воронка инноваций» фокусируется только на пошаговом развитии идеи. Напротив, инновационная воронка больше фокусируется на статусе идеи, чтобы определить, что произойдет дальше. Короче говоря, воронка инноваций просто показывает, какие этапы проходит компания при обработке идей. В основном статус идеи показывает, одобрена идея или нет, чтобы определить ход инновационного процесса.

Между тем существует еще один термин, который многие путают с «инновационным конвейером» и «инновационной воронкой», — «инновационный портфель». Инновационный портфель — это обзор идей или инновационных проектов, показанный в двухмерной или трехмерной перспективе, сопровождаемый правильными точками дан-

ных. Инновационный портфель функционирует как диаграмма, которая помогает оценить положение инновационных проектов с точки зрения двух разных параметров.

Более того, инновационный портфель — это одновременно инструмент управления рисками и временем. По мере того, как предприятия внедряют больше инноваций, они используют больше инвестиций и ресурсов, создавая нежелательные или непредвиденные риски. В результате снижение риска становится решающим фактором перед повышением стоимости инновационного портфеля. Кроме того, инновационный портфель компании также помогает оценить, сколько времени потребуется для запуска новой инициативы. С помощью инновационных портфелей предприятия могут изучить потенциальные возможности инноваций, которые можно использовать в качестве рычага для выхода на новые рынки, использования новых технологий и производства новых продуктов и услуг [7].

Выделим четыре основные инновационные концепции, характеризующие работу инновационного конвейера и инновационной воронки в целях реализации инновационного потенциала.

I. Концепция «Эман-Воронка» (Stage-Gate)

Подход, который компании часто используют при управлении инновациями. Это операционная дорожная карта для продвижения продуктов от концепции до запуска, созданная в 2004 году для определения характеристик, которые отличают успешные инновационные инициативы от неудачных. Каждый вход содержит элементы, которые предприятия могут использовать при принятии решения, имеющего решающее значение для продолжения инновационного процесса.

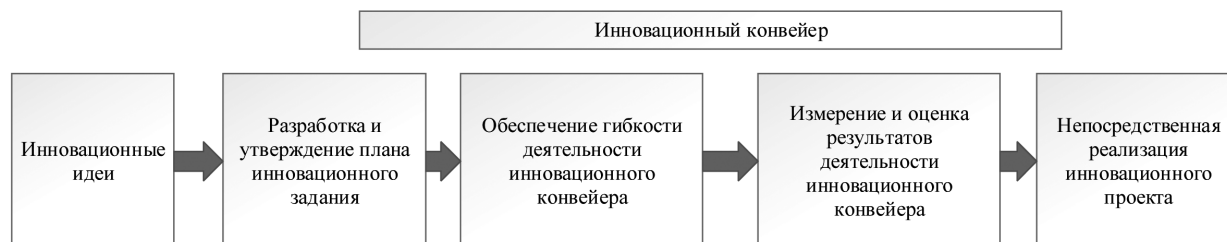

Рис. 2. Процесс управления инновационным потенциалом социально-экономических систем с помощью «инновационного конвейера»
Fig. 2. The process of managing the innovative potential of socio-economic systems using the «innovation pipeline»

Шесть стадий процесса стадии-Gate включают в себя:

1) *идея и открытие инновационного продукта*. Инновационные группы осуществляют деятельность с двумя целями: найти новые возможности, которые компания может использовать для получения дохода, и разработать инновационные концепции технологий, продуктов и услуг;

2) *предварительное определение объема продаж инновационного продукта*. Для того чтобы четко определить нужные концепции, выделить техническую жизнеспособность и получить полное представление о потенциальных коммерческих последствиях идеи, необходимо провести быстрые и экономичные предварительные исследования и анализ;

3) *подробное построение бизнес-кейса производства инновационного продукта*. Предприятия проводят тщательное исследование, включающее рыночные и технологические эксперименты и первичное исследование, результатом которого является экономическое обоснование, содержащее информацию об обосновании проекта, описании и планируемых стратегиях развития;

4) *разработка прототипа инновационного продукта*. Организации приступают к разработке операций или производственного процесса для окончательного полномасштабного производства нового продукта или услуги, так называемого прототипа. Прототип проходит несколько ранних стадий;

5) *тестирование и проверка инновационного продукта*. Инновационные группы проводят тесты, чтобы подтвердить и оценить функциональные возможности и влияние всех предлагаемых продуктов, планов, процессов или изменений, которые при необходимости могут пройти несколько изменений;

6) *производство и выход на рынок с инновационным продуктом*. Начинаются массовое производство, маркетинг, продажи и дистрибуция, сигнализирующие о переходе от инноваций к управлению жизненным циклом продукта.

Таким образом, можно отметить, что с помощью каждой команды по инновациям осуществляются следующие две вещи, характеризующие управление инновационным потенциалом: проверяется качество идеи и собираются соответствующие данные, от кото-

рых зависит, перейдет ли концепция к следующему этапу или нет. Поскольку стоимость каждого этапа постепенно растет, компании могут использовать подход «стадия-ворота», чтобы свести к минимуму риски и неопределенности каждой инновационной инициативы. Таким образом, предприятия могут расти, создавая организационную готовность и координацию в подготовке своей аудитории к восприятию их нового продукта, услуги или технологии. Следовательно, данный процессный подход направлен на создание нового прибыльного продукта, который принесет пользу как рынку, так и бизнесу.

II. Концепция «Дизайн-мышление»

Другой инновационной концепцией является генерирование дизайн-мышления в виде непрерывного, нелинейного, итеративного процесса, который изучает пользователей, подвергает сомнению предположения, переосмысливает трудности и разрабатывает оригинальные идеи для прототипирования и тестирования. Этот подход лучше всего работает при работе с неоднозначными или неопределенными ситуациями.

Пять важных действий концепции «дизайн-мышление» включают в себя следующие подпроцессы.

1. Подпроцесс «Сопереживание».

Процесс дизайн-мышления начинается с понимания того, кто являются конечными потребителями и что им нужно на более глубоком уровне понимания. У разработчиков возникает необходимость сопереживать своей целевой аудитории, чтобы формировать реальную ценность для бизнеса и создавать продукты и услуги, ориентированные на пользователя. Следовательно, предприятия в данной ситуации должны понимать проблемы своих клиентов и предлагать жизнеспособное решение. Этот процесс можно осуществить, связавшись со своими клиентами и проведя интервью с пользователями, таким образом определив необходимость в инновационных изменениях.

2. Подпроцесс «Определение целей и задач».

На этом этапе необходимо использовать всю информацию, которая была собрана на первом этапе, чтобы сформулировать проблему и направить процесс формирования идей в нужное русло. Эти формулировки

проблем помогут продуктовым командам эффективно определить, что нужно для решения проблем целевых клиентов.

3. Подпроцесс «Реализация идеи».

После того как становятся понятны трудности и то, что способствует им, можно перейти к стадии идей, чтобы провести мозговой штурм для разработки необходимых решений. Затем можно создать прототип всех выбранных концепций и опробовать их на представителях предполагаемой демографической группы.

4. Подпроцесс «Прототипирование».

Создавая прототипы, можно преобразовать концепции, созданные на более ранних этапах, в практические решения, которые впоследствии можно будет протестировать на реальных людях. Обычно начало действий осуществляется с ограниченных прототипов, которые представляют собой только суть предлагаемых решений, и затем осуществляется совершенствование их любым способом по мере того, как накапливается больше информации от пользователей.

5. Тестирование.

Тестирование прототипа направлено на то, чтобы понять, какие элементы инновационной идеи успешны. На этапе тестирования раздается прототип своим участникам и им предлагается использовать его для решения проблем, которые были обнаружены на первом и втором шагах. Таким образом, это позволяет лучше понять, как реальные клиенты взаимодействуют с инновационным продуктом, включая проблемы, с которыми они сталкиваются, а также их мысли и отзывы при его использовании.

III. Концепция «Бережливый старт»

Методология бережливого стартапа — это стратегия управления и развития бизнеса, которая включает в себя тестирование, внесение улучшений в производство продуктов с учетом тщательных исследований и отзывов пользователей. Сосредоточив внимание исключительно на характеристиках, которые подтверждены вкладом клиентов, этот процесс управления бизнесом, инновационной деятельностью и разработки продуктов направлен на более быстрое производство продуктов за счет оценки их эффективности с помощью финансовых инструментов. Метод бережливого стартапа устраняет неэ-

ффективное поведение компании на ранних этапах разработки продукта. Следовательно, это увеличивает вероятность долгосрочного успеха для бизнеса. В отличие от предыдущих концепций, описанных в этой статье, метод бережливого стартапа состоит всего из трех важных подпроцессов: создание, оценка и обратная связь.

1. Создание. Первым шагом в этом подпроцессе является разработка минимального жизнеспособного продукта, который представляет собой услугу или товар с достаточной функциональностью, чтобы обеспечить удовлетворенность клиентов. В то же время проверяется гипотеза о том, что продукт может быть прибыльным.

2. Оценка. Оценка эффективности инновационного продукта используется с помощью данных, которые были собраны у клиентов, чтобы улучшить свой продукт, позволяя ему создать новые функции и улучшить его технологические качества в соответствии с полученным результатом. На этом этапе существует возможность отказаться от основного продукта, не используя слишком много ресурсов, если будет обнаружено, что инновационный продукт не пользуется успехом у клиентов.

3. Обратная связь. Измерения эффективности и полезности товаров, которые были разработаны на основании первых отзывов потребителей, не являются достаточными. С помощью полученных комментариев в виде обратной связи необходимо учесть собранные результативные данные и применить их к своему продукту.

В результате исследования выделим три критерия эффективности управления инновационным потенциалом социально-экономических систем, которые обеспечивают реализацию концепции оптимального инновационного развития [9].

Во-первых, новые идеи должны включать в себя использование инновационной концепции, исследование проблемы и ее предлагаемых решений.

Во-вторых, выбор проекта включает в себя оценку всех идей, которые можно использовать в процессе создания нового продукта или услуги, а также выбор наилучшей концепции.

В-третьих, разработка продукта должна быть сосредоточена на изготовлении про-

дукта или услуги в реальном производстве, то есть должен быть обеспечен процесс коммерциализации, где под коммерциализацией понимается запуск продукта или услуги и их модификация для удовлетворения потребностей потребителей, используя весь перечень инструментов инновационных решений, где инновационный конвейер и инновационная воронка являются тактическими инструментами, а портфель инноваций — стратегическим.

Заключение. Применение данных инструментов в виде использования инновационного конвейера и инновационной воронки, а также обеспечение оптимального управления инновационным процессом позволит достичь поставленных целей и планов производства и реализации нового продукта. Оба инструмента достаточно эффективны, но использование инновационной воронки всегда будет лучше, поскольку этот подход более конкретен и ориентирован на быстрое получение инновационного продукта, он отфильтровывает все некачественные идеи и помогает сосредоточиться на нужных концепциях, которые приносят значительный эффект.

В результате данные инструменты будут помогать управленцам и менеджерам осуществлять управление инновационным потенциалом в двух вариантах:

— интегрируя оба в единый аспект и используя обе инициативы при реализации инновационных проектов;

— отфильтровывая все инновационные идеи в воронку и позволяя им успешно покинуть ее, прежде чем сформировать инновационный портфель.

В перспективе, используя программное обеспечение, возможно настроить каждую миссию инновационной идеи как воронку или конвейер в зависимости от типа этапа, который планируется к осуществлению. С одной стороны, когда используется первая концепция, миссия превращается в инновационную воронку. С другой стороны, возможно использовать воронку инноваций и портфель инноваций, чтобы реализовать управление инновационным процессом на нужном уровне, не вкладывая дополнительных усилий и ненужных ресурсов.

Список источников

1. Безденежных Т.И. Инновационный потенциал социально-экономической системы: категориальный аппарат / Т.И. Безденежных, Б.И. Хейфиц // Экономические науки. 2019. №181. С. 146–151. DOI: 10.14451/1.181.146.
2. Береговая И.Б. Управление качеством и конкурентоспособностью социально-экономических систем. Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2015. 227 с.
3. Инновационное развитие и промышленный рост экономики в условиях неоиндустриализации / Ю.А. Дорошенко, И.О. Малыгина, В.В. Авилова и др. Белгород: Белгородский государственный технологический университет им. В.Г. Шухова, 2022. 352 с.
4. Лаврикова Н.И. Влияние технологических инноваций на развитие хозяйственных систем // Международный научный журнал. 2021. №2. С. 43–51. DOI: 10.34286/1995-4638-2021-77-2-43-51.
5. Москвитина Е.И. Новая модель региональной инновационной подсистемы и механизм ее реализации // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2021. №2(66). С. 1–15.
6. Сальников И.И. Организационно-методические аспекты управления инновационным потенциалом организации / И.И. Сальников, Н.В. Шевцова, А.С. Высочиненко // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2020. Т. 10. №11–1. С. 399–408. DOI: 10.34670/AR.2020.55.95.045.
7. Серебрякова Н.А. Механизм формирования региональной инновационной подсистемы / Н.А. Серебрякова, Н.В. Дорохова, М.И. Исаенко // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2019. Т. 81. №4(82). С. 268–273. DOI: 10.20914/2310-1202-2019-4-268-273.
8. Смольянова Е.Л. К вопросу о выборе стратегии инновационного развития предприятия / Е.Л. Смольянова, Ю.И. Матузов // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2011. №11. С. 50–51.
9. Степанова Ю.Н. Совокупность системообразующих компонентов концепции развития инновационного потенциала хозяйствующих субъектов // Регион: системы, экономика, управление. 2021. №1(52). С. 224–230. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-52-1-224-230.

10. Третьякова Л. А. Формирование инновационного отраслевого развития / Л. А. Третьякова, Н. А. Азарова, Р. Н. Пузаков // Вестник Воронежского государственного университета инженерных технологий. 2022. Т. 84. №1(91). С. 418–424. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-1-418-424.

11. Fischer C., Newell R. Environmental and Technology Policies for Climate Mitigation // Journal of Environmental Economics and Management. 2008. Vol. 55. Iss. 2. Pp. 142–162.

12. Low J., Kalafut P. C. Invisible Advantage: How Intangibles Are Driving Business Performance. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. 272 p.

References

1. Bezdenzhnyh T. I. Innovacionnyj potencial social'no-jekonomicheskoy sistemy: kategorial'nyj apparat [Innovative potential of the socio-economic system: categorical apparatus]. T. I. Bezdenzhnyh, B. I. Hejfic. / *Jekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2019; (181): 146–151. DOI: 10.14451/1.181.146. (In Russ.).

2. Beregovaja I. B. Upravlenie kachestvom i konkurentosposobnost'ju social'no-jekonomicheskikh sistem [Quality management and competitiveness of socio-economic systems]. Cheljabinsk: Izdatel'skij centr JuUrGU, 2015. 227 p. (In Russ.).

3. Innovacionnoe razvitie i promyshlennyj rost jekonomiki v uslovijah neoindustrializacii [Innovative development and industrial growth of the economy in the conditions of neo-industrialization]. Ju. A. Doroshenko, I. O. Malyhina, V. V. Avilova et al. Belgorod: Belgorodskij gosudarstvennyj tehnologicheskij universitet im. V. G. Shuhova, 2022. 352 p. (In Russ.).

4. Lavrikova N. I. Vlijanie tehnologicheskikh innovacij na razvitie hozjajstvennyh sistem [The impact of technological innovations on the development of economic systems]. *Mezhdunarodnyj nauchnyj zhurnal* [International Scientific Journal]. 2021; (2): 43–51. DOI: 10.34286/1995-4638-2021-77-2-43-51. (In Russ.).

5. Moskvitina E. I. Novaja model' regional'noj innovacionnoj podsystemy i mehanizm ee realizacii [A new model of the regional innovation subsystem and the mechanism of its implementation]. *Regional'naja jekonomika*

i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal [Regional Economics and Management: electronic scientific journal]. 2021; 2 (66): 1–15. (In Russ.).

6. Sal'nikov I. I. Organizacionno-metodicheskie aspekty upravlenija innovacionnym potencialom organizacii [Organizational and methodological aspects of management of innovative potential of the organization]. I. I. Sal'nikov, N. V. Shevcova, A. S. Vysochinenko. *Jekonomika: vchera, segodnja, zavtra* [Economics: yesterday, today, tomorrow]. 2020; 10 (11-1): 399–408. DOI: 10.34670/AR.2020.55.95.045. (In Russ.).

7. Serebrjakova N. A. Mehanizm formirovaniya regional'noj innovacionnoj podsystemy [The mechanism of formation of the regional innovation subsystem]. N. A. Serebrjakova, N. V. Dorohova, M. I. Isaenko. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tehnologij* [Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies]. 2019; 4(82): 268–273. DOI: 10.20914/2310-1202-2019-4-268-273. (In Russ.).

8. Smol'janova E. L. K voprosu o vybore strategii innovacionnogo razvitija predpriyatija [On the issue of choosing a strategy for innovative development of an enterprise]. E. L. Smol'janova, Ju. I. Matuzov. *Mezhdunarodnyj zhurnal prikladnyh i fundamental'nyh issledovanij* [International Journal of Applied and Fundamental Research]. 2011; (11): 50–51. (In Russ.).

9. Stepanova Ju. N. Sovokupnost' sistemooobrazujushchih komponentov koncepcii razvitija innovacionnogo potenciala hozjajstvujushchih sub'ektov [Set of system-forming components of the concept of development of innovative potential of economic entities]. *Region: sistemy, jekonomika, upravlenie* [Region: systems, economics, management]. 2021; 1(52): 224–230. DOI: 10.22394/1997-4469-2021-52-1-224-230. (In Russ.).

10. Tret'jakova L. A. Formirovanie innovacionnogo otraslevogo razvitija [Formation of innovative branch development]. L. A. Tret'jakova, N. A. Azarova, R. N. Puzakov. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta inzhenernyh tehnologij* [Bulletin of the Voronezh State University of Engineering Technologies]. 2022; 1(91): 418–424. DOI: 10.20914/2310-1202-2022-1-418-424. (In Russ.).

11. Fischer C., Newell R. Environmental and Technology Policies for Climate Mitigation. *Journal of Environmental Economics and Management*. 2008; 55(2): 142–162.

12. Low J., Kalafut P.C. *Invisible Advantage: How Intangibles Are Driving Business Performance*. Cambridge, MA: Perseus Publishing, 2002. 272 p.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 10.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 10.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Азарова Наталья Анатольевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Мировая и национальная экономика», Воронежский государственный лесотехнический университет имени Г. Ф. Морозова.

Россия, г. Воронеж, ул. Тимирязева, 8

Natalya A. Azarova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Department of World and National Economy, Voronezh State University of Forestry and Technologies named after G. F. Morozov.

8 Timiryazeva str., Voronezh, Russia

Научная статья

УДК 338.012

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-102-115

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СТРОИТЕЛЬНОЙ ОТРАСЛИ В УСЛОВИЯХ ТРАНСФОРМАЦИИ ЭКОНОМИКИ

Александр Витальевич Батищев¹, Ольга Николаевна Фетюхина^{2✉},
Александр Сергеевич Кузнецов³

^{1,3}Московский финансово-промышленный университет «Синергия», Москва, Россия

²Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹bat-a-v@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4872-0608, AuthorID РИНЦ: 531377

²olgaf1977@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-6997-0617, AuthorID РИНЦ: 461158

³ak@solyris.com

Аннотация. Целью исследования является рассмотрение основных тенденций развития строительной отрасли, направлений использования кадрового потенциала ведущими субъектами стройиндустрии в условиях трансформации экономики, описание преимуществ цифровых технологий ведения бизнеса перед использованием традиционных расчетов.

Методологическую базу исследования представляют теоретические аспекты применения различных методов ведения бизнеса субъектами строительной отрасли в современных рыночных условиях, а также многочисленные данные, полученные в результате практических исследований консалтинговых агентств.

Результаты исследования показывают, что строительство является одной из ведущих отраслей народного хозяйства в РФ, способных стимулировать позитивные тенденции в других отраслях и способствовать уходу от последствий санкционного давления. В последнее время в этой сфере наблюдаются как негативные, так и ряд позитивных тенденций. Главным фактором роста в отрасли стало увеличение бюджетных вложений в рамках нацпроектов. В последние годы в отрасли активно внедряются цифровые технологии.

Перспективы исследования представляют сопоставление федеральных и региональных трендов, касающихся реализации ведущих проектов в строительной отрасли крупнейшими игроками стройиндустрии в условиях трансформации экономики и усиления санкционного давления.

Ключевые слова: строительная отрасль, кадровый потенциал, жилищное строительство, ипотечное кредитование, бюджетное финансирование, национальные проекты, цифровые технологии

Для цитирования: Батищев А. В., Фетюхина О. Н., Кузнецов А. С. Перспективы развития строительной отрасли в условиях трансформации экономики // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 102–115. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-102-115>.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF THE CONSTRUCTION INDUSTRY IN THE CONTEXT OF ECONOMIC TRANSFORMATION

Alexander V. Batishchev¹, Olga N. Fetyukhina^{2✉}, Alexander S. Kuznetsov³

^{1,3}*Moscow Financial and Industrial University «Synergy», Moscow, Russia*

²*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia*

¹*bat-a-v@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4872-0608, AuthorID RSCI: 531377*

²*olgaf1977@yandex.ru ✉, ORCID: 0000-0002-6997-0617, AuthorID RSCI: 461158*

³*ak@solyris.com*

Abstract. *The purpose of the study is to consider the main trends in the development of the construction industry, the directions of the use of human resources by the leading subjects of the construction industry in the conditions of economic transformation, to describe the advantages of digital business technologies over the use of traditional calculations.*

The methodological basis of the research is the theoretical aspects of the application of various methods of doing business by the subjects of the construction industry in modern market conditions, as well as numerous data obtained as a result of practical research by consulting agencies.

The results of the study show that construction is one of the leading sectors of the national economy in the Russian Federation, capable of stimulating positive trends in other industries and helping to avoid the consequences of sanctions pressure. Recently, both negative and a number of positive trends have been observed in this area. The main factor of growth in the industry was the increase in budget investments within the framework of national projects. In recent years, digital technologies have been actively introduced in the industry.

The prospects of the study are a comparison of federal and regional trends concerning the implementation of leading projects in the construction industry by the largest players in the construction industry in the context of economic transformation and increased sanctions pressure.

Keywords: *construction industry, human resources, housing construction, mortgage lending, budget financing, national projects, digital technologies*

For citation: *Batishchev A. V., Fetyukhina O. N., Kuznetsov A. S. Prospects for the Development of the Construction Industry in the Context of Economic Transformation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 102–115. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-102-115>.*

Введение. Отечественная экономика способна преодолевать кризисные процессы, сложившиеся в настоящее время, лишь при стремительном развитии промышленности. Анализ процессов, происходящих в мире, показал, что выйти из кризиса способна та отрасль экономики, которая удовлетворяет не менее 70% спроса внутри страны. Ведущая роль в этих процессах отводится строительству, без объектов которого невозможно развитие практически никаких отраслей на-

родного хозяйства, в частности эти объекты принимают активное участие непосредственно в реализации ведущих промышленных проектов, а также их модернизации. В строительстве наблюдается также довольно большое число занятых, по стоимости вводимых объектов эта отрасль также занимает лидирующие позиции. Если рассматривать потенциальные возможности любого государства, то уровень развития этой отрасли является одним из главенствующих факторов. Чтобы

помогать промышленности страны преодолеть кризисные явления, целесообразно полностью пересмотреть подход к управлению строительной отраслью именно с позиций ее модернизации и активного внедрения инновационных технологий. Несмотря на очевидные преимущества такого подхода, до недавнего времени наблюдался некоторый недостаток внимания к проблемам строительства, что повлекло за собой недостаточное использование таких технологий в отрасли. При использовании современного подхода, когда потребители с их вкусами и предпочтениями ставятся во главу угла при создании продукта, в том числе в строительстве, цели развития отрасли достигаются именно с учетом этих факторов. Учет этих факторов позволяет адаптироваться под постоянные структурные изменения не только в строительстве, но и в ряде других ведущих смежных отраслей, кардинально менять управленческое мышление с учетом изменившихся факторов управления и новых принципов создания цепочки ценностей. Анализ показал, что в современном мире структурных изменений экономики особенно актуальным с теоретических и практических позиций становится изучение этих процессов именно в части эффективности системы управления инфраструктурными объектами в строительной отрасли, а также своевременная модернизация этих объектов, когда это становится необходимо. Недостаточная изученность механизма управления этими процессами в ходе реализации проектов строительства на промышленных предприятиях порождает ряд нерешенных проблем в современных условиях трансформации экономики.

Анализ состояния строительной отрасли в РФ в современных условиях. Как показал анализ, строительная отрасль последние годы стала ведущей в отечественной экономике. Доля жилищного строительства в ВВП равна примерно 1,7%, а если учитывать связи между различными смежными отраслями, то этот показатель будет в 3–4 раза больше. В жилищном строительстве насчитывается порядка 6,5 млн человек занятых, это около 6% общего числа трудовых ресурсов. Если рассматривать влияние этих процессов на другие смежные отрасли, то от 4 до 14 ра-

бочих мест в смежных отраслях обеспечивается каждым таким занятым. В условиях влияния санкций и трансформации экономики строительство является одним из локомотивов таких процессов, структурные изменения в отрасли влекут за собой изменение трендов развития других смежных сфер экономики. Однако, несмотря на такую значимость этой сферы в трансформационных процессах экономики, в последнее время в этой отрасли можно заметить некоторые отрицательные явления, среди которых можно выделить снижение количества продаж новых квартир с января 2023 года, хотя и существуют льготные ипотечные государственные программы. Как показал анализ, за период с января по ноябрь прошлого года было куплено лишь 35% квартир, находящихся на этапе строительства. Если сравнивать эти тенденции с тем же периодом позапрошлого года, то тогда этот показатель равнялся 41%, в 2020 году — 46%. Тенденции к снижению можно заметить также в абсолютных показателях: с января по ноябрь 2022 года было реализовано свыше 34 млн кв. м вводимого в эксплуатацию жилья, тогда как за этот же период 2021 года этот показатель составил свыше 40 млн кв. м, 2020 года — более 45 млн кв. м. За осенний период прошлого года можно отметить снижение покупки нового жилья на десятки процентов, из-за этого на большой период времени откладывается реализация инновационных проектов в строительстве.

Что касается производства стройматериалов, то и здесь можно заметить похожие тенденции. Результаты исследований показали, что за три квартала предыдущего года отгрузка цемента в рамках ОАО «РЖД» снизилась более чем на 12% по сравнению с таким же периодом позапрошлого года. В производстве других стройматериалов наблюдаются похожие тенденции: во втором полугодии 2022 года более чем в 2 раза упала добыча бетона, песка, силикатного кирпича по сравнению с первым полугодием этого года. Эти негативные факторы не только снижают покупателям жилья возможность покупки в срок квартир в соответствии с их спросом, но и тормозят положительные структурные изменения экономики страны, приводя к снижению количества рабочих мест и, что немаловажно, реально располагаемых доходов

людей, работающих в этой сфере, а также в смежных отраслях.

Дальнейший анализ сферы занятости в строительстве показал, что к январю этого года в отрасли стал наблюдаться дефицит трудовых ресурсов. По ряду исследований, такой дефицит в строительной отрасли доходил до 15%. Осенью прошлого года в Минстрое из-за этих негативных тенденций выдвинули предложение модернизировать деятельность центров переподготовки кадров в регионах, системно взаимодействуя с девелоперами, на базе которых могли бы быть организованы специальные мобильные строительные бригады, в которых по найму для реализации новых проектов могли бы привлекаться работники, которые заключали бы контракты на определенный период времени.

Как показал анализ, доля расходов на рекламу в строительной отрасли резко увеличилась под влиянием вышеупомянутых негативных факторов (на 28% в прошлом году по сравнению с позапрошлым). Ряд девелоперов повысили расходы более чем в четыре раза.

Что касается рынка металлоконструкций в стране, то их производство в 2022 году снизилось на 11% по сравнению с 2021 годом и составило 2 млн т. Среди них можно выделить производство каркасов зданий и сооружений, конструкций мостов и эстакад, дорожных металлоконструкций, опор ЛЭП и мачт связи. Такие тенденции можно объяснить падением показателей ввода в эксплуатацию складов и торговых центров, количественных показателей активно реализуемых инновационных проектов в промышленности и АПК. В прошлом году в стране ввод новых проектов, связанных со строительством торговых центров, сократился более чем наполовину, складской недвижимости — на 7%.

Однако, несмотря на ряд негативных факторов, влияющих на структурные изменения в строительной сфере, в отрасли наметился ряд положительных тенденций. В 2022 году можно было наблюдать абсолютный рекорд строительства — 102,6 млн кв. м жилой недвижимости по стране, включая частные дома. В сравнении с позапрошлым годом показатели ввода жилой недвижимости выросли более чем на 10%, это на 27% больше, чем средние показатели 2015–2020 годов и в два

раза больше, чем в период 2005–2007 годов. Это связано с тем, что была выбрана низкая база расчета (2020 год), в этот период на отрасль оказывала влияние пандемия коронавируса, на несколько месяцев приостанавливалась реализация ряда важнейших строительных проектов и тормозилось развитие новых. Резкий скачок экономических показателей строительных компаний первого полугодия 2022 года объясняется тем, что в этот промежуток времени продолжалась реализация строительных объектов, начатых в прошлом году, и эти долговременные проекты значительно выручили отрасль в 2022 году.

По сравнению с началом нулевых темпы строительства жилой недвижимости утратились, однако в середине 2022 года этот показатель резко упал, а с сентября 2022 по декабрь 2022 года динамика стала отрицательной в сравнении с 2021 годом. Снижение составило порядка 19% за 4 месяца, что выше, чем в кризис 2009 года (13%). За 30 лет более масштабное падение наблюдалось в 1996 году.

Если рассматривать ипотечное кредитование, то его уровень достиг прежних значений лишь к декабрю 2022 года. Наибольший удельный вес ввода нового жилья в расчете на одного человека приходился в Ленинградской, Московской и Тюменской областях, наименьший — в Чукотском автономном округе, Еврейской автономной и Магаданской областях. Выручка предприятий строительной отрасли увеличилась более чем на 13% и составила 11,69 трлн рублей. Совокупная выручка всех предприятий сферы строительства, в том числе сектора госстроек, сферы жилой и коммерческой недвижимости, на конец прошлого года составила 11,69 трлн рублей, то есть выросла более чем на 13% в сравнении с позапрошлым годом. Это во многом объясняется увеличившимся объемом бюджетного финансирования строительных проектов, в то время как у застройщиков жилья и коммерческой недвижимости в результате падения спроса на введенные в эксплуатацию объекты выручка снизилась, о чем говорят данные. Как показал анализ, 2021 год стал рекордным в плане числа реализованных инновационных проектов в строительной сфере, и эти тенденции значительно повлияли на показатели 2022 года.

Как было упомянуто выше, рост в строительной отрасли в первый год трансформации экономики был связан с увеличившимися бюджетными ассигнованиями, а именно — значительным увеличением их количества. В прошлом году на такие нужды из государственного бюджета было выделено на треть больше денежных средств, чем в позапрошлом году. В результате таких действий примерно на четверть за этот период увеличился доход строительных компаний в сфере автодорожного и железнодорожного строительства, у которых значительно выросли издержки в результате построения новых логистических цепочек, попыткой импортозамещения строительной техники, а также минимизации рисков, связанных с колебаниями курсов валют.

Возросшая стоимость стройматериалов в 2021 году повлекла за собой значительный рост издержек подрядчиков, в том числе в рамках нацпроектов [1; 5; 6]. Они также были поддержаны из резервного фонда. Размер поддержки составил порядка 156 млрд руб.

Значительная доля проектов была запущена в третьем квартале 2022 года, ранее проекты были на некоторое время заморожены, что было связано с геополитическими преобразованиями. Стремительное возобновление замороженных проектов можно было заметить к концу лета, а к концу прошлого года объем строительства несколько превысил показатели этого же периода позапрошлого года — 12,3 млн кв. м. против 11,2 млн соответственно. Объем строящегося жилья в стране за прошлый год составил 42,3 млн кв. м.

Значительная доля вводимого в эксплуатацию жилья приходится на десять отечественных регионов (таблица 1). Лидером стала Москва, в рамках которой общая площадь вводимой жилплощади составила около 5,8 млн кв. м, лидирующие позиции также у Краснодарского края — 4,8 млн кв. м и Московской области — 3,2 млн кв. м. Что касается новых ЖК, то здесь лидирующие позиции также у Краснодарского края, где в 2022 году активность застройщиков возросла на 65% по сравнению с 2021 годом. Также можно выделить Новосибирскую область, где ввели в эксплуатацию на 24% больше площадей за этот же период, и Ростовскую область, прирост ввода жилья в которой составил 10%.

Важнейшими строительными компаниями в 2022 году стали ПИК, при участии которой было введено в эксплуатацию 2,3 млн кв. м жилья, «Самолет» (1,4 млн кв. м) и «Догма» (1,4 млн кв. м). Девелоперы, работающие в российских регионах, ввели в эксплуатацию почти 30 млн кв. м жилых площадей.

Издержки строительной отрасли в стране снизились по сравнению с первыми месяцами 2022 года. Однако, если сравнивать этот показатель на конец года с аналогичным периодом 2020 года, то можно наблюдать рост этого показателя более, чем на 37%. За первый квартал 2022 года себестоимость в отрасли значительно возросла. Прирост составил порядка 55% по сравнению с аналогичным периодом 2020 года. Но, несмотря на некоторые негативные тенденции, к концу 2022 года было заметно некоторое снижение цен на стройматериалы.

Как показал анализ, за исследуемый период значительно снизилась стоимость металлоконструкций, однако стоимость других высокотехнологичных материалов осталась на прежнем уровне. Что касается тех стройматериалов, на которые цены значительно повысились, то здесь можно выделить щебень, песок и асфальт, а также межкомнатные двери и обои, на которые возросшие цены несколько нивелировались заменой подорожавшего сырья и отделочных материалов, однако цены и на них остаются на достаточно высоком уровне.

Кадровый потенциал строительной отрасли. Как показал анализ, в строительной отрасли еще во время пандемии коронавируса стал наблюдаться кадровый голод, который продолжается и в настоящее время. Дефицит составляет почти четверть от требуемой численности кадров. Ситуация сильно ухудшилась в результате релокации ряда специалистов, а также отъезда трудовых мигрантов в страны, где также возрос спрос на трудовые ресурсы. Самыми большими проблемами в строительной индустрии стали две: с одной стороны, это нехватка высококвалифицированных кадров, а с другой — недостаток именно рабочих рук. За последние два года такие проблемы в строительной сфере были связаны с геополитическими факторами. Изначально

именно во время локдауна 2020 года и простоев в отрасли появились первые проблемы с мигрантами, массовый отток которых был замечен впервые именно тогда. В июне 2021 года, по оценкам Минтруда, нехватка кадров в стройиндустрии и сельском хозяйстве составила порядка 350 тыс. человек. В результате того, как были упрощены условия въезда в нашу страну для жителей СНГ, задачи устранения дефицита кадров в строительной отрасли отчасти решились. В июне-августе прошлого года предприятия стройиндустрии перестали заявлять о дефиците рабочей силы. В первой половине 2022 года в нашу страну из Узбекистана прибыло порядка 500 тыс. трудовых мигрантов.

Несмотря на некоторые позитивные тенденции, связанные с притоком мигрантов

в Россию, все же сохраняется ряд рисков. В частности, спрос на трудовые ресурсы сохраняется на достаточно высоком уровне также и в странах, откуда прибывают трудовые мигранты, что создает конкуренцию и ряд трудностей с покрытием дефицита кадров у нас в стране. Инвестиции части отечественных компаний и их релокация в страны СНГ вызвали увеличение спроса именно там на инженеров и неквалифицированных работников. Одной из основных причин дефицита кадров в строительной отрасли специалисты называют также низкую производительность труда. Наибольший спрос наблюдается именно на квалифицированных инженеров. В результате этого в отрасли за 2022–2023 годы количество вакансий таких специалистов возросло более чем на 46 %.

Таблица 1

Table 1

**Топ-10 регионов с наибольшим объемом строительных работ
в первом квартале 2023 года¹**

Top 10 regions with the largest volume of construction work in the first quarter of 2023

Регион	Федеральный округ	Объем строительных работ в первом квартале 2023 года, млрд руб.	Динамика по отношению к первому кварталу 2022 года, млрд руб.		Место в первом квартале 2022 года
			в сопоставимых ценах	в текущих ценах	
Москва	ЦФО	330,5	15,2	16,3	1
Московская область	ЦФО	123,5	–15,6	–6,6	2
Ханты-Мансийский автономный округ	УФО	108,9	9,9	19	5
Санкт-Петербург	СЗФО	107,7	5,7	11,3	4
Ямало-Ненецкий автономный округ	УФО	88	–20,9	–13,8	3
Татарстан	ПФО	82	20,5	35,1	6
Красноярский край	СФО	78,5	16,8	34,1	7
Свердловская область	УФО	63,4	16,3	22,8	8
Башкирия	ПФО	56	4,9	14,5	9
Краснодарский край	ЮФО	53,7	3,7	13,5	10
Итого	–	1092	–	–	–

¹ Источник: расчеты и анализ Sherpa Group.

Как показали исследования, дефицит рабочей силы стал наблюдаться в наибольшей степени после увеличения количества нацпроектов и связанного с этим увеличения строительства ряда объектов. Такие проблемы решаются двумя путями: привлечением трудовых мигрантов, а также обучением своих специалистов. Дефицит в ближайшее время может быть перекрыт притоком рабочей силы с новых территорий. Важнейшая роль в подготовке высококлассных специалистов-инженеров в отрасли отводится образовательной системе. Эффективным механизмом оптимизации кадрового потенциала отрасли в ближайшее время могло бы стать смягчение налоговой политики для строительных компаний по аналогии с IT-отраслью.

Несмотря на затишье на рынке строящегося жилья, спрос на новых специалистов в строительном секторе в целом по стране за первое полугодие 2023 года вырос на 25 % по сравнению с аналогичным периодом 2022 года. В то же время число резюме на порталах по поиску работы в сфере «Строительство» выросло всего на 9 % по РФ и на 7 % в Санкт-Петербурге. Дефицит кадров приводит к тому, что на стройках стала расти доля женского персонала. За первые шесть месяцев 2023 года в целом по России было размещено чуть более 155 тыс. вакансий в сфере строительства, а также продажи и аренды недвижимости. В Петербурге ситуация аналогичная: рост спроса на строителей прибавил 22 % за первое полугодие относительно того же периода 2022 года [2].

Как показал анализ, соискатели, претендующие на работу в сфере строительства и недвижимости, не так активны, как бизнес, который их ищет, и стали меньше искать работу на стройке. Так, за первое полугодие 2023 года число резюме в строительном секторе страны в общем выросло на 9 %, а в Петербурге — лишь на 7 %. Из-за такой невысокой активности соискателей с одной стороны и повышенным спросом у работодателей с другой уровень конкуренции за рабочие места в строительном секторе падает на протяжении всего 2023 года. Так, в целом по стране за полгода конкуренция за работу в строительстве упала на 1,5 пункта (с 4 резюме в январе до 2,5 резюме на вакансию в июне), в Петербурге ситуация хуже (падение

на 2 пункта, с 5,5 до 3,5 резюме). Отмечается наиболее острая нехватка сантехников, монтажников, плиточников, электриков, наладчиков, водителей спецтехники, крановщиков. По прогнозу ряда специалистов, в 2024 году будет наблюдаться нехватка специалистов по установке и сервисному обслуживанию оборудования. Это будет усугубляться санкциями и связанными с ними ограничениями поставок некоторого оборудования, а также тем, что сроки эксплуатации ряда оборудования в строительстве и в соответствии с этим нагрузка на имеющиеся производственные мощности возрастет.

Важным итогом первого полугодия 2023 года в строительной сфере страны стала одна из самых активных динамик предлагаемых зарплат: рост со 74 тыс. рублей в январе до 85 тыс. рублей в июне. При этом запросы соискателей тоже не стоят на месте и превышают предложения бизнеса. Так, если в январе петербуржцы хотели получать не ниже 80 тыс. рублей, то сейчас рассчитывают уже не менее чем на 90 тыс. Что касается окладов петербургских строителей в 2023 году, то 45 % руководителей отрасли могли бы ее повысить, 47 % — оставить на прежнем уровне и лишь в 3 % — снизить.

А вот в общероссийском рейтинге ситуация не такая позитивная: в начале года предлагаемая зарплата для новых работников находилась на уровне 72,5 тыс. рублей, а сейчас упала до 70 тыс. Соискатели, в свою очередь, ежемесячно повышают запросы: с 80 тыс. в январе до 88,9 тыс. в июне в целом по стране. Эти тенденции связаны с рядом причин, среди которых основными являются негативный демографический тренд: кадры стареют, рождаемость падает, а некоторым людям продолжить работу мешают физические ограничения. Также влияние оказывает непростое внешнеполитическое и экономическое положение в стране, из-за которого ситуация в строительной отрасли остается достаточно сложной. На рынке мы наблюдаем не только дефицит квалифицированных кадров, но и высокую конкуренцию за них. Дополнительно ее стимулируют растущие объемы строительства. Совокупность этих факторов привела к повышению оплаты труда в строительной и производственной сферах примерно на 10 %. В настоящее время остро ощуща-

ется нехватка таких специалистов, как прорабы, сварщики, монтажники, сантехники, механики и арматурщики, среди инженерно-технических профессий — инженеров ПТО. Кроме того, цифровизация отрасли повысила спрос на BIM-проектировщиков. Сложно также найти высококвалифицированных профессионалов на позицию, например, руководителя проекта, специалистов по технологическим присоединениям сетей, специалистов узкого профиля: конструкторов, ГИПов, специалистов по календарно-сетевому планированию. Востребованы как рабочие специальности, в частности монолитчики, так и ИТР. Компаниям приходится бороться за профессиональные кадры и предлагать хорошие условия работы, которые включают не только достойную зарплату, но и ДМС, корпоративные мероприятия.

На объектах в дефиците инженерно-технический персонал [8]. Есть потребность в проектно-конструкторских специальностях. Последние два года сохраняется дефицит руководителей, способных комплексно вести проект — от создания рабочей документации до ввода объекта в эксплуатацию. За хорошие кадры между строительными компаниями идет большая конкуренция, что приводит даже к перекупу специалистов застройщиками друг у друга.

Одним из инструментов в борьбе за специалистов, как показал анализ, является повышение уровня оплаты труда, причем как базовых окладов, так и премиальной части. Как следствие, последние два года наблюдается существенный рост заработных плат. Однако бесконечно повышать уровень оплаты труда невозможно, поэтому работодатели ищут альтернативные решения, например, активнее нанимают сотрудников старшего возраста (предпенсионеров и пенсионеров), начинают рассматривать женщин на традиционно «мужские» вакансии, например прорабов.

Как показал анализ, еще одной дефицитной специальностью на строительном рынке стали геодезисты. Их заработная плата значительно выше даже управленческих должностей и выходит далеко за рамки 100 тыс. рублей в месяц. Что касается зарплат в целом, то их уровень никак не изменился в 2023 году по сравнению с 2022 годом. Тенденция по найму молодых и энергичных

директоров по строительству (условно до 40 лет), начавшаяся до 2020 года, продолжилась.

Среди причин, которые привели к нехватке кадровых ресурсов, можно назвать отток рабочей силы, отсутствие системной работы по популяризации рабочих профессий, программ переподготовки кадров на федеральном или региональном уровнях, а также ряд отраслевых особенностей (рисунок 1). Необходимо формировать имидж успешного рабочего, инженера или менеджера в строительном бизнесе, привлекать и обучать молодежь, используя современные достижения цифровизации.

Некоторые передовые строительные компании начинают подбирать кадры еще на стадии их обучения, у них разработана собственная программа для популяризации профессий в девелопменте. Это многоступенчатая работа. Так, они сотрудничают с профессиональными учебными заведениями, такими как техникумы и колледжи. Основная сложность такой работы заключается в том, что эти техникумы и колледжи дают общие знания, касающиеся сферы строительства, без учета требуемых на рынке труда конкретных знаний и компетенций, поэтому необходимо совместно с ними корректировать содержание образовательных программ в соответствии с профессиональными стандартами и требованиями строительных компаний.

Еще одним перспективным направлением может стать работа с вузами. Вузам целесообразно активно вовлекать в учебный процесс работодателей, приглашать специалистов-практиков на защиты курсовых и дипломных работ.

В свою очередь строительными компаниями совместно с вузами могли бы разрабатываться специальные испытания по отбору лучших кандидатов, на которых будущие специалисты могли бы показать потенциальным работодателям приобретенные навыки и умения. Особое внимание следует уделять прохождению практик, например, начиная с третьего курса: в периоды учебных практик и отработок студенты могут приходить на стажировку в ряд компаний, в которых будущим специалистам может быть предложено столкнуться с реальными условиями работы, применить на практике знания, полученные в вузе конкретно по данной профессии.

Тем ребятам, у которых практика по учебному плану больше трех месяцев, можно предложить оплачиваемую стажировку или официальное трудоустройство в штат компании. Такая практика сотрудничества поможет привлечь молодых специалистов. Как показал анализ, примерно 30% студентов становятся затем работниками таких предприятий. При устройстве на работу все соискатели вакансий могли бы обучаться в реальных условиях строительства объектов, в том числе с использованием современных технологий.

Таким образом, компании больше вкладываются в молодых специалистов, стаже-

ров, активнее развивают программы развития карьеры, чтобы удержать лучших сотрудников, развивают программы льгот и компенсаций, реально заботятся о благополучии своих сотрудников.

Как показал анализ, проблемы, присущие строительной сфере, являются типичными для других промышленных отраслей: острая нехватка квалифицированного персонала, чаще всего инженерного, в частности прорабов. Такие факторы, как появление современных технологий менеджмента в стройиндустрии, а также новых механизмов взаимоотношений с поставщиками сырья и покупате-

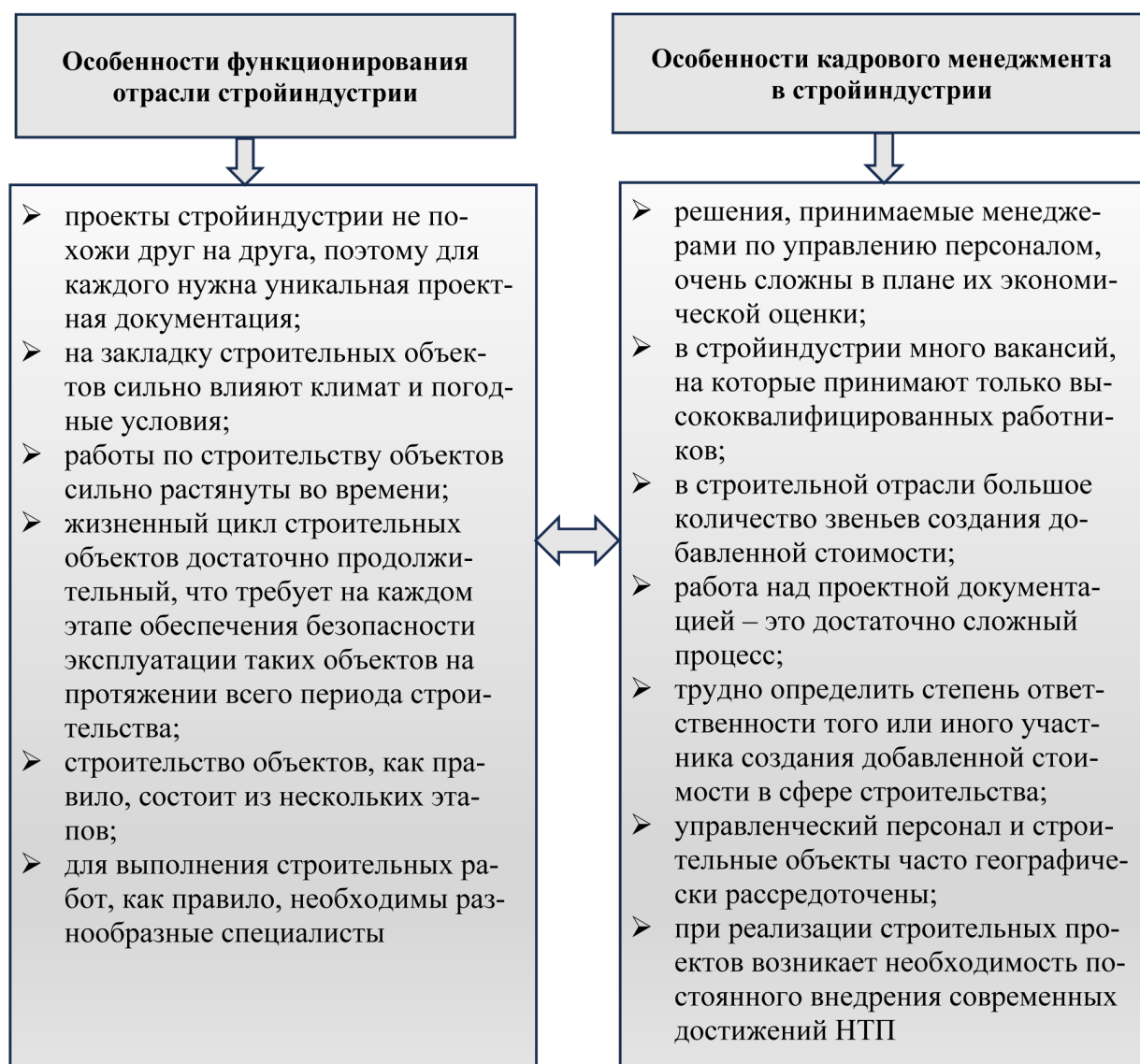

Рис. 1. Отраслевые особенности, влияющие на процесс управления персоналом в строительстве

Fig. 1. Industry features affecting the personnel management process in construction

лями, влияют на то, что за последнее времякратно возросло количество проектов с большими данными — увеличился спрос и на высококвалифицированных IT-специалистов.

Цифровые технологии в строительстве. Как показали исследования, тенденции, которые наблюдаются в других отраслях, затронули также сферу строительства, в частности повсеместно стали применяться IT-технологии [2; 3; 4; 7]. Весной этого года в Министерстве строительства и ЖКХ было принято решение внедрить государственную информационную систему «Стройкомплекс. РФ», задачами которой станет отслеживание цен на услуги строительной отрасли. Также в настоящее время можно увидеть некоторые аспекты внедрения цифровых технологий в этой отрасли в столице. Сейчас около 25% строительных проектов в Москве разрабатывается при помощи BIM-технологий. Это более 150 проектов (четверть всей численности сдаваемых объектов). По данным [3], с применением BIM-решений строят путепроводы, эстакады, тоннели и внеуличные пешеходные переходы, а также различные проекты в социальной сфере, жилье, сдаваемое в эксплуатацию частным лицам. Таким образом, российская столица стала куратором цифровой трансформации сектора в 14 регионах. Как показал анализ, применяемый во многих других отраслях метод моделирования помогает в разы увеличить скорость сдаваемых в эксплуатацию объектов, упростить многие бизнес-процессы в строительной отрасли. Также с применением данной технологии вводится в эксплуатацию жилье в рамках программы реновации, то есть для моделирования демонтажа старого жилого фонда, а также модернизации территорий. BIM-моделирование по программам реновации используется в инженерно-строительных и социальных работах. По этим программам строятся магазины, школы, детские сады, детские и спортивные площадки. По результатам анализа, BIM-технологии при строительстве по программам реновации ускорили сдачу объектов вдвое, а также со значительно меньшими затратами, чем планировалось. К апрелю 2023 года «умная» эксплуатация уже стоит на ряде крупных спортивных и образовательных объектов. Еще одним важным направлением циф-

ровизации отрасли стали цифровые сервисы учета персонала, которые начали внедрять на крупные стройки в Москве.

Летом прошлого года было подписано постановление о формировании в стране Ресстра незавершенных объектов капитального строительства, в котором будут содержаться сведения о долгостроях в рамках бюджетного финансирования.

Министерство строительства и жилищно-коммунального хозяйства РФ летом прошлого года составило норматив «Сети связи. Правила проектирования», в котором прописан свод правил по монтажу сетей связи и линейно-кабельных сооружений для нового жилья, жилья в рамках реконструкции, а также вопросы капитального ремонта сооружений связи и кабельных линий проводного вещания. В разработанный документ включены технические решения для возведения телекоммуникационных сетей, сетей связи и оборудования к ним, правила добавления новых объемов передачи информации с наименьшими издержками, требования к предоставляемым услугам связи, а также к эксплуатации сетей связи. Он также обеспечит выполнение предписаний к обеспечению безопасности функционирования таких сетей. В нем также будут описаны положения для расчета пропускной способности линий связи в зависимости от количества абонентов. Это будет являться расчетной базой для проектирования центров обработки баз данных.

Таким образом, анализ имеющейся нормативной документации в стране позволит сформировать ряд требований для регулирования механизма проектирования и монтажа наружных сетей и внутренних систем электросвязи, волоконно-оптических линий связи. Будут также четко регламентированы требования к возведению сооружений кабельного телевидения и коллективного приема телевидения, связи и сигнализации для маломобильных граждан, улучшения качества передачи GSM-сигнала, контроля удаленного доступа и домофонной связи, видеонаблюдения, охранной сигнализации, сети Интернет.

Что касается цифровизации в сфере трудоустройства строительной отрасли, то весной прошлого года был запущен масштабный проект по внедрению там цифровой платформы. С ее помощью было зарегистрировано

около 1700 работодателей и размещено 15 тыс. вакансий. Эти процессы позволяют облегчить процесс учета вакансий на рынке труда в стройиндустрии.

Заключение. Строительство является одной из важнейших отраслей для российской экономики. В настоящее время эта отрасль является одной из немногих отраслей, способных стимулировать позитивные тенденции в других отраслях и способствовать уходу от последствий санкционного давления. Однако в этой сфере последнее время наблюдается ряд негативных тенденций, среди которых замедление продаж жилья в новостройках, снижение темпов роста производства стройматериалов, дефицит рабочей силы в отрасли и др. Наряду с этим последние два года можно заметить и некоторые позитивные факторы, в частности рекордный по сравнению с пандемийными годами ввод в эксплуатацию строящегося жилья, рост выручки некоторых компаний стройиндустрии, в основном за счет государственных инвестиционных проектов. Одним из основных аспектов развития строительной отрасли в условиях трансформационных преобразований стал рост бюджетных ассигнований инфраструктурных проектов. В последние годы наряду с другими ведущими отраслями в строительстве активно внедряются цифровые технологии. Возрастает объем работы с большими данными [9; 10], а также увеличивается спрос на высококвалифицированных IT-специалистов в отрасли. Для преодоления кризисных явлений в отрасли целесообразно формировать имидж успешного рабочего, инженера или менеджера в строительном бизнесе, привлекать и обучать молодежь, используя современные достижения цифровизации.

Список источников

1. Агаян Ш.А. Исследование состояния строительной отрасли в России / Ш.А. Агаян, З.Р. Аджимусаев // Современные стратегии и цифровые трансформации устойчивого развития общества, образования и науки: сборник материалов IV Международной научно-практической конференции (Москва, 09 декабря 2022 г.). М.: Алеф, 2022. С. 224–229. DOI: 10.34755/IROK.2022.44.34.010.
2. Алюшина Е.Р. Влияние искусственного интеллекта на современные бизнес-процессы // Обществознание и гуманитарные науки: результаты, проблемы, перспективы: сборник научных трудов по материалам Международной научно-практической конференции (Белгород, 30 июня 2022 г.). Белгород: Агентство перспективных научных исследований, 2022. С. 32–37.
3. Болотова А.С. Анализ и перспективы развития BIM-технологий в Российской Федерации / А.С. Болотова, И.А. Денисов // Строительное производство. 2023. №2. С. 114–118. DOI: 10.54950/2658534020232114.
4. Исаев Г.Н. Предпринимательство в информационной сфере: учебное пособие. М.: КноРус, 2021. 286 с.
5. Кадацкий С.А. Проблемы строительства в России в условиях экономических санкций // Тенденции развития современной науки: сборник трудов научно-практической конференции студентов и аспирантов Липецкого государственного технического университета (Липецк, 20 марта 2023 г.). Липецк: Липецкий государственный технический университет, 2023. С. 454–457.
6. Каюмов Л.И. Анализ и перспективы развития строительной отрасли России // Социально-экономические технологии развития общества: Материалы VI научно-практической конференции с международным участием (Саратов, 13 июня 2023 г.). Саратов: Амирит, 2023. С. 70–74.
7. Кривленя Я.Н. Внедрение автоматизации в бизнес-процессы / Я.Н. Кривленя, А.А. Герасименко // Физико-математические и технические науки как фундамент становления постиндустриального общества: сборник статей Международной научно-практической конференции (Самара, 01 июня 2020 г.). Уфа: Аэтерна, 2020. С. 30–32.
8. Сафина Г.Л. Исследование рынка труда в строительной сфере / Г.Л. Сафина, Ю.И. Казяба // Инженерно-строительный вестник Прикаспия. 2023. №1(43). С. 78–83. DOI: 10.52684/2312-3702-2023-43-1-78-83.
9. Popova D.D. Innovations in business communication // Presenting Academic Achievements to the World. Natural Science: материалы X научной конференции молодых ученых (Саратов, 16 апреля 2019 г.). Vol. 9. Саратов: Саратовский источник, 2020. Рр. 94–98.

10. Sanina A., Balashov A., Rubtcova M., Satinsky D. The effectiveness of communication channels in government and business communication // Information Polity. 2017. №22. Pp. 1–17.

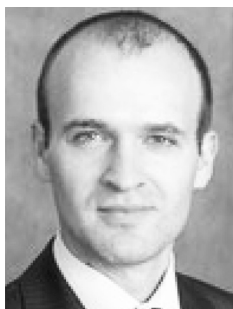
References

1. Agajan Sh. A. Issledovanie sostojanija stroitel'noj otrasli v Rossii [Research of the state of the construction industry in Russia]. Sh. A. Agajan, Z.R. Adzhimusaev. Sovremennye strategii i cifrovye transformacii ustojchivogo razvitiya obshhestva, obrazovaniya i nauki: sbornik materialov IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Moskva, 09 dekabrja 2022 g.) [Modern strategies and digital transformations of sustainable development of society, education and science: collection of materials of the IV International Scientific and Practical Conference (Moscow, December 09, 2022)]. Moscow: Alef, 2022. Pp. 224–229. DOI: 10.34755/IROK.2022.44.34.010. (In Russ.).
2. Aljushina E.R. Vlijanie iskusstvennogo intellekta na sovremennye biznes-processy [The influence of artificial intelligence on modern business processes]. Obshhestvoznanie i gumanitarnye nauki: rezul'taty, problemy, perspektivy: sbornik nauchnyh trudov po materialam Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Belgorod, 30 ijunja 2022 g.) [Social studies and humanities: results, problems, prospects: collection of scientific papers based on the materials of the International Scientific and Practical Conference (Belgorod, June 30, 2022)]. Belgorod: Agentstvo perspektivnyh nauchnyh issledovanij, 2022. Pp. 32–37. (In Russ.).
3. Bolotova A.S. Analiz i perspektivy razvitiya BIM-tehnologij v Rossijskoj Federacii [Analysis and prospects for the development of BIM technologies in the Russian Federation]. A.S. Bolotova, I.A. Denisov. *Stroitel'noe proizvodstvo* [Construction production]. 2023; (2): 114–118. DOI: 10.54950/2658534020232114. (In Russ.).
4. Isaev G.N. Predprinimatel'stvo v informacionnoj sfere: uchebnoe posobie [Entrepreneurship in the information sphere: a textbook]. Moscow: KnoRus, 2021. 286 p. (In Russ.).
5. Kadackij S.A. Problemy stroitel'stva v Rossii v uslovijah jekonomicheskikh sankcij [Problems of construction in Russia under economic sanctions]. Tendencii razvitiya sovremennoj nauki: sbornik trudov nauchno-prakticheskoy konferencii studentov i aspirantov Lipeckogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta (Lipeck, 20 marta 2023 g.) [Trends in the development of modern science: proceedings of the scientific and practical conference of students and postgraduates of Lipetsk State Technical University (Lipetsk, March 20, 2023)]. Lipeck: Lipeckij gosudarstvennyj tehničeskij universitet, 2023. Pp. 454–457. (In Russ.).
6. Kajumov L.I. Analiz i perspektivy razvitiya stroitel'noj otrasli Rossii [Analysis and prospects of development of the construction industry in Russia]. Social'no-jekonomicheskie tehnologii razvitiya obshhestva: Materialy VI nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (Saratov, 13 ijunja 2023 g.) [Socio-economic technologies of society development: Materials of the VI scientific and practical conference with international participation (Saratov, June 13, 2023)]. Saratov: Amirit, 2023. Pp. 70–74. (In Russ.).
7. Krivlenja Ja. N. Vnedrenie avtomatizacii v biznes-processy [Introduction of automation in business processes]. Ja. N. Krivlenja, A.A. Gerasimenko. Fiziko-matematicheskie i tehničeskije nauki kak fundament stanovlenija postindustrial'nogo obshhestva: sbornik statej Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii (Samara, 01 ijunja 2020 g.) [Physico-mathematical and technical sciences as the foundation of the formation of post-industrial societies: collection of articles of the International Scientific and Practical Conference (Samara, June 01, 2020)]. Ufa: Ajeterna, 2020. Pp. 30–32. (In Russ.).
8. Safina G.L. Issledovanie rynka truda v stroitel'noj sfere [Labor market research in the construction sector]. G.L. Safina, Ju. I. Kazjaba. *Inženerno-stroitel'nyj vestnik Prikaspija* [Engineering and Construction Bulletin of the Caspian Region]. 2023; 1(43): 78–83. DOI: 10.52684/2312-3702-2023-43-1-78-83. (In Russ.).
9. Popova D.D. Innovations in business communication // Presenting Academic Achievements to the World. Natural Science: Materials of the X Scientific Conference of Young Scientists (Saratov, April 16, 2019). Vol. 9. Saratov: Saratovskiy istochnik, 2020. Pp. 94–98.
10. Sanina A., Balashov A., Rubtcova M., Satinsky D. The effectiveness of communication channels in government and business communication // Information Polity. 2017. №22. Pp. 1–17.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 21.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 02.09.2023; approved after reviewing on 21.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Батищев Александр Витальевич — кандидат экономических наук, доцент, заведующий кафедрой «Искусственный интеллект и анализ данных», Московский финансово-промышленный университет «Синергия». Сфера научных интересов — аналитика, большие данные в информационных технологиях, электронная коммерция, информационная безопасность, облачные технологии, стартапы.

Россия, г. Москва, Ленинградский пр., 80, корп. Г

Alexander V. Batishchev — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of the Department «Artificial Intelligence and Data Analysis», Moscow Financial and Industrial University «Synergy». Research interests — analytics, big data in information technology, E-commerce, information security, cloud technologies, startups.

80 Leningradsky ave., bldg. G, Moscow, Russia

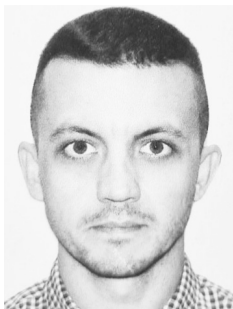

Фетюхина Ольга Николаевна — доктор экономических наук, профессор кафедры «Производственный и инновационный менеджмент», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) им. М.И. Платова. Сфера научных интересов — электронная коммерция, менеджмент маркетплейсов, трудовые отношения в системе электронной торговли, маркетинг.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Olga N. Fetyukhina — Doctor of Economic Sciences, Professor of the Department of «Production and Innovation Management», Platov South Russian State Polytechnic University (NPI). Research interests — E-commerce, marketplace management, labor relations in the E-commerce system, marketing.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Кузнецов Александр Сергеевич — аспирант Московского финансово-промышленного университета «Синергия».
Россия, г. Москва, Ленинградский пр-т, 80, корп. Г

Alexander S. Kuznetsov — a postgraduate student, Moscow Financial and Industrial University «Synergy».
80 Leningradsky ave., bldg. G, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Батищев А. В. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Фетюхина О. Н. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Кузнецов А. С. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Batishchev A. V. — scientific guidance; research concept; revision of the text.

Fetyukhina O. N. — writing the source text; final conclusions.

Kuznetsov A. S. — preparation of materials for publication; final conclusions.

Научная статья

УДК: 330.15; 330.12

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-116-125

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИНДУСТРИАЛЬНО РАЗВИТЫХ РЕГИОНОВ В РАМКАХ ИНДУСТРИИ 5.0

Екатерина Олеговна Вегнер-Козлова

*Институт экономики Уральского отделения Российской академии наук,
Екатеринбург, Россия*

katya.human@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4182-6514, AuthorID РИНЦ: 554997

Аннотация. *Целью исследования* является определение тенденций развития индустриально развитых регионов в контексте Индустрии 5.0.

Методологическую базу исследования представляют общенаучные методы сравнительного и причинно-следственного анализа, синтеза, обобщения, а также статистико-экономический метод.

Результаты исследования. Закономерное развитие инициативы Индустрия 4.0 привело к вопросу о влиянии эффективно функционирующей высокотехнологичной промышленности на общечеловеческие ценности, декларируемые концепцией устойчивого развития, в связи с чем на теоретическом уровне произошел переход от развития Индустрии 4.0 к продвижению Индустрии 5.0, предполагающей идеальный образ отрасли будущего, в рамках функционирования которой равнозначными ценностями (наряду с эффективностью) становятся защита окружающей среды и интересы общества. В работе проведена попытка оценить через значения параметров ESG (которые стали мерилем нефинансовой результативности компаний и регионов) готовность индустриально развитых регионов соответствовать повестке Индустрии 5.0.

Перспективы исследования заключаются в развитии теоретических основ перехода к принципам Индустрии 5.0.

Ключевые слова: устойчивое развитие, Индустрия 5.0, ESG, индустриально развитые регионы

Для цитирования: Вегнер-Козлова Е. О. Перспективы развития индустриально развитых регионов в рамках Индустрии 5.0 // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 116–125. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-116-125>.

Благодарности: исследование выполнено в соответствии с государственным заданием для Института экономики УрО РАН.

Original article

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF INDUSTRIAL REGIONS WITHIN THE FRAMEWORK OF INDUSTRY 5.0

Ekaterina O. Wegner-Kozlova

*Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences,
Yekaterinburg, Russia*

katya.human@mail.ru, ORCID: 0000-0003-4182-6514, AuthorID RSCI: 554997

Abstract. *The purpose of the research is to identify trends in the development of industrial regions in the context of the Industry direction 5.0.*

The methodological basis of the research is represented by general scientific methods of comparative and causal analysis, synthesis, generalization, as well as statistical and economic method.

Research result. *The natural development of the Industry 4.0 initiative has led to the question of the impact of an effectively functioning high-tech industry on the universal values declared by the concept of sustainable development. In this connection, at the theoretical level, there has been a transition from the development of Industry 4.0 to the promotion of Industry 5.0, which assumes an ideal image of the industry of the future, within the framework of which the protection of the environment and the interests of society become equivalent values (along with efficiency). The paper attempts to assess through the values of ESG parameters (which have become a measure of non-financial performance of companies and regions) the readiness of industrially developed regions to meet the agenda of Industry 5.0.*

The prospects of the research *are the development of the theoretical foundations of the transition to the principles of Industry 5.0.*

Keywords: *sustainable development, Industry 5.0, ESG, industrially developed regions*

For citation: *Wegner-Kozlova E. O. Prospects for the Development of Industrial Regions Within the Framework of Industry 5.0 // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 116–125. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-116-125>.*

Acknowledgments: *the research has been carried out in accordance with the state task for the Institute of Economics of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences.*

Введение. Индустрия 4.0 — общепринятый термин, получивший колоссальное развитие за последние десять лет, предполагающий целенаправленную эволюцию экономических систем посредством высоких технологий. Однако, закономерное развитие указанной инициативы привело к вопросу относительно того, насколько цели развития промышленности соотносятся с общечеловеческими целями (в том числе декларируемыми концепцией устойчивого развития).

В настоящее время Индустрия 5.0 продвигается как идеальный образ отрасли будущего, в рамках функционирования которой равнозначными (наряду с эффективностью) ценностями становятся защита окружающей среды и интересы общества. Необходимость Индустрии 5.0 зачастую объясняется невозможностью в рамках Индустрии 4.0 достичь устойчивого развития в связи с тем, что Индустрия 4.0 сосредоточена только на производительности, обусловленной технологическим лидерством.

В работе проведена попытка оценить через значения параметров ESG готовность индустриально развитых регионов соответствовать повестке Индустрии 5.0.

Переход от Индустрии 4.0 к Индустрии 5.0: отличие инициатив. Индустрия 4.0 возникла в 2011 году в рамках проекта стратегии правительства Германии в области высоких технологий. Для продвижения инициативы и обеспечения скоординированного межсекторального подхода ассоциации BITKOM, VDMA и ZVEI создали совместную платформу Industrie 4.0. Во всем мире многие страны внедрили аналогичные стратегические инициативы, например, промышленный интернет Консорциум (США), Индустрия 4.0 (Италия), Продукция 2030 (Швеция), «Сделано в Китае 2025» и «Общество 5.0» (Япония) [10].

Развитие инициативы «Индустрия 4.0» привело к закономерному вопросу относительно того, насколько цели развития промышленности соотносятся с общечеловеческими целями. Может ли развитие индустриальных производств выйти за рамки таких показателей эффективности, как «создание рабочих мест», «объем производства» и других, обозначив смысл своей деятельности в благополучии людей (в том числе будущих поколений).

Считается, что Индустрия 4.0 основана на технологиях, в то время как Индустрия 5.0 ориентирована на создание ценности. Внедрение Индустрии 5.0 основано на предположении, что Индустрия 4.0 фокусируется не столько на первоначальных принципах социальной справедливости и устойчивого развития, сколько на цифровизации и технологиях, основанных на искусственном интеллекте, для повышения эффективности и гибкости производства. Таким образом, концепция Индустрии 5.0 обеспечивает иной фокус и точку зрения, подчеркивая важность исследований и инноваций для поддержки отрасли в ее долгосрочном служении человечеству в пределах планетарных границ [7; 8; 9].

Пятая промышленная революция является Европейской инициативой. Продвижение указанного направления началось с 2017 года. В 2021 году к Индустрии 5.0 призвала Европейская комиссия. Индустрия

5.0 определяется через такие характеристики, как «ориентация на человека», «устойчивость», «жизнестойкость» [7]. «Индустрия 5.0 признает способность промышленности достигать общественных целей, выходящих за рамки создания рабочих мест и экономического роста, становиться устойчивым источником процветания, заставляя производство уважать границы планеты и ставя благополучие работников отрасли в центр производственного процесса. Индустрия 5.0 дополняет существующую парадигму Индустрии 4.0, поскольку исследования и инновации стимулируют переход к устойчивой, ориентированной на человека и жизнестойкой европейской промышленности» [10, с. 530].

Индустрия 5.0 как возможность достижения устойчивого развития. Концепция «Индустрия 5.0» продвигается как идеальный образ отрасли будущего, в рамках функционирования которой равнозначными (наряду с эффективностью) ценностями становятся защита окружающей среды и интересы общества. Необходимость Индустрии 5.0 зачастую объясняется невозможностью в рамках Индустрии 4.0 достичь устойчивого развития в связи с тем, что Индустрия 4.0 сосредоточена только на производительности, обусловленной технологическим лидерством. При этом, несмотря на то что технологические решения позволяют улучшить показатели устойчивости (увеличение производительности труда, снижение негативного воздействия на окружающую среду), они не могут преодолеть целеориентированность современных экономических моделей производства на извлечение прибыли.

В качестве альтернативы Европейская комиссия видит Индустрию 5.0 и рассматривает эту концепцию как социально-экономический структурный сдвиг в направлении устойчивой отрасли будущего [7].

Таким образом, инициатива «Индустрия 5.0» рассматривается как парадигма, способствующая достижению устойчивого развития через качественное преобразование промышленности, целеориентированной на решение экологических и общечеловеческих задач при сохранении экономической эффективности производств.

Следует отметить, что идеи ответственности бизнеса перед общественными интересами не новы. Социальную ответственность предпринимательства, рассматриваемую как постановку субъектами предпринимательской деятельности не только целей максимизации прибыли, но и осуществления общественно полезной деятельности, связывают с явлением, названным «социальным предпринимательством», в связи с чем зачастую основоположником этого направления считают американского экономиста Говарда Боуэна, опубликовавшего в 1953 году монографию «Социальные обязанности бизнесмена». Научное и практическое развитие указанного направления реализовалось в закреплении термина «устойчивое развитие» на международном уровне в рамках Конференции ООН по окружающей среде и развитию (ЮНСЕД), также известной как «Саммит Земли», которая прошла в Рио-де-Жанейро в 1992 году. Результатом данного мероприятия стали Декларация по окружающей среде и развитию, в которой были провозглашены обязательства государств по основным принципам достижения устойчивого развития, и программа действий, направленных на реализацию правительствами концепции глобального устойчивого развития «Повестка дня на XXI век». В 2001 году были сформулированы цели развития тысячелетия, действовавшие до 2015 года (ЦРТ), задача которых заключалась в том, чтобы способствовать ускорению развития беднейших наций посредством индустриализации, экономического роста и развития научного и технического потенциала. Продолжая ЦРТ за пределы 2015 года, были определены цели устойчивого развития (ЦУР), сохранившие преемственность по отношению к ЦРТ. Повесткой в области устойчивого развития на период до 2030 года пре-

дусматривается 17 целей и 169 задач на пятнадцатилетний период.

В этом контексте концепция устойчивого развития стала инструментом «мягкой» силы институтов ООН, действующих в рамках интересов глобализационного развития (рис. 1).

Однако анализ, проведенный в рамках изучения устойчивого развития в контексте политэкономического подхода [2], позволяет утверждать, что необходимость согласования интересов предпринимательства и общества отмечалась в гораздо более ранних работах, нежели в трудах Г. Боуэна. Политэкономическое исследование русского ученого А.К. Шторха дает возможность рассмотреть баланс интересов различных социальных групп (интересы общества, предпринимательства, государства) с точки зрения понятий ценности и богатства. Согласно теории А.К. Шторха, производственная деятельность — это процесс не производства «вещества», а процесс производства ценности [6], где ценность определяет удовлетворение потребностей. При этом потребности разделены на базовые, чья ценность абсолютна (вода, воздух, почва, свет, энергия), и прочие. Политэкономический подход позволил предположить, что устойчивое развитие возможно в тех случаях, когда результаты экономической деятельности удовлетворяют потребности людей, не вызывая противоречий, относительно того, какую группу потребностей (базовых или прочих) удовлетворять [2].

На наш взгляд, объективная задача достижения устойчивого развития возникла во многом в связи с современным пониманием сущности категорий «ценность» и «богатство» в контексте Аристотелевской хрематистики (от *χρήματα* «деньги» — наука об обогащении, где накопление денег — самоцель). Именно этот контекст сущности

Рис. 1. Основополагающие институты продвижения Устойчивого развития и ESG-повестки¹
Fig. 1. Fundamental institutions for promoting Sustainable development and the ESG Agenda

¹ Навигатор ESG [Электронный ресурс] / Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации.
URL: <https://ac.gov.ru> (дата обращения: 12.07.23).

предпринимательской деятельности делает необходимым появление направлений «социального предпринимательства», предполагая наряду с этим, по законам формальной логики, что иные категории предпринимательства должны быть отнесены к «асоциальным».

Теоретический базис развития предпринимательства позволяет утверждать, что предпринимательская деятельность всегда неразрывно связывалась с социальной значимостью ее результатов ввиду того, что она «призвана обеспечивать необходимое сочетание личной выгоды с общественной пользой» [3]. Предпринимательство — это не просто процесс риска и поиска новых возможностей удовлетворения потребностей, а отношения между предпринимателем и обществом [4].

Таким образом, любой вид предпринимательской деятельности (в том числе и промышленное производство), исходя из установленной наукой сущности предпринимательства, должен оставаться в зоне взаимоприемлемого компромисса между экономической эффективностью и социально-значимой полезностью, сохраняя свою общественно-полезную сущность.

Вышеизложенное позволяет предположить, что концепцию устойчивого развития в данное время можно рассматривать с двух точек зрения как:

- парадигму, в рамках которой система целей, мотивов и стимулов, декларируется институтами ООН и которая одновременно является инструментом для достижения «развитыми» странами конкурентных и иных преимуществ на мировых рынках;

- парадигму, обусловленную реальной экзистенциальной задачей минимизации негативных последствий хозяйственной деятельности для окружающей среды и одновременного сохранения социо-экономической стабильности.

С этой точки зрения, Индустрия 5.0 становится отраслевым направлением реализации концепции устойчивого развития. Выявленные отличия подходов к концепции устойчивого развития позволяют более точно детерминировать цели и направления развития Индустрии 5.0 с учетом задач достижения промышленного суверенитета ввиду сложившихся геополитических условий.

ESG-оценка в переходе к Индустрии

5.0. Нефинансовая эффективность экономической деятельности нашла свое отражение в ESG-концепции, которая предполагает комбинацию экологических, социальных и управленческих нефинансовых показателей, характеризующих результативность компаний или регионов, которые в том числе могут использоваться для оценки эффективности перехода к Индустрии 5.0.

Концепция ESG позволяет реализовывать комплексный подход к обеспечению устойчивого развития экономически разнородных регионов. Следование ESG-повестке может привести регионы к увеличению социо-экономических рисков и к рискам региональной экономической безопасности, но наряду с этим также может стать катализатором позитивных социо-экономических изменений. Возможности, предлагаемые ESG-повесткой, оцениваются достаточно оптимистично. ESG рассматривается как фактор широкого круга позитивных перемен на региональном уровне, к которым можно отнести:

- зеленое финансирование;
- инвестиционную привлекательность;
- драйверы развития АЗРФ и промышленных регионов;
- инновационные возможности;
- трансформацию систем госуправления регионами;
- усиление экономической безопасности;
- усиление конкурентоспособности предпринимательства;
- образовательную среду.

Указанные направления позволяют реализовывать конкурентные преимущества региональной диверсификации.

Однако, сама практика ESG-рэнкинга компаний и регионов, позволяющая оценить эффективность внедрения данной повестки в экономическую систему объекта, находится в начале своего развития, что приводит к очевидным ограничениям: методической несогласованности и проблематике сопоставимости рэнкингов и рейтингов. В настоящее время в мире отсутствуют согласованные формализованные методики рэнкинга в рамках ESG-показателей и единые критерии оценки ESG-показателей. Указанная проблема характерна не только для РФ. «Регуляторы ряда стран разработали или выступают

Таблица 1
 Table 1

ESG-рейтинги индустриально развитых регионов
ESG-ratings of industrially developed regions

Регион	Доля обрабатывающих производств в ВРП региона ²	RAEX ³	Infogreen ⁴	HPA ⁵
Калужская область	0,416	19	14–15	17
Владимирская область	0,416	43	47–51	63
Липецкая область	0,411	15	16–22	28
Тульская область	0,406	31	16–22	26
Новгородская область	0,403	37	39–45	51
Омская область	0,337	54	39–45	48
Кировская область	0,324	46	62–68	43
Вологодская область	0,321	33	30	39
Челябинская область	0,32	43	16–22	38
Пермский край	0,32	52	31–35	47
Красноярский край	0,307	49	16–22	18
Ярославская область	0,291	43	31–35	45
Свердловская область	0,29	17	11–13	15
Ленинградская область	0,29	8	9	22
Республика Мордовия	0,289	36	47–51	25
Нижегородская область	0,281	38	16–22	33
Рязанская область	0,274	25	39–45	50

Таблица 2
 Table 2

Усредненный ESG-рейтинг индустриально развитых регионов
Average ESG rating of industrially developed regions

Ленинградская область	13	Нижегородская область	30	Новгородская область	43
Свердловская область	15	Челябинская область	33	Пермский край	44
Калужская область	17	Вологодская область	34	Омская область	48
Липецкая область	21	Республика Мордовия	37	Кировская область	51
Тульская область	25	Рязанская область	39	Владимирская область	52
Красноярский край	29	Ярославская область	40		

² Данные ЕМИСС за 2021 г. [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/> (дата обращения: 12.07.23).

³ ESG-рэнкинг субъектов РФ [Электронный ресурс]. URL: https://raex-rr.com/ESG/ESG_regions/ESG_rating_regions/2021/ (дата обращения: 12.07.23).

⁴ Ежегодный доклад ИНФРАГРИН «Регионы и города России: устойчивое развитие и социально-экологические приоритеты в управлении 2023». М.: Экспертное агентство «Открытые коммуникации», 2023. С. 176–191.

⁵ Национальное рейтинговое агентство [Электронный ресурс]. URL: <https://www.ra-national.ru/sustainabilityservices/> (дата обращения: 12.07.23).

с инициативами разработки и введения нормативно-правового регулирования в отношении ESG-рейтинговых агентств» [5, с. 89].

В настоящее время рейтинги, предлагаемые для оценки параметров ESG регионов, не учитывают территориальную экономико-географическую специфику, однако позволяют получить представление о реализации повестки устойчивого развития на отдельных территориях. В рамках изучения готовности

к инициативе Индустрия 5.0 интерес представляют индустриально развитые регионы («основу экономики которых составляет обрабатывающая промышленность» [1]) (табл. 1).

Представленные рейтинги продемонстрировали достаточно высокую степень корреляции между собой при отсутствии корреляции с долей обрабатывающих производств в ВРП. Усреднение рейтинговой оценки поз-

Таблица 3
 Table 3

Параметры, характеризующие подготовленность регионов к повестке Индустрии 5.0
Parameters characterizing the readiness of regions for the Industry agenda 5.0

Регион	Региональный план адаптации к изменениям климата	Всероссийская проектно-образовательная программа «Адаптация регионов России к изменениям климата — 2023»	Значительные риски негативных последствий ⁶	Региональная образовательная среда в области УР и ESG
Калужская область	+	+	+	—
Владимирская область	—	—	+	—
Липецкая область	+	+	—	—
Тульская область	+ ⁷	—	—	—
Новгородская область	+	—	—	—
Омская область	—	—	—	—
Кировская область	+	+	—	—
Вологодская область	+	—	+	—
Челябинская область	+	+	—	—
Пермский край	—	+	—	+
Красноярский край	+	+	—	—
Ярославская область	+	—	+	—
Свердловская область	+	+	—	—
Ленинградская область	+	+	—	+
Республика Мордовия	+	+	—	—
Нижегородская область	+	+	—	—
Рязанская область	+	—	+	—

⁶ Каким регионам России угрожает изменение климата / Российская газета [Электронный ресурс]. URL: <https://rg.ru/2021/08/20/reg-ufo/kakim-regionam-rossii-ugrozaet-izmenenie-klimata.html> (дата обращения: 12.07.23).

⁷ О положении дел по разработке отраслевых и региональных планов по адаптации климата / Климатическая платформа [Электронный ресурс]. URL: <https://climate-change.moscow/article/o-polozenii-del-po-razrabotke-otraslevykh-i-regionalnyh-planov-po-adaptacii-klimata> (дата обращения: 12.07.23).

воляет выделить группы индустриально развитых регионов — лидеров в контексте соответствия параметрам Индустрии 5.0 (табл. 2).

К лидирующим регионам относятся Ленинградская, Свердловская, Калужская, Липецкая, Тульская области и Красноярский край. К отстающим регионам в рамках указанной повестки относятся Омская, Кировская и Владимирская области.

Подготовленность регионов к повестке Индустрии 5.0 характеризуется наличием региональных планов адаптации к изменениям климата, участием во Всероссийской проектно-образовательной программе «Адаптация регионов России к изменениям климата — 2023» и формированием региональной образовательной среды в области УР и ESG (табл. 3).

Регионы, получившие наиболее высокую ESG-оценку, характеризуются участием в программе «Адаптация регионов России к изменениям климата — 2023» (за исключением Тульской области), разработали региональный план адаптации к изменениям климата, а также (за исключением Калужской области) не входят в список регионов со значительными рисками негативных последствий. Образовательная среда в области устойчивого развития и ESG в индустриально развитых регионах практически не развита.

Заключение. Индустрия 5.0 в научном сообществе активно изучается с точки зрения возможности преодоления ориентации промышленных производств исключительно на прибыль и производительность, предлагая в качестве целеориентиров для промышленных производств человекоцентричность, ЦУР, резильентность и социально-экологическую устойчивость. Ввиду того, что указанная инициатива имеет отраслевую ориентацию, особый интерес вызывает влияние продвигаемых нарративов в рамках специализации региональных экономик (в частности влияния ценностей Индустрии 5.0 на индустриально развитые регионы).

В настоящий момент отдельные рейтинги ESG не сходятся в оценке того, какие показатели наилучшим образом характеризуют ответственное функционирование экономик индустриально развитых регионов. Однако можно увидеть, что индустриальная специ-

фика регионов требует комплексного подхода в развитии инновационных возможностей через целевую поддержку высокотехнологичного производственного предпринимательства и образовательной среды, ориентированных на расширение технологий и знаний в области устойчивого развития. Ввиду того, что неоднородность оценочных систем приводит к снижению их эффективности, методические вопросы и осуществление ESG-рейтингов должно осуществляться под контролем государства в рамках нормативно закреплённых требований профильными некоммерческими организациями, углубленно посвященными в специфику региональной экономики.

Список источников

1. Акбердина В.В. Мультифункциональная роль индустриально развитых регионов в экономике страны // *Journal of New Economy*. 2020. Т. 21. №3. С. 48–72. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-3.
2. Вегнер-Козлова Е.О. Устойчивое развитие в контексте политэкономического подхода // *Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки*. 2022. Т. 15. №5. С. 127–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-127-136>.
3. Рыночное предпринимательство. Теоретические основы и практика регулирования. М.: Институт международного права и экономики, 1994. 268 с.
4. Татаркин А.И., Усманова К.Ф. Рыночная стратегия предпринимательства. Екатеринбург: УрО РАН, 1994. 170 с.
5. Хачатрян А.В. Расхождение в ESG-рейтингах: зарубежные регуляторные тренды [Электронный ресурс]. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2022/5/statii/06_5_2022_v14.pdf.
6. Шторх А. Курс политической экономики или изложение начал, обуславливающих народное благоденствие. М.: Экономическая газета, 2008. 1120 с.
7. Breque M., De Nul L., Petridis A. Industry 5.0: towards a sustainable, human-centric and resilient European industry. Luxembourg, LU: European Commission, Directorate-General for Research and Innovation, 2021. 46 p. DOI: <https://doi.org/10.2777/308407>.

8. Ghobakhloo M., Iranmanesh M., Faraz Mubarak M., Mubarik M., Rejeb A., Nilashi M. Identifying industry 5.0 contributions to sustainable development: A strategy roadmap for delivering sustainability values // *Sustainable Production and Consumption*. 2022. №33. Pp. 716–737. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2022.08.003>.

9. Ghobakhloo M., Iranmanesh M., Foroughi B., Babae Tirkolaee E., Asadi S., Amran A. Industry 5.0 implications for inclusive sustainable manufacturing: An evidence-knowledge-based strategic roadmap // *Journal of Cleaner Production*. 2023. №417. 138023. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138023>.

10. Xu X., Lu Y., Vogel-Heuser B., Wang L. Industry 4.0 and Industry 5.0 — Inception, conception and perception // *Journal of Manufacturing Systems*. 2021. №61. Pp. 530–535.

References

1. Akberdina V. V. Mul'tifunkcional'naja rol' industrial'no razvityh regionov v jekonomike strany [The multifunctional role of industrially developed regions in the country's economy]. *Journal of New Economy*. 2020; 21(3): 48–72. DOI: 10.29141/2658-5081-2020-21-3-3. (In Russ.).

2. Vegner-Kozlova E. O. Ustojchivoe razviti v kontekste politjekonomicheskogo podhoda [Sustainable development in the context of a political economic approach]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta. Serija: Social'no-jekonomičeskie nauki* [Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences]. 2022; 15(5): 127–136. DOI: <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2022-5-127-136>. (In Russ.).

3. Rynochnoe predprinimatel'stvo. Teoreticheskie osnovy i praktika regulirovanija [Market entrepreneurship. Theoretical foundations and practice of regulation]. Moscow: Institut

mezhdunarodnogo prava i jekonomiki, 1994. 268 p. (In Russ.).

4. Tatarkin A. I., Usmanova K. F. Rynochnaja strategija predprinimatel'stva [Market strategy of entrepreneurship]. Ekaterinburg: UrO RAN, 1994. 170 p. (In Russ.).

5. Hachatrjan A. V. Rashozhdenie v ESG-rejtingah: zarubezhnye reguljatornye trendy [Discrepancy in ESG ratings: foreign regulatory trends] [Elektronnyj resurs]. URL: https://www.finjournal-nifi.ru/images/FILES/Journal/Archive/2022/5/statii/06_5_2022_v14.pdf. (In Russ.).

6. Shtorh A. Kurs političeskoy jekonomii ili izložhenie nachal, obuslavlivajushhih narodnoe blagodenstvie [The course of political economy or the presentation of the principles that determine people's welfare]. Moscow: Jekonomičeskaja gazeta, 2008. 1120 p. (In Russ.).

7. Breque M., De Nul L., Petridis A. Industry 5.0: towards a sustainable, human-centric and resilient European industry. Luxembourg, LU: European Commission, Directorate-General for Research and Innovation, 2021. 46 p. DOI: <https://doi.org/10.2777/308407>.

8. Ghobakhloo M., Iranmanesh M., Faraz Mubarak M., Mubarik M., Rejeb A., Nilashi M. Identifying industry 5.0 contributions to sustainable development: A strategy roadmap for delivering sustainability values. *Sustainable Production and Consumption*. 2022; (33): 716–737. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.spc.2022.08.003>.

9. Ghobakhloo M., Iranmanesh M., Foroughi B., Babae Tirkolaee E., Asadi S., Amran A. Industry 5.0 implications for inclusive sustainable manufacturing: An evidence-knowledge-based strategic roadmap. *Journal of Cleaner Production*. 2023; (417): 138023. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2023.138023>.

10. Xu X., Lu Y., Vogel-Heuser B., Wang L. Industry 4.0 and Industry 5.0 — Inception, conception and perception. *Journal of Manufacturing Systems*. 2021; (61): 530–535.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Вегнер-Козлова Екатерина Олеговна — кандидат экономических наук, доцент, старший научный сотрудник Института экономики Уральского отделения Российской академии наук.

Россия, г. Екатеринбург, ул. Московская, 29

Ekaterina O. Wegner-Kozlova — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Senior Researcher, Institute of Economics of the Ural branch of the Russian Academy of Sciences.

29 Moskovskaya str., Yekaterinburg, Russia

Научная статья

УДК 339.977

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-126-136

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ МАШИННОГО ОБУЧЕНИЯ ДЛЯ ВЫЯВЛЕНИЯ ФАКТОРОВ РЕЦЕССИИ АФРИКАНСКИХ ЭКОНОМИК

Данил Сергеевич Гриднев

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия
dgridnev14@gmail.com, ORCID: 0009-0004-1481-1258, SPIN-код: 1487-8260

Аннотация. *Цель исследования* — установить важнейшие факторы, которые провоцируют наступление рецессии в развивающихся и наименее развитых странах африканского континента.

Методологическую базу исследования составляют методы машинного обучения: метод градиентного бустинга и кластеризация по алгоритму DBSCAN. Эти методы были реализованы с помощью библиотек Python 3.7: pandas, matplotlib, imblearn, itertools, sklearn. Для выполнения исследования применен так называемый пайплайн, который последовательно осуществляет балансировку набора данных, проводит валидацию модели, настройку её гиперпараметров.

Результаты исследования. Применение методов машинного обучения выявило принципиальную значимость цен на энергию, уровня технологии и национального потребления как важнейших факторов, приводящих к рецессии. Кластеризация данных показала наличие нескольких явно очерченных исторических периодов развития региона в начале XXI столетия, которые были связаны с глобальной экономической конъюнктурой. Делается вывод о значении экономической сложности как показателя устойчивости экономики перед лицом внешних факторов.

Перспективы исследования заключаются в применении ансамбля методов машинного обучения для оценки страновых или макрорегиональных рисков на основе несбалансированных массивов данных. Также экономическая сложность как фактор возникновения кризисных явлений представляет интерес для дальнейших исследований.

Ключевые слова: страновой риск, машинное обучение, рецессия, кластеризация, деревья решений, экономическая сложность

Для цитирования: Гриднев Д. С. Использование методов машинного обучения для выявления факторов рецессии африканских экономик // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 126–136. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-126-136>.

Original article

MACHINE LEARNING TECHNIQUES FOR ASSESSING RECESSIONARY FACTORS IN AFRICAN ECONOMIES

Danil S. Gridnev

*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia
dgridnev14@gmail.com, ORCID: 0009-0004-1481-1258, SPIN-code: 1487-8260*

Abstract. *The aim of the study is to identify the most important factors that trigger the onset of recession in developing and least developed countries of the African continent.*

The methodological basis of the study is made up of machine learning methods: gradient boosting method and clustering using DBSCAN algorithm. These methods were implemented using Python 3.7 libraries: pandas, matplotlib, imblearn, itertools, sklearn. To perform the study, the so-called pipelining was applied, which sequentially performs the balancing of the dataset, performs the validation of the model, and adjusts its hyperparameters.

Results of the study. The application of machine learning methods revealed the fundamental importance of energy prices, technology level, and national consumption as the most important factors leading to recession. Clustering of the data revealed the existence of several clearly delineated historical periods of the region's development in the early 21st century that were linked to global economic conditions. The significance of economic complexity as an indicator of economic resilience in the face of external factors is concluded.

The prospects of the research lie in the application of an ensemble of machine learning methods to assess country or macro-regional risks on the basis of unbalanced data sets. Also, economic complexity as a factor in the occurrence of crisis phenomena is of interest for further research.

Keywords: country risk, machine learning, recession, clustering, decision trees, economic complexity

For citation: Gridnev D. S. Machine learning techniques for assessing recessionary factors in African economies // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 126–136. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-126-136>.

Введение. Проблема оценки страновых или региональных рисков стала актуальной в силу изменившегося характера глобализации [3]. Одним из главных событий современной экономической истории стало формирование глобальных цепочек создания ценности, которые особенно интенсивны на региональном уровне [1]. Это вызывает необходимость анализировать риски не только на макро- или микроуровнях, но и на мезоуровне (регионы) [5]. Таким образом, региональная перспектива оценки риска рецессии, особенно путем моделирования методами машинного обучения, является актуальной проблемой.

Важно прояснить необходимость исследования страновых рисков в эпоху новой глобализации:

— возросшая степень неопределенности в межстрановых экономических и политических отношениях приводит к массивным и внезапным перетокам капитала, которые осложняют ведение международного бизнеса и ухудшают макроэкономическую обстановку главных партнеров российских промышленных предприятий;

— моментальность современной информационной среды обеспечивает сплав различных рисков в единые комплексы и быструю их активизацию;

— повышается волатильность и системная нестабильность стран Запада (высокий уровень долга, социально-культурные сдвиги, политическая гетерогенность), что актуализирует проблемы современного меняющегося финансового порядка и места России в нем;

— в условиях современной экономики вышеперечисленные проблемы затрагивают в полной мере отдельные промышленные предприятия и целые отрасли и комплексы отраслей, как по линии экономики и логистики, так и по политическому направлению.

Но в силу комплексности проблемы, а также большого объема данных, с ней связанных, большую актуальность приобретает вопрос анализа такого рода рисков методами машинного обучения [8]. Вторым важным аргументом является возросшая степень сложности рискованных ситуаций [6]. Методы машинного обучения применяются в оценке других рисков (финансовых, логистических), но должны быть, по нашему мнению, применены и для страновых рисков.

Методы машинного обучения получают все большее распространение в сфере оценки финансовых рисков. Так, метод случайного леса (random forest) может быть использован в сфере банковских услуг для анализа кредитного риска. Тем не менее нужно учитывать, что данный инструмент не признается регулятором — он не является прозрачным (будучи методом черного ящика). Этот же факт признают и исследователи Орлеанского университета, предлагая метод логистической регрессии со штрафом (PLTR — Penalized Logistic Tree Regression), с целью повышения доступности модели для внутренней интерпретации [4]. Подчеркиваются перспективы использования методов машинного обучения в сфере финансовых услуг в условиях распространения больших данных [10].

На наш взгляд, к наиболее перспективным методам машинного обучения, которые могут быть использованы при анализе страновых рисков, относятся [7]:

— нейронные сети;
— метод опорных векторов;
— ансамбли деревьев решений (а также бустинг над ними);

— анализ Shapley Value;

— кластерный анализ.

В частности, так называемые длинные цепи элементов краткосрочной памяти (LSTM-сети) хорошо подходят для анализа временных рядов, даже при наличии в них лагов переменных. На LSTM-сети похожи так называемые сети GRU (управляемый рекуррентный блок), которые также могут быть применены для предсказания временных рядов с несколькими переменными. Помимо целей предсказания, данные инструменты могут быть использованы для выявления значимых факторов (feature importance) и решения проблем кластеризации и классификации.

Деревья решений, также в своих усиленных вариантах (например, градиентный бустинг), являются отличным методом машинного обучения для решения задач регрессии и классификации, а также ранжирования. Применение этого метода на данные с панельной структурой позволяет выделить значимые факторы модели.

Метод опорных векторов представляет интерес за счет того, что он минимизирует структурный риск модели и способен предотвращать переобучение. Данный метод может быть использован для анализа временных рядов. Кластерный анализ может быть полезен как в отношении временных рядов (с применением метода Dynamic Type Wrapping), так и в отношении перекрестных многомерных данных (например, через методы Affinity Propagation или DBSCAN) с последующей визуализацией результатов.

Все перечисленные методы отличаются достаточно высокой робастностью, их модельный риск хорошо изучен и контролируется. Но самое главное — это их высокая точность, масштабируемость и универсальность, кроме того, они идеально подходят для анализа временных рядов, а метод вектора Шепли поможет определить значимость набора факторов для предсказания будущих значений зависимой переменной.

В качестве перспективных методов, которые могут дополнять или усиливать анализ рисков, можно обозначить агент-ориентированное моделирование, построение байесовских сетей, имитационное моделирование, вычислительное всеобщее равновесие (CGE).

Материалы и методы. Исследование проведено на составной базе данных¹, которая является совмещением так называемого «Penn World Table Productivity» Университета Гронингена и сырьевых индексов Центрального банка Канады. В данной базе данных представлены 27 африканских стран, в том числе: Марокко, Южная Африка, Танзания, Руанда, Эсватини, Того, Буркина-Фасо, Ангола, Тунис, Нигерия, Кения, Бурунди, Бенин, Намибия, Центральноафриканская Республика, Судан, Габон, Нигер, Сьерра-Леоне, Лесото, Мавритания, Сенегал, Маврикий, Ботсвана, Камерун, Зимбабве и Мозамбик. Период измерений: с 2000 по 2017 годы. Всего набор данных содержит 50 переменных, в том числе бинарную целевую переменную (факт рецессии в периоде). База данных содержит 486 измерений.

Оценка модели будет проводиться через так называемую перекрестную проверку: выборка делится на k частей; на $k - 1$ частях производится обучение модели, а над оставшейся частью осуществляется проверка. Для реализации метода перекрестной проверки нам потребуется модуль `sklearn.model_selection`. Мы разделили выборку на обучающую (70% наблюдений) и тестовую части. В свою очередь, обучающая часть была поделена на еще пять долей для целей перекрестной проверки.

Нами будут использованы два вида методов: деревья решений и кластеризация. Применение двух разных методов позволит проанализировать набор данных с разных сторон: как в целом, так и по его внутренней разнородности. Деревья решений предпочтительны в силу своей робастности и высокой объяснительной силы (есть возможность искать степень важности тех или иных переменных в модели).

Сама модель, выбранная для проведения исследования, — градиентный бустинг — относится к так называемым ансамблевым моделям машинного обучения. По существу, она является набором различных методов деревьев решений, объединенных для задач регрессии и классификации. Градиентный бустинг заложен как класс в модуле `sklearn.ensemble`.

Построение модели машинного обучения. Перед тем как применять данную модель, нужно решить две проблемы: несбалансированность классов и оптимизацию гиперпараметров модели (выбор оптимальных настроек модели машинного обучения). Под несбалансированностью классов понимают значительный перекос выборки в сторону какого-либо типа. В данной выборке лишь 7,82% экономик пережили рецессию. Таким образом, построение моделей по данной выборке без ее предварительной обработки чревато так называемым переобучением.

Для решения проблемы несбалансированности классов будет применен метод `oversampling` библиотеки `imblearn`. В сущности, рецессионные экономики будут продублированы в выборке некоторое количество раз, пока их доля не станет достаточно репрезентативной. Настройка гиперпараметров модели производится на основе алгоритма сетчатого поиска, который представляет собой полный перебор подмножества пространства параметров. В нашем случае выбрано подмножество следующей спецификации. Количество деревьев: (75, 100, 125, 150, 175); максимальная глубина дерева: (2, 3, 4), причем процесс трансформации выборки (`oversampling`) и ее кросс-валидация будут проводиться одновременно через так называемый `pipeline`. Каждая k -часть выборки будет преобразовываться и оцениваться последовательно, по образцу конвейера.

По итогам сетчатого поиска оптимальной спецификацией модели был признан лес из 75 деревьев с глубиной 2. Метрика кросс-валидации в таком случае составляет 0,462, а доля релевантных объектов (`recall score`) — 55,5%. Это можно считать хорошим результатом, поэтому следующий этап анализа — выявление важных переменных (поиск так называемых `feature importance`) методом перестановок; в качестве инспектируемой модели будет выбрана оптимальная модель, выбранная сетчатым поиском. На рисунке 1 отображены полученные результаты анализа важности факторов рецессии.

¹ African Country Recession Dataset (2000 to 2017) [Electronic resource]. URL: <https://www.kaggle.com/chirin/african-country-recession-dataset-2000-to-2017> (date accessed: 26.09.2023).

Таким образом, среди важных факторов оказались:

- rdana, внутреннее потребление в постоянных ценах;
- energy, уровень цен на энергоресурсы;
- cwtfp, общая производительность факторов по ППП;
- pl_c, уровень цен на потребительские блага;
- pl_n, уровень цен на капитальные блага;
- csh_g, доля государственных расходов в ВВП;
- gwtfrna, общая производительность факторов в постоянных ценах;
- agriculture_change, годовое изменение цен на продукты сельского хозяйства.

Интерпретация модели градиентного бустинга. Внутреннее потребление является важнейшим фактором, способным спровоцировать наступление рецессии в экономике (этот вывод соотносится с подходом к анализу бизнес-циклов Дж. Кейнса). По причине того, что потребление является крупнейшей компонентой агрегированного спроса, резкое снижение потребления домохозяйств влечет за собой пропорциональный рецессионный разрыв. Поскольку домохозяйства потребляют большую часть того, что зарабатывают, уровень доходов населения является важнейшей фундаментальной характеристикой при анализе макроэкономических рисков. В свою очередь, их доход зависит от уровня челове-

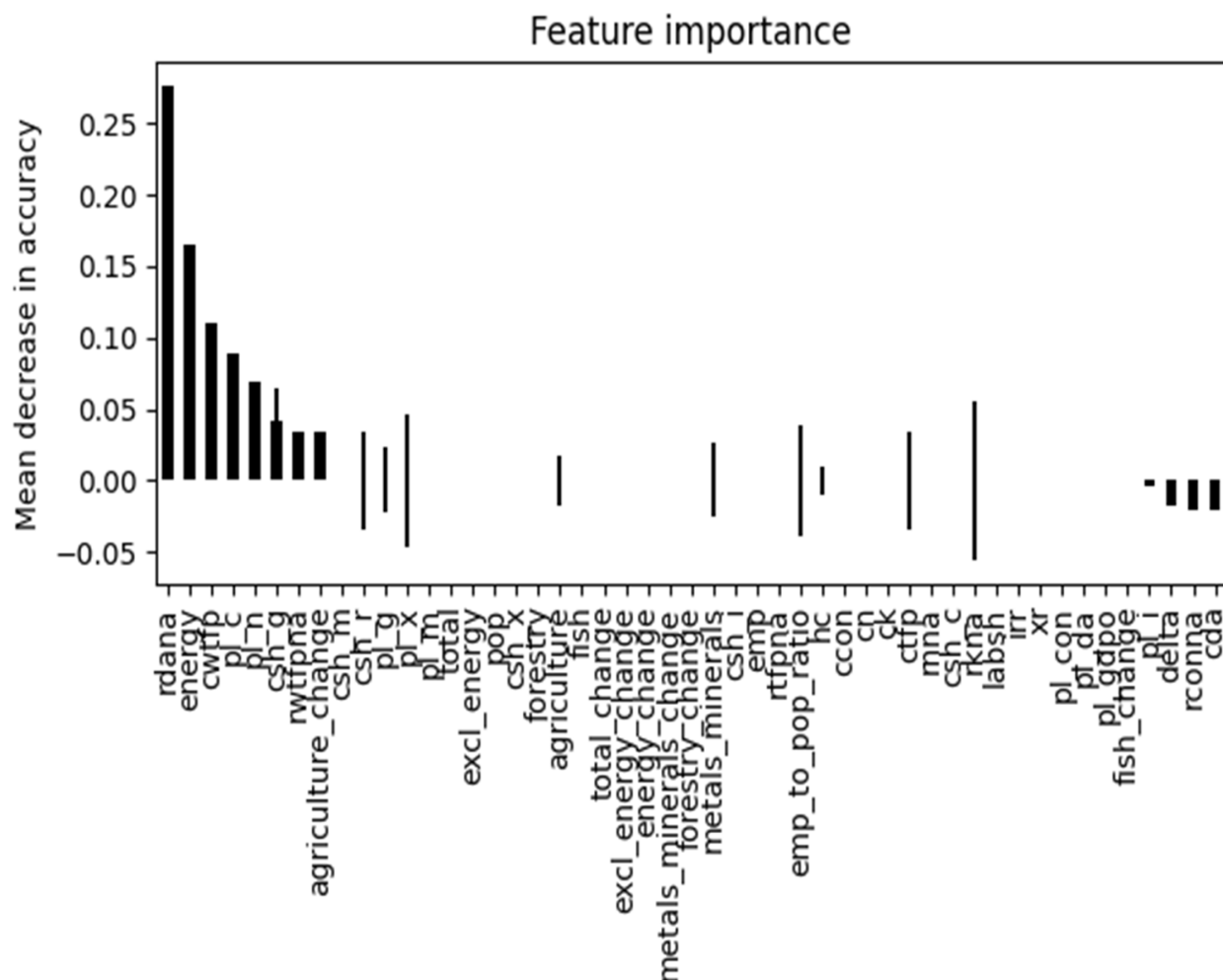

Рис. 1. Важные факторы наступления рецессии в экономике по степени убывания значимости²
Fig. 1. Important factors of the onset of recession in the economy according to the degree of decreasing importance

² Изображение получено автором с помощью библиотеки matplotlib на основе проведенных расчетов.

ческого капитала, доступного фирмам технологического множества, предоставления государством общественных благ и т.д. В африканских экономиках, как правило, существуют серьезные проблемы с данными фундаментальными параметрами макроэкономического равновесия, поэтому общая производительность факторов по ППП не может не являться важным фактором рецессии.

Цены на энергоресурсы имеют двойственную природу. Рост цен на топливо приводит к притоку валюты для одних экономик (Габон, Экваториальная Гвинея, Нигерия), но наносит серьезный удар по тем экономикам, которые не имеют соответствующей наделенности энергоресурсами (например, Ботсвана). То же относится и к индексу сельскохозяйственных продуктов. Африка, с ее стремительно увеличивающимся населением, как никогда ранее нуждается в импорте продуктов питания. Особенно это касается стран так называемого Магриба, то есть арабской Северной Африки.

Индексы цен на промышленные и потребительские блага важны, поскольку рост их стоимости может опережать рост ставок заработной платы. Это характерно для окружений, где недостаточно представлены профсоюзы и рабочие имеют маленькую переговорную силу. Как следствие — из-за роста стоимости корзин потребителей и производственных издержек сокращается совокупный спрос. Кроме того, правительству может потребоваться поднимать ключевую ставку, что еще сильнее затормозит экономический рост.

Доля государственных расходов в ВВП отражает готовность государства поставлять достаточный объем общественных благ. По причине того, что собираемость налогов в развивающихся странах может быть низкой (неэффективный госаппарат, значительный неформальный сектор), правительство может испытывать трудности с развитием инфраструктуры, обеспечением безопасности и т.д.

Таким образом, в итоге главными факторами, которые приводят экономику исследуемого региона к рецессии, являются динамика совокупного спроса и инфляция.

Построение модели кластеризации данных DBSCAN. Прежде чем проводить кластеризацию данных, нам необходимо их

стандартизировать. Этот процесс заключается в центрировании данных вокруг нуля, а также их масштабировании по мере стандартного отклонения. Эта предварительная операция является обязательной для применения разных методов анализа данных, в том числе и кластеризации. Для этого будет использован модуль `sklearn` под названием `preprocessing`.

Так называемый z -счет для каждого элемента выборки x рассчитывается по формуле:

$$z = (x - u) / s,$$

где u — средняя выборки и s — стандартное отклонение выборки.

Класс `StandardScaler` позволяет стандартизировать массив данных именно таким образом: через переход от набора сырых данных к набору z -счетов.

Наша следующая задача — перейти от 49 измерений (49 переменных) к максимально возможному для визуализации количеству (трём). В `sklearn` существует модуль `decomposition.PCA`, предназначенный для выполнения алгоритма метода главных компонент. В сущности, снижение размерности достигается через полное сингулярное разложение данных. Выбрав в качестве параметра три измерения, мы получаем три главных компонента, которые в сумме объясняют примерно 47,4% дисперсии данных. В таблице 1 приведены переменные (по 5 на каждый компонент), которые в наибольшей степени объясняют дисперсию данных (но это не значит, что они заменяют содержание компонента или что они — самые главные факторы).

Как хорошо видно из данных таблицы 1, первый компонент в целом отражает изменение уровня цен в разных сегментах национальных экономик. Второй компонент, в сущности, представляет собой сторону выпуска (учитывается только спрос резидентов). Третий компонент является разноплановым, поэтому его не представляется возможным свести к одной группе факторов. Тем не менее в этом компоненте можно обозначить капитальные услуги и долю инвестиций в ВВП как содержательно связанные между собой переменные. Другая сторона — доля государственных расходов в ВВП и индекс человеческого капитала.

Таким образом, мы подготовили почву для правильной кластеризации многомерных данных. Если бы мы пытались кластеризовать массив по всем 49 измерениям, то столкнулись бы с так называемым проклятием размерности (недостаточность размера выборки в сравнении с имеющимся набором переменных) и получили бы некорректные результаты анализа. На самом графике уже вырисовываются некоторые кластеры, однако видны и так называемые статистические выбросы.

Из иллюстрации становится ясно, что вновь полученный массив данных отличается чередованием плотных областей и относительно пустых пространств. Мы не хотим учитывать выбросы и также не уверены, что будущие кластеры будут сопоставимы по размеру, поэтому наиболее подходящим алгоритмом является DBSCAN (основанная

на плотности пространственная кластеризация для приложений с шумами). Для его реализации используются модуль `sklearn.cluster` и класс DBSCAN.

Согласно данному алгоритму, плотные участки трактуются как «ядра» кластера. Соответственно, кластер есть набор таких ядер плюс близко расположенные к ядрам элементы выборки. Выбросы при этом отсеиваются как «шум». Плотность ядра определяется параметрами «min_samples» (минимальное количество элементов в ядре) и «eps» (максимальное расстояние между соседними элементами); чем выше первый и ниже последний параметр, тем гуще потенциальное ядро. Мы выбрали min_samples равным 4 и eps равным единице — именно при таком наборе максимизируется одна из главных метрик кластеризации под названием «Silhouette score».

Таблица 1

Table 1

Важнейшие переменные в компонентах после разложения данных методом PCA³
The most important variables in the components after data decomposition by the PCA method

Компонент	Переменные	Объясняемая компонентом дисперсия
Первый (PC1)	— pl_gdpo: уровень цен ВВП; — pl_da: уровень цен спроса резидентов на конечные товары и услуги; — pl_con: уровень цен потребления домохозяйств и государства; — pl_c: уровень цен потребления домохозяйств; — pl_m: уровень цен импорта	22,66%
Второй (PC2)	— rconpa: потребление домохозяйств и государства в постоянных ценах; — rdana: спрос резидентов на конечные товары и услуги в постоянных ценах; — scon: потребление домохозяйств и государства в постоянных межстрановых ценах; — cda: scon + реальные инвестиции; — pop: численность населения	15,41%
Третий (PC3)	— rkna: капитальные услуги в постоянных ценах; — csh_i: доля валовых инвестиций в ВВП (по ППС); — fish: индекс цен на морепродукты; — csh_g: доля государственных расходов в ВВП (по ППС); — hc: индекс человеческого капитала	9,30%

³ Составлено автором на основе проведенных в ходе исследования расчетов.

Silhouette Coefficient — мера того, насколько некоторый объект в выборке похож на другие объекты своего кластера в сравнении с другими кластерами. Для всей выборки этот коэффициент будет представлять собой среднее от коэффициента всех объектов. Этот показатель измеряется от -1 до 1 и чем ближе он к единице, тем лучше кластеризация. Мы используем евклидову метрику как основу расчетов.

После применения DBSCAN 79 элементов выборки были отсеяны как шум. Таким образом, было кластеризовано 83,74% выборки. Silhouette score кластеризации составил 38,87%. На рисунке 2 представлены результаты кластерного анализа.

Интерпретация модели кластеризации данных DBSCAN. Основываясь на экономическом содержании главных компонент, мы можем охарактеризовать каждый кластер (таблица 2).

Монохромность графика приводит к необходимости обозначить каждый кластер

отличительным символом (маркером). Выбраны символы: круг, квадрат, треугольник и звезда (функционал модуля `matplotlib.markers` позволяет сделать это).

Удалив из массива все «шумы» и сгруппировав данные по кластерам, можно пристальнее взглянуть на каждый из них.

Первый кластер характеризуется самой низкой инфляцией во всей выборке. Экономике данной группы также обладают в среднем более крепкой валютой (что, естественно, связано с низкой инфляцией). Тем не менее в данной группе доля импорта товаров в структуре ВВП самая низкая. Также эти экономики являются самыми производительными (в аспекте так называемой общей продуктивности факторов производства, то есть технологий).

Второй кластер имеет примерно те же характеристики, однако инфляция в экономиках данного кластера выше. Примечательно, что оба кластера составлены из элементов выборки, которые приходятся на период низких цен на сырьевые ресурсы: 2000–2003 годы (следующий

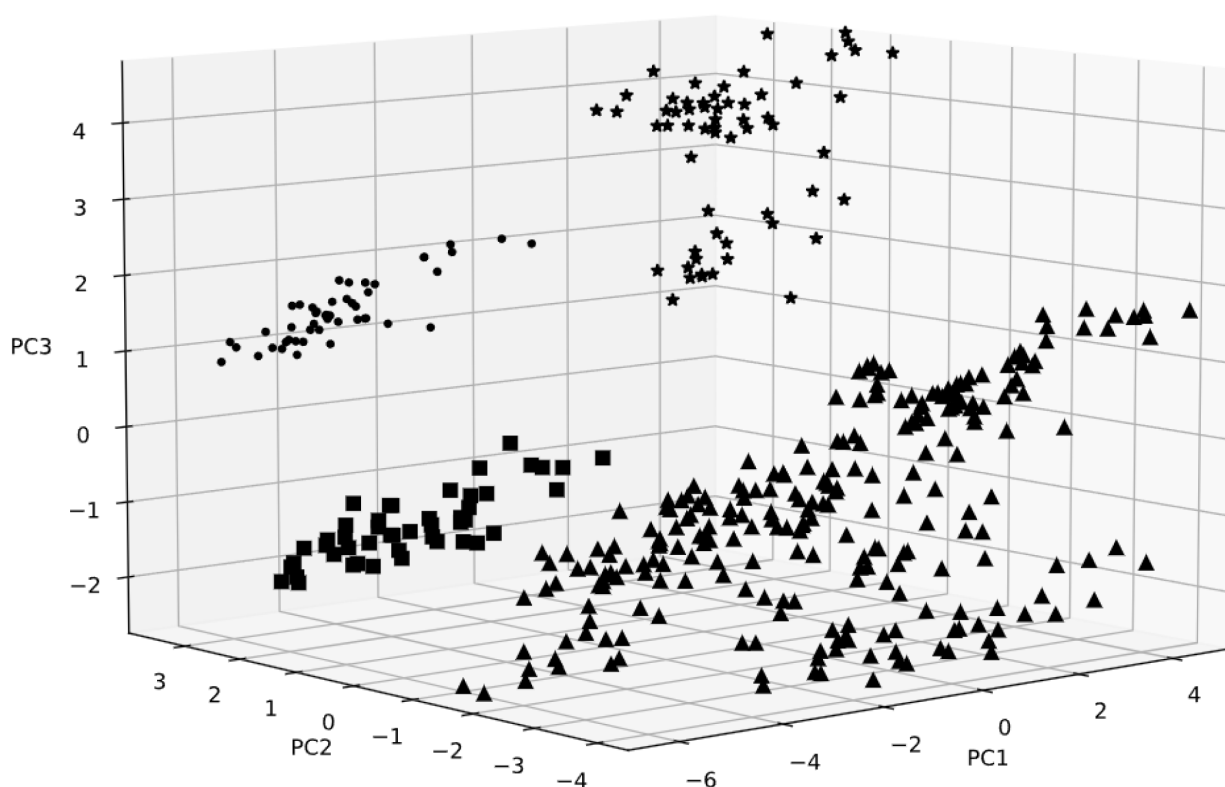

Рис. 2. Визуализация кластеризации данных методом DBSCAN⁴

Fig. 2. Visualization of data clustering by DBSCAN method

4 Изображение получено автором с помощью библиотеки `matplotlib` на основе проведенных расчетов.

ет вспомнить, что структура данных является панельной). Таким образом, алгоритм зафиксировал экономики африканского континента до наступления сырьевого бума. Примечательно, что в таких условиях экономики этого периода отличаются большей структурной стабильностью (ниже инфляция и торговый дефицит, выше производительность).

Третий кластер относится по преимуществу к 2009 и 2015–2016 годам. Оба периода являются кризисными: это и годы Великой рецессии, и, говоря о 2015–2016 годах, — время замедления китайской экономики и падения цен на нефть. Несмотря на лучшую конъюнктуру по сравнению с той, что была характерна для двух прошлых кластеров, экономики этой группы страдают от гораздо более высокой инфляции. Общая производительность факторов в этих экономиках ниже по сравнению с предыдущими группами: уровень технологий на африканском континенте, судя по данным, стагнирует. Валюты

в среднем являются более слабыми и заметно выше доля импорта товаров в ВВП. Можно констатировать увеличение торгового дефицита экономик данной группы. С другой стороны, доля инвестиций в ВВП, а также накопленный капитал стали выше.

Четвертый кластер в основном объединяет экономики сырьевого бума 2000-х годов. В целом он содержательно схож с третьим кластером. Четвертый кластер — самый гетерогенный из всех. В его состав входят как достаточно продвинутые экономики, так и периферийные по своей сложности. Отметим, что реальное потребление возросло в период бума на 51 %, накопленный капитал также вырос более чем в 2 раза. Значительные денежные потоки от продажи ресурсов и концессий должны были так или иначе способствовать инвестициям в сырьевые секторы экономики, а также пусть и неравному, но все же росту доходов (в особенности доходов работников данных отраслей). Но в любом случае, гово-

Таблица 2
 Table 2

Средние значения экономических метрик, характерных для каждого кластера⁵
Average values of economic metrics specific to each cluster

Кластер	Первый (круг)	Второй (квадрат)	Третий (треугольник)	Четвертый (звезда)
Элементов выборки	48	47	60	252
Доминирующий период	2000–2003		2009 и 2015–2016	2004–2008, 2014, 2017
Общая производительность факторов производства (США = 1)	45,82%	45,10%	40,34%	42,99%
Курс национальной валюты к доллару	437,11	430,8	569,39	508,45
Уровень цен (ППС деленный на валютный курс; уровень цен в США 2011 г. = 1)	26,55%	29,52%	42,28%	43,48%
Реальное потребление (в млн долл. США 2011 г.)	18208,61	17426,09	25669,71	27555,23
Доля инвестиций в ВВП (ППС)	16,27%	16,81%	22,55%	21,61%
Доля экспорта товаров в ВВП (ППС)	14,20%	14,46%	14,85%	16,80%
Доля импорта товаров в ВВП (ППС)	–17,38%	–17,44%	–26,19%	–25,67%
Индекс цен на сырьевые ресурсы (Банк Канады)	282,425	329,77	404,712	564,713
Запас капитала (млн долл. США 2011 г.)	49583,29	50794,93	108097,05	109861,64

⁵ Составлено автором на основе проведенных в ходе исследования расчетов.

ря о росте уровня потребления в Африке, мы должны обязательно учитывать его неравномерный характер — африканские экономики отличаются неравенством и коррупцией.

Из данной информации можно сделать следующие общие заключения. Кластеры сырьевого бума отличаются сниженной по сравнению с 2000–2003 годами производительностью факторов, вместе с тем значительно увеличен пропорциональный объем их товарного импорта. Это говорит о том, что в этот период усилилась структурная зависимость этих экономик, прежде всего перед развитым миром. С 2000–2003 годов заметно снизилась экономическая сложность африканских экономик (за некоторыми исключениями, вроде Туниса)⁶. Зная о том, что уровень технологий на континенте за все эти годы упал, можно сделать предположение об экстенсивном пути развития африканских стран. И учитывая ограниченные финансовые ресурсы этих экономик, можно также предположить, что их расширение происходило в основном за счет зарубежного корпоративного капитала.

Заключение. Кластеризация данных с таким большим количеством переменных достаточно проблематична, и, как было показано, три компонента не объясняют всю дисперсию, однако, тот результат, который был нами получен, можно назвать удовлетворительным, в том числе и с содержательной точки зрения. Таким образом, методы машинного обучения могут быть успешно использованы для анализа макроэкономического риска. Тем не менее правильно отметить, что такие исследования должны быть сопровождаемы анализом качественного характера.

Экономическая сложность является полезным оценочным средством в вопросах как генезиса странового риска, так и социоэкономической модернизации. Проблема сложности и развития рассматривалась еще теоретиками школы зависимости, однако экономический опыт показал необходимость более детального изучения социоэкономической модернизации [2]. Методы машинного обучения могут быть применены на уровне отраслей, чтобы показать взаимосвязи между уровнем цепочек создания ценности, социальным

и политическим их окружением, а также глобальной экономикой. Устойчивость страны перед системными шоками и ее связь с глобализованными цепочками поставок и финансовыми потоками — одна из интересных перспектив для дальнейших исследований.

Список источников

1. Baldwin R. The Great Convergence Information Technology and the New Globalization. Harvard University Press, 2016. 344 p. DOI: 10.2307/j.ctv24w655w.
2. Barrientos S., Gereffi G., Rossi A. Economic and Social Upgrading in Global Production Networks: A New Paradigm for a Changing World // International Labour Review. 2011. №150. Pp. 319–340. DOI: 10.1111/j.1564-913X.2011.00119.x.
3. Bouchet M.H. Managing Country Risk in an Age of Globalization / M.H. Bouchet, C.A. Fishkin, A. Goguel. Palgrave Macmillan, 2018. 527 p.
4. Dimitrescu E.I., Hué S., Hurlin C. et al. Machine Learning or Econometrics for Credit Scoring: Let's Get the Best of Both Worlds // SSRN Electronic Journal. 2020. 42 p. DOI:10.2139/ssrn.3553781.
5. Gereffi G. Global Value Chains and Development: Redefining the Contours of 21st Century Capitalism. Cambridge University Press, 2018. 494 p. DOI: 10.1017/9781108559423.
6. Goldin I. Risk and Complexity / I. Goldin, C. Kutarna // Finance and Development. 2017. №54(3). Pp. 46–49.
7. Marsland S. Machine Learning: An Algorithmic Perspective. Chapman and Hall: NY, 2014. 457 p. DOI: 10.1201/b17476.
8. Parvin H., Mehrshad A., Azizi, A. Big Data Approach to Firm Level Innovation in Manufacturing: Industrial Economics. Springer Singapore, 2020. 72 p. DOI: 10.1007/978-981-15-6300-3.
9. Pedregosa F.-Varoquaux et al. Scikit-learn: Machine Learning in Python // JMLR. 2011. №12. Pp. 2825–2830.
10. Wang C., Sen M., Yao B. et al. Harnessing Machine Learning Emerging Technology in Financial Investment Industry: Machine Learning Credit Rating Model Implementation // Journal

6 Observatory of economic complexity [Electronic resource]. URL: <https://oec.world/en> (date accessed: 26.09.2023).

of Financial Risk Management. 2021. №10(3). Pp. 317–341. DOI: 10.4236/jfrm.2021.103019.

References

1. Baldwin R. The Great Convergence Information Technology and the New Globalization. Harvard University Press, 2016. 344 p. DOI: 10.2307/j.ctv24w655w.
2. Barrientos S., Gereffi G., Rossi A. Economic and Social Upgrading in Global Production Networks: A New Paradigm for a Changing World // International Labour Review. 2011. №150. Pp. 319–340. DOI: 10.1111/j.1564-913X.2011.00119.x.
3. Bouchet M.H. Managing Country Risk in an Age of Globalization / M.H. Bouchet, C.A. Fishkin, A. Goguel. Palgrave Macmillan, 2018. 527 p.
4. Dimitrescu E.I., Hué S., Hurlin C. et al. Machine Learning or Econometrics for Credit Scoring: Let's Get the Best of Both Worlds // SSRN Electronic Journal. 2020. 42 p. DOI:10.2139/ssrn.3553781.
5. Gereffi G. Global Value Chains and Development: Redefining the Contours of 21st Century Capitalism. Cambridge University Press, 2018. 494 p. DOI: 10.1017/9781108559423.
6. Goldin I. Risk and Complexity / I. Goldin, C. Kutarna // Finance and Development. 2017. №54(3). Pp. 46–49.
7. Marsland S. Machine Learning: An Algorithmic Perspective. Chapman and Hall: NY, 2014. 457 p. DOI: 10.1201/b17476.
8. Parvin H., Mehrshad A., Azizi, A. Big Data Approach to Firm Level Innovation in Manufacturing: Industrial Economics. Springer Singapore, 2020. 72 p. DOI: 10.1007/978-981-15-6300-3.
9. Pedregosa F.-Varoquaux et al. Scikit-learn: Machine Learning in Python // JMLR. 2011. №12. Pp. 2825–2830.
10. Wang C., Sen M., Yao B. et al. Harnessing Machine Learning Emerging Technology in Financial Investment Industry: Machine Learning Credit Rating Model Implementation // Journal of Financial Risk Management. 2021. №10(3). Pp. 317–341. DOI: 10.4236/jfrm.2021.103019.

Статья поступила в редакцию 12.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 12.09.2023; approved after reviewing on 28.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Гриднев Данил Сергеевич — аспирант второго года обучения, кафедра «Информационная экономика», экономический факультет, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая садовая, 105/42

Danil S. Gridnev — Postgraduate Student of the second year of study, Department of Information Economics, Faculty of Economics, Southern Federal University.

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 332.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-137-146

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ВОЗДЕЙСТВИЯ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА РАЗВИТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМ

Александр Владимирович Ефимов^{1✉}, Светлана Александровна Тихоновскова²

^{1, 2}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹alefimov1977@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-3177-8045,

AuthorID РИНЦ: 1020875, AuthorID Scopus: 57331467500

²tihonovskova@yandex.ru, AuthorID РИНЦ: 567358, SPIN-код: 7820-0054

Аннотация. *Цель исследования* — анализ основных тенденций воздействия внешнеполитических факторов на развитие региональных экономических систем на примере современных международных экономических санкций и их влияния на социально-экономическое положение российских регионов.

Методологическую базу исследования составляют совокупность научных методов и приемов, позволивших осуществить научный анализ проблематики, связанной с воздействием внешнеполитических факторов на развитие региональных экономических систем, и включивших методологические положения системного, процессного, структурно-логического подходов, а также приемы системного исследования, сравнительного, экономического анализа.

Результаты исследования. В современной отечественной экономической науке не сформированы четкие подходы, определяющие конкретные критерии или показатели, отражающие характер воздействия международных санкций на региональное экономическое развитие. Соответственно, отсутствует и четкое понимание того, какие конкретно механизмы реализации политики федерального центра, направленной на развитие регионов, целесообразно использовать с целью сглаживания негативного влияния санкций на региональную экономику, поддержки наиболее пострадавшим от санкционного давления российским регионам. Последствия международных санкций в настоящее время фактически становятся своего рода испытанием для единства экономического пространства Российской Федерации. В сложившейся ситуации роль федерального правительства заключается в поддержке и стимулировании антисанкционных действий, осуществляемых на уровне субъектов РФ, определении основных направлений данной политики.

Перспективы исследования заключаются в возможности определения и практической реализации политики российского государства, направленной на противодействие современным международным санкциям и сглаживания негативного социально-экономического эффекта от их введения на региональном уровне.

Ключевые слова: экономика, рынок, инвестиции, инвестиционная активность, региональная экономика, региональная экономическая политика, региональное развитие, экономический агент, предпринимательство, региональная экономическая система, санкция, протекционизм, глобализация

Для цитирования: Ефимов А. В., Тихоновская С. А. Основные тенденции воздействия внешнеполитических факторов на развитие региональных экономических систем // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 137–146. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-137-146>.

Original article

THE MAIN TRENDS OF THE IMPACT OF FOREIGN POLICY FACTORS ON THE DEVELOPMENT OF REGIONAL ECONOMIC SYSTEMS

Alexander V. Efimov¹✉, Svetlana A. Tihonovskova²

^{1,2}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹alefimov1977@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-3177-8045,

AuthorID RSCI: 1020875, AuthorID Scopus: 57331467500

²tihonovskova@yandex.ru, AuthorID RSCI: 567358, SPIN-code: 7820-0054

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the main trends of the impact of foreign policy factors on the development of regional economic systems on the example of modern international economic sanctions and their impact on the socio-economic situation of Russian regions.*

The methodological basis of the research consists of a set of scientific methods and techniques that allowed to carry out a scientific analysis of the issues related to the impact of foreign policy factors on the development of regional economic systems, and included methodological provisions of systemic, process, structural and logical approaches, as well as methods of systematic research, comparative, economic analysis.

The results of the study. In modern domestic economics, there are no clear approaches that define specific criteria or indicators that reflect the nature of the impact of international sanctions on regional economic development. Accordingly, there is also no clear understanding of what specific mechanisms for the implementation of the federal center's policy aimed at the development of regions should be used to smooth out the negative impact of sanctions on the regional economy, to support the Russian regions most affected by the sanctions pressure. The consequences of international sanctions are now actually becoming a kind of test for the unity of the economic space of the Russian Federation. In the current situation, the role of the federal government is to support and stimulate anti-sanctions actions carried out at the level of the subjects of the Russian Federation, determining the main directions of this policy.

The prospects of the study lie in the possibility of defining and practical implementation of the policy of the Russian state aimed at countering modern international sanctions and smoothing the negative socio-economic effect of their introduction at the regional level.

Keywords: economy, market, investment, investment activity, regional economy, regional economic policy, regional development, economic agent, entrepreneurship, regional economic system, sanction, protectionism, globalization

For citation: Efimov A. V., Tihonovskova S. A. The main trends of the impact of foreign policy factors on the development of regional economic systems // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 137–146. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-137-146>.

Введение. Актуальность темы исследования, связанной с основными тенденциями воздействия внешнеполитических факторов на развитие региональных экономических систем, обусловлена тем обстоятельством, что в настоящее время Россия сталкивается с беспрецедентными международными экономическими санкциями, обусловленными причинами политического характера. В данном случае под санкциями следует понимать ограничительные меры, реализуемые отдельными зарубежными государствами и организациями, имеющие неправомерный характер и принимаемые в обход решений Совета безопасности Организации объединенных наций (ООН). Рассматриваемые меры включают в себя запреты на проведение операций финансового и торгового характера с рядом российских физических и юридических лиц (в первую очередь с крупными российскими компаниями), запрет хозяйственных отношений с отдельными секторами экономики (секторальные санкции), а также другие ограничения, включающие запрет на инвестиции в некоторые отрасли российской экономики, запрет на доступ к портам и т.д.

В специальных исследованиях отмечается, что подобного рода санкции отличаются от протекционистских торговых ограничений тем, в них присутствует ярко выраженная политическая составляющая, которая и выступает здесь в качестве основополагающей причины оказания экономического давления на государство, явившееся объектом указанного санкционного воздействия [6]. Несмотря на то обстоятельство, что в пакетах санкций так называемых недружественных государств, в числе которых преобладают страны Запада, принятых в отношении Российской Федерации, практически нет позиций, которые были бы ориентированы целенаправленно на отдельные российские регионы (исключением здесь могут служить Крым и Севастополь), рассматриваемые санкции не могут не оказывать воздействия на функционирование региональных экономических систем.

Методика. В рамках подготовки данной научной статьи авторами использовался в первую очередь аналитический метод, основывающийся на анализе данных официальной статистики федерального и реги-

онального уровней, нормативно-правовых актов, а также публикаций отечественных ученых по темам, смежным с исследованием. Авторы также опираются на методологические положения системного, процессного, структурно-логического подходов, приемы системного исследования, сравнительного, экономического анализа.

Результаты. Функционирование отечественной экономики на протяжении длительного периода базировалось на тесных взаимосвязях и взаимодействиях с зарубежными рынками, которые в том числе являлись важным источником роста самой экономики [1]. При этом Россия как большая страна отличается многочисленностью региональных экономик, характеризующихся непропорциональными связями с зарубежными рынками. Как подчеркивает Д.А. Изотов, так называемые экономические тренды на уровне регионов могут иметь существенные отличия от аналогичных тенденций на общенациональном уровне [4]. Вследствие значительного разнообразия региональных экономических систем в нашей стране цели их поступательного развития могут реализовываться как на основе государственной политики, направленной на поддержку регионов, так и посредством внешних источников, включающих зарубежные инвестиции и т.д. Сокращение этих инвестиций, а также взаимосвязей с зарубежными экономическими агентами не могли не повлиять на функционирование региональных экономических систем [8].

В то же время в научных статьях и докладах, посвященных анализу воздействия внешнеполитических факторов и в частности международных санкций на российскую экономику, преобладают исследования влияния данных факторов на отраслевую экономическую структуру. По мнению О.Б. Иванова и Е.М. Бухвальда, это отчасти объясняется тем, что отраслевые составляющие отрицательного воздействия санкционной политики на функционирование отечественной экономики является более ярко выраженными, их проще отследить и зафиксировать, нежели соответствующее влияние на «пространственное развитие» страны [3]. Наряду с этим, как показывает практика, государство может более оперативно отреагировать на секто-

ральные санкции, разработав и реализовав меры противодействия им применительно к отдельным отраслям экономики, нежели определить региональную специфику санкционного воздействия и принять соответствующие меры, направленные на поддержку наиболее пострадавшим от санкций регионов. В отечественной экономической науке в настоящее время, как отмечают О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд, крайне мало исследований, посвященных региональному измерению экономических санкций, принятых в отношении Российской Федерации в 2022–2023 гг. (среди работ подобного типа преобладают те, которые были посвящены санкциям 2014–2015 гг. и их последствиям) [3].

Особенность современных зарубежных санкций, введенных в отношении Российской Федерации, заключается в их длительном характере: в настоящее время очевидно, что данные санкции введены на достаточно длительный срок. Наряду с этим сохраняется существенный риск расширения объема и направлений санкционной политики. Это обуславливает необходимость разработки и практической реализации политики, направленной на противодействие санкциям и сглаживания негативного социально-экономического эффекта от их введения как на федеральном, так и на региональном уровнях. Очевидно, что рассматриваемое направление должно стать неотъемлемым элементом государственной политики, ориентированной на развитие российских регионов и включающей в первую очередь дополнительную поддержку наиболее пострадавшим от санкционной политики регионам со стороны федерального центра. Последствия международных санкций в настоящее время фактически становятся своего рода испытанием для единства экономического пространства Российской Федерации. В сложившейся ситуации роль федерального правительства заключается в поддержке и стимулировании антисанкционных действий, осуществляемых на уровне субъектов РФ, определении основных направлений данной политики.

Практически речь здесь идет, как справедливо полагают О.Б. Иванов и Е.М. Бухвальд, о новом компоненте «в практике государственной политики регионального развития» [3, с. 14]. Настоящее основное содержание данной политики отражено в двух нормативно-правовых актах федерального уровня: «Основы государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Указ Президента Российской Федерации от 16 января 2017 года №13) и «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» (Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13 февраля 2019 года №207-р)¹.

Анализ норм, закрепленных в указанных документах, показывает, что они не содержат необходимых целевых указаний, которые могут быть использованы для того, чтобы оперативно адаптировать государственную региональную политику, включающую стратегию регионального и пространственного развития страны к подобной негативной ситуации, которую мы наблюдаем после введения международных санкций и усиления внешнего воздействия на функционирование отечественной экономики. В настоящее время в науке не сформированы четкие подходы, определяющие конкретные критерии или показатели, отражающие характер воздействия международных санкций на региональное экономическое развитие. Соответственно, отсутствует и четкое понимание того, какие конкретно механизмы реализации политики федерального центра, направленной на развитие регионов, целесообразно использовать с целью сглаживания негативного влияния санкций на региональную экономику, поддержки наиболее пострадавшим от санкционного давления российским регионам.

В данном случае речь идет об обеспечении экономической безопасности страны, под которой понимается «состояние защищенности национальной экономики от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются экономический сувере-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 16.01.2017 г. №13 «Об утверждении Основ государственной политики регионального развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: www.government.ru/docs/all/110051/ (дата обращения: 18.08.2023); Распоряжение Правительства Российской Федерации от 13.02.2019 г. №207-р «Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года» [Электронный ресурс]. URL: www.static.government.ru/media/files/ (дата обращения: 19.08.2023).

нитет страны, единство ее экономического пространства, условия для реализации стратегических национальных приоритетов Российской Федерации» (Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года»)². При этом необходимо учитывать то обстоятельство, что экономическая безопасность России в целом складывается из показателей экономической безопасности отдельных регионов страны [12]. В контексте государственной политики, направленной на обеспечение экономической безопасности страны в целом и отдельных регионов, необходимо учитывать, что современные зарубежные санкции в значительной мере усугубляют те угрозы экономической безопасности и долговременные проблемы отечественной экономики, которые существовали до начала специальной военной операции на Украине и последующего введения санкций. В специальных исследованиях в числе таких угроз выделяются, в частности, «низкие темпы экономического роста, высокая зависимость от энергосырьевого сектора, технологическая отсталость индустриального сектора, недостаток инвестиций, отток капитала из страны, низкая инновационная активность, несбалансированность бюджетной системы, высокий уровень территориальной дифференциации» и т.д. [9, с. 70].

Реализующееся с февраля 2022 г. санкционное давление на Российскую Федерацию затрагивает преимущественно финансовый сектор экономики, предприятия топливно-энергетического комплекса (ТЭК), машиностроение и некоторые другие отрасли. Так, в качестве одного из ключевых направлений санкционного давления на российскую экономику со стороны недружественных государств стал постепенный отказ от закупок продукции топливно-энергетического комплекса (данная ситуация также опасна тем, что создает реальную угрозу для исполнения федерального бюджета, поскольку в 2021 г., к примеру, 36 % бюджетных доходов составили доходы от продажи продукции нефтегазовых компаний). В то же вре-

мя, по оценкам экспертов, представляющих Уральское отделение Российской академии наук, последствия введения международных санкций на бюджетные показатели являются неоднозначными: экономическая дестабилизация в большей степени проявилась в так называемых регионах-донорах, имеющих более обеспеченную экономику, в то время как в дотационных регионах (в первую очередь тех, которые получают в бюджет более 50 % безвозмездных поступлений) замедление экономического развития, проявляющееся в уменьшении ВРП и снижении уровня деловой активности, происходит не так явно. Однако, как подчеркивают уральские эксперты, негативные эффекты от введения санкций не могли не оказать соответствующего воздействия на функционирование региональных экономических систем. В числе данных эффектов основное значение имели разрушение связей торгового, производственного, логистического характера, уход ряда зарубежных компаний с российского рынка, введение ряда ограничений на экспорт многих групп товаров и т.д. [9]. Научные расчеты свидетельствуют о сохранении значительно уровня неоднородности в экономическом развитии различных субъектов Российской Федерации; вследствие введения санкций в региональных экономических системах проявились те проблемы, которые существовали там и до начала 2022 г. (иными словами, произошло наложение новых проблем на проблемы старые и нерешенные) [2].

Одним из наиболее явных последствий введения международных санкций на отечественную экономику стало падение промышленного производства: в наибольшей степени производственный спад затронул такие субъекты РФ, как Калининградская область, Камчатский край, Калужская область, Республика Марий Эл, а определенные кризисные явления коснулись, соответственно, Костромской, Курской, Орловской, Новгородской, Самарской, Ульяновской, Кемеровской областей и Республики Хакасия (в указанных регионах основной причиной кризисных явлений явился уход с отечественного рынка

² Указ Президента РФ от 13 мая 2017 г. №208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» [Электронный ресурс]. URL: www.kremlin.ru/acts/bank/41921 (дата обращения: 20.08.2023).

иностранных компаний). В целом отрицательная динамика в области промышленного производства в результате санкционного давления обозначилась примерно в половине всех регионов, причем наиболее серьезные потери испытали те из них, чья экономика была в значительной степени связана с автомобилестроением и металлургическим сектором (так, значительная доля автопрома характерна для экономики Калужской и Калининградской областей, и именно эти регионы закономерно попали в число наиболее пострадавших). Еще более негативные результаты, по сравнению с промышленным производством, показал сектор розничной торговли: здесь оборот в 2022 г сократился на 6,7% вследствие падения объемов потребления товаров, произошедшего по причине спада доходов значительной части населения страны. Ситуация в области торговли была значительно усугублена уходом с российского рынка ряда крупных производителей автомобилей, представляющих известные мировые бренды, что привело к сокращению объемов продаж продукции автопрома (спад в области розничной торговли произошел в 71 регионе, причем наиболее сильно оборот сократился в крупных регионах, отмеченных высокой концентрацией крупных автодилеров, торговых центров и т.д.) [10].

Более позитивно, в сравнении с промышленным производством и розничной торговлей, выглядит ситуация в сфере платных услуг: в частности в 2022 г. их объем вырос на 3,6% (в то же время это увеличение, вероятно, обусловлено повышением тарифов на жилищно-коммунальные услуги и индексацией стоимости транспортных услуг). В качестве одной из наиболее динамично развивающихся отраслей отечественной экономики в 2022 г. выступило сельское хозяйство: данная отрасль продемонстрировала рост на 10,2%, что явилось следствием рекордного урожая зерна и ряда других культур. Здесь положительные результаты были достигнуты более чем в 70 регионах. В целом регионы с ярко выраженной сельскохозяйственной специализацией продемонстрировали высокую устойчивость к санкционному давлению (в наибольшей степени объемы производства сельскохозяйственной продукции выросли в Курганской, Оренбургской, Саратовской об-

ластях, а также в Республике Башкортостан). Положительный результат также показала строительная отрасль (5,2%), несмотря на то что в начале года экспертами делались пессимистические прогнозы относительно развития данной отрасли (здесь положительную роль сыграла низкая ставка по льготной ипотеке, в результате чего для части населения приобретение недвижимости стало, по сути, единственным способом сохранения своих сбережений) [5].

Введение международных санкций, как уже отмечалось выше, имело следствием структурную перестройку экономику, которая в свою очередь способствовала изменениям на рынке труда. Так, в частности, на тех предприятиях, которые в наибольшей степени пострадали от санкционного давления, произошло сокращение объемов производства, в результате чего здесь возникла необходимость в переводе части работников на режим неполной занятости. Отток большого количества трудоспособных граждан, в том числе квалифицированных специалистов, за рубеж после начала специальной военной операции и объявления частичной мобилизации имел закономерным следствием сокращение высококвалифицированной рабочей силы в российских регионах. В некоторых регионах возник определенный кадровый дефицит: так, после введения частичной мобилизации произошло сокращение числа претендентов на ряд вакансий. Все это в итоге привело к снижению безработицы до исторического для нашей страны минимума (3,7%) [7].

Если анализировать влияние внешнеполитических факторов в виде международных санкций на развитие конкретных региональных экономических систем, можно констатировать неоднозначный характер данного воздействия. Так, Ростовская область, например, не относится к числу регионов, которые в наибольшей степени пострадали от санкционного воздействия. Тем не менее обращение к статистическим данным, отражающим динамику развития экономики данного региона, позволяет выделить ряд эффектов от введенных санкций. В соответствии с данными, предоставленными Министерством экономического развития Ростовской области, в начале 2023 г. было отмечено некоторое

замедление динамики в отдельных сегментах экономики по сравнению с аналогичным прошлогодним периодом: так, объем промышленного производства, например, снизился на 11,3%. В сфере розничной торговли обозначилось определенное восстановление: замедление оборота здесь составило всего 0,8%. При этом в регионе был отмечен рост объема сельскохозяйственного производства (12,5), строительства (95,2%), общественно-го питания (60,3%), платных услуг населению (9,8%). В соответствии с утвержденным среднесрочным прогнозом социально-экономического развития области в 2023 году предстоит обеспечить увеличение ВРП на 1,1% по сравнению с 2022 годом. Сделать это планируется за счет наращивания объемов производства в ключевых отраслях экономики: в промышленности — на 3,7%, в том числе обрабатывающей — на 4,5%, строительстве жилья — на 7,4%. Помимо этого, ставятся задачи увеличить объемы розничной торговли на 2,7%, общепита — на 2,2%, сектора платных услуг — на 3%³.

Несмотря на то, что в Ростовской области 81 компания подверглась санкциям со стороны иностранных государств, находящиеся на территории региона предприятия с иностранными инвестициями все же сумели перестроиться и не остановить производственный процесс, такое же стабильное функционирование характерно и для российских заводов и фабрик. Значительный рост в регионе был зафиксирован в области производства транспортных средств (более чем на 50%), компьютеров, электронных изделий (18%), химических продуктов (12%). Как показывает анализ статистических данных по экономике Ростовской области, доля видов деятельности, по которым сохранилась положительная динамика роста производства, составляет порядка 60%⁴. Анализ статистических данных свидетельствует о том, что значительная часть функционирующих в Ростовской области предприятий продолжает не просто успешно работать, но и развиваться: данная тенденция является, по мнению экспертов, результатом как созданных ранее заделов,

так и следствием реализации комплекса мер государственной поддержки, реализуемой на федеральном и региональном уровнях. В сложившейся ситуации одной из основных задач, стоящих перед экономикой региона, является привлечение инвестиций. Рост инвестиций характеризуется непосредственной связью с увеличением ВРП: он напрямую влияет на увеличение объемов производства, налоговых поступлений в бюджет, создание новых рабочих мест, повышение уровня и качества жизни в регионе и т.д.

В условиях жесткого внешнеэкономического давления на страну для потенциальных инвесторов должны быть созданы максимально благоприятные и привлекательные условия. Также в качестве мощных стимулов деловой и инвестиционной активности региона призваны выступать бюджетные инвестиции в инфраструктуру и социальную сферу. Помимо этого, важной задачей является стимулирование развития малого и среднего предпринимательства, оказание всесторонней поддержки функционирующему в области бизнесу. Согласно экспертным оценкам, наибольшим потенциалом в перечне анти-санкционных мероприятий на региональном уровне обладают «федеральные субсидии на обслуживание кредитов, направленных на увеличение объемов реализации продукции и повышение конкурентоспособности предприятий» [11, с. 18]. В качестве других мер, призванных способствовать развитию региональной экономики в условиях санкционного давления, экспертами, представляющими государственную власть, бизнес и научное сообщество, были выделены «федеральные субсидии на разработку и организацию производства новых видов продукции, модернизацию линейки выпускаемой продукции и стимулирование спроса российской промышленной продукции». Представители бизнеса также указывают в числе важных мер регионального уровня «субсидии организациям, реализующим особо значимые инвестиционные проекты, и региональные льготы по налогообложению малого и среднего предпринимательства» [11, с. 19–20].

3 Основные социально-экономические показатели развития Ростовской области по итогам 2022 г. [Электронный ресурс]. URL: donland.ru/result-report/1734/ (дата обращения: 20.08.2023).

4 Там же.

В качестве сдерживающего фактора на пути более эффективного развития промышленного производства выступает нехватка трудовых ресурсов на предприятиях региона. Вследствие наличия дефицита трудовых ресурсов у предприятий возникают объективные трудности по выходу на полную производственную мощность. Улучшению ситуации в этом направлении в настоящее время способствует работа по организации профессиональной ориентации обучающихся общеобразовательных организаций: в Ростовской области, в частности, эта работа осуществляется в рамках комплексного плана мероприятий по развитию системы профессиональной ориентации населения региона на период до 2030 года.

Заключение. Прделанный авторами анализ основных тенденций воздействия внешнеполитических факторов на развитие региональных экономических систем на примере современных международных экономических санкций позволил выделить основные направления этого воздействия и определить меры, призванные противодействовать санкционному давлению и сглаживать негативный социально-экономический эффект от введения санкций на региональном уровне. Как было показано в работе, отечественная экономика в течение длительного периода функционировала на основе тесных взаимосвязей и взаимодействий с зарубежными рынками; особенность России при этом заключается в многочисленности региональных экономик, характеризующихся наличием непропорциональных связей с зарубежными рынками. По этой причине сокращение данных инвестиций, а также взаимосвязей с зарубежными рынками правомерно рассматривать в качестве негативных последствий международного санкционного давления на региональные экономические системы. К числу негативных эффектов от введения санкций могут быть отнесены, в частности, разрушение связей торгового, производственного, логистического характера, уход ряда зарубежных компаний с российского рынка, введение ряда ограничений на экспорт многих групп товаров и т.д.

В тексте было отмечено, что в отечественной науке вплоть до настоящего времени отсутствуют четкие подходы, определяющие

характер воздействия международных санкций на региональное экономическое развитие. Данное обстоятельство имеет неизбежным следствием отсутствие четкого понимания того, какие конкретно механизмы реализации политики федерального центра, направленной на развитие регионов, целесообразно использовать с целью сглаживания негативного влияния санкций на региональную экономику, поддержки наиболее пострадавшим от санкционного давления российским регионам. На примере Ростовской области было показано, что в настоящее время одной из основных задач, стоящих перед экономикой этого и других регионов, является привлечение инвестиций, поскольку рост последних оказывает непосредственное воздействие на объемы производства, уровень налоговых поступлений, создание новых рабочих мест, повышение качества жизни и другие показатели. Жесткое внешнеэкономическое давление обуславливает необходимость создания максимально благоприятных и привлекательных условий для потенциальных инвесторов. В целях стимулирования деловой активности целесообразно увеличить бюджетные инвестиции в инфраструктуру и социальную сферу, оказывать всестороннюю поддержку малому и среднему предпринимательству. Развитию последних также могут способствовать федеральные субсидии на разработку и организацию производства новых видов продукции, субсидии организациям, реализующим особо значимые инвестиционные проекты, и региональные льготы по налогообложению малого и среднего предпринимательства.

Список источников

1. Воронов А. А., Ильенкова К. М., Сюнь Б. Международные санкции как фактор формирования и развития региональных потребительских рынков Российской Федерации // *Экономические науки*. 2023. №1(218). С. 10–17.
2. Гринкевич Д. Как санкции повлияли на бюджеты регионов // *Ведомости*. 15 марта 2023 г.
3. Иванов О. Б., Бухвальд Е. М. Санкции и контрмеры в российской экономике (региональный аспект) // *Этап: экономическая теория, анализ, практика*. 2022. №4. С. 7–27.

4. Изотов Д. А. Влияние внешнеэкономической деятельности на экономический рост регионов России // Экономика региона. 2018. Т. 14. Вып. 4. С. 1450–1462.

5. Основные показатели социально-экономического положения субъектов Российской Федерации в 2022 г. // Российская газета. Федеральный выпуск: №66(9011). 29 марта 2023 г.

6. Печаткин В. В. Влияние санкционной политики стран Запада на социально-экономическое развитие регионов России // Вестник Уфимского научного центра РАН. 2022. №4. С. 91–100.

7. Пучков Д. Почему безработица в России достигла исторического минимума // Российская газета. Федеральный выпуск: №83(9028). 18 апреля 2023 г.

8. Растворцева С. Н. Основные направления влияния внешнеэкономических факторов на развитие регионов // Российское предпринимательство. 2015. Т. 16. №23. С. 4193–4198.

9. Риски и возможности развития регионов России в условиях санкционного давления / Под ред. д-ра экон. наук Ю. Г. Лавриковой. Российская академия наук, Уральское отделение. Екатеринбург: Институт экономики УрО РАН, 2022. 644 с.

10. Тирских Т., Галиева Г. Проверка на прочность: региональные бюджеты и экономика под натиском санкций // Эксперт. 2023. №3. С. 1–17.

11. Трещевский Ю. И., Кособуцкая А. Ю., Опойкова Е. А. Прогнозирование влияния антисанкционных мер экономической политики на экономику региона // Современная экономика: проблемы и решения. 2022. №8(152). С. 8–25.

12. Ускова Т. В. Ключевые угрозы экономической безопасности России // Проблемы развития территории. 2019. №1(99). С. 7–16.

References

1. Voronov A. A., Il'enkova K. M., Sjun' B. Mezhdunarodnye sankcii kak faktor formirovaniya i razvitiya regional'nyh potrebitel'skih rynkov Rossijskoj Federacii [International sanctions as a factor in the formation and development of regional consumer markets of the Russian Federation]. *Jekonomicheskie nauki [Economic sciences]*. 2023; 1(218): 10–17. (In Russ.).

2. Grinkevich D. Kak sankcii povlijali na bjudzhety regionov [How sanctions affected regional budgets]. *Vedomosti*. 15 marta 2023 g. (In Russ.).

3. Ivanov O. B., Buhval'd E. M. Sankcii i kontrmery v rossijskoj jekonomike (regional'nyj aspekt) [Sanctions and countermeasures in the Russian economy (regional aspect)]. *Jetap: jekonomicheskaja teorija, analiz, praktika [Stage: economic theory, analysis, practice]*. 2022; (4): 7–27. (In Russ.).

4. Izotov D. A. Vlijanie vneshnejekonomicheskoj dejatel'nosti na jekonomicheskij rost regionov Rossii [The impact of foreign economic activity on the economic growth of Russian regions]. *Jekonomika regiona [The economy of the region]*. 2018; 14(4): 1450–1462. (In Russ.).

5. Osnovnye pokazateli social'no-jekonomicheskogo polozhenija sub'ektov Rossijskoj Federacii v 2022 g. [The main indicators of the socio-economic situation of the subjects of the Russian Federation in 2022]. *Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk: №66(9011)*. 29 marta 2023 g. (In Russ.).

6. Pechatkin V. V. Vlijanie sankcionnoj politiki stran Zapada na social'no-jekonomicheskoe razvitija regionov Rossii [Influence of the sanctions policy of Western countries on the socio-economic development of the regions of Russia]. *Vestnik Ufmskogo nauchnogo centra RAN [Bulletin of the Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences]*. 2022; (4): 91–100. (In Russ.).

7. Puchkov D. Pochemu bezrabotica v Rossii dostigla istoricheskogo minimuma [Why unemployment in Russia has reached a historic low]. *Rossijskaja gazeta. Federal'nyj vypusk: №83(9028)*. 18 aprelja 2023 g. (In Russ.).

8. Rastvorceva S. N. Osnovnye napravlenija vlijanija vneshnejekonomicheskikh faktorov na razvitie regionov [The main directions of the influence of foreign economic factors on the development of regions]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo [Russian Entrepreneurship]*. 2015; 16(23): 4193–4198. (In Russ.).

9. Riski i vozmozhnosti razvitiya regionov Rossii v uslovijah sankcionnogo davlenija [Risks and opportunities for the development of Russian regions under sanctions pressure]. Pod red. d-ra jekon. nauk Ju. G. Lavrikovoj [In Yu. G. Lavrikova (eds.)]. *Rossijskaja akademija nauk, Ural'skoe otdelenie. Ekaterinburg: Institut jekonomiki UrO RAN*, 2022. 644 p. (In Russ.).

10. Tirskih T., Galieva G. Proverka na prochnost': regional'nye bjudzhet i jekonomika pod natiskom sankcij [A test of strength: regional budgets and the economy under the onslaught of sanctions]. *Jekspert [Expert]*. 2023; (3): 1–17. (In Russ.).

11. Treshhevskij Ju. I., Kosobuckaja A. Ju., Opojko E.A. Prognozirovanie vlijanija anti-sankcionnyh mer jekonomicheskoy politiki na jekonomiku regiona [Forecasting the impact of

anti-sanctions measures of economic policy on the economy of the region]. *Sovremennaja jekonomika: problemy i reshenija [Modern Economy: problems and solutions]*. 2022; 8(152): 8–25. (In Russ.).

12. Uskova T.V. Kljuchevye ugrozy jekonomicheskoy bezopasnosti Rossii [Key threats to Russia's economic security]. *Problemy razvitija territorii [Problems of territorial development]*. 2019; 1(99): 7–16. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 19.08.2023; одобрена после рецензирования 12.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 19.08.2023; approved after reviewing on 12.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Ефимов Александр Владимирович — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alexander V. Efimov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Тихоновская Светлана Александровна — кандидат экономических наук, доцент Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Svetlana A. Tihonovskaya — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья
УДК 334.012.4
DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-147-161

АГЕНТ-ОРИЕНТИРОВАННАЯ МОДЕЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННЫМИ ОБЪЕДИНЕНИЯМИ В АРХИТЕКТУРЕ ИНДУСТРИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ ЮГА РОССИИ

*Екатерина Валерьевна Каплюк¹✉, Кристина Сергеевна Руднева²,
Ольга Игоревна Долгова³*

¹*Южный федеральный университет, Таганрог, Россия*

^{2,3}*Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия*

¹*ekapluk@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0001-5768-6486, AuthorID РИНЦ: 734947*

²*legostaeva@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7487-0055, AuthorID РИНЦ: 882615*

³*oldolgora@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-2684-2295, AuthorID РИНЦ: 1084620*

Аннотация. *Цель исследования* — разработка и апробация агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями в архитектуре индустриального развития Юга России. Региональный промышленный комплекс является сложной системой, в состав которой включено большое число участников — агентов различного уровня, что предопределило необходимость разработки указанной модели с последующей апробацией и позволило сформировать модельное представление о возможностях трансформации бизнес-моделей промышленных объединений Юга России в рамках циркулярной парадигмы.

Методологическая база исследования сформирована на базовых принципах циркулярной экономики, теории инноваций, концепции устойчивого развития. Агент-ориентированное моделирование выступает основным методом, применяемым для моделирования управления промышленными объединениями на основе разработанных прогнозных сценариев изменения бизнес-моделей (инерционный, прогрессивный, регрессивный сценарии) с учетом специализации и ресурсной составляющей. При реализации задач исследования использовались сравнительный метод, нормативный подход, документальное наблюдение, сценарное моделирование.

Результаты исследования. В настоящее время происходит масштабная перестройка экономической системы, в основе которой должна лежать опора на собственные силы, что позволит сформировать потенциал устойчивого развития. Возрастает актуальность идентификации точек устойчивого роста региональной промышленности, в качестве которых в рамках настоящего исследования рассматриваются промышленные объединения, обладающие наибольшим потенциалом перехода к циркулярным бизнес-моделям. При этом в прикладной науке в настоящий момент отсутствует действенный инструментарий, позволяющий идентифицировать промышленные объединения в индустриальном секторе региона, идентифицировать их бизнес-модели и определить возможности их трансформации. В соответствии с этим авторами предложена этапность моделирования трансформации бизнес-моделей промышленных объединений, представлены результаты по обозначенным этапам, что в итоге позволило провести апробацию агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями на примере промышленного комплекса Юга России, получить количественное распределение про-

мышленных объединений, бизнес-модели которых модельно могут трансформироваться в рамках разработанных сценариев. Авторами формализована процедура принятия решения об изменении бизнес-модели промышленного объединения с учетом его цели, а также с учетом региональных приоритетов в части инновационного и циркулярного развития (задаваемыми агентом-властью).

Перспективы исследования заключаются в верификации разработанного инструментария на примере регионов Центральной России, а также расширении типологии и присвоении параметров видам бизнес-моделей с целью получения точечной рекомендации по трансформации бизнес-моделей промышленных объединений.

Ключевые слова: промышленный комплекс, промышленное объединение, агент-ориентированная модель, сценарное моделирование, имитационное моделирование, апробация

Для цитирования: Каплюк Е. В., Руднева К. С., Долгова О. И. Агент-ориентированная модель управления промышленными объединениями в архитектуре индустриального развития Юга России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 147–161. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-147-161>.

Благодарности: исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук №МК-1478.2022.2 «Бизнес-модели управления промышленными объединениями в условиях циркулярной экономики».

Original article

AGENT-BASED MODEL OF MANAGEMENT OF INDUSTRIAL ASSOCIATIONS IN THE ARCHITECTURE OF INDUSTRIAL DEVELOPMENT OF THE SOUTHERN OF RUSSIA

Ekaterina V. Kaplyuk¹✉, Kristina S. Rudneva², Olga I. Dolgova³

¹*Southern Federal University, Taganrog, Russia*

^{2,3}*Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia*

¹*ekaplyuk@sfedu.ru✉, ORCID: 0000-0001-5768-6486, AuthorID RSCI: 734947*

²*legostaeva@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-7487-0055, AuthorID RSCI: 882615*

³*oldolgova@sfedu.ru, ORCID: 0000-0002-2684-2295, AuthorID RSCI: 1084620*

Abstract. *The purpose of the study is to develop and test an agent-based model for managing industrial associations in the architecture of industrial development of the South of Russia. The regional industrial complex is a complex system, which includes a large number of participants — agents of various levels, which predetermined the need to develop this model with subsequent testing, which made it possible to form a model idea of the possibilities of transforming business models of industrial associations in the South of Russia within the framework of the circular paradigm.*

The methodological basis of the study is formed on the basic principles of the circular economy, the theory of innovation, and the concept of sustainable development. Agent-based modeling is the main method used to model the management of an industrial association, based on developed forecast scenarios for changing the business model (inertial, progressive, regressive scenarios)

taking into account the specialization and resource component of the functioning of industrial associations. When implementing the research objectives, a comparative method, a normative approach, documentary observation, and scenario modeling were used.

Research results. Currently, a large-scale restructuring of the economic system is taking place, which should be based on self-reliance, which will create the potential for sustainable development. The relevance of identifying points of sustainable growth of regional industry is increasing, which in the framework of this study are considered industrial associations that have the greatest potential for the transition to circular business models. At the same time, applied science currently lacks effective tools that would allow identifying industrial associations in the industrial sector of the region, identifying their business models and determining the possibilities of their transformation. In accordance with this, the authors proposed a staged model for modeling the transformation of business models of industrial associations, presented the results for the designated stages, which as a result made it possible to test an agent-based model for managing industrial associations using the example of the industrial complex of the South of Russia, to obtain a quantitative distribution of industrial associations, business models of which can be transformed within the framework of the developed scenarios. The authors formalized the procedure for making a decision to change the business model of an industrial association, taking into account its purpose, as well as taking into account regional priorities in terms of innovative and circular development (set by the agent-authority).

The prospects for the research lie in the verification of the developed tools using the example of the regions of Central Russia, as well as the expansion of the typology and assignment of parameters to types of business models in order to obtain targeted recommendations for the transformation of business models of industrial associations.

Keywords: industrial complex, industrial association, agent-based model, scenario modeling, simulation modeling, testing

For citation: Kaplyuk E. V., Rudneva K. S., Dolgova O. I. Agent-based model of management of industrial associations in the architecture of industrial development of the Southern of Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 147–161. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-147-161>.

Acknowledgments: the study was carried out within the framework of the implementation of the grant of the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists — candidates of sciences №МК-1478.2022.2 «Business models for managing industrial associations in a circular economy».

Введение. В условиях масштабного давления на экономическую систему Российской Федерации возрастает роль системного управления субъектами региональной промышленности. Повышенное внимание к региональным промышленным системам вызвано в первую очередь тем, что именно они определяют реализацию экономической политики страны, выявляя приоритеты региональной политики в области импортозамещения, обеспечения экономической безопасности, достижения технологического суверенитета. Сегодня фокус внимания отечественных и зарубежных исследований смещается

в сторону циркулярной экономики как новой модели экономической системы, способной дать толчок для развития промышленности [4; 6; 7; 11; 15; 16]. В данном контексте особую роль играют промышленные объединения, которые обладают большей устойчивостью, что связано с более развитой бизнес-моделью, возможностью выполнять большее число бизнес-процессов самостоятельно. Тем не менее вопрос по выбору бизнес-модели и ее практическом обосновании остается открытым, поиск ответа на него остается востребованным в отечественных исследованиях [5; 8; 9; 10; 12; 13; 14]. Отметим, что

обоснование использования принципов агентного моделирования с целью прогнозирования выбора бизнес-модели промышленным объединением на основе идентификации его параметров не являлось задачей настоящего исследования и уже проведено авторами на предыдущих этапах исследования [1; 2; 3].

В качестве основных задач исследования определены следующие:

1) разработка этапов и шагов агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями в части трансформации их бизнес-моделей, в том числе в императивах циркулярной экономики;

2) присвоение типов бизнес-моделей промышленных объединений Юга России с учетом их специализации и ключевых параметров деятельности;

3) апробация агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями в границах промышленного комплекса региона.

Информационной основой исследования выступили официальные данные Федеральной службы государственной статистики, Единой межведомственной информационно-статистической системы (ЕМИСС). Для анализа и систематизации собранных данных, а также визуализации хода моделирования использована аналитическая платформа Loginom. Для идентификации бизнес-моделей промышленных объединений использовалась система проверки контрагентов и сбора информации об организациях СПАРК АО «Информационное агентство Интерфакс». Для апробации агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями в индустриальном комплексе региона использовалось российское программное обеспечение «AnyLogic», позволяющее проводить агентное имитационное моделирование с учетом предварительно установленных параметров агентов и их поведения в среде.

Методика. Промышленному объединению как сложной системе присуще большое число параметров, включая специализацию, ресурсные характеристики, целеполагание промышленного объединения, а также встраивание в реализацию целей, задаваемых региональной властью, с учетом государственных приоритетов и институциональной сре-

ды. В данном контексте уместно использование агент-ориентированного моделирования, что позволит учесть большое число подсистем и правил взаимодействия как между агентами, так между агентами и средой. Субъектно-объектная определенность в рамках агент-ориентированной модели выглядит следующим образом: агенты — промышленные объединения, агент-власть — агрегированный объект, осуществляющий региональное управление, регулирование через нормативно-правовую базу и определение приоритетов. Характеристики агентов, их поведение и целевые функции подробно описаны авторами ранее [1].

Результаты агентного имитационного моделирования позволяют ответить на следующие вопросы:

— как много промышленных объединений изменили бизнес-модель всего, в том числе исходя из внутренней необходимости?

— в каких бизнес-моделях преимущественно произошли изменения? Есть ли тяготеение в сторону инновационных или циркулярных бизнес-моделей?

— какие характеристики присущи промышленным объединениям, которые изменили бизнес-модели?

Таким образом, будет проведено описание отдельных агентов — промышленных объединений — с индивидуальными характеристиками, функционирующих в отдельно взятом регионе, что позволит по результатам моделирования выявить агентов, сформировавших потенциал реализации циркулярных бизнес-моделей. Так как у агентов есть множественный выбор бизнес-модели, не ограничивающийся исключительно циркулярными моделями, авторами была произведена агрегация типов модели в 3 укрупненные группы: циркулярные, инновационные, воспроизводственные.

С целью реализации поставленных задач исследования были разработаны этапы и шаги, посредством последовательного выполнения которых производится моделирование управления промышленными объединениями в части трансформации их бизнес-моделей с учетом регионального воздействия, в том числе в императивах циркулярной экономики:

Этап 1. Определение исходных параметров моделирования: типы агентов, их характеристики, количественные значения. Сбор и формирование датасета.

Этап 2. Выявление и отбор типа агента — промышленного объединения в общей совокупности компаний региона.

Этап 3. Формирование правил поведения типов агентов для каждого из тактов модельного времени. Определение характеристик процесса трансформации бизнес-модели.

Шаг 3.1. Определение промышленных объединений, реализующих инновационную деятельность.

Шаг 3.2. Определение текущей бизнес-модели промышленных объединений.

Шаг 3.3. Выявление промышленных объединений, которые имеют внутренние предпосылки к изменению бизнес-модели.

Шаг 4.1. Определение направления влияния региона на выбор бизнес-модели промышленными объединениями.

Шаг 5. Переход промышленных объединений к новым бизнес-моделям.

Этап 4. Расчет результатов имитационной модели.

Этап 5. Визуализация результатов модели.

Выявление промышленных объединений из совокупности компаний может быть определено по критерию «доля выручки в ВРП региона» либо по критерию «размер предприятия», что основывается на предположении о масштабах промышленного объединения как крупной компании в регионе.

Для реализации этапа 3 и формирования характеристик процесса трансформации бизнес-модели необходимо определить промышленные объединения, которые осуществляют инновационную деятельность. Отбор таких компаний производился по уровню технологичности вида экономической деятельности. Допускается, что инновационно активны компании высокотехнологичных отраслей и среднетехнологичных отраслей высокого уровня. Такое допущение обусловлено ограниченным перечнем показателей базы данных СПАРК, так как затраты, связанные с инновациями, в бухгалтерской отчетности отражаются бесструктурно и носят разрозненный характер.

Следующим шагом является определение текущей бизнес-модели промышленных объединений, которое производится в соответствии с алгоритмом, описанным авторами ранее [3]. Рассматриваемые бизнес-модели сгруппированы по следующим типам: цир-

кулярные, инновационные и воспроизводственные. При этом для каждой из сформированных групп характерна та или иная специализация, ключевой показатель ведения финансово-хозяйственной деятельности, отражающий ресурсную составляющую, и инновационная активность (табл. 1).

Для реализации шага 3.3 критерием определения наличия внутренних предпосылок для смены бизнес-модели является достижение агентом-промышленным объединением целевой функции, а именно — получения прибыли. Так в случае, если компания имеет отрицательное значение чистой прибыли (убыток) в последний год рассматриваемого периода (2022 г.), то это является индикатором для смены текущей бизнес-модели.

При этом регион оказывает воздействие на трансформацию бизнес-модели компаний и может побуждать компании переходить соответственно к одному из трех типов бизнес-моделей. Направление трансформации, задаваемое регионом, определяется посредством сравнения плановых и фактических значений показателей, установленных в стратегиях развития регионов. Выделены ключевые показатели развития промышленного сектора, плановые значения которых определены в региональных стратегиях развития и разделены на группы в соответствии с типами бизнес-моделей. При этом разница между фактическими и плановыми значениями будет усреднена по группам. Предполагается, что регион в следующих периодах будет активизировать институциональное воздействие по тому направлению, для которого разница между планом и фактом по группе будет наибольшая.

Результаты. Апробация имитационной модели произведена на примере промышленных объединений Южного и Северо-Кавказского федеральных округов. Карта исходных данных представлена в таблице 2. Ход моделирования отражен на рисунке 1.

Таким образом, загруженные датасеты из базы данных СПАРК включали в себя действующие предприятия обрабатывающего сектора экономики ЮФО (без учета предприятий новых территорий) и СКФО. Для определения доли выручки в ВРП региона датасет был дополнен статистическими данными со значением валового регионального

продукта в основных ценах в обрабатывающих производствах. В рамках реализации шага 3.1 для выявления промышленных объединений, осуществляющих инновационную деятельность, к датасетам также была добавлена классификация отраслей промышленности по уровню технологичности и отобраны высокотехнологичные производства и среднетехнологичные высокого уровня. В рамках реализации шага 3.2 датасет был дополнен отраслевыми данными для ЮФО

и СКФО в рамках периода 2020–2022 гг. для определения пороговых значений по ключевым показателям: выручка, чистая прибыль (убыток), коммерческие расходы, среднесписочная численность работников, основные средства, текущие затраты на охрану труда окружающей среды и обращение с отходами.

Для реализации шага 4.1 проведен анализ стратегий развития регионов, входящих в ЮФО и СКФО. Выявлены ключевые показатели и агрегированы по трем направлениям

Таблица 1
Table 1

Соотношение характеристик с типами бизнес-моделями¹
Correlation of characteristics with types of business models

Тип бизнес-модели	Бизнес-модель	Инновационная деятельность	Специализация	Ключевой показатель деятельности
Циркулярные	Circular suppliers	Да	Производство химических веществ и химических продуктов; Производство электрического оборудования; Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки; Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов; Производство прочих транспортных средств и оборудования	Коммерческие расходы; Текущие затраты на охрану окружающей среды
	Resources recovery			
	Sharing platforms			
	Product life extension			
	Product as a service			
Инновационные	Value chain service provider		Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях; Производство компьютеров, электронных и оптических изделий; Производство летательных аппаратов, включая космические, и соответствующего оборудования	Чистая прибыль; Производительность труда
	Value chain integrator			
	Collaboration platform			
	Information brokerage			
	Trust service			
Иные	Воспроизводственные	Нет	Любой вид экономической деятельности	Темпы прироста выручки к предыдущему году

¹ Разработано авторами по результатам исследования.

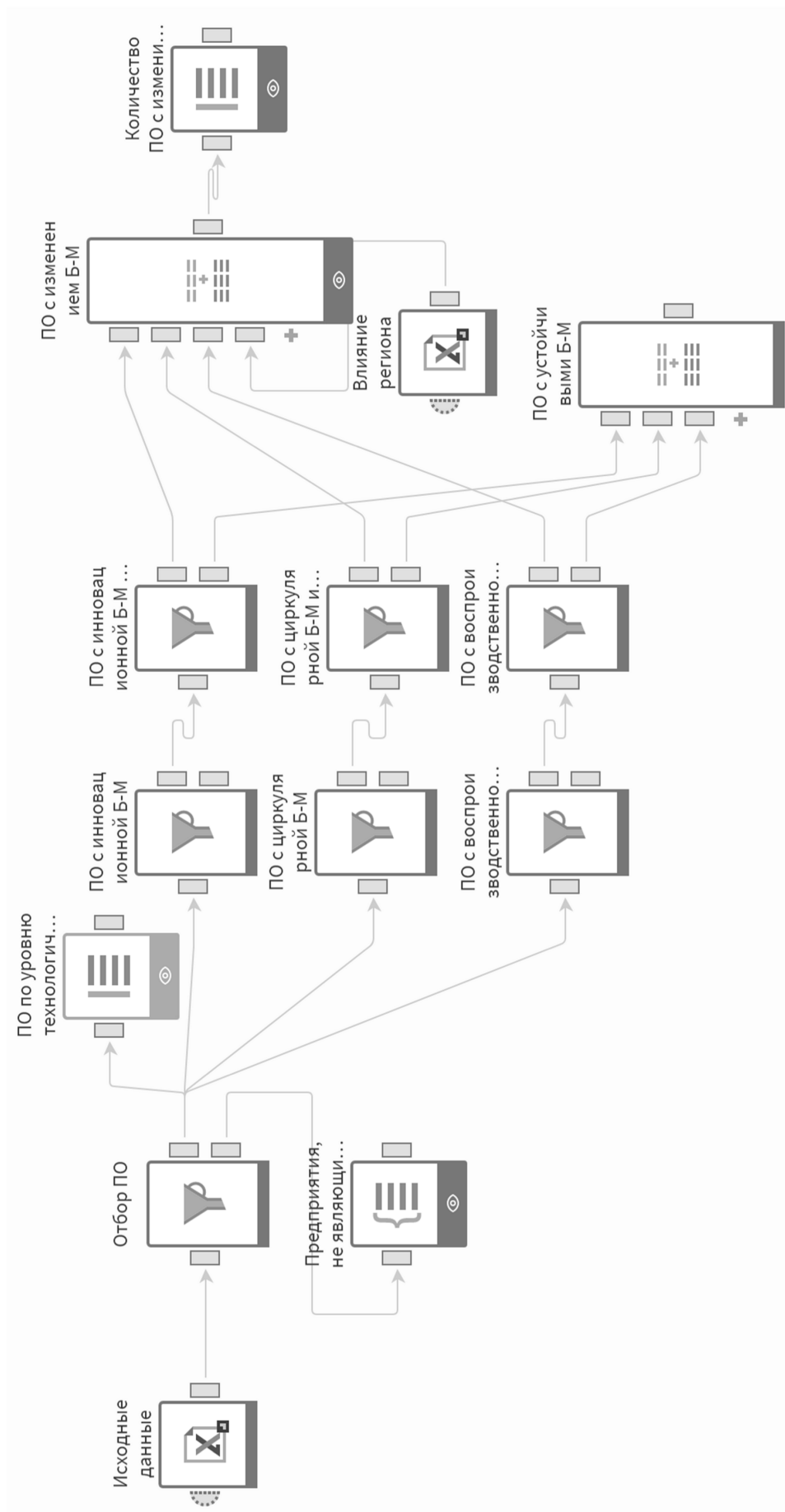

Рис. 1. Ход агентного имитационного моделирования трансформации бизнес-моделей промышленных объединений²
Fig. 1. The course of agent-based simulation of the transformation of business models of industrial associations

² Разработано авторами по результатам исследования с использованием аналитической платформы LogiNot для формирования сценариев.

развития: экономические (в части развития промышленного сектора экономики), инновационные (в части мотивации инновационного развития субъектов), циркулярные (в части мотивации внедрения циркулярных моделей, повышения экологической ответственности бизнеса, соблюдения норм законодательства в области экологии). В пул показателей включены следующие: объем отгру-

женных товаров собственного производства, выполненных работ и услуг собственными силами по виду экономической деятельности «Обрабатывающие производства», индексы промышленного производства, физического объема промышленного производства, темпы роста валовой добавленной стоимости, объем отгруженной инновационной продукции, затраты на технологические инновации,

Таблица 2
 Table 2

Карта исходных данных для апробации агент-ориентированной модели трансформации бизнес-моделей промышленных объединений (ПО)³
Source data map for testing agent-oriented model of transformation of business models of industrial associations (PO)

Тип агента	Количество классов	Параметры создания	
Агенты-ПО	3	Число агентов рассчитывается исходя из доли выручки ПО в ВРП или размера предприятия и не изменяется	
Агент-регион	1		
Характеристики агентов — ПО			
	Класс 1	Класс 2	Класс 3
Бизнес-модель	воспроизводственная	циркулярная	инновационная
Обрабатывающие производства	низкотехнологичные и среднетехнологичные отрасли низкого уровня	среднетехнологичные отрасли высокого уровня	высокотехнологичные отрасли
Цепные темпы прироста выручки	выручка — 2018–2022 г.		
Чистая прибыль	чистая прибыль (убыток) — 2018–2022 г.		
Коммерческие расходы	коммерческие расходы — 2018–2022 г.		
Производительность труда	выручка — 2018–2022 г.		
	среднесписочная численность работников — 2018–2022 г.		
Капиталоемкость	основные средства — 2018–2022 г.		
	выручка — 2018–2022 г.		
Текущие затраты на охрану труда окружающей среды и обращение с отходами	Текущие затраты на охрану труда окружающей среды и обращение с отходами2020–2022 гг.		
Характеристика агента-власти — региональной среды			
Направление воздействия региона на смену бизнес-модели	воспроизводственная	циркулярная	инновационная
	Среднее значение разницы между плановыми и фактическими значениями показателей, установленных в стратегических нормативно-правовых актах		

3 Разработано авторами по результатам исследования.

удельный вес организаций, осуществлявших технологические инновации, рост доли инновационной продукции, доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей экономики в ВРП, затраты на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов за счет всех источников финансирования, качество окружающей среды, объем выбросов в атмосферу от стационарных источников и др. Для каждого показателя выбраны плановые значения 2030 г. и фактические значения по данным Росстата 2021 и 2022 гг. В случае, если блок представлен несколькими показателями в стратегии развития региона, то использовалось среднее значение. В таблице 3 представлена процентная разница, при этом чем меньше значение, тем ближе регион к выполнению плановых показателей и, соответственно, меньше его воздействие на компании в данном направлении развития. Отсутствие в стратегии развития региона показателей, характеризующих какой-либо из трех рассматриваемых направ-

лений развития, говорит о не приоритетности данного направления для региона и против такого региона в соответствующем столбце стоит прочерк.

Из таблицы 3 видно, что, например, воздействие органов власти Ростовской области будет сосредоточено на воспроизводственных бизнес-моделях, в то время как направления воздействия агентов-власти Краснодарского края, Волгоградской области, Республик Крым, Ингушетия и Чеченской Республики будет способствовать трансформации бизнес-моделей промышленных объединений в сторону инновационного типа.

Апробация разработанной модели представлена на следующих иллюстративных материалах: ход апробации агентного имитационного моделирования трансформации бизнес-моделей промышленных объединений показан на рисунке 1, страница запуска симуляции модели с установкой управляемых факторов — на рисунке 2, результаты моделирования — на рисунке 3.

Таблица 3
Table 3

**Процент отклонений плановых и текущих значений в рамках стратегий
регионального развития⁴**

**Percentage of deviations of planned and current values within the framework
of the regional development strategy**

Регион	Экономическое (промышленное)	Циркулярное	Инновационное
Ростовская область	39,95	–53,28	8,27
Краснодарский край	–11,06	–57,08	89,21
Волгоградская область	–0,49	58,94	75,31
Республика Калмыкия	–1,88	–16,39	–64,67
Республика Крым	–1,96	–	63,58
Республика Ингушетия	–5,00	–91,14	78,63
Карачаево-Черкесская Республика	1,35	–	–
Республика Дагестан	53,45	54,08	–
Кабардино-Балкарская Республика	63,78	–145,62	–
Республика Северная Осетия-Алания	41,37	–	–
Чеченская Республика	67,96	–	94
Ставропольский край	2,64	–224,61	–9,4
Республика Адыгея	–	–	–

⁴ Рассчитано авторами по результатам исследования.

Трансформация бизнес-моделей

Доля крупных фирм в ВРП в %

 1 10 50

Доля высокотехнологичных компаний, производящих лекарственные средства в %

 0 100 100

☒ Анализировать только крупные предприятия

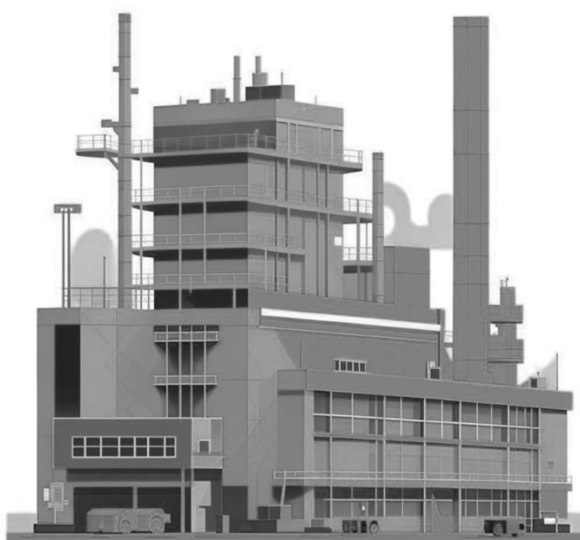

Рис. 2. Страница запуска симуляции модели в AnyLogic⁵
Fig. 2. The page for starting the simulation of the model in AnyLogic

Всего предприятий в ЮФО		10422.0	Всего промышленных объединений в ЮФО		213.0			
Виды бизнес моделей в промышленных объединениях ЮФО								
Инновационная		1.0	Воспроизводственная		184.0	Циркулярная		28.0
Столкнулись с необходимостью смены бизнес-модели			13.0	предприятий. Из них				
Не меняли бизнес-модель		0.0	Не меняли бизнес-модель		8.0	Не меняли бизнес-модель		0.0
На воспроизводственную		0.0	На инновационную		4.0	На инновационную		1.0
На циркулярную		0.0	На циркулярную		0.0	На воспроизводственную		0.0

Всего предприятий в СКФО		2838.0	Всего промышленных объединений в СКФО		40.0			
Виды бизнес моделей в промышленных объединениях СКФО								
Инновационная		2.0	Воспроизводственная		31.0	Циркулярная		7.0
Столкнулись с необходимостью смены бизнес-модели			2.0	предприятий. Из них				
Не меняли бизнес-модель		0.0	Не меняли бизнес-модель		2.0	Не меняли бизнес-модель		0.0
На воспроизводственную		0.0	На инновационную		0.0	На инновационную		0.0
На циркулярную		0.0	На циркулярную		0.0	На воспроизводственную		0.0

Рис. 3. Результаты запуска симуляции модели в AnyLogic⁶
Fig. 3. Results of running a simulation of the model in AnyLogic

⁵ Разработано авторами по результатам исследования с использованием программного обеспечения AnyLogic в ходе формирования имитационной модели.

⁶ Разработано авторами по результатам исследования с использованием программного обеспечения AnyLogic в ходе формирования имитационной модели.

Следует отметить, что в ЮФО по сравнению с СКФО значительно больше предприятий обрабатывающего сектора экономики, как и выявленных промышленных объединений — 2,04% от предприятий всего, в то время как в СКФО доля промышленных объединений составляет 1,4%. При этом доля промышленных объединений, реализующих инновационную деятельность в ЮФО, меньше — 13,6%, в СКФО — 22,5%. Каждому промышленному объединению был присвоен тип бизнес-модели. Наибольшее количество промышленных объединений в обоих округах реализуют воспроизводственную бизнес-модель, при этом 6,1% промышленных объединений в ЮФО и 5% промышленных объединений СКФО имеют внутренние предпосылки к ее смене. В обоих федеральных округах только одно-два промышленных объединения реализуют инновационную бизнес-модель, при этом внутренних причин для смены этого типа бизнес-модели у них нет. Довольно значимое количество промышленных объединений в ЮФО реализует циркулярную биз-

нес-модель (28 ед.), одно из которых имеет внутренние причины к трансформации.

Следующим шагом осуществляется присвоение промышленным объединениям нового типа бизнес-моделей с учетом воздействия региона. Следует отметить, что часть промышленных объединений развиваются инертно и не меняют бизнес-модели, что связано с недостаточным влиянием региона. В четырех промышленных объединениях бизнес-модель изменилась с воспроизводственной на инновационную и одно промышленное объединение изменило циркулярную модель также на инновационную.

В систематизированном виде в соответствии с инерционным, прогрессивным и регрессивным сценариями (сценарии предложены авторами и опубликованы в [2]) результаты апробации агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями Юга России представлены в таблице 4. Полученные результаты предполагают реализацию инерционного сценария, в рамках которого промышленная и инновационная политика регионов останется в логике утвержденных

Таблица 4
Table 4

**Трансформация бизнес-моделей промышленных объединений (ПО)
в зависимости от сценария⁷**

Transformation of business models of industrial associations (PO) depending on the scenario

Округ	Доля ПО с воспроизводс- твенной бизнес-моделью, %	Доля ПО с инновационной бизнес-моделью, %	Доля ПО с циркулярной бизнес-моделью, %
ЮФО			
Инерционный сценарий	84,5	2,8	12,7
Прогрессивный (инновационный)	80,8	6,6	12,7
Прогрессивный (циркулярный)	80,8	0,5	18,8
Регрессивный	86,9	0,5	12,7
СКФО			
Инерционный сценарий	77,5	5	17,5
Прогрессивный (инновационный)	72,5	10	17,5
Прогрессивный (циркулярный)	72,5	5	22,5
Регрессивный	77,5	5	17,5

⁷ Разработано авторами по результатам исследования.

стратегий экономического развития. В данном случае можно отметить сдвиг в сторону инновационных бизнес-моделей в ЮФО. Построенная модель также позволяет рассмотреть возможности трансформации бизнес-моделей промышленных объединений с учетом дополнительного управляющего воздействия, при этом смещения в сторону инновационных и циркулярных бизнес-моделей определены как прогрессивные изменения, а в сторону воспроизводственных — как регрессивные.

В рамках рассмотренных вариантов инерционный и регрессивный варианты изменений СКФО могут быть охарактеризованы как нейтральное или одноплоскостное изменение, т.к. изменений в бизнес-моделях промышленных объединений не происходит, их состояние устойчивое. Для Южного федерального округа можно выделить прогрессивный тип изменений для инновационного и циркулярного сценариев, в рамках которых увеличивается количество промышленных объединений, реализующих соответствующую бизнес-модель, и регрессивный тип изменений для воспроизводственного сценария, в рамках которого увеличивается количество воспроизводственных бизнес-моделей.

Заключение. Подводя итог проведенному исследованию, можно сформулировать следующие выводы. В текущих условиях остается актуальным вопрос поиска как «точек роста», так и «точек опоры» региональной промышленности, обеспечивающих ее устойчивое развитие. В качестве таких «многофункциональных» точек регионального развития выступают промышленные объединения. Траектория развития региональной промышленности на сегодняшний день определяется в том числе инструментарием, который используется для поддержки принятия управленческих решений. В текущих условиях постоянных изменений среды, в которой субъекты осуществляют деятельность в сфере промышленности, возникают высокие требования к таким инструментальным средствам: они должны быть адаптивными, способными учитывать большой объем информации, позволять изменять и дополнять собранные датасеты, а также быстро вносить изменения в данные для получения актуальной модели с учетом изменившихся условий

внутренней и внешней среды. Поддержка промышленных объединений, обладающих потенциалом перехода к прогрессивным бизнес-моделям — как инновационным, так и в рамках циркулярной парадигмы — требует релевантного инструментария их идентификации в индустриальном комплексе региона с учетом специализации и ресурсной составляющей функционирования промышленных объединений с обязательным учетом региональных приоритетов. Апробация предложенной авторами агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями позволила получить модельное представление о возможностях трансформации бизнес-моделей промышленных объединений Юга России.

Список источников

1. Каплук Е. В., Руднева К. С. Архитектура агент-ориентированной модели управления промышленными объединениями // Сборник статей международной научно-практической конференции / Под ред. Э. С. Казаряна, Х. А. Константиныди, В. В. Сорокожердьева. М.: Научно-исследовательский институт истории, экономики и права, 2023. 256 с.
2. Каплук Е. В., Руднева К. С., Низов Н. В. Критерии, принципы и направления трансформации бизнес-моделей управления промышленными объединениями // Естественно-гуманитарные исследования. 2023. №47(3). С. 113–116.
3. Каплук Е. В., Руднева К. С. Разработка подхода к управлению промышленными объединениями в соответствии с принципами инновационной и циркулярной экономики на основе агент-ориентированной модели // Анализ, моделирование, управление, развитие социально-экономических систем: сборник научных трудов XVII Международной школы-симпозиума АМУР-2023 (Симферополь–Судак, 14–27 сентября 2023 г.) / Ред. совет: А. В. Сигал (предс.) и др. Симферополь: ИП Корниенко А. А., 2023. С. 169–172.
4. Косолапова Н. А., Матвеева Л. Г., Никитаева А. Ю., Чернова О. А. Драйверы формирования циркулярной экономики: теория vs практика // Terra Economicus. 2023. №21(2). С. 68–83. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-68-83.

5. Митин А.Н., Соколов К.О. Развитие инновационной деятельности предприятий пищевой и перерабатывающей промышленности на основе применения платформенной бизнес-модели // *Аграрный вестник Урала*. 2019. №3(182). С. 85–90.

6. Митрофанова И.В., Чернова О.А. Проблемы и перспективы развития циркулярной экономики на основе повторного водопользования в регионах Южного федерального округа РФ // *Теория и практика общественного развития*. 2022. №4(170). С. 55–61.

7. Никитаева А.Ю. Концептуальные рамки и институциональная база развития циркулярной экономики на Юге России // В сборнике: *Современные проблемы управления в социально-экономических системах: Цифровая трансформация экономики, культуры и общества. Материалы IV Международной научно-практической конференции*. Ростов н/Д: ЮФУ, 2022. С. 30–35.

8. Смирнов В.В. Особенности бизнес-моделей и их влияние на развитие корпораций // *Управленческие науки*. 2016. №3. С. 95–108.

9. Орехова С.В. Промышленные предприятия: электронная vs традиционная бизнес-модель // *Пространство экономики*. 2018. №4. С. 77–94.

10. Орехова С.В., Романова О.А. Трансформация бизнес-модели промышленного предприятия на разных стадиях жизненного цикла // *Управленец*. 2016. №5(63). С. 2–15.

11. Aloini D., Dulmin R., Mininno V., Stefanini A., Zerbino P. Driving the transition to a circular economic model: A systematic review on drivers and critical success factors in circular economy // *Sustainability*. 2020. №12(24). P. 10672. DOI: 10.3390/su122410672.

12. Kajtazi K., Rexhepi G., Sharif A., Ozturk I. Business model innovation and its impact on corporate sustainability // *Journal of Business Research*. 2023. Vol. 166. Pp. 8–16.

13. Li Z., Xie W., Wang Z., Wang Y., Huang D. Antecedent configurations and performance of business models of intelligent manufacturing enterprises // *Technological Forecasting and Social Change*. 2023. Vol. 193.

14. Öberg Ch. Towards a typology of sharing economy business model transformation // *Technovation*. 2023. Vol. 123.

15. Ranta V., Aarikka-Stenroos L., Vaisanen J.-M. Digital technologies catalyzing business

model innovation for circular economy — Multiple case study // *Resources, Conservation and Recycling*. 2020. №164. 10515. DOI: 10.1016/j.resconrec.2020.105155.

16. Wiesmeth H. Systemic change: The complexity of business in a circular economy // *Forecast and STI Governance*. 2020. №14(4). Pp. 47–60. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.47.60.

References

1. Kapljuk E. V., Rudneva K. S. Arhitektura agent-orientirovannoj modeli upravlenija promyshlennymi ob'edinenijami [Architecture of an agent-oriented management model of industrial associations]. *Sbornik statej mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoj konferencii* [Collection of articles of the international scientific and practical conference]. Pod red. Je. S. Kazarjana, H.A. Konstantinidi, V.V. Sorokozherd'eva [In E.S. Kazaryan, H.A. Konstantinidi, V.V. Sorokozherdyev (eds.)]. Moscow: Nauchno-issledovatel'skij institut istorii, jekonomiki i prava, 2023. 256 p. (In Russ.).

2. Kapljuk E. V., Rudneva K. S., Nizov N. V. Kriterii, principy i napravlenija transformacii biznes-modelej upravlenija promyshlennymi ob'edinenijami [Criteria, principles and directions of transformation of business models of management of industrial associations]. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya* [Natural-humanitarian studies]. 2023; 47(3): 113–116. (In Russ.).

3. Kapljuk E. V., Rudneva K. S. Razrabotka podhoda k upravleniju promyshlennymi ob'edinenijami v sootvetstvii s principami innovacionnoj i cirkuljarnoj jekonomiki na osnove agent-orientirovannoj modeli [Development of an approach to the management of industrial associations in accordance with the principles of innovative and circular economy based on an agent-oriented model]. *Analiz, modelirovanie, upravlenie, razvitie social'no-jekonomicheskikh sistem: sbornik nauchnyh trudov XVII Mezhdunarodnoj shkoly-simpoziuma AMUR-2023 (Simferopol'–Sudak, 14–27 sentjabrja 2023 g.)* [Analysis, modeling, management, development of socio-economic systems: collection of scientific papers of the XVII International School-Symposium AMUR-2023 (Simferopol'–Sudak, September 14–27, 2023)]. Red. sovet: A. V. Sigal (preds.) et al. Simferopol': IP Kornienko A. A., 2023. Pp. 169–172. (In Russ.).

4. Kosolapova N.A., Matveeva L.G., Nikitaeva A. Ju., Chernova O.A. Drivers of circular economy formation: theory vs practice]. *Terra Economicus*. 2023; 21(2): 68–83. DOI: 10.18522/2073-6606-2023-21-2-68-83. (In Russ.).

5. Mitin A.N., Sokolov K.O. Razvitie innovacionnoj dejatel'nosti predpriyatij pishhevoj i pererabatyvajushhej promyshlennosti na osnove primenenija platformennoj biznes-modeli [Development of innovative activity of food and processing industry enterprises based on the application of a platform business model]. *Agrarnyj vestnik Urala [Agrarian Bulletin of the Urals]*. 2019; 3(182): 85–90. (In Russ.).

6. Mitrofanova I.V., Chernova O.A. Problemy i perspektivy razvitiya cirkuljarnoj jekonomiki na osnove povtornogo vodopol'zovaniya v regionah Juzhnogo federal'nogo okruga RF [Problems and prospects of development of circular economy on the basis of repeated water use in the regions of the Southern Federal District of the Russian Federation]. *Teoriya i praktika obshhestvennogo razvitiya [Theory and practice of social development]*. 2022; 4(170): 55–61. (In Russ.).

7. Nikitaeva A. Ju. Konceptual'nye ramki i institucional'naja baza razvitiya cirkuljarnoj jekonomiki na Juge Rossii [Conceptual framework and institutional framework for the development of the circular economy in the South of Russia]. V sbornike: *Sovremennye problemy upravleniya v social'no-jekonomicheskikh sistemah: Cifrovaja transformacija jekonomiki, kul'tury i obshhestva. Materialy IV Mezhdunarodnoj nauchno-prakticheskoy konferencii* [In the collection: Modern problems of management in socio-economic systems: Digital transformation of the economy, culture and society. Materials of the IV International Scientific and Practical Conference]. Rostov-on-Don: JuFU, 2022. Pp. 30–35. (In Russ.).

8. Smirnov V.V. Osobennosti biznes-modelej i ih vlijanie na razvitie korporacij [Features

of business models and their impact on the development of corporations]. *Upravlencheskie nauki [Managerial sciences]*. 2016; (3): 95–108. (In Russ.).

9. Orehova S.V. Promyshlennye predpriyatija: jelektronnaja vs tradicionnaja biznes-model' [Industrial enterprises: electronic vs traditional business model]. *Prostranstvo jekonomiki [Space of Economics]*. 2018; (4): 77–94. (In Russ.).

10. Orehova S.V., Romanova O.A. Transformacija biznes-modeli promyshlennogo predpriyatija na raznyh stadijah zhiznennogo cikla [Transformation of the business model of an industrial enterprise at different stages of the life cycle]. *Upravlenec [The manager]*. 2016; 5(63): 2–15. (In Russ.).

11. Aloini D., Dulmin R., Mininno V., Stefanini A., Zerbino P. Driving the transition to a circular economic model: A systematic review on drivers and critical success factors in circular economy. *Sustainability*. 2020; 12(24): 10672. DOI: 10.3390/su122410672.

12. Kajtazi K., Rexhepi G., Sharif A., Ozturk I. Business model innovation and its impact on corporate sustainability. *Journal of Business Research*. 2023; (166): 8–16.

13. Li Z., Xie W., Wang Z., Wang Y., Huang D. Antecedent configurations and performance of business models of intelligent manufacturing enterprises. *Technological Forecasting and Social Change*. 2023; (193).

14. Öberg Ch. Towards a typology of sharing economy business model transformation. *Technovation*. 2023; (123).

15. Ranta V., Aarikka-Stenroos L., Vaisanen J.-M. Digital technologies catalyzing business model innovation for circular economy — Multiple case study. *Resources, Conservation and Recycling*. 2020; (164): 10515. DOI: 10.1016/j.resconrec.2020.105155.

16. Wiesmeth H. Systemic change: The complexity of business in a circular economy. *Foresight and STI Governance*. 2020; 14(4): 47–60. DOI: 10.17323/2500-2597.2020.4.47.60.

Статья поступила в редакцию 02.09.2023; одобрена после рецензирования 20.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 02.09.2023; approved after reviewing on 20.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Каплюк Екатерина Валерьевна — кандидат экономических наук, старший научный сотрудник, Институт управления в экономических, экологических и социальных системах, Южный федеральный университет.

Россия, г. Таганрог, ул. Чехова, 22

Ekaterina V. Kaplyuk — Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher, Institute of Management in Economic, Environmental and Social System, Southern Federal University.

22 Chekhova str., Taganrog, Russia

Руднева Кристина Сергеевна — кандидат экономических наук, начальник отдела методологии и аналитики, Проектный офис программы развития ЮФУ, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 105/42

Kristina S. Rudneva — Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Methodology and Analytics, Development Program project office, Southern Federal University.

105/42 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Долгова Ольга Игоревна — преподаватель, стажер-исследователь экономического факультета, Южный федеральный университет.

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Максима Горького, 88

Olga I. Dolgova — teacher, trainee researcher at the Faculty of Economics, Southern Federal University.

88 Maxima Gorkogo str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Каплюк Е. В. — научное руководство; концепция исследования; формирование теоретико-методической основы исследования; введение; написание текста; итоговые выводы; доработка текста окончательного варианта статьи.

Руднева К. С. — формирование теоретико-методической основы исследования; написание текста, сбор датасетов для проведения расчетов; визуализации хода моделирования с использованием аналитической платформы LogiNot; определение дальнейших перспектив исследования.

Долгова О. И. — апробация модели в программном обеспечении AnyLogic.

Contribution of the authors:

Kaplyuk E. V. — scientific guidance; research concept; formation of a theoretical and methodological basis for the study; introduction; writing text; final conclusions; revision of the text of the final version of the article.

Rudneva K. S. — formation of the theoretical and methodological basis of the study; writing text, collecting datasets for calculations; determination of further prospects for research.

Dolgova O. I. — approbation of the model in AnyLogic software.

Научная статья

УДК 341.96

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-162-172

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ СЛИЯНИЯ ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В ЭПОХУ ТУРБУЛЕНТНОСТИ

Юлия Александровна Комнатная^{1✉}, Яна Витальевна Посохова²

¹Белгородский государственный национальный исследовательский университет,
Белгород, Россия

²Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, Москва, Россия

¹komnatnaya2009@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-1818-9943, AuthorID РИНЦ: 348947

²natalina76@mail.ru, ORCID: 0009-0007-0997-0280

Аннотация. Цель исследования. Условия турбулентности всегда чрезвычайны, однако современные геополитические события получили непредсказуемое развитие, затронув фундаментальные правовые институты, в частности право собственности. Введение политических санкций в отношении отдельных направлений экономической деятельности нарушило установленный порядок осуществления сделок трансграничного слияния. Сегодня отсутствует единая практика разрешения конфликтных ситуаций по сделкам слияния в условиях санкционного давления, что требует не только выявления проблем правового регулирования, но и определения контролирующей функции государств в отношении транснациональных корпораций. В статье представлен обзор вариантов восприятия и оформления сделок слияния и поглощения, существующих в теории и практике зарубежных государств, с учетом санкционной специфики.

Методологическую базу исследования представляют системный подход, анализ, синтез, дифференциация, интеграция, сравнение, аналогия и обобщение.

Результаты исследований. Исследован зарубежный опыт регулирования трансграничных слияний и решения коллизионных вопросов определения национальности участников транснационального слияния. В результате сравнения правовых решений различных государств по вопросам контроля за сделками слияния в условиях турбулентности сделаны выводы о том, что наиболее активно используется практика создания совместного предприятия, которая позволяет уйти от коллизии при регистрации и ликвидации участников сделки. Установлено, что геополитические изменения приводят в действие оговорку о публичном порядке и при своевременной реакции государства, в том числе усилении контроля за рынком сделок слияния и поглощения, причиняют минимальные негативные последствия при переходе права собственности.

Перспективы исследования. В условиях ужесточения экономических санкций необходимо разработать систему мер для преодоления кризиса на рынке слияний и поглощений. Данные меры должны учитывать решение общеэкономических проблем в условиях экономической неопределенности и при этом раскрыть потенциал российского государства для иностранных инвесторов. В целях повышения уровня доверия инвесторов к государству необходимо выработать правовые механизмы защиты иностранных инвестиций, отвечающие критериям надежного партнерства.

Ключевые слова: трансграничное слияние, слияние и поглощение, публичный порядок, слияние компаний, коллизионное право, экономические санкции

Для цитирования: Комнатная Ю.А., Посохова Я.В. Трансграничные слияния юридических лиц в эпоху турбулентности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 162–172. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-162-172>.

Original article

CROSS-BORDER MERGERS OF LEGAL ENTITIES IN THE ERA OF TURBULENCE

Yulia A. Komnatnaya¹✉, Yana V. Posokhova²

¹*Belgorod National Research University, Belgorod, Russia*

²*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia*

¹*komnatnaya2009@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-1818-9943, AuthorID RSCI: 348947*

²*natalina76@mail.ru, ORCID: 0009-0007-0997-0280*

Annotation. *The purpose of the study.* Turbulence conditions are always extreme, but modern geopolitical events have developed unpredictably, affecting fundamental legal institutions, in particular, property rights. The introduction of political sanctions against certain areas of economic activity violated the established procedure for the implementation of cross-border merger transactions. Today there is no uniform practice of resolving conflict situations on merger transactions under the conditions of sanctions pressure, which requires not only identifying problems of legal regulation, but also determining the controlling function of states in relation to transnational corporations. The article presents an overview of the options for the perception and execution of mergers and acquisitions that exist in the theory and practice of foreign countries, taking into account the specifics of sanctions.

The methodological basis of the research is a systematic approach, analysis, synthesis, differentiation, integration, comparison, analogy and generalization.

Research results. The foreign experience of regulating cross-border mergers and resolving conflict-of-laws issues of determining the nationality of participants in a transnational merger is investigated. As a result of comparing the legal decisions of various states on the control of merger transactions in conditions of turbulence, conclusions are drawn that the practice of creating a joint venture is most actively used, which allows avoiding conflicts during registration and liquidation of participants in the transaction. It has been established that geopolitical changes trigger a public policy clause and, with a timely response from the state, including increased control over the market for mergers and acquisitions, cause minimal negative consequences during the transfer of ownership.

Research prospects. In the context of tightening economic sanctions, it is necessary to develop a system of measures to overcome the crisis in the mergers and acquisitions market. These measures should take into account the solution of general economic problems in conditions of economic uncertainty and at the same time unlock the potential of the Russian state for foreign investors. In order to increase the level of investor confidence in the state, it is necessary to develop legal mechanisms for the protection of foreign investments that meet the criteria of a reliable partnership.

Keywords: cross-border merger, merger and acquisition, public policy, merger of companies, conflict of laws, economic sanctions

For citation: Komnatnaya Yu. A., Posokhova Ya. V. Cross-border mergers of legal entities in the era of turbulence // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 162–172. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-162-172>.

Введение. Современная эпоха турбулентности требует переоценки устоявшихся правовых институтов, на которых веками базировалось международное предпринимательство. В условиях санкционного давления, когда абсолютное право собственности утрачивает свою вековую стабильность и не дает никаких гарантий международному бизнесу, активизируются различные способы сохранения корпораций, попавших под международный политический удар. Традиционно слияние и поглощение компаний, так называемые сделки M&A, являются эффективным инструментом для оперативного решения существенных экономических проблем в условиях затяжного кризиса. Интеграция помогает найти решение целого ряда вопросов: повысить конкурентоспособность, получить доступ к технологиям, модернизировать производство и т.д. Между тем экономисты [12; 2; 19; 11] отмечают, что в последнее время сделки по слиянию компаний, зарегистрированных на бирже, чаще приводят к уменьшению прибыли и не выгодны акционерам, что трудно скрыть в силу публичности таких сделок и последующего исследования механизма и последствий не только учеными, но и потенциальными инвесторами, в силу уникальности каждого слияния.

Существуют проблема определения способа оплаты сделки M&A и возможность использования для этих целей акций либо наличных денежных средств [14; 13 и др.], а также угроза отсутствия контроля над приобретаемым объектом [17; 25; 7]. Геополитическая ситуация 2022 года и рекордное количество санкций изменили мировой рынок M&A, который сократился на треть уже в I квартале 2022 года¹, а к III кварталу — более на чем 50%² при заметном подъеме российского рынка³. Учитывая, что сделки такого рода готовятся годами, закрытие сделок M&A часто происходит в существенно изменившихся ус-

ловиях⁴ [2; 10]. Мировой рынок слияния в условиях высокой волатильности мировой экономики требует более тщательного изучения правового регулирования и учета, в том числе национального интереса, несмотря на трансграничный характер отношений.

На сегодняшний день проблемой трансграничного слияния занимаются как специалисты в сфере экономики, так и правоведы. История развития рынка сделок M&A с его оценкой как правового явления раскрыты в исследовании С. Хила, Б. Квин, С. Соломона [16]. Д. Гербер указывает на сложность толкования антимонопольного закона и закона о конкуренции при реализации сделок M&A, анализируя в том числе правовые ошибки [15]. Основные проблемы правового регулирования сделок M&A в странах ЕС обозначены Т. Пападопулосом [20; 21]. П. Пигнатаро предлагает техническое понимание сделки M&A с учетом изменений законодательства [23]. Эффективности и значимости крупных сделок слияния и поглощения для улучшения инвестиционного климата государства посвящены труды Г. Александридиса, Н. Антипаса, Н. Травлоса [12]. Изменение подходов и использование новых технологий в сопровождении сделки M&A в условиях развития информационной инфраструктуры нашло свое отражение в результатах аналитики К. Перес-Перес, Д. Бенито-Осорио и С. М. Гарсиа Морено [22]. В работах индийского профессора Б. Р. Кумара подробно исследован жизненный цикл крупных сделок M&A, а также установлена взаимосвязь между способом оплаты, доходностью акций, принятием определенных решений на каждом этапе сделки [18]. В отечественной правовой доктрине коллизионными вопросами правового регулирования деятельности трансграничных компаний с проблемой построения модели организационно-правовой формы юриди-

1 Beltran L. Global M&A Fell 29% in the First Quarter [Electronic resource] // Barron's. March 31. 2022. URL: <https://www.barrons.com/amp/articles/global-mergers-drop-51648765437> (date accessed: 01.03.2023).

2 Разумова А. Мировой объем сделок M&A в третьем квартале рухнул еще на 54% [Электронный ресурс] // FRANKMEDIA. 30.09.2022. URL: <https://frankrg.com/92312> (дата обращения: 3 марта 2023).

3 Аралова А. Уйти нельзя остаться: что происходит на российском рынке M&A [Электронный ресурс] // Forbes. 01.09.2022. URL: <https://www.forbes.ru/investicii/475731-ujti-nel-za-ostat-sa-cto-proishodit-na-rossijskom-rynke-m-and-a> (дата обращения: 3 марта 2023).

4 Ситдииков Р. Объем сделок M&A в российском АПК снизится в 2022 г. [Электронный ресурс] // Прайм. Агентство экономической информации. 09.12.2022. URL: <https://lprime.ru/Agriculture/20221209/839113232.html> (дата обращения: 01.03.2023).

ческого лица занимаются А. В. Асосков [1], А. О. Иншакова [4], К. Кроль, О. Бычков [6], П. Марков [7], Е. Н. Пузырёва [8], В. Пучков [9] и др.

Настоящее исследование посвящено раскрытию основных проблем трансграничного слияния юридических лиц с учетом сложившейся практики Евросоюза и изменений законодательства, вызванных санкциями.

Методика. Для решения поставленных в исследовании задач авторы использовали традиционные для юридической науки методы и методологические принципы, в том числе научности, объективности, системности, целостности. Процесс формирования подходов государственного регулирования трансграничного слияния юридических лиц в странах Европы исследовался с помощью общенаучных методов: анализа, синтеза, сравнения и обобщения, что позволило раскрыть общие принципы в правовом регулировании транснациональных сделок М&А большинства стран.

Проблема определения содержания сделок М&А в зарубежной доктрине. Слияние и поглощение — это сделки, основанные на различном по своему характеру порядке, однако одинаково обеспечивающие переход права собственности, в результате которого активы и контроль над компанией передаются новому или другому хозяйствующему субъекту. При слиянии важно соблюдение антимонопольного законодательства, действие которого сильно разнится в зависимости от страны применимого права, а в кризисные периоды имеет особенную политическую специфику.

Между тем нет единства в терминологии. Зарубежная доктрина рассматривает две категории: «корпоративная консолидация» и «корпоративное поглощение», где первая отражает отечественный термин «присоединение», а вторая фактически означает захват компании и в большей степени противоречит российскому праву. В отечественном законодательстве сделки М&А как стандартные сделки корпоративного права не представлены. Отечественная практика неоднородна. На раннем этапе регулирование сделок природы М&А осуществлялось только с приме-

нением иностранного права, однако в последние годы ситуация изменилась [6]. Стоит отметить, что кризис 2022 года привел к многочисленным поправкам корпоративного законодательства. Возникают определенные трудности раскрытия трансграничных слияний в контексте единого восприятия перехода права собственности, что требует обращения к судебной практике и толкованию отдельных положений норм зарубежного права.

В первую очередь отметим, что в зарубежной практике слияния бывают совершенно различными по своей природе и юридическому результату. В контексте данной работы мы будем использовать категорию «синергизм», поскольку именно данный термин применяют к сделкам М&А в зарубежной доктрине и практике [3]. Одним из эффективных способов консолидации считают модульный синергизм, когда речь идет об объединении результата деятельности нескольких корпораций для увеличения своей прибыли, в частности накопления милей при пользовании услугами отелей, сотрудничающих с авиакомпаниями. Последовательный синергизм позволяет взаимодействовать компаниям из различных отраслей, создавая единый продукт. Взаимный синергизм, вид горизонтального слияния, рассчитан на долгосрочное сотрудничество, связанное с обменом информацией. Операционный синергизм направлен на повышение эффективности бизнеса через снижение конкуренции, т.е. производитель приобретает дистрибьютора с отлаженной логистикой и сетью клиентов и т.д. Финансовая синергия служит снижению внутренних затрат [18].

Таким образом, слияние не всегда по факту приводит к созданию единого субъекта права. Традиционное горизонтальное слияние, результатом которого становится новый более крупный производитель, отягощено антиконкурентными рисками. Вертикальные слияния рассчитаны на объединение сегментов цепочки поставок. Перспективными являются слияния конгломератов, когда соединяются компании из разных областей деловой активности с целью финансовой синергии. Конгениальные (родственные) слияния подразумевают объединение компаний из одной области, но не взаимодействующих. Концентрические слияния направлены на увели-

чение видов продукта и расширение рынков сбыта. Обратное слияние по природе схоже с поглощением, т.е. происходит трансформация частной компании в публичную [18].

Ведущий международный специалист в области слияния и поглощения П. Пигнатаро предлагает в качестве сделок M&A рассматривать не только различные виды, типы и формы слияний и поглощений, но и отчуждение активов, и реструктуризацию [23]. Он рекомендует использовать иную классификацию сделок M&A: во-первых, непосредственное слияние, когда в результате объединения двух компаний остается один субъект права; во-вторых, консолидацию, где в результате объединения нескольких компаний появляется новый субъект права; в-третьих, приобретение — покупка компании, актива или активов, собственного капитала (доли участия в субъекте), выкуп с привлечением заемных средств, выкуп управления, дружественное приобретение, враждебное приобретение. Все перечисленные виды сделок M&A ученый-практик дополнительно классифицирует по видам транзакций: горизонтальных — между субъектами одной отрасли; вертикальных — между субъектами разных уровней цепочки поставок; конгломератных — между обособленными субъектами, где выделяют два типа транзакций: смешанные и чистые. При сделке по отчуждению происходит передача доли, актива или группы активов, либо выделение компании или сокращение акционерного капитала. При этом все перечисленные виды сделок M&A, включая обратный выкуп, П. Пигнатаро рассматривает как виды реструктуризации бизнеса, итогом которого является реорганизация с целью повышения прибыли [23].

Влияние санкционного давления на осуществление сделок M&A с участием европейских компаний. Варианты сделок M&A во многом зависят от ситуации, сложившейся в мировой политике и на рынке. Стоит отметить, что санкции и изолирование России привело к увеличению сделок, направленных на поглощение, более того,

послужило временному снижению контроля со стороны антимонопольных служб. Так, в Российской Федерации была разрешена продажа компаний, не превышающих по стоимости 2 млрд рублей, без согласования с Федеральной антимонопольной службой с последующим уведомлением (ст. 15.1)⁵. Отметим, что строгое соблюдение санкций обязательно лишь для представителей государств, которые их ввели. Как отмечают М.В. Клинова и Е.А. Сидорова [5], российские компании, которые непосредственно присутствуют на мировом и российском рынках сделок M&A, попали под ограничения своей деятельности с 2014 года, а европейские санкции сейчас действуют против более чем 30 государств. Исследуя возможности транснациональных корпораций (ТНК), ученые акцентировали внимание на отсутствии свободы действий ТНК в чрезвычайных ситуациях. Проблемой современного витка санкционного давления стало решение вопроса даже не о совершении сделки слияния, а о передаче управления бизнесом.

Немаловажной проблемой при совершении рассматриваемого вида сделки является вопрос оплаты. Способы оплаты при слияниях различны — возможна оплата наличными, обмен акциями или гибридный способ. Сделки с наличными в основном предназначены для поглощений. При обмене акциями рассчитывается, какое количество акций одной компании должно обменяться на все акции приобретаемой компании. Гибридное приобретение предполагает сочетание денежных средств и долга или комбинацию денежных средств и акций приобретающей организации. Длительные исследования результатов более тысячи сделок слияния компаний показали, что оплата с помощью акций наименее эффективна. В условиях турбулентности вопрос способа оплаты стал крайне болезненным не только по причине выгоды, но и самой возможности воспользоваться полученными по сделке денежными средствами или ценными бумагами, что демонстрирует сделка продажи футбольного клуба «Челси» в мае 2022 года. Многие европейс-

⁵ Федеральный закон от 08.03.2022 г. №46-ФЗ (ред. от 28.12.2022 г.) «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023) [Электронный ресурс]// СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_411095/ (дата обращения: 15.02.2023).

кие компании не могут сейчас уйти с рынка России по причине невозможности полностью вывести средства⁶.

Санкционные пакеты обладают свойством чрезвычайности, поэтому просчитать риски в таких условиях крайне сложно. Между тем базовые проблемы трансграничного слияния вызваны существенным различием правового регулирования в странах контрагентов [10]. Правила по контролю за слияниями постоянно обновляются, Еврокомиссия актуализировала руководящие принципы в марте 2021 года (EUMR), следующие консультации назначены на 2023 год, но большинство государств — членов ЕС вводят собственные нормы контроля за сделками слияния.

Наиболее эффективным в решении стандартных вопросов трансграничного слияния стал опыт ЕС, где количество сделок M&A значительно увеличилось. Этому способствовало создание единых правил для стандартизации трансграничных слияний европейских корпораций, однако и там все еще существуют пробелы и коллизии. Процедура слияния достаточно долго регулировалась Директивой 2005/56/ЕС о трансграничных слияниях компаний с ограниченной ответственностью⁷ и Директивой 2011/35/ЕС относительно слияния публичных компаний с ограниченной ответственностью, обе отменены Директивой 2017/1132 от 14.06.2017 года в отношении некоторых аспектов корпоративного права.

Принятие Директивы 2005/56/ЕС было обусловлено необходимостью реализации свободы учреждения, предусмотренной Договором ЕС и предполагающей обеспечение мобильности компаний в рамках внутреннего рынка ЕС в любой форме, при этом осуществляя свою деятельность по условиям, предусмотренным в странах ЕС для их собственных компаний [20]. Директива касалась трех форм слияний: результатом была передача своих активов другой компании; предоставление всех своих активов новой организации; перевод всего имущества существующему

юридическому лицу. Ядро концепции — это исключение процесса ликвидации компаний. Компании, передающие активы и обязательства, прекращали свое существование и снимались с регистрации в реестрах, без проведения процедуры ликвидации и распределения активов. Акцент — на непрерывность владения активами и обязательствами от прекращающей существование компании к приобретающей или новой компании.

Страна ЕС, где регистрировалась новая компания, просто уведомляла соответствующие государства о ее регистрации, а те, в свою очередь, ликвидировали и исключали из национальных реестров старые. Организация могла переместить свой зарегистрированный офис в пределах внутреннего рынка путем создания дочерней компании в стране ЕС с последующим трансграничным слиянием с ней. Однако ряд государств придерживается теории реального места нахождения компании, а другие — теории инкорпорации. Директива 2005/56/ЕС предусматривала обязанность компаний соблюдать свое национальное законодательство в части корпоративных формальностей. При этом вопрос коллизионных привязок не был решен [24]. Проблема переноса офиса с помощью слияния или смена фактического местонахождения стала причиной множества конфликтов. Государства имели возможность запретить своей компании оставлять регистрацию при изменении прописки. Это столкновение правовых порядков препятствовало проведению быстрой процедуры трансграничного слияния. Подобный подход был подтвержден Судом ЕС в деле *Cartesio* (2008).

Таким образом, при отсутствии унификации правил или установления единой привязки осуществление мобильности посредством трансграничных слияний невозможно, особенно при теории оседлости. Директивой 2017/1132 установлено, что государства самостоятельно определяют правила слияния в отношении своих компаний, но не должны препятствовать трансграничному слиянию

⁶ Указ Президента РФ от 03.03.2023 г. №138 «О дополнительных временных мерах экономического характера, связанных с обращением ценных бумаг» [Электронный ресурс] // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_441011/ (дата обращения: 03.03.2023).

⁷ Directive 2005/56/EC of the European Parliament and of the Council of 26 October 2005 on cross-border mergers of limited liability companies, available at. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/en/ALL/?uri=CELEX%3A32005L0056> (date accessed: 25.12.2021).

(ст. 88). Нормы для упрощения трансграничного слияния исходят из отсылки к национальному законодательству, однако ставят ему условие — не ограничивать свободу учреждения или свободного перемещения капитала в соответствии с прецедентной практикой Суда ЕС (п. 56 Преамбулы).

Обратимся к практике суда ЕС по делу *Sevic*. Компания Германии *Sevic Systems Aktiengesellschaft* и юридическое лицо Люксембурга — *Security Vision Concept SA* — *SVA* решили провести слияние путем поглощения всех активов *SVA* компанией *Sevic* с прекращением существования *SVA* без прохождения процедуры ликвидации⁸. Но в Германии допускалось только внутреннее слияние с запретом на трансграничные. Суд ЕС постановил, что ст. 43 и 48 Договора о ЕС (ст. 49 и 54 TFEU) не предполагают отказ в регистрации в национальном торговом реестре слияния, если одна из двух компаний учреждена в другой стране — участнице ЕС и такая регистрация возможна для национальных компаний. Правительство Германии утверждало, что на трансграничные слияния не распространяется свобода учреждения — сливающаяся компания теряет свою правосубъектность и лишается права самоликвидироваться [21]. Адвокат *Tizzano* доказал, что до регистрации слияния обе компании существовали и действовали как юридические лица⁹. Только по завершении слияния одна из компаний прекращает свое существование, соответственно, они защищены свободой учреждения.

В решении по делу *Sevic* Суд ЕС признал трансграничные слияния полезным инструментом реорганизации компаний посредством одной сделки и без какого-либо перерыва в деятельности. Это очевидная особенность слияний по сравнению с любой другой формой реорганизации, которая потребует ликвидации компании, распределения ее активов и последующей регистрации новой компании.

Заключение. Таким образом, практика ЕС позволяет максимально безболезненно осуществить переход права собственности, не испытывая сложности с юрисдикцией компании. В настоящее время ярко выражено смещение акцента с решения проблем применимого права в сторону использования правовых средств для решения политических вопросов за счет совершения вывода крупного бизнеса из-под юрисдикции конкретных государств. Достаточно строгий режим контроля за трансграничными слияниями вызван как процессом унификации правил, так и защитой национального интереса. В условиях санкций закрепился и распространил свое действие метод установления финансовых порогов слияния, при этом с 2022 года не во всех странах ЕС пороговое значение гарантирует получение разрешения на сделку от антимонопольных органов (Италия). Кроме того, при усилении режима контроля особое внимание уделяется уведомлению о сделке, которое в некоторых странах ЕС стало платным (в Бельгии с 17.03.2022 года введена регистрационная пошлина¹⁰). Усилилось вмешательство в сделки стран ЕС союзного органа антимонопольного надзора, отслеживающего угрозы конкуренции на территории ЕС в будущем. Однако некоторые страны приняли решение привести национальное законодательство к единству с правилами ЕС (Саудовская Аравия)¹¹.

Практика ЕС, с одной стороны, усиления государственного контроля за крупным бизнесом, а с другой стороны, способствования развитию национальной экономики за счет упрощенных процедур, свойственна не только странам Европы: Турция¹² и Китай¹³ также изменили подход к регулированию трансграничных слияний. Еврокомиссия, между тем, предлагает двигаться в сторону упрощения процедуры контроля за трансграничным слиянием. Стоит отметить, что ряд государств

8 SEVIC Systems AG. Case C-411/03. Judgment of the Court (Grand Chamber) of 13 December 2005 [Electronic resource] // EUR-Lex. Access to European Union law. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX%3A62003CJ0411> (date accessed: 20.01.2022).

9 Opinion of AG Tizzano Case C-411/03 SEVIC Systems AG [2005] ECR I-10805, para. 26–27. [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/PDF/?uri=ecli:ECLI%3AUEU%3AC%3A2005%3A437> (date accessed: 15.01.2022).

10 Hendrik V. 2022 Merger Control Laws and Regulations [Electronic resource] // Belgium. GLI. URL: <https://www.globallegalinsights.com/practice-areas/merger-control-laws-and-regulations/belgium> (date accessed: 01.03.2023).

11 Competition Law (issued by Royal Decree №M/75 of 29/06/1440H (March 7, 2019)) [Electronic resource]. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/legislation/details/19748> (date accessed: 01.03.2023).

поддерживает режим добровольного уведомления, так называемой безопасной гавани, при наличии страховочных пороговых значений (Сингапур, Великобритания). Все эти действия позволяют говорить о заинтересованности государств в снижении преград в сложной и длительной процедуре трансграничного слияния, которое из-за национальных правовых решений и различных вариаций самой сделки может приводить к существенным экономическим потерям.

Как показывает исследование, режим контроля за трансграничным слиянием остается наиболее действенным регулятором, популярные решения сводятся к формированию совместного предприятия с целью ухода от коллизионных вопросов по регистрации и ликвидации участников сделки. Характерной особенностью ЕС остается жесткий контроль и одностороннее решение о запрете сделки по причине будущего влияния на конкуренцию, что фактически позволяет прекратить любую сделку M&A без объяснений и указывает на прямую зависимость ТНК¹⁴. Соответственно, трансграничные слияния полностью подконтрольны не только праву и политике государств страны — национальности юридического лица, но и общемировой политике, диктующей в чрезвычайных условиях особые правила ведения бизнеса.

Таким образом, опираясь на анализ сложившейся практики ЕС, изменений национальных законодательств в области контроля за слиянием в течение 2022 года государств, широко представленных на рынке M&A, в условиях эпохи турбулентности на фоне внедрения упрощенного порядка возрожден и имеет широкое применение завуалированный институт оговорки о публичном порядке, который во все времена считали самым неостребовавшимся институтом международного частного права и не использовали даже во времена санкций холодной войны.

Список источников

1. Асосков А.В. Правовые формы участия юридических лиц в международном коммерческом обороте. М.: Статут, 2003. 347 с.
2. Вселенская И.В. Характерные риски сделки слияния и поглощения // Управленческое консультирование. 2019. №9. С. 106–120.
3. Иванов Д.А. Понятие «синергия» и «синергический эффект»: семантический и эволюционный аспекты // Российское предпринимательство. 2016. №17(20). С. 2583–2594. DOI: 10.18334/rp.17.20.36917.
4. Иншакова А.О. Приобретение контролирующего участия по акционерному законодательству РФ и гармонизированному праву ЕС // Законы России: опыт, анализ, практика. 2009. №11. С. 66–73.
5. Клинова М.В., Сидорова Е.А. Россия — Евросоюз: продолжение санкционного противостояния // Вопросы экономики. 2017. №6. С. 114–127. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-6-114-127.
6. Кроль К., Бычков О. Сделки M&A и СП. Право какой юрисдикции выбрать. Практикум корпоративного юриста по M&A // Корпоративный юрист. 2019. №5. С. 28–35.
7. Марков П. Недружественное поглощение. Теория, практика, правовое регулирование. М.: Юнити-Дана, 2022. 96 с.
8. Пузырёва Е.Н. Основные подходы к коллизионному регулированию трансграничного оборота акций. Пробелы в российском законодательстве // Юридический журнал. 2012. №1. С. 70–74.
9. Пучков В.О. Иностранцы лица как субъекты международного гражданского процесса в России и США: проблема судебного рассмотрения международных коммерческих споров // Вестник гражданского процесса. 2020. №10(6). С. 193–223. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-6-193-223.

12 Communique №2022/2 («Amending Communique») on the Amendment of Communique №2010/4 concerning Mergers and Acquisitions Subject to the Approval of the Turkish Competition Board. 4 March 2022. [Electronic resource]. URL: <https://cakmak.av.tr/wp-content/uploads/2022/11/Amendment-to-Communique-on-MA-Subject-to-the-Approval-of-the-Competition-Board.pdf> (date accessed: 01.03.2023).

13 Anti-Monopoly Law of the People's Republic of China (Promulgated on 30 August 2007 and effective as of 1 August 2008.) [Electronic resource]. URL: <https://www.chinajusticeobserver.com/law/x/anti-monopoly-law-20070803> (date accessed: 01.03.2023).

14 Council Regulation (EC) №139/2004 on the control of concentrations between undertakings (the EC Merger Regulation) [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/ALL/?uri=CELEX%3A32004R0139> (date accessed: 10.12.2022).

10. Рётиг Д. Подход к решению задачи оценки и учёта неопределённости при подготовке и проведении сделок слияния и поглощения // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Экономика. 2022. №1. С. 23–30. DOI: 10.18384/2310-6646-2022-1-23-30.

11. Цехомский Н.В., Тихомиров Д.В. Гудвилл и окупаемость инвестиций в М&А: итоги отчетности 2010–2020 гг. (методы анализа и текущее состояние) // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2021. №5(131). С. 44–53.

12. Alexandridis G., Antypas N., Travlos N. Value creation from M&As: New evidence // Journal of Corporate Finance. 2017. №45. Pp. 632–650. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2017.05.010>.

13. Boone A.L., Liu Y. Time trends and determinants of the method of payment in M&As // Journal of Corporate Finance. 2014. №27. Pp. 296–304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2014.05.015>.

14. Cho H., Ahn H.S. Stock payment and the effects of institutional and cultural differences: A study of shareholder value creation in cross-border M&As // International Business Review. 2017. №26(3). Pp. 461–475. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.10.004>.

15. Gerber D.J. Competition Law and Antitrust // Concurrences. 2020. №4. Pp. 208. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198727477.003.0007>.

16. Hill C.A., Quinn B.J., Solomon S.D. Mergers and acquisitions: a cyclical and legal phenomenon // Research Handbook on Mergers and Acquisitions. Edward Elgar Publishing, 2016. Pp. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781784711481.00009>.

17. Ismailescu I., Col B. Cross-border M&As and credit risk: Evidence from the CDS market // Journal of Empirical Finance. 2022. №66. Pp. 51–73. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jempfin.2021.12.002>.

18. Kumar B.R., Kumar, Amboy. Wealth Creation in the World's Largest Mergers and Acquisitions. Springer International Publishing, 2019. 341 p.

19. Ochirova E. Literature Review of Mergers and Acquisitions with the Aim to Obtain Technology and Knowledge // Journal of Corporate Finance Research. 2019. №13(4). Pp. 87–94.

20. Papadopoulos T. EU regulatory approaches to cross-border mergers: exercising the right of establishment // European Law Review. 2011. №1. Pp. 71–97.

21. Papadopoulos T. The magnitude of EU fundamental freedoms: application of the freedom of establishment to the cross-border mergers directive // European Business Law Review. 2012. №23(4). Pp. 517–546. DOI: <https://doi.org/10.54648/eulr2012029>.

22. Pérez-Pérez C., Benito-Orsorio D., García Moreno S.M. Mergers and acquisitions within the sharing economy: Placing all the players on the board // Sustainability. 2021. №13(2). Pp. 743. DOI: <https://doi.org/10.3390/sul3020743>.

23. Pignataro P. Mergers, Acquisitions, Divestitures, and Other Restructurings, + Website. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015. 369 p.

24. Profkola K. Cross-Border Mergers Between Companies: Remaining Practical Problems After the 10th Council Directive of the European Union (September 31, 2008). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2444078/>.

25. Rainville M., Unlu E., Wu J.J. How do stronger creditor rights impact corporate acquisition activity and quality? // Journal of Banking & Finance. 2022. №144(1). Pp. 106625. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2022.106625>.

References

1. Asoskov A.V. Pravovye formy uchastija juridicheskikh lic v mezhdunarodnom kommercheskom oborote [Legal forms of participation of legal entities in international commercial turnover]. Moscow: Statut, 2003. 347 p. (In Russ.).

2. Vselenskaja I.V. Harakternye riski sdelki slijaniya i pogloshheniya [Characteristic risks of a merger and acquisition transaction]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie [Management consulting]*. 2019; (9): 106–120. (In Russ.).

3. Ivanov D.A. Ponjatie «sinergija» i «sinergicheskij jeffekt»: semanti-cheskij i jevoljucionnyj aspekty [The concept of «synergy» and «synergistic effect»: semantic and evolutionary aspects]. *Rossijskoe predprinimatel'stvo [Russian Entrepreneurship]*. 2016; 17(20): 2583–2594. DOI: 10.18334/rp.17.20.36917. (In Russ.).

4. Inshakova A.O. Priobretenie kontrolirujushhego uchastija po akcioner-nomu

zakonodatel'stvu RF i garmonizirovannomu pravu ES [Acquisition of controlling interest under the shareholder legislation of the Russian Federation and harmonized EU law]. *Zakony Rossii: opyt, analiz, praktika* [Laws of Russia: experience, analysis, practice]. 2009; (11): 66–73. (In Russ.).

5. Klinova M. V., Sidorova E. A. Rossiya — Evrosojuz: prodolzhenie sankcionnogo protivostojaniya [Russia — the European Union: continuation of the sanctional confrontation]. *Voprosy jekonomiki* [Economic issues]. 2017; (6): 114–127. DOI: 10.32609/0042-8736-2017-6-114-127. (In Russ.).

6. Krol' K., Bychkov O. Sdelki M&A i SP. Pravo kakoj jurisdikcii vybrat'. Praktikum korporativnogo jurista po M&A [The right of which jurisdiction to choose. Corporate Lawyer's M&A Workshop]. *Korporativnyj jurist* [Corporate Lawyer]. 2019; (5): 28–35. (In Russ.).

7. Markov P. Nedruzhestvennoe pogloshhenie. Teorija, praktika, pravovoe regulirovanie [Unfriendly takeover. Theory, practice, legal regulation]. Moscow: Juniti-Dana, 2022. 96 p. (In Russ.).

8. Puzyrjova E. N. Osnovnye podhody k kollizionnomu regulirovaniju transgranichnogo oborota akcij. Probely v rossijskom zakonodatel'stve [Basic approaches to conflict regulation of cross-border turnover of shares. Gaps in Russian legislation]. *Juridicheskij zhurnal* [Law Journal]. 2012; (1): 70–74. (In Russ.).

9. Puchkov V. O. Inostrannye lica kak sub'ekty mezhdunarodnogo grazhdanskogo processa v Rossii i SShA: problema sudebnogo rassmotrenija mezhdunarodnyh kommercheskih sporov [Foreign persons as subjects of international civil procedure in Russia and the USA: the problem of judicial review of international commercial disputes]. *Vestnik grazhdanskogo processa* [Bulletin of Civil Procedure]. 2020; 10(6): 193–223. DOI: 10.24031/2226-0781-2020-10-6-193-223. (In Russ.).

10. Rjotig D. Podhod k resheniju zadachi ocenki i uchjota neopredeljonnosti pri podgotovke i provedenii sdelok slizaniya i pogloshheniya [Approach to solving the problem of assessing and accounting for uncertainty in the preparation and conduct of mergers and acquisitions]. *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Serija: Jekonomika* [Bulletin of the Moscow State Regional Univer-

sity. Series: Economy]. 2022; (1): 23–30. DOI: 10.18384/2310-6646-2022-1-23-30. (In Russ.).

11. Cehomskij N. V., Tihomirov D. V. Gudvill i okupaemost' investicij v M&A: itogi otketnosti 2010–2020 gg. (metody analiza i tekushhee sostojanie) [Goodwill and return on investment in M&A: results of reporting 2010–2020 (methods of analysis and current state)]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics]. 2021; 5(131): 44–53. (In Russ.).

12. Alexandridis G., Antypas N., Travlos N. Value creation from M&As: New evidence. *Journal of Corporate Finance*. 2017; (45): 632–650. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2017.05.010>.

13. Boone A. L., Liu Y. Time trends and determinants of the method of payment in M&As. *Journal of Corporate Finance*. 2014; (27): 296–304. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jcorpfin.2014.05.015>.

14. Cho H., Ahn H. S. Stock payment and the effects of institutional and cultural differences: A study of shareholder value creation in cross-border M&As. *International Business Review*. 2017; 26(3): 461–475. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.ibusrev.2016.10.004>.

15. Gerber D. J. Competition Law and Antitrust. *Concurrences*. 2020; (4): 208. DOI: <https://doi.org/10.1093/oso/9780198727477.003.0007>.

16. Hill C. A., Quinn B. J., Solomon S. D. Mergers and acquisitions: a cyclical and legal phenomenon. Research Handbook on Mergers and Acquisitions. Edward Elgar Publishing, 2016. Pp. 13–28. DOI: <https://doi.org/10.4337/9781784711481.00009>.

17. Ismailescu I., Col B. Cross-border M&As and credit risk: Evidence from the CDS market. *Journal of Empirical Finance*. 2022; (66): 51–73. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jempfin.2021.12.002>.

18. Kumar B. R., Kumar, Amboy. Wealth Creation in the World's Largest Mergers and Acquisitions. Springer International Publishing, 2019. 341 p.

19. Ochirova E. Literature Review of Mergers and Acquisitions with the Aim to Obtain Technology and Knowledge. *Journal of Corporate Finance Research*. 2019; 13(4): 87–94.

20. Papadopoulos T. EU regulatory approaches to cross-border mergers: exercising the

right of establishment. *European Law Review*. 2011; (1): 71–97.

21. Papadopoulos T. The magnitude of EU fundamental freedoms: application of the freedom of establishment to the cross-border mergers directive. *European Business Law Review*. 2012; 23(4): 517–546. DOI: <https://doi.org/10.54648/eulr2012029>.

22. Pérez-Pérez C., Benito-Osorio D., García Moreno S.M. Mergers and acquisitions within the sharing economy: Placing all the players on the board. *Sustainability*. 2021; 13(2): 743. DOI: <https://doi.org/10.3390/su13020743>.

23. Pignataro P. Mergers, Acquisitions, Divestitures, and Other Restructurings, + Website. Hoboken: John Wiley & Sons, 2015. 369 p.

24. Profkola K. Cross-Border Mergers Between Companies: Remaining Practical Problems After the 10th Council Directive of the European Union (September 31, 2008). DOI: <http://dx.doi.org/10.2139/ssrn.2444078/>.

25. Rainville M., Unlu E., Wu J.J. How do stronger creditor rights impact corporate acquisition activity and quality? *Journal of Banking & Finance*. 2022; 144(1): 106625. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.jbankfin.2022.106625>.

Статья поступила в редакцию 06.09.2023; одобрена после рецензирования 24.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 06.09.2023; approved after reviewing on 24.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Комнатная Юлия Александровна — кандидат юридических наук, доцент кафедры «Административное право и процесс» юридического института, Белгородский государственный национальный исследовательский университет.

Россия. г. Белгород, ул. Победы, 85

Yulia A. Komnatnaya — Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor, Department of Administrative Law and Process, Law Institute, Belgorod National Research University.

85 Pobedy str., Belgorod, Russia

Посохова Яна Витальевна — консультант юридической клиники, МГУ им. М. В. Ломоносова.

Россия, г. Москва, Ленинские горы, 1

Yana V. Posokhova — Consultant of the Legal Clinic, Lomonosov Moscow State University.

1 Leninskiye Gory, Moscow

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 332

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-173-182

УСТОЙЧИВОЕ РАЗВИТИЕ ПРИ САНКЦИЯХ: УПРАВЛЕНИЕ ЭКОНОМИКОЙ РОССИИ

Олег Сергеевич Сухарев¹✉, Екатерина Николаевна Ворончихина²

¹Институт экономики РАН, Москва, Россия

²Пермский государственный национальный исследовательский университет,
Пермь, Россия

¹o_sukharev@list.ru✉, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID РИНЦ: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018

²envoronchikhina@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7033-5832, AuthorID РИНЦ: 887504

Аннотация. Целью исследования является оценка устойчивости российской экономики, подвергнутой фронтальным санкциям, с акцентом на демонстрацию «структурной устойчивости».

Методологическую базу исследования представляют макроэкономический и структурный анализ, позволяющие показать отрицательный накопительный эффект по влиянию санкций на динамику ВВП России, а также подтвердить изменения в структурной динамике в год ввода санкций с постепенным возвратом к досанкционному режиму и тем самым сохранением структурной устойчивости. Информационную базу исследования представляет собой статистика Росстата. В качестве базового интервала времени принят период 2003–2022 годов. Однако, дальнейшее противодействие санкциям потребует от России проведения структурной политики, предполагающей снижение структурной устойчивости.

Результаты исследования. Предложен метод оценки структурной устойчивости по доминированию и колебанию вклада компонент ВВП в общий темп его роста. Структура ВВП измеряется по расходам и по секторам (обрабатывающий, транзакционный и сырьевой). Наибольший вклад в динамику ВВП до 2022 года сохраняло валовое потребление и транзакционный сектор, доминирующий в структуре продукта и по доле. Однако в 2022 году при введении фронтальных санкций против России, наибольший вклад в динамику ВВП стали вносить бюджетные расходы и сырьевой сектор. Это подтверждает вынужденную адаптацию к изменяющимся внешним условиям развития российской экономики. При этом монетарная политика провоцировала возврат к прежней досанкционной модели структурной динамики и экономического роста, сохраняя общую неустойчивость динамики, но структурную устойчивость экономики. Таким образом, можно заключить, что адаптация российской экономики к санкциям имела реактивный характер, не противодействуя санкциям согласно имеющемуся у экономики потенциалу развития и структурной модернизации.

Перспективы исследования заключаются в разработке метода оценки различных видов устойчивости экономической динамики с учётом внешних влияний в виде санкций, а также обоснованием выбора самого режима или вида устойчивости как общей, так и структурной динамики.

Ключевые слова: макроэкономическая политика, экономический рост, принцип «цели-инструменты», санкции, монетарная политика, устойчивое развитие

Для цитирования: Сухарев О. С., Ворончихина Е. Н. Устойчивое развитие при санкциях: управление экономикой России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №5. С. 173–182. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-173-182>.

Original article

SUSTAINABLE DEVELOPMENT UNDER SANCTIONS: MANAGING THE RUSSIAN ECONOMY

Oleg S. Sukharev¹✉, Ekaterina N. Voronchikhina²

¹*Institute of Economics, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

²*Perm State University, Perm, Russia*

¹*o_sukharev@list.ru*✉, ORCID: 0000-0002-3436-7703, AuthorID RSCI: 446204,
AuthorID Scopus: 56736819100, WoS Research ID: C-3767-2018

²*envoronchikhina@gmail.com*, ORCID: 0000-0001-7033-5832, AuthorID RSCI: 887504

Abstract. *The purpose of the research is to assess the stability of the Russian economy subjected to frontal sanctions, with an emphasis on demonstrating 'structural stability'.*

The methodological basis of the study is represented by macroeconomic and structural analysis, which allows us to show a negative cumulative effect on the impact of sanctions on the dynamics of Russia's GDP, as well as to confirm changes in structural dynamics in the year of the introduction of sanctions, with a gradual return to the pre-sanctions regime and thereby maintaining structural stability. The information base of the study is the statistics of Rosstat. The period 2003–2022 was adopted as the base time interval. However, further opposition to sanctions will require Russia to pursue a structural policy involving a reduction in structural stability.

Research result. *A method for assessing structural stability based on the dominance and fluctuation of the contribution of GDP components to the overall growth rate is proposed. The structure of GDP is measured by expenditure and by sectors (processing, transactional and raw materials). Gross consumption and the transactional sector, which dominates the product structure and share, maintained the largest contribution to GDP dynamics until 2022. However, in 2022, with the introduction of frontal sanctions against Russia, budget expenditures and the raw materials sector began to make the greatest contribution to the dynamics of GDP. This confirms the forced adaptation to the changing external conditions of the development of the Russian economy. At the same time, monetary policy provoked a return to the previous pre-sanctions model of structural dynamics and economic growth, while maintaining the general instability of dynamics, but the structural stability of the economy. Thus, it can be concluded that the adaptation of the Russian economy to sanctions had a reactive nature, without countering sanctions according to the potential of development and structural modernization available to the economy.*

The prospects of the research *are to develop a method for assessing various types of stability of economic dynamics, taking into account external influences in the form of sanctions, as well as justifying the choice of the regime itself or the type of stability of both general and structural dynamics.*

Keywords: *macroeconomic policy, economic growth, the principle of 'goals-tools', sanctions, monetary policy, sustainable development*

For citation: *Sukharev O. S., Voronchikhina E. N. Sustainable development under sanctions: managing the Russian economy // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 173–182. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-173-182>.*

Introduction. The modern development of the world economy has faced a new phenomenon — sanctions. Studies of their influence on individual parameters of the economy of individual countries, trade, exchange rate, economic growth are quite extensive [6–8; 10–11]. However, aspects of the impact on the sustainability of development and growth, the structure of the economy remain poorly understood. There are estimates of how the threat of sanctions correlates with the real dynamics when sanctions are imposed [6]. The characteristics of sanctions affect economic growth [7], but how exactly, many studies ignore, and the problem of sustainability of growth and development in general fades into the background. There are works [8] in which the impact of sanctions on the Russian economy is noted, which is expressed in a decrease in the cost of exports, and counter-sanctions lead to a decrease in the cost of imports, in particular agricultural products, and to a decrease in the cost of exporting hydrocarbons. In addition, questions are raised about how to make sanctions work and how they affect the exchange rate devaluation of the national currency [10–11]. As we can see, aspects of the structural stability of the economy are not considered due to the complexity of the problem statement, data lag, etc. In this study, we will try to identify a variant of the study of such an impact of sanctions at the empirical level of analysis.

In economics, there are different ideas about the sustainability of economic development. Most often, they are reduced to maintaining certain development parameters with an emphasis on the natural resource component, as well as taking into account demographic changes. However, with regard to economic dynamics, we can talk, on the one hand, about its stability, which can be interpreted as maintaining changes in the dynamics of a relevant parameter (for example, GDP) in a certain range, on the other hand, as an opportunity to return to the value of

this indicator with its negative deviation due to various reasons and emerging circumstances. As you can see, there are two types of stability, giving rise to both a question about the range of changes in the dynamics of the relevant indicator, and a question about the time it takes to return to the previous value with a negative deviation. These circumstances determine the problem of choosing the type of stability of dynamics for this economic indicator characterizing the development of the economic system. But the change in the circumstances themselves cannot be fully taken into account, especially when forming a sustainable development policy. Consequently, there will always be a probability of loss of stability with any method of determining it. However, these two ways of determining the sustainability of economic dynamics differ from the stereotypical approaches to sustainable development replicated in reports to the Club of Rome, reducing the sustainability of this development to solving the 'green problem', as well as ensuring demographic transition.

If we present a basic relevant parameter that characterizes development in the form of elements (for example, the structure of GDP by expenditure or economic sectors), then the problem arises of ensuring the stability of structural dynamics. It can also be represented in the form of changes in the contribution of elements to the overall dynamics and changes in the shares of elements in the system. Thus, there are several types of stability, and assuming different estimates. It should be noted at once that the well-known mechanical approaches, in particular the Lyapunov stability assessment, or the Zang 'synergetic economy' model [2] are not able to give a practically useful picture of the stability of macroeconomic dynamics for the formation of methods or tools to ensure it. To do this, firstly, a new theory of economic policy will be needed, and, secondly, a comprehensive empirical analysis of aggregate dynamics, including structural dynamics, revealing

changes in the elements of the system and their contribution to economic growth, acting as the main target parameter when considering the problem of sustainability of economic development, will be required.

Summing up the above, the purpose of this study is to conduct an analysis of the structural dynamics of the Russian economy, with the clarification of the impact of the sanctions of 2022 on maintaining the stability of the dynamics itself and the structural dynamics of two types. The methodology of the study consists of a macroeconomic and structural, empirical analysis of data series on basic indicators of the Russian economy. To achieve this goal, we will consider the impact of sanctions as a policy tool on the sustainability of economic development, then we will proceed to quantitative estimates of the structural dynamics of the GDP of the Russian economy, with a conclusion about the features and stability of this dynamics.

Research methodology. Sustainable development and sanctions policy. The sanctions policy is a system of multidimensional and repetitive impacts (in the form of sanctions packages) on the economy of the sanctioned country with the common task of destabilizing its development, lowering its economic potential, damaging and/or removing the political leadership from public administration. The country that initiates sanctions enjoys a relatively high dependence of the sanctioned state on external development centres, foreign currency and reserves filled in its nominal value, joint projects, export-import operations, etc. The initiated violations are designed to undermine sustainable development, which should be understood as the sustained positive dynamics of GDP, investment, real incomes of the population and other social indicators. Large deviations in this dynamics, or its departure from a positive to a negative area (provoking a recession) means a loss of stability of economic growth, hence development as a whole.

From a formal point of view, the Russian economy showed exactly such dynamics — from positive values of the growth rate in 2021, after the introduction of sanctions in 2022, it showed a negative GDP growth of about 2%. It should be noted that despite the sanctions, the Russian economy showed growth in 2014, 2017–2019

and 2021. The growth rate usually did not exceed 2.5%, and the average growth rate over the decade was slightly above 1%. However, convincing evidence that such dynamics arose as a result of sanctions is not provided in modern scientific works. Russia's economic growth before 2014 was higher in pace, but after the crisis of 2009, this rate was even lower than, say, in 2000–2008, when it was comparable to the growth of the Chinese economy, and exceeded the growth rate of the European and American economies. Thus, it is likely that other factors were the reason for the slowdown in the growth rate of the Russian economy, and how tangible the contribution of sanctions until 2022 is an open question. Moreover, after the introduction of new, frontal sanctions in 2022, and the deprivation of Russia's reserves in the amount of 300 billion roubles. Nevertheless, country has refuted forecasts for a decline in its GDP, lowering it by only around 2%, and Russia's retaliatory actions have led to a resumption of growth in 2023 — at a positive pace. Of course, such fluctuations from year to year cannot characterize the sustainability of the development of the Russian economy, but they clearly demonstrate the weakness and ineffectiveness of sanctions on empirical material.

From our point of view, fluctuations in the basic macroeconomic parameters, even in the positive area of dynamics, should mean an increase in instability if the amplitude of such fluctuations increases. If the parameters fluctuate, moving from a negative to a positive area, from year to year, then such a development can hardly be called sustainable.

Thus, unstable development can be assessed by increasing the amplitude of fluctuations in fundamental macroeconomic indicators (GDP, investment, real disposable income, inflation, employment level) of the positive dynamics area, and by moving into the negative area, characterizing the containment of development as such. Prolonged presence in this area also indicates a loss of sustainability of development.

Sustainable development implies economic growth, and fluctuations in the pace should not be significant.

The concept of 'structural stability', as well as the stability of dynamics, is hardly appropriate for the real economy to associate, for example, with the possibility of returning to

some values when deviating from them, even if these deviations occur in the negative region, and the return is carried out in the positive region of parameter values. The introduction of very complicated theorems describing structural stability within the framework of the theory of dynamical systems [2] also complicates practically significant estimates too much. It is appropriate to assume that structural stability can be assessed by preserving the existing economic structure, allocated by one method or another for certain elements (sectors, components of GDP by income, expenses, etc.) Since the allocation of the structure is different, then the stability will also be different. It should not be understood as the degree of deviation from the established and functioning structure. The higher the deviations, the lower the stability. Permanent changes in the structure over a limited period of time can also be perceived as low stability. It is another matter if we are talking about a purposeful controlled change in the structure of the economy. But such changes presuppose the removal of the system of their structural equilibrium, which automatically indicates instability. The second type of structural stability is the structure of the contribution of elements of the economy to the rate of economic growth, that is, to the dynamics of GDP. This type of structural stability is less stable, since the continuing structure of the economy due to changes in government policy can provide a variable contribution of each of the structural elements to the growth rate. Thus, the contribution of elements can vary and this type of structural stability can therefore be very low, especially if the contribution varies from positive to negative values or vice versa.

From the point of view of economic management, this representation is very convenient and useful even when conducting an empirical structural analysis of the dynamics of a country's GDP. In the next paragraph, we will show the variants of the structural dynamics of Russia's GDP by expenditure and economic sectors. Note that the contribution of the GDP component to expenditures changes, as well as the contribution of sectors to the growth rate of Russia's GDP in 2022, with the introduction of frontal sanctions, despite the fact that the structural stability of the economy, provided by the contribution of components and sectors, remains almost unchanged. If the policy tools

do not allow achieving the goal, therefore, this goal shows insensitivity to these tools. The lack of sensitivity can be caused by various reasons, but such an effect is designated as the cumulative effect of a policy instrument. When the sensitivity decreases or is absent, it is negative, when it increases or is present, respectively, a positive effect [5].

Russian economy development before and after the introduction of sanctions in 2022. On average, before the sanctions of 2022, gross consumption (with the exception of certain years) and the transaction sector dominated in terms of contribution. But in the year of the introduction of sanctions, the situation changes structurally. However, the policy pursued by the monetary authorities in 2023 is aimed at returning to the general ideology of macroeconomic policy until 2022 [3]. At the same time, the cumulative, and negative, effect of the sanctions policy is not taken into account, when the target macro-indicators do not depend on sanctions, even taking into account time lags, since the policy of the government of the Russian Federation eliminates such dependence. Thus, the principle of 'goals-tools' does not work in the modern policy of sanctions. It often does not work in standard macroeconomic policy, which reveals a negative cumulative effect [5].

In relation to the Russian economy, sanctions are the instruments, and the goal is the loss of sustainability of development and a negative rate of economic growth, which was formally achieved in 2022, but several times smaller than planned by the beneficiaries of the sanctions policy, and in 2023 this goal has not been achieved. This gives reason to consider the target insensitive or weakly sensitive to tools, that is, sanctions do not give progress to the specified goal.

Figures 1–4 clearly reflect the result on the dynamics and structure of the Russian economy.

Figure 1 shows the structure of the Russian economy by elements of GDP by expenditure. Attention is drawn to the growth of gross consumption and the reduction of net exports, as well as the compression of the contribution of components — consumption and gross accumulation after the crisis of 2015 (Figure 2). In 2021, the model of the structure of GDP growth for the period 2003–2008 returned

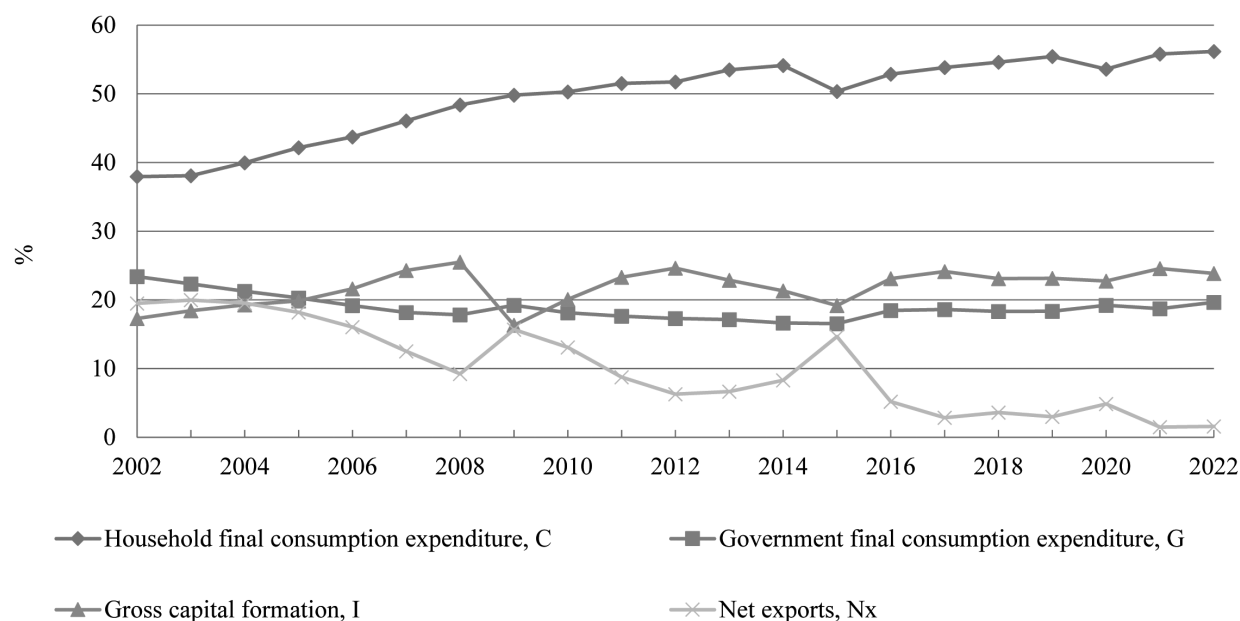

Fig. 1. Russia's GDP dynamics and structure by expenditures¹, %
Рис. 1. Динамика и структура ВВП России по расходам, %

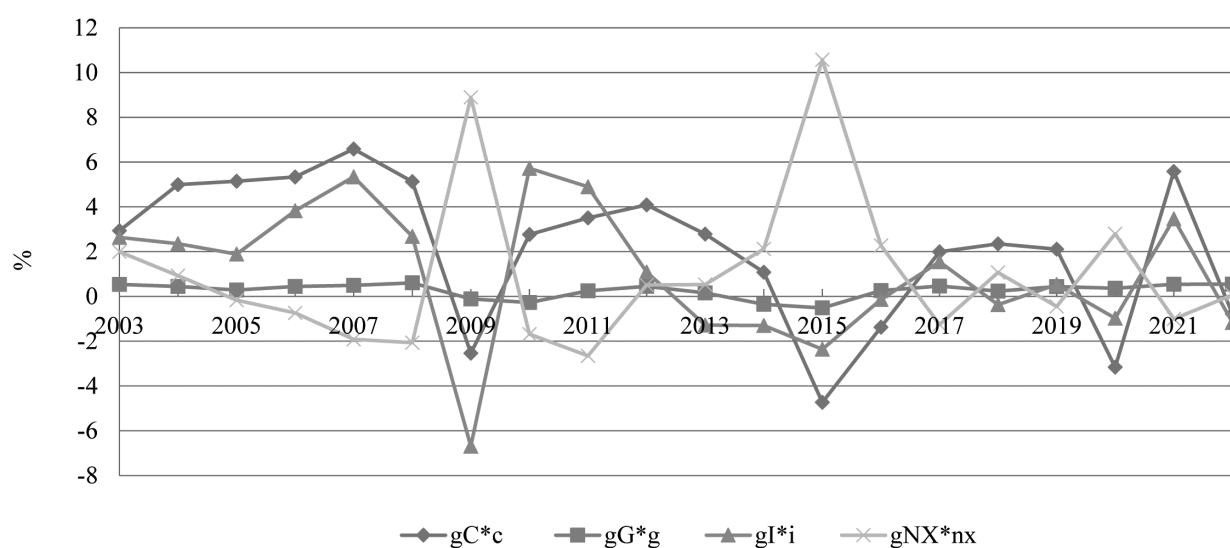

Fig. 2. Contribution of the GDP elements by expenditure to the Russian economy growth rate², %, 2003–2022

Рис. 2. Вклад элементов ВВП по расходам в темпы роста российской экономики, %, 2003–2022

1 Source: calculated by the authors according to Rosstat data. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

2 Source: calculated by the authors according to Rosstat data. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

(Figure 2), but in 2022, with the introduction of sanctions, it was changed, although the methods of economic policy provided a return to the previous parameters, in particular, we are talking about monetary policy [3].

The sectoral analysis of the growth of the Russian economy is reflected in Figures 3–4, and it is clear that the sectoral structure by and large does not change, maintaining stability, but the contribution of sectors to the dynamics (Figure 4) changes, including significantly

in 2022. Again, it can be seen that in 2021, after the ‘covid’ crisis of 2020, the structural dynamics of the period 2004–2008, 2010–2013 and 2017–2019 returns, but in 2022 it changes to one that has never been in the Russian economy since 2004 (Figure 4), except for the crisis (recessionary) 2015. In 2022, the raw materials sector dominates in terms of its contribution to the dynamics, followed by the manufacturing sector, and the transaction sector makes the main contribution to the

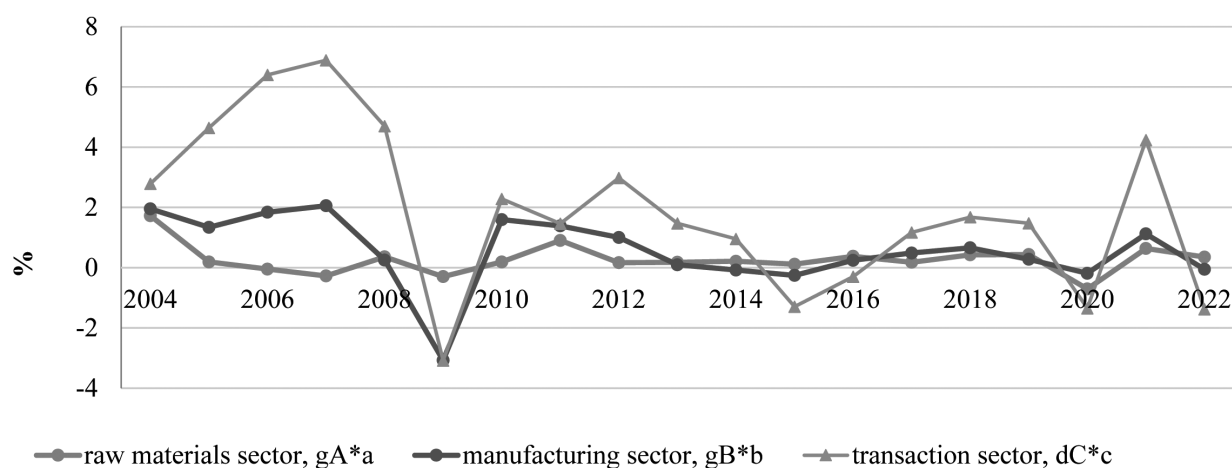

Fig. 3. Russia's GDP dynamics and structure by sector³, %
Рис. 3. Динамика и структура ВВП России по секторам, %

Fig. 4. Sectors contribution to the Russia's GDP dynamics⁴, %
Рис. 4. Вклад секторов в динамику ВВП России, %

³ Source: authors' calculation according to Rosstat data. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

⁴ Source: authors' calculation according to Rosstat data. URL: http://www.gks.ru/wps/wcm/connect/rosstat_main/rosstat/ru/statistics/accounts/#.

decline in GDP. Thus, we can talk about a change in the regime of structural dynamics in the sectoral context and in the aspect of GDP by expenditure (Figure 2). There are two possible options at this point, when the economy will consolidate this model of structural dynamics in 2023, or give up and return to the previous structural dynamics. In the latter case, it will be possible to talk about a return on the second type of structural stability.

Thus, the conducted structural and empirical analysis suggests that the sanctions of 2022 in the same period of their introduction led to a change in the regime of structural dynamics. This ensured instability of the second type, while maintaining the structural stability of the first type. However, the stability of the overall dynamics of the economy was shaken (violated) long before the sanctions were imposed, although the structural stability of the second type was generally maintained, as can be seen from the ratio of contributions to the growth rate of various elements of the Russian GDP structure (Figures 2 and 4).

Conclusion. Summing up the analysis, we will formulate some of the most important conclusions arising from it.

Firstly, unlike V.B. Zang, who introduces the idea of structural stability based on the theory of dynamic systems [8], the structural stability of the real economy can be represented in the form of two types: preservation of the structure of the economy according to basic parameters — GDP, preservation of the contribution of structural elements to the rate of economic growth. For Russia, the structural stability of the first type is observed, the second type is not observed when sanctions are imposed, because the characteristics of the influence of structural elements on growth, as well as the reaction of the government, change.

Secondly, it can be argued that the Russian economy has revealed a negative cumulative effect of the sanctions policy on the sustainability of its development and overall dynamics. It means that the target parameters of the dynamics were not sensitive to sanctions, as well as the structural stability of the first type.

Thirdly, two types of sustainability should be considered — dynamics and economic structure. Moreover, the analogy in the interpretation of

the stability of economic dynamics, for example, according to A.M. Lyapunov, is hardly suitable for the analysis of the stability of economic dynamics. In addition, in the economy it is not legitimate to talk about returning to the value of the parameter with its dynamics as a variant of the stability of the movement of the economy. The situation looks more adequate when it comes to the frequency of fluctuations of a dynamically changing parameter, for example, GDP, and the amplitude of these fluctuations, which should not be significant in order to observe the stability of growth and development. It seems that the evaluation of the methods of phase portraits of F. Takens [1] and variables can be considered as an auxiliary method for analyzing the stability of socio-economic dynamics.

Thus, the ideas about ensuring sustainable development require correction, taking into account the new policy of sanctions designed to destabilize development, shaking its stability. Methods of countering such a policy are methods of economic management (the task of ensuring optimal management according to L.S. Pontryagin is difficult to solve in practice here, although the variable speed is of fundamental importance [4]), aimed at maintaining stability. It is important for the Russian economy, while ensuring the stability of the positive dynamics of relevant macroeconomic parameters, at the same time, to allow a certain level of structural instability due to the need for structural changes in accordance with the goals of national development on the domestic technological and product base.

The perspective is the analysis not only of various types of sustainability and their measurement, but also the selection of methods, instruments of macroeconomic policy, providing a particular dynamics and a particular contribution of the element to the overall dynamics. The specified perspective is possible only if it is possible to build a modern theory of economic policy that takes standard, classical approaches beyond the framework of the well-known principle of 'goals-tools' [9], since today it does not take into account the problems of stability of dynamics as such. Since the task of ensuring the highest possible rate of GDP growth is not removed from the agenda in many states, since the task of sustainability of such dynamics also becomes decisive, especially in conditions

of conscious counteraction to development in the form of a sanctions policy aimed solely at slowing growth, that is, giving it an unstable character and the transition of the economy to crisis development.

Список источников

1. Глазунова В.В. Устойчивость макроэкономической динамики: система показателей и методика оценки // Вестник РГГУ. Серия: Экономика. Управление. Право. 2021. №2. С. 62–80.
2. Занг В.-Б. Синергетическая экономика. Время и перемен в нелинейной экономической теории. М.: Мир, 1999. 335 с.
3. Основные направления единой государственной денежно-кредитной политики на 2023 года и период 2024 и 2025 годов. М.: Банк России, 2022. 159 с.
4. Понтрягин Л.С. Принцип максимума в оптимальном управлении. М.: Ленанд, 2004. 64 с.
5. Сухарев О.С. Выбор модели экономического роста: планирование развития при накопительном эффекте политики // В сборнике: Россия: тенденции и перспективы развития. Ежегодник. М.: ИНИОН РАН, 2022. С.266–271.
6. Afesorgbor S.K. The impact of economic sanctions on international trade: How do threatened sanctions compare with imposed sanctions? // *European Journal of Political Economy*. 2019. Vol. 56. Pp. 11–26.
7. Alhassan A., Sabzehmeidani A. S., Taha A., Haseki M.I. Sanctions and economic growth: Do sanction diversity and level of development matter? // *Heliyon*. 2023. Vol. 9. №9. e19571.
8. Nguyen T. T., Do M. H. Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation's trade // *Economic Analysis and Policy*. 2021. Vol. 71. Pp. 267–278.
9. Tinbergen J. On the Theory of Economic Policy. Amsterdam, 1952. 78 p.
10. Wang Y., Wang K., Chang Ch-P. The impacts of economic sanctions on exchange rate volatility // *Economic Modelling*. 2019. Vol. 82. Pp. 58–65.
11. Weber P. M., Schneider G. How many hands to make sanctions work? Comparing EU and US sanctioning efforts // *European Economic Review*. 2020. Vol. 130. 103595.

References

1. Glazunova V. V. Ustojchivost' makroekonomicheskoy dinamiki: sistema pokazatelej i metodika ocenki [Stability of macroeconomic dynamics: a system of indicators and an assessment methodology]. *Vestnik RGGU. Serija: Jekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of the Russian State University. Series: Economics. Management. Law]. 2021; (2): 62–80. (In Russ.).
2. Zang V.-B. Sinergeticheskaja jekonomika. Vremja i peremen v nelinejnoj jekonomicheskoy teorii [Synergetic economy. Time and change in nonlinear economic theory]. Moscow: Mir, 1999. 335 p. (In Russ.).
3. Osnovnye napravlenija edinoj gosudarstvennoj denezhno-kreditnoj politiki na 2023 goda i period 2024 i 2025 godov [The main directions of the unified state monetary policy for 2023 and the period 2024 and 2025]. Moscow: Bank Rossii, 2022. 159 p. (In Russ.).
4. Pontrjagin L. S. Princip maksimuma v optimal'nom upravlenii [The principle of maximum in optimal management]. Moscow: Lenand, 2004. 64 p. (In Russ.).
5. Suharev O. S. Vybora modeli jekonomicheskogo rosta: planirovanie razvitija pri nakopitel'nom jeffekte politiki [Choosing a model of economic growth: development planning with the cumulative effect of policy]. V sbornike: Rossiya: tendencii i perspektivy razvitija. Ezhegodnik [In the collection: Russia: trends and prospects of development. Yearbook]. Moscow: INION RAN, 2022. Pp. 266–271. (In Russ.).
6. Afesorgbor S.K. The impact of economic sanctions on international trade: How do threatened sanctions compare with imposed sanctions? *European Journal of Political Economy*. 2019; (56): 11–26.
7. Alhassan A., Sabzehmeidani A. S., Taha A., Haseki M.I. Sanctions and economic growth: Do sanction diversity and level of development matter? *Heliyon*. 2023; 9 (9): e19571.
8. Nguyen T. T., Do M. H. Impact of economic sanctions and counter-sanctions on the Russian Federation's trade. *Economic Analysis and Policy*. 2021; (71): 267–278.
9. Tinbergen J. On the Theory of Economic Policy. Amsterdam, 1952. 78 p.

10. Wang Y., Wang K., Chang Ch-P. The impacts of economic sanctions on exchange rate volatility. *Economic Modelling*. 2019; (82): 58–65.

11. Weber P.M., Schneider G. How many hands to make sanctions work? Comparing EU and US sanctioning efforts. *European Economic Review*. 2020; (130): 103595.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 29.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 10.09.2023; approved after reviewing on 29.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Сухарев Олег Сергеевич — доктор экономических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт экономики Российской академии наук.

Россия, г. Москва, Нахимовский пр., 32

Oleg S. Sukharev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Chief Researcher, Institute of Economics, Russian Academy of Sciences.

32 Nakhimovskiy ln., Moscow, Russia

Ворончихина Екатерина Николаевна — кандидат экономических наук, доцент кафедры мировой и региональной экономики, экономической теории Пермского государственного национального исследовательского университета.

Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Ekaterina N. Voronchikhina — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of World and Regional Economics, Economic Theory, Perm State University.

15 Bukireva str., Perm, Russia

Вклад авторов:

Сухарев О. С. — научное руководство, концепция исследования, развитие методологии, написание исходного текста, итоговые выводы.

Ворончихина Е. Н. — обзор литературы, эмпирические данные, доработка текста.

Contribution of the authors:

Sukharev O. S. — scientific management, research concept, development of methodology, writing the source text, final conclusions.

Voronchikhina E. N. — literature review, empirical data, follow-on version of the text.

Научная статья

УДК 338.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-183-194

ОБЕСПЕЧЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОЙ КОММЕРЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Сергей Викторович Филиппов

**Каменский технологический институт (филиал)
Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Каменск-Шахтинский, Россия
filipps@bk.ru, AuthorID Scopus: 0000-0002-7154-1862**

Аннотация. *Целью исследования* является изучение взаимосвязи коммерческих операций и специфических особенностей обеспечения эффективной коммерческой деятельности производственного предприятия.

Методология исследования основывается на использовании общенаучных методов логического анализа, обобщения и систематизации на основе изучения монографий, научных статей и иных материалов, посвященных теме исследования.

Результаты исследования. Систематизированы базовые понятия коммерческой деятельности производственного предприятия, раскрыта её сущность, особенности осуществления производственным предприятием, проведена классификация функций коммерческой деятельности, проведена систематизация базовых этапов осуществления коммерческой деятельности, выявлены группы факторов, оказывающих влияние на результативность коммерческой деятельности, а также функции сбытового подразделения коммерческого предприятия и этапы коммерческой деятельности при закупке товарно-материальных ценностей.

Перспективы исследования. Дальнейшее исследование проблематики обеспечения эффективной коммерческой деятельности производственного предприятия открывает новые возможности по повышению устойчивости развития в продолжительном временном периоде.

Ключевые слова: коммерческая деятельность, производственное предприятие, сбытовая система, производственный ассортимент, устойчивость, эффективность

Для цитирования: Филиппов С.В. Обеспечение эффективной коммерческой деятельности производственного предприятия // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 183–194. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-183-194>.

Original article

ENSURING EFFECTIVE COMMERCIAL ACTIVITY OF THE PRODUCTION ENTERPRISE

Sergei V. Filippov

*Kamensk Technological Institute (branch),
Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Kamensk-Shakhtinsky, Russia
filipps@bk.ru, AuthorID Scopus: 0000-0002-7154-1862*

Abstract. *The aim of the study is to study the relationship between commercial operations and the specific features of ensuring effective commercial activity of a manufacturing enterprise.*

The methodology is based on the use of general scientific methods of logical analysis, generalization and systematization based on the study of monographs, scientific articles and other materials devoted to the research topic.

Research result. *The basic concepts of the commercial activity of a manufacturing enterprise are systematized, its essence is disclosed, the specifics of the implementation by a manufacturing enterprise are disclosed, the classification of the functions of commercial activity is carried out, the basic stages of commercial activity are systematized, groups of factors influencing the effectiveness of commercial activity are identified, as well as the functions of the sales division of a commercial enterprise and the stages of commercial activity in the procurement of inventory are identified.*

The prospect of the study. *Further study of the problems of ensuring effective commercial activity of a manufacturing enterprise opens up new opportunities to increase the sustainability of development in a long time period.*

Keywords: *commercial activity, production enterprise, sales system, production range, sustainability, efficiency*

For citation: *Filippov S. V. Ensuring effective commercial activity of the production enterprise // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 183–194. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-183-194>.*

Введение. В условиях рыночных отношений особую роль приобретает развитие различных видов торговли, а также разнообразных форм посредническо-коммерческой деятельности. Данный вид деятельности представляет собой сложную систему, основной задачей которой является обеспечение процессов по купле-продаже с учетом как текущего состояния рынка, так и возможных изменений с целью получения прибыли и удовлетворения платежеспособного спроса. Следует отметить, что коммерческая деятельность в нашей стране развивается довольно активно, а в последнее время в сферах оптовой, мелкооптовой и розничной торговли наблюдается положительное усиление конкуренции. Благодаря коммерческой деятельности осуществляется координация и регу-

лирование обмена между поставщиками, производителями и потребителями. Итогом коммерческого взаимодействия между поставщиком, производителем и потребителем является акт купли-продажи, причем от успешности и эффективности действий по всей цепочке взаимодействий зависит конечный результат производственной деятельности предприятия. Одним из условий успешного осуществления коммерческой деятельности являются глубокие теоретические и практические знания и навыки, а также передовые технологии проведения производственным предприятием коммерческих операций.

Анализ работ по теме исследования и обсуждение. На основе анализа ряда работ Д.В. Боровинского, В.В. Куимова, Д.И. Ва-

лигурского, М.Н. Авдокушиной, В.А. Алексунина, К.П. Федоренко нами систематизированы ключевые понятия коммерческой деятельности [2; 8; 9].

Коммерческой деятельностью называют инициативные действия, направленные на извлечение прибыли посредством купли-продажи. Под коммерческой деятельностью часто понимают также один из видов предпринимательской деятельности, которая направлена в область обращения товаров и (или) услуг. Сущность коммерческой деятельности предприятия состоит в реализации взаимосвязанной системы информационно-организационных операций, осуществляемых в рамках обеспечения получения прибыли от процесса купли-продажи товаров (услуг). В производственной сфере коммерческая деятельность является одной из ключевых составляющих обеспечения эффективности функционирования предприятия. Коммерческая деятельность в этом случае начинается с покупки необходимых для производства ресурсов, а заканчивается продажей произведенной продукции.

В процессе осуществления коммерческой деятельности производственные предприятия должны досконально изучить: рыночную конъюнктуру, особенности спроса на продукцию, возможных поставщиков сырья и комплектующих, уровень конкуренции, особенности организации товародвижения.

Полученная информация служит материалом для анализа при формировании сбытовой системы и производственного ассортимента, предприятия.

В качестве субъекта коммерческой деятельности выступают юридические лица — организации или физические лица — предприниматели, зарегистрированные в предусмотренном государством порядке. Объектами же коммерческой деятельности может выступать всё, что предназначается для продажи — физические товары, материальные и нематериальные услуги, результаты интеллектуальной деятельности, имущество, деньги, ценные бумаги и т.п. В отличие от торговли, коммерческая деятельность в производственной сфере не ограничивается лишь операциями купли и продажи товаров, а направлена на выполнение более широкого спектра операций. Классификация

функций коммерческой деятельности представлена на рисунке 1.

Коммерческая деятельность в области материально-технического обеспечения предусматривает закупки необходимого сырья и материалов, используемых в процессе производства продукции. В свою очередь, коммерческие операции, относящиеся к сбыту продукции, являются конечными в предпринимательском процессе, они направлены на доведение товара до конечного потребителя и могут включать дополнительные мероприятия по рекламе и стимулированию продаж [4; 5].

Коммерческие процессы технологического характера связаны с особенностями трансформации и изменения предметов труда в процессе превращения их в коммерческий продукт. Процессы коммерческой деятельности экономического характера предполагают оценку товара на каждом этапе хозяйственного оборота.

К обеспечивающей коммерческой деятельности относятся операции, относящиеся к товародвижению: хранение на складе готовой продукции, осуществление перевозки, страхование перевозимого товара.

Основные коммерческие операции предусматривают взаимоотношения с партнерами и контрагентами, к таким операциям относят товарообменные операции, различные технические, информационные услуги.

Для обеспечения максимально эффективной реализации процессов по купле-продаже следует придерживаться определенного установленного порядка осуществления взаимозависимых операций в ходе коммерческой деятельности предприятия [7]. В качестве базовых этапов осуществления коммерческих процессов производственным предприятием можно выделить:

- маркетинговое исследование рынка;
- поиск поставщиков оборудования и материалов;
- заключение торговых договоров;
- выбор целевой группы потребителей;
- реализацию произведенной продукции.

Исходя из вышеизложенного, под коммерческой деятельностью производственного предприятия мы понимаем оперативно-координационную деятельность, связанную с обеспечением производственного процесса путем совершения обменных операций то-

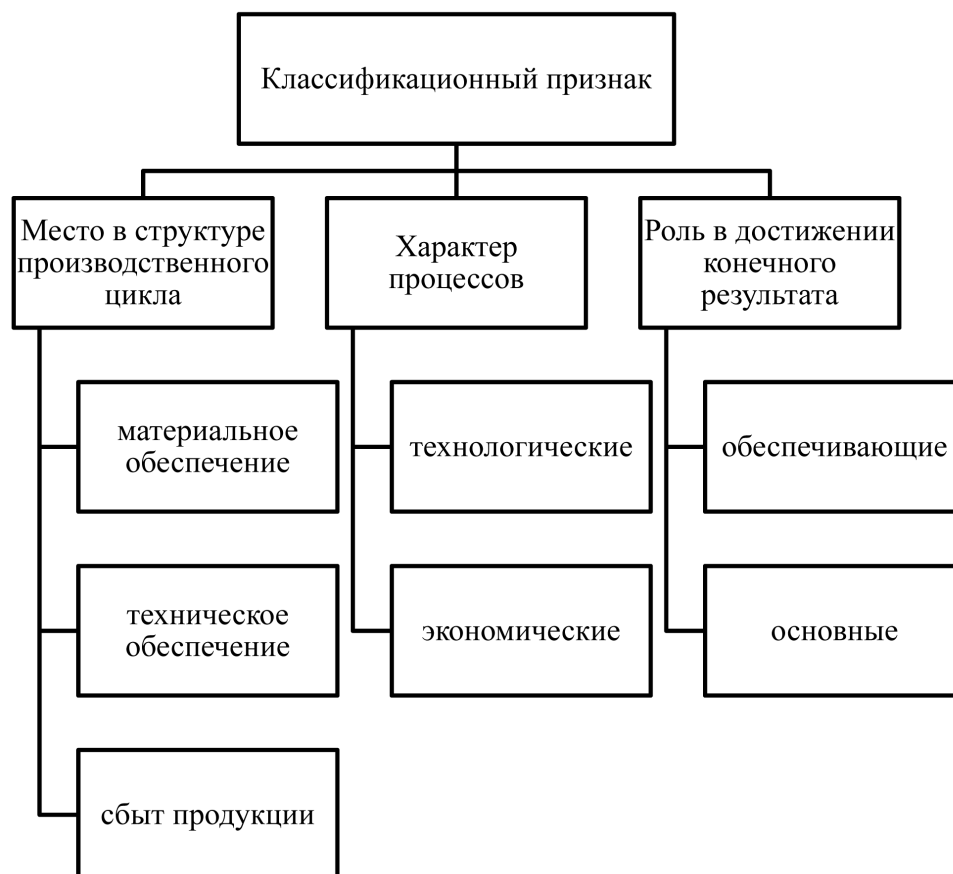

Рис. 1. Функции коммерческой деятельности
Fig. 1. Functions of commercial activity

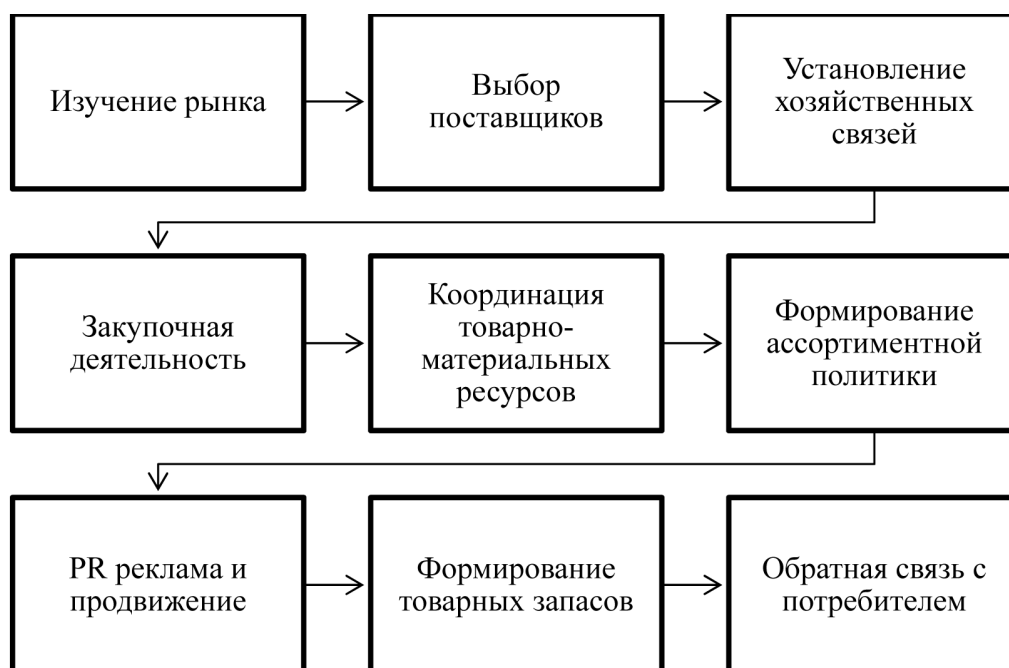

Рис. 2. Структура коммерческой деятельности предприятия
Fig. 2. Structure of commercial activity of the enterprise

варно-материальными и иными ценностями с целью удовлетворения потребительских нужд и получения прибыли.

Как мы видим, коммерческая деятельность является связующим процессом различных сфер деятельности предприятия, поэтому под коммерческой деятельностью можно понимать процесс обмена товарами (услугами) между различными рыночными субъектами в рамках действующего законодательства с ключевой целью получения каждым из них прибыли.

Систематизировав вышеизложенное, операции, которые осуществляются производственным предприятием в рамках коммерческой деятельности, можно условно отнести к главным (основным), заключающимся в непосредственном товарообмене между контрагентами, и поддерживающим (вспомогательным) [6]. Структура коммерческой деятельности предприятия представлена нами на рис. 2.

Коммерческая деятельность производственного предприятия выражается в процессе продажи на товарном рынке. В свою очередь, структура и последовательность операций, связанных с коммерческой деятельностью, во многом зависит от отраслевой принадлежности и производственного товарного ассортимента. В зависимости от этих факторов отдельные элементы коммерческой деятельности могут быть полностью или же частично изменены.

Рассмотренные нами особенности коммерческой деятельности позволяют выявить ключевые направления деятельности производственного предприятия на рынке, среди которых можно выделить:

- установление коммерческих связей с контрагентами на основе договорных отношений;
- осуществление товарообменных операций в рамках сделок купли-продажи;
- формирование и управление производственными запасами;
- утверждение производственного ассортимента в рамках выявленной рыночной ниши;
- предложение дополнительных сервисных и послепродажных услуг в соответствии с выявленными потребительскими запросами (транспортировка, дополнительная гарантия и т.п.).

Таким образом, под коммерческой деятельностью производственного предпри-

ятия мы понимаем оперативно-координационную деятельность, связанную с обеспечением производственного процесса путем совершения обменных операций товарно-материальными и иными ценностями с целью удовлетворения потребительских запросов и получения прибыли. Последовательность операций, связанных с коммерческой деятельностью, во многом зависит от отраслевой принадлежности и производственного товарного ассортимента. Итогом коммерческого взаимодействия между поставщиком, производителем и потребителем является акт купли-продажи, от успешности и эффективности действий по всей цепочке взаимодействий зависит конечный результат производственной деятельности предприятия.

Оценка эффективности коммерческой деятельности. Как показало наше исследование, успешность коммерческой деятельности производственного предприятия зависит от целого ряда факторов, которые условно можно разделить на две группы, представленные на рисунке 3.

Внешние факторы, оказывая воздействие на способность добиваться достижения поставленных целей, находятся вне контролирующего воздействия со стороны руководства предприятия:

- политико-правовые факторы характеризуют общественное влияние и законодательные особенности регулирования государством экономической деятельности;
- социально-культурные факторы связаны с культурными традициями и особенностями социальных и этических приоритетов общества;
- природно-географические факторы представляют природные условия, оказывающие влияние на хозяйственную деятельность;
- конъюнктурные факторы описывают особенности сложившейся на рынке экономической ситуации, баланс между спросом и предложением, уровень конкуренции, динамику валютного курса, и т.п.

В свою очередь, внутренние факторы, оказывая влияние на успешность деятельности предприятия, в отличие от внешних факторов, поддаются контролю со стороны руководства предприятия:

— организационно-управленческие факторы описывают цели, принципы, методы, стили и технологию управления, стратегию развития предприятия и организационную культуру;

— материально-технические факторы характеризуют используемые технологии, оборудование и особенности комбинирования сырья, материалов энергии, трудовых ресурсов;

— хозяйственные факторы связаны с особенностями обеспеченности материальными и финансовыми ресурсами экономической деятельности компании;

— трудовые факторы характеризуют трудовой потенциал, физические и интеллектуальные способности, знания, опыт и квалификацию работников.

Устойчивая и стабильная работа базируется на всестороннем анализе вышеописанных внутренних и внешних факторов, воздействующих на предприятие.

Существует также система показателей, характеризующих экономическую эффективность работы предприятия. При этом важно подвергать анализу не только абсолютные, но и относительные показатели экономической деятельности [1].

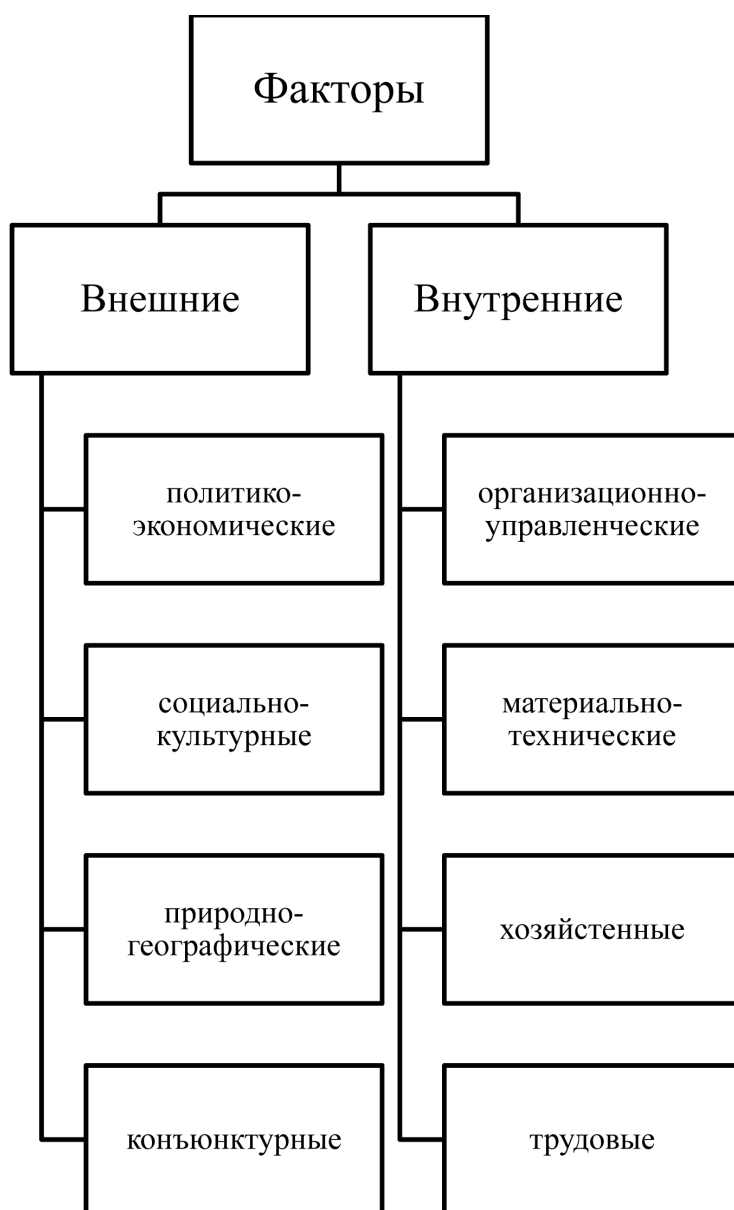

Рис. 3. Воздействующие на предприятие факторы
Fig. 3. Factors affecting the enterprise

Уровень доходности деятельности описывает рентабельность как один из показателей эффективности работы, более распространенный показатель — уровень рентабельности продаж, который характеризует отношение полученной прибыли к размеру товарооборота.

В зависимости от сферы деятельности, отраслевой принадлежности предприятия существуют различные уровни рентабельности, считающиеся приемлемыми. Усредненно уровень рентабельности можно охарактеризовать так:

- 1–5% — низкий уровень, возможно, требуется улучшить, изыскав внутренние резервы;
- 5–15% — средний показатель, позволяющий предприятию стабильно работать;
- 15–30% — высокий показатель, необходимо принять меры для его поддержания на данном уровне.

Ключевым показателем эффективности коммерческой деятельности является прибыль организации, при этом следует отличать прибыль от реализации продукции, балансовую и чистую прибыль компании.

В коммерческой деятельности выручка предприятия рассматривается как разница между доходами, полученными от реализации, и произведенными расходами. В свою очередь под операционной выручкой понимают разность торговых наценок и издержек обращения.

Важным показателем, характеризующим экономическую эффективность, служат расходы на осуществление коммерческой деятельности, то есть издержки обращения. Такие факторы, как повышение тарифов на грузоперевозки, энергоносители и т. п., вызывают рост издержек обращения, что может привести к ухудшению экономических показателей и даже банкротству предприятия. Максимально возможное снижение издержек обращения является одним из условий повышения эффективности коммерческой деятельности предприятия.

В качестве индикаторов эффективности коммерческой деятельности предприятия могут также выступать отношения прибыли к фонду заработной платы, к основным средствам и к оборотным средствам.

В условиях рыночной экономики коммерческая деятельность является неотъемле-

мым элементом бизнес-процессов предприятий и организаций. При отсутствии директивных плановых заданий, характерных для плановой экономики, руководством компаний принимаются самостоятельные решения не только по вопросам ассортимента или ценовой политики, но и по широкому комплексу вопросов, связанных со сбытом готовой продукции. Под сбытом мы понимаем процесс, направленный на реализацию товарной продукции с целью удовлетворения потребительских запросов и получения прибыли. При этом в процессе реализации товарной продукции использованный капитал принимает денежную форму.

Учитывая исключительную важность сбытовой функции для эффективной работы предприятия, оказывающей самое непосредственное влияние на конечный результат деятельности, этому направлению деятельности следует выделять особое внимание. Наличие собственных каналов сбыта, складов, распределительных центров является важным конкурентным преимуществом.

Следует учитывать, что функции сбыта, предшествует этап производства, который в свою очередь опирается на маркетинговые мероприятия, предполагающие глубокое изучение рыночной конъюнктуры, планирование ассортиментной политики, разработку ценовой политики, отбор каналов продвижения, выбор методов стимулирования сбыта.

При ориентации коммерческой деятельности на маркетинговую концепцию организация системы сбыта должна концентрироваться не только на поставке товара заказчику, но также и на поиске новых сбытовых каналов и средств стимулирования сбыта, позволяющих повысить эффективность коммерческой деятельности организации [3; 5; 10]. Функции сбытового подразделения коммерческого предприятия представлены нами на рисунке 4.

Как мы видим, функции сбытового подразделения не ограничиваются реализацией товарной продукции, весьма важным также является получение обратной связи. Полученная от контрагентов информация может быть использована для:

- совершенствования условий продаж и порядка расчетов (аванс, предоплата, кредит);

— расширения сервисных услуг (доставка, сортировка товара, послепродажное обслуживание);

— оптимизации коммерческого ассортимента исходя из запросов клиентов;

— совершенствования системы контроля расчетов с потребителями.

Ключевым этапом установления коммерческих взаимоотношений с покупателями является заключение договора поставки, которое предусматривает также:

— первичное взаимодействие с клиентом;

— заключение сделки на основе типового или индивидуального соглашения с клиентом;

— коммерческое предложение клиенту, включая уточнение номенклатуры, ассортимента предлагаемых товаров, а также цены реализации;

— формирование заказа клиента, в котором отражены условия оплаты;

— выставление счета на оплату поставляемой товарной продукции;

— контроль поступления оплаты за поставленную продукцию;

— завершение оформления документации по реализации товара.

Коммерческие предприятия, обладающие собственной розничной сбытовой сетью, помимо вышеописанных операций также осуществляют специфические операции, характерные для розничной торговли: выкладку товара в торговом зале, оформление ценников, использование специализированного оборудования (сканер штрих-кодов, весы, контрольно-кассовые машины).

Необходимо отметить, что сбыт является лишь одним из аспектов коммерческой деятельности предприятия. Другим не менее важным аспектом является материально-техническое снабжение, то есть закупка материальных и технических ресурсов, используемых в производственных процессах.

Материально-техническое снабжение, как и сбыт, является одной из фаз товарного обращения (товародвижения). При этом, если при директивной плановой экономике фонды выделялись предприятию централизованно, то в рыночной ситуации закупку материаль-

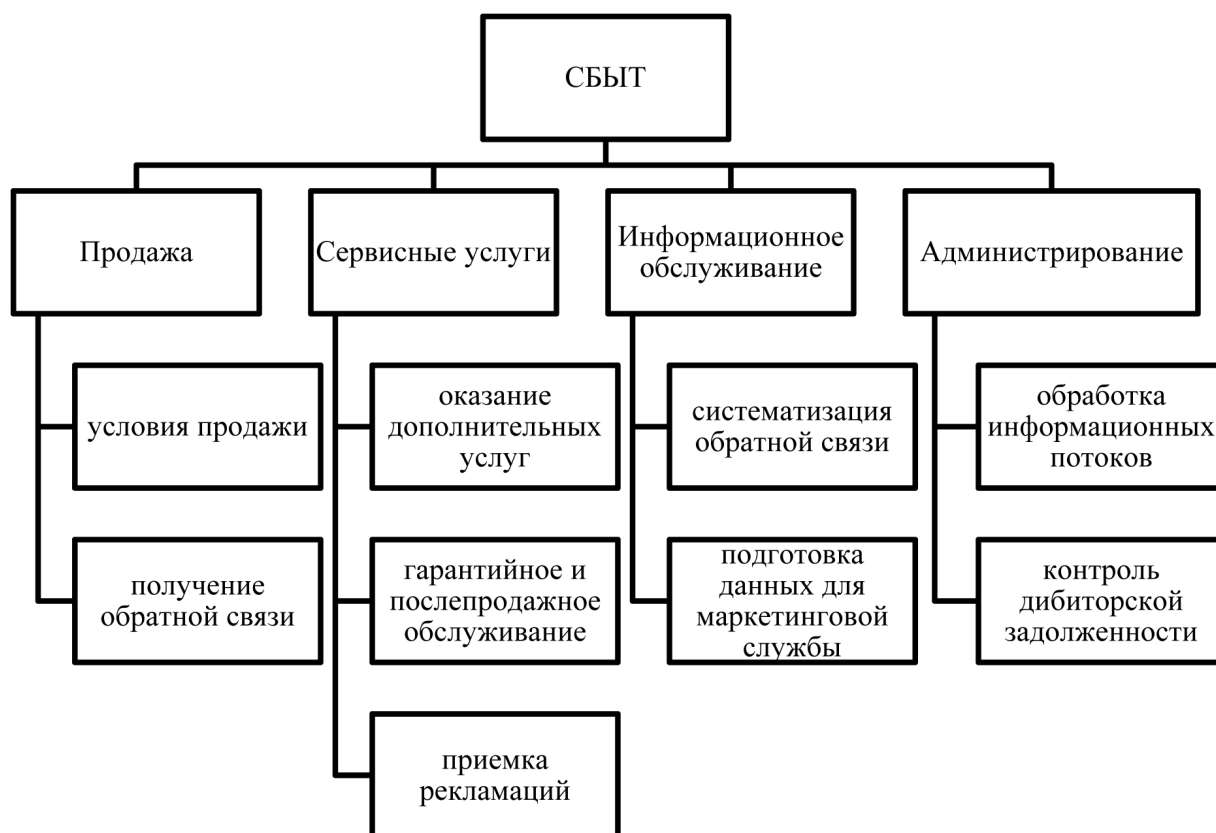

Рис. 4. Функции сбытового подразделения коммерческого предприятия
Fig. 4. Functions of the sales department of a commercial enterprise

но-технических ресурсов предприятия осуществляют самостоятельно. В этой связи в процессе взаимодействия с поставщиками важно проявлять инициативу и предприимчивость, выбирая в условиях конкуренции наиболее привлекательное предложение.

В процессе закупки материально-технических ресурсов необходимо предварительно изучить специфические особенности данного рынка, учитывая при этом не только ценовую составляющую, но и условия и порядок оплаты и отгрузки, и доставки. Этапы коммерческой деятельности в процессе материально-технического снабжения представлены нами на рисунке 5.

Документооборот закупочной деятельности коммерческого предприятия предусматривает последовательное выполнение следующих операций:

- заключение соглашения об условиях закупок;
- регистрация цен поставщиков;
- оформление заказа поставщику;
- подача в бухгалтерию заявки на расходование денежных средств;
- оформление расходных кассовых ордеров, документов списания безналичных денежных средств, выписки по расчетному счету;
- проводка и регистрация документов поступления товаров и услуг.

Формирование организационной структуры коммерческой службы, куда помимо отделов сбыта и материально-технического

снабжения может входить маркетинговый отдел, предусматривает определение места в общей структуре управления, установление соподчиненности и системы взаимодействия с целью обеспечения максимально эффективной работы.

В условиях рыночной экономики успешная коммерческая деятельность предприятия во многом обеспечивается специализированной службой маркетинга. Структура такой службы во многом зависит от масштаба деятельности компании, отраслевой принадлежности или уровня конкуренции. Маркетинговая служба производственного предприятия может быть построена по одному из принципов:

- маркетинговые функции;
- номенклатурные или товарные группы;
- географические регионы;
- покупательские группы.

Служба сбыта коммерческого предприятия также может быть организована по одному из вышеизложенных принципов или же представлять комбинацию нескольких из них.

Построение закупочного подразделения коммерческого предприятия может базироваться на функциональном принципе, когда выделяются специфические функции: планирование потребностей в материально-технических ресурсах; оперативно-заготовительные работы, сортировка и складирование.

Группа планирования на основе изучения рынка сырья и материалов формирует план потребности в материально-технических

Рис. 5. Этапы коммерческой деятельности при закупке товарно-материальных ценностей
Fig. 5. Stages of commercial activity in the procurement of inventory

ких ресурсах. В свою очередь оперативно-заготовительные группы непосредственно осуществляют закупку, а склады занимаются приемкой и хранением. Построение закупочного подразделения по предметному принципу предполагает выполнение всех вышеперечисленных функций в рамках закрепленной номенклатурной группы.

Заключение. Таким образом, под коммерческой деятельностью производственного предприятия мы понимаем оперативно-координационную деятельность, связанную с обеспечением производственного процесса путем совершения обменных операций товарно-материальными и иными ценностями с целью удовлетворения потребительских запросов и получения прибыли. Последовательность операций, связанных с коммерческой деятельностью, во многом зависит от отраслевой принадлежности и производственного товарного ассортимента. Итогом коммерческого взаимодействия между поставщиком, производителем и потребителем является акт купли-продажи, от успешности и эффективности действий по всей цепочке взаимодействий зависит конечный результат производственной деятельности предприятия. Успешность коммерческой деятельности производственного предприятия зависит от внешних и внутренних факторов, при этом устойчивая и стабильная работа базируется на их всестороннем анализе и изучении. Также необходимо отметить, что существует система показателей, характеризующих экономическую эффективность работы предприятия, при этом анализу подвергаются не только абсолютные, но и относительные показатели экономической деятельности. При этом ключевым показателем эффективности коммерческой деятельности производственного предприятия является полученная прибыль.

Список источников

1. Ансари М., Яровой Н. А., Филиппов С. В. Проактивная ценологическая стратегия управления промышленным предприятием [Электронный ресурс] // Вестник ЮРГТУ (НПИ). Серия: Социально-экономические науки. 2021. №5. С. 72–77. URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/1343>.
2. Боровинский Д. В. Организация закупочной деятельности в коммерческом предприятии. Синергетический эффект интеграции: современные методики расчетов [Электронный ресурс] / Д. В. Боровинский, В. В. Куимов. Красноярск: Сибирский федеральный университет (СФУ), 2014. 172 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364553> (дата обращения: 18.07.2023).
3. Калужский М. Л. Маркетинговая среда электронной коммерции: формирование и институциональное регулирование [Электронный ресурс]. М.; Берлин: Директ-Медиа, 2017. 261 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=473028> (дата обращения: 18.07.2023). DOI: 10.23681/473028.
4. Лебедева Н. Ю. Методические подходы к построению и оценке эффективности системы внутреннего контроля в коммерческих организациях [Электронный ресурс]. Ростов н/Д; Таганрог: ЮФУ, 2019. 128 с. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=598564> (дата обращения: 18.07.2023).
5. Нагапетьянц Р. Н. Маркетинг в сфере производства и обращения. М.: Юнити-Дана, 2017. 241 с.
6. Окрошкина Т. М. Управление ассортиментом торгового предприятия. М.: Лаборатория книги, 2010. 93 с.
7. Совершенствование системы управления бизнес-процессами создания и функционирования малого инновационного предприятия = Improvement of the business process management system for the creation and operation of a small innovative enterprise: монография / Н. Р. Кельчевская, С. А. Слукина, И. С. Пельмская, Ф. В. Вольф. М.: Креативная экономика, 2019. 212 с.
8. Торговое дело: коммерция, маркетинг, менеджмент. Теория и практика / Д. И. Валигурский, М. Н. Авдокушина, В. А. Алексунин и др. / Под науч. ред. Д. И. Валиурского. 3-е изд. М.: Дашков и К°, 2019. Т. 1. 410 с.
9. Федоренко К. П. Управление конкурентоспособностью фирмы на промышленном рынке (на примере российского рынка электронных компонентов). М.; Берлин: Директ-Медиа, 2015. 217 с.
10. Kotler Ph. Marketing Essentials. Hoboken: Prentice-Hall, 1984. 556 p.

References

1. Ansari M., Jarovoj N.A., Filipov S.V. Proaktivnaja cenologicheskaja strategija upravljenja promyshlennym predpriyatiem [Proactive cenological strategy of industrial enterprise management] [Elektronnyj resurs]. *Vestnik JuRGTU (NPI). Seriya: Social'no-jekonomicheskie nauki* [Bulletin of the SRSTU (NPI). Series: Socio-economic Sciences]. 2021; (5): 72–77. URL: <https://vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU/article/view/1343>. (In Russ.).
2. Borovinskij D.V. Organizacija zakupochnoj dejatel'nosti v kommercheskom predpriyatii. Sinergeticheskij jeffekt integracii: sovremennye metodiki raschetov [Organization of procurement activities in a commercial enterprise. Synergetic effect of integration: modern methods of calculations] [Elektronnyj resurs]. D.V. Borovinskij, V.V. Kuimov. Krasnojarsk: Sibirskij federal'nyj universitet (SFU), 2014. 172 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=364553> (data obrashhenija: 18.07.2023). (In Russ.).
3. Kaluzhskij M.L. Marketingovaja sreda jelektronnoj kommercii: formirovanie i institucional'noe regulirovanie [Marketing environment of e-commerce: formation and institutional regulation] [Elektronnyj resurs]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2017. 261 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=473028> (data obrashhenija: 18.07.2023). DOI: 10.23681/473028. (In Russ.).
4. Lebedeva N. Ju. Metodicheskie podhody k postroeniju i ocenke jeffektivnosti sistemy vnutrennego kontrolja v kommercheskih organizacijah [Methodological approaches to the construction and evaluation of the effectiveness of the internal control system in commercial organizations] [Elektronnyj resurs]. Rostov-on-Don; Taganrog: JuFU, 2019. 128 p. URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=598564> (data obrashhenija: 18.07.2023). (In Russ.).
5. Nagapet'janc R.N. Marketing v sfere proizvodstva i obrashhenija [Marketing in the field of production and circulation]. Moscow: Juniti-Dana, 2017. 241 p. (In Russ.).
6. Okroshkina T.M. Upravlenie assortimentom trgovogo predpriyatija [Assortment management of a trading enterprise]. Moscow: Laboratorija knigi, 2010. 93 p. (In Russ.).
7. Sovershenstvovanie sistemy upravljenja biznes-processami sozdanija i funkcionirovanija malogo innovacionnogo predpriyatija = Improvement of the business process management system for the creation and operation of a small innovative enterprise: monografija. N.R. Kel'chevskaja, S.A. Slukina, I.S. Pelymskaja, F.V. Vol'f. Moscow: Kreativnaja jekonomika, 2019. 212 p. (In Russ.).
8. Torgovoe delo: kommercija, marketing, menedzhment. Teorija i praktika [Trade business: commerce, marketing, management. Theory and practice]. D.I. Valigurskij, M.N. Avdokushina, V.A. Aleksunin et al. Pod nauch. red. D.I. Valigurskogo [In D.I. Valigursky (eds.)]. 3-e izd. Moscow: Dashkov i K°, 2019. Vol. 1. 410 p. (In Russ.).
9. Fedorenko K.P. Upravlenie konkurentosposobnost'ju firmy na promyshlennom rynke (na primere rossijskogo rynka jelektronnyh komponentov) [Managing the competitiveness of a firm in the industrial market (on the example of the Russian market of electronic components)]. Moscow; Berlin: Direkt-Media, 2015. 217 p. (In Russ.).
10. Kotler Ph. Marketing Essentials. Hoboken: Prentice-Hall, 1984. 556 p.

Статья поступила в редакцию 29.08.2023; одобрена после рецензирования 17.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 29.08.2023; approved after reviewing on 17.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Филиппов Сергей Викторович — кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры «Естественнонаучные дисциплины, информационные технологии и управление», Каменский технологический институт (филиал), Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Каменск-Шахтинский, пр. К. Маркса, 23

Sergei V. Filippov — Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Natural Sciences, Information Technologies and Management, Kamensk Technological Institute (branch), Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

23 K. Marx av., Kamensk-Shakhtinsky, Russia

ФИЛОСОФСКАЯ ИННОВАТИКА PHILOSOPHICAL INNOVATION

Научная статья

УДК 101.1:316:332

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-195-203

СОЦИАЛЬНО-ТЕХНОГЕННОЕ УНИЧТОЖЕНИЕ БИОСФЕРНОЙ ЖИЗНИ И ФОРМИРОВАНИЕ СТРАТЕГИИ СОЦИАЛЬНО-БИОСФЕРНОГО РАЗВИТИЯ РЕГИОНОВ РОССИИ

Елена Александровна Дергачева

*Брянский государственный технический университет, Брянск, Россия
eadergacheva2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4562-2914,
AuthorID РИНЦ: 310421, SPIN-код: 5997-7869*

Аннотация. *Цель исследования* — раскрыть важнейшие факты уничтожения биосферной биологической жизни и формирования жизни постбиосферной вследствие социально-техногенного развития мира, а также обосновать необходимость стратегического поворота к социально-биосферному развитию регионов России.

Методологическую основу исследования составляет социоприродный подход, базирующийся на трудах В.И. Вернадского о социально направляемом развитии биосферы. На основе взглядов ученого в начале XXI века складывается междисциплинарное научно-философское направление исследований социотехноприродных процессов, представители которого рассматривают социально создаваемую городскую техносферу как важнейших элемент трансформации социальной и биосферной жизни. Такой подход предоставляет дополнительные возможности для анализа в философии и науке явлений современного глобального социотехноприродного развития жизни и мира.

Результаты исследования. Вследствие технократического либерально-экономического развития идет нарастающее потребительское истощение и бездумное уничтожение биосферной природы, основных составляющих ее биоразнообразия со значительным сокращением массы живого вещества, особенно почвенного покрова, как естественно-природной оболочки биосферной жизни. Весьма опасное сокращение на суше планеты биогеохимических обменных процессов сопровождается значительной заменой в почвенном и даже на почвенном покрове социально-техногенными обменными процессами постбиосферной жизни. Тенденции гибели биосферы обуславливают необходимость сохранения социотехнобиосферной модели и стратегии развития жизни в регионах России как основы существования человека.

Перспективы исследования. Данное направление стратегического социально-биосферного развития жизни и мира открывает широкие перспективы для междисциплинарного взаимодействия наук, научных и образовательных институтов регионального и федерального значения с целью выработки взвешенной политики выживания цивилизации.

Ключевые слова: биосфера, социально-техногенное развитие мира, стратегия социально-биосферного развития регионов, постбиосферная жизнь

Для цитирования: Дергачева Е. А. Социально-техногенное уничтожение биосферной жизни и формирование стратегии социально-биосферного развития регионов России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 195–203. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-195-203>.

Original article

SOCIO-TECHNOGENIC DESTRUCTION OF BIOSPHERE LIFE AND FORMATION OF A STRATEGY FOR SOCIO-BIOSPHERE DEVELOPMENT OF RUSSIAN REGIONS

Elena A. Dergacheva

*Bryansk State Technical University, Bryansk, Russia
eadergacheva2013@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-4562-2914,
AuthorID RSCI: 310421, SPIN-code: 5997-7869*

Abstract. *The purpose of the study is to reveal the most important facts of the destruction of biospheric biological life and the formation of post-biospheric life due to the socio-technogenic development of the world, as well as to justify the need for a strategic turn to the socio-biospheric development of the regions of Russia.*

The methodological basis of the study *is a socio-natural approach based on the works of V.I. Vernadsky on the socially directed development of the biosphere. Based on the views of the scientist at the beginning of the XXI century, an interdisciplinary scientific and philosophical direction of research on sociotechnological processes is being formed, whose representatives consider the socially created urban technosphere as the most important element of the transformation of social and biospheric life. This approach provides additional opportunities for analyzing the phenomena of modern global socio-techno-natural development in philosophy and science.*

The results of the study. *As a result of technocratic liberal-economic development, there is an increasing consumer exhaustion and thoughtless destruction of the biosphere nature, the main components of its biodiversity, with a significant reduction in the mass of living matter; especially soil cover; as a natural shell of biosphere life. A very dangerous reduction of biogeochemical exchange processes on the planet's land is accompanied by a significant replacement in the soil and even on the soil cover by socio-technogenic exchange processes of postbiospheric life. Trends in the death of the biosphere lead to the need to preserve the sociotechnobiospheric model and strategy for the development of life in the regions of Russia as the basis of human existence.*

The prospect of the study. *This direction of strategic socio-biospheric development of life and world opens up broad prospects for interdisciplinary interaction of sciences, scientific and educational institutions of regional and federal significance in order to develop a balanced policy for the survival of civilization.*

Keywords: *biosphere, socio-technogenic development of the world, strategy of socio-biospheric development of regions, postbiospheric life*

For citation: *Dergacheva E. A. Socio-technogenic destruction of biosphere life and formation of a strategy for socio-biosphere development of Russian regions // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): нач–конеч. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-нач-конеч>.*

Введение. Биосфера и земной мир являются важнейшими глобальными материальными образованиями на планете Земля, которые развиваются порядка 4 млрд лет, давая пищу для размышлений человеку в последние два столетия своими эволюционными изменениями. Зародившаяся 4 млрд лет назад биосфера в первичной земной природе как естественное явление и в то же время как основа земной биосферно-биологической жизни начала в гидросфере очень медленно изменять окружающий мир на протяжении 3,5 млрд лет. Понадобились очень крупные изменения гидросферной жизни, прежде чем выйти на сушу с помощью сине-зеленых водорослей, создавших кислородную атмосферу и озоновый экран от смертельных солнечно-космических излучений для выхода жизни на сушу порядка 0,4 млрд лет назад. Этот факт плюс *укоренение растений на суше* в отличие от водорослей стали основой *Большой биосферной революции* (по классификации проф. Э.С. Демиденко), позволившей биосфере на суше произвести 99,8% живого вещества (микроорганизмов, растений и животных, включая человека), поэтому созданное биосферой окружение многие ученые стали включать в ее содержание: как огромные пласты литосферы вглубь, всю гидросферу и атмосферу до озонового слоя. Эти вопросы мы проясняем в статье, поскольку нас интересуют границы биосферы, составляющие ядро биосферной саморазвивающейся жизни.

«Биосфера (от греч. *bios* — жизнь и *sphaira* — шар, область) — наружная оболочка планеты, где происходят процессы жизни, качественно преобразованная в результате непрерывного обмена веществ между организмами и окружающей их абиотической средой в процессе жизнедеятельности организмов», — отмечается в «Философском словаре» [2]. Можно привести множество и других формулировок, но они не проясняют до конца сути и содержания биосферы. Вопросами биосферы занимается биосферология, но и там нет единства формулировок. Это действительно важно, поскольку от верного ответа на этот вопрос можно будет намечать пути рационального использования

и спасения *биосферной жизни*, которая сейчас погибает на *суше* Земли.

Ведущие ученые мира подсчитали, что в большей степени ответственны за последние полстолетия (1970–2020) за глобальный экологический ущерб США и Европа, что отражено в докладе Дж. Хикеля из Института экологических наук и технологий (Барселона). Главным виновником были названы США, на долю которых приходится 27% уничтоженных ресурсов, далее следуют страны Западной Европы и Великобритания — 25%. В совокупности Австралия, Канада, Япония и Саудовская Аравия израсходовали 22%. В этом отношении можно сравнить США с Китаем, как крупнейшие экономические страны. Первая с населением 332 млн человек использовала 27% природных ресурсов, тогда как вторая с населением 1,4 млрд — 15%, что говорит о гуманном отношении ее к биосферной природе, оцениваемом показателем 8:1 в пользу Китая. Сравнительный показатель наглядно отражает хищническое отношение элитных слоев США к природно-биосферным мировым ресурсам, хотя союзники США ненамного отстают от них. Россия, Индия и Бразилия, составляющие в совокупности 5,5 млрд человек населения планеты, ответственны за утрату 11% биоресурсов за этот период. По итогам доклада Дж. Хикель делает вывод о необходимости скорейшего перехода к иному характеру построения общественно-экономического прогресса, поскольку такие изменения действительно назрели¹.

Методология. Данная статья написана на основе обобщения совместных исследований последних лет автора, руководителя Междисциплинарной научно-философской школы социально-техногенного развития мира и сменны эволюции жизни, проф. д.ф.н. Э.С. Демиденко, основавшего школу при Брянском государственном техническом университете в начале текущего столетия и безвременно ушедшего от нас в этом году. Э.С. Демиденко на протяжении всей своей продолжительной научной и философской деятельности с 1990-х годов боролся за спасение биосферы и биосферной жизни на планете Земля [6].

¹ Neslen A. US and Europe behind majority of global ecological damage, says study [Electronic resource] // The Guardian. 06.04.2022. URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/apr/06/us-europe-behind-vast-majority-globalecological-damage-study>.

Наши совместные исследования направлены на обоснование необходимости поворота от стратегии социально-техногенного развития к социально-биосферному развитию мира и жизни [4].

Впервые биосфера как географическая оболочка жизни, наряду с литосферой и атмосферой, была выделена в 1875 году австрийско-немецким геологом Э. Зюссом. Наиболее полно концепция биосферы была разработана в исследовании «Биосфера» (1926) и последующих трудах [1] В.И. Вернадским, который одним из первых обратил внимание на роль социального фактора в изменении биосферного мира. Но можем ли сегодня сказать, что учение о биосфере уже создано и науке можно почивать на лаврах? Конечно, нет, ведь биосфера и земной мир стремительно меняются на наших глазах, но эти изменения оцениваются не только неоднозначно, но и многоаспектно.

Обсуждение проблем социально-техногенного изменения мира. Огромная роль в развитии биосферы принадлежит *трем активным её составляющим: живому веществу, почвам и биогеохимическим обменным процессам*, которые изменяются, к сожалению, с отрицательным знаком: биосфера уничтожается рыночно-техногенным человечеством весьма стремительно, экологическая ситуация ее дополняет, создавая разную палитру в разных государствах. Но на основе нашего мирового анализа приходим к выводу о деградации биосферы без указания пока на составные ее части. Биосфера — система чрезвычайно сложная. В самом общем виде она представляет живое вещество (организмы) Земли со своим разнообразным окружением, с которым организмы обмениваются веществом, энергией и информацией. В этой связке можно вычленить основополагающие части существования и развития биосферы: 1) *живое вещество* (по Вернадскому), составляющее основу единой биосферы: микроорганизмы, растения, животные; 2) *почвы как биокосное вещество*, содержащее весьма насыщенный строительный материал из биофилов, элементов биогенного вещества (гумуса и органики погибшего живого), дисперсного косного вещества и микроорганизмов; 3) *углеродосодержащее вещество* — косное

в сочетании с другими нужными химическими элементами, на основе которых и строится каркас живого вещества; 4) *биогенные обменные процессы* между живым веществом и его биосферно-природным, а сейчас уже и между разнообразным природным и техносферным (искусственным) окружением; 5) *электромагнитного свойства биополя*, формирующие не только нервную систему живых организмов, но и сознание человека [5].

В настоящее время философия и наука уже сталкиваются достаточно широко не только с биологическими формами жизни, порожденными еще саморазвитием биосферы, но и с созданными деятельностью Человека Разумного в биосфере. Видный русский геолог А.П. Павлов (1854–1929) подчеркивал геологическую роль человека в новых условиях жизни — в *антропогенной эре*, который стал изменять мир, включая и биосферу. В.И. Вернадский не только поддержал его идеи, но и выдвинул целую концепцию преобразования биосферы ассоциированным человечеством, и эта концепция, развиваемая далее им и его учениками, прочно получила название ноосферы. Еще и земледельческое человечество на основе всего развития своего практического разума стало давно на путь трансформации многих биосферных организмов с улучшением их потребительских и иных качеств. Речь идет об окультуривании растений и удачном одомашнивании животных с элементами окультуривания. Так, около 90% продовольствия, получаемого человечеством из массы растений, принадлежит двенадцати видам окультуренных растений. Такой же узкой становится и генетическая база животноводства. Это уже иной мир, который находится за пределами саморазвивающейся биосферы, но входит пока в саморазвивающийся при огромной помощи науки и техники общественный мировой организм. Еще в большей степени сейчас им изменяются бывшие биосферные организмы, которые никак нельзя вписать даже в трансформированные, они в целом генетически измененные на основе биотехнологий.

Биосферная жизнь, или же точнее *биосферно-биологическая*, которая длится около 4 млрд лет, на наших глазах уже меняется. С появлением человека и его организацией в социум получаем новые элементы организа-

ции земной жизни — *социально-биосферные элементы*, которые занимают незначительную часть биосферы, поскольку в первобытном мире было очень мало населения. С ростом же его и появлением в обществе орудий труда и других технических средств земледельческого труда и строительства поселений зарождаются *социотехнобиосферные* элементы жизни, представленные широким разнообразием окультуренных организмов на основе естественных технологий. А с уничтожением далее огромного количества живых организмов и с формированием глобальной городской техносферы на протяжении последних трех столетий промышленного развития мир получает новую, *социотехнобиологическую форму жизни*, или же *постбиосферную*, создаваемую на основе небииосферных (разнообразных индустриальных) технологий. *Население все больше концентрируется уже в городской техносфере среди омертвляющейся поверхности литосферы с биотехнологическим воспроизводством продуктов питания*. В настоящее время мы находимся на пороге победы такой постбиосферной жизни, прощаясь, к сожалению, с биосферно-биологической формой жизни пока что только на суше нашей планеты. Достаточно отметить, что в США в результате «цивилизованного» капиталистического хозяйствования за пятисотлетний период уничтожено 95% почвенного покрова. На этом континенте только в XX веке количество полезных химических элементов в почвах сократилось в три раза. Не случайно в последние три десятилетия XX века произошло снижение роста американцев (на 2 см), ожирение порядка 40% взрослого населения. В последнее десятилетие XXI века началось сокращение продолжительности жизни американцев, на что обращает внимание Дж. Стиглиц [10]. Подобные процессы происходят и в Европе. Это огромная катастрофа, заставляющая всех людей заниматься спасением биосферной жизни.

Биосфера является основой формирования и развития биосферной, а затем с приходом человека разумного на Землю и других типов жизни. Бурное начальное развитие биосферной жизни на поверхности суши 0,4 млрд лет назад шло на основе литосферно-биофильных богатств самой планеты и набросанных «с неба» биофилов в виде метеоритов. Даже после многих трансформа-

ций равной относительно былой суши соотношение живого вещества на суше и в океане сохранялось в XX веке 99,8% к 0,2%. Но такое постоянное заметное снижение объемов живого вещества на суше все же сопровождалось становлением нового качества эволюционного развития биосферной жизни, о чем свидетельствует воцарение на планете гоминид и человека разумного, сложнейшего по своей физической, биологической и мозговой структуре, *строящего уже самостоятельно постбиосферную жизнь в городской техносфере*. К сожалению, с появлением ранее еще человека разумного (неандертальца и кроманьонца, соответственно около 400 и 200 тыс. лет) только сейчас у людей появляются реальные шансы сформировать *глобально-социальный разум человечества*, используя все достижения науки и социального опыта жизнедеятельности народов.

В период около 0,5 млн лет человечество пребывало в состоянии еще *разумного собирательства* плодов биосферы, подготовив тем самым и переход от общества собирательства к обществу производящей экономики. В годы *земледельческой экономики* (земледелия и ремесла) за 10 тыс. лет заметно пострадала одна из основ биосферы — почвенный покров. *Второй экономикой* стала *индустриальная*, за ней *третья постиндустриальная* (по классификации Р. Арона и Д. Белла). Последние две (по классификации Э.С. Демиденко и Е.А. Дергачевой) называются *техногенными*, так как техногенность опасно возрастает для биосферной жизни и укрепляется, особенно в западном либерально-технократическом мире, который практически своим бизнесом уничтожил биосферу, оставив 5–10% биосферных объектов. При этом весьма стремительно разрушаются и уничтожаются практически основные части нынешней биосферы. Это — *живое вещество планеты, почвенный покров* (биокожное вещество) и *биотический круговорот веществ*. *Последний* заменяется новым — *социальным* (Н.Н. Моисеев), или же точнее — комплексным *социотехнобиотическим* (Э.С. Демиденко). При этом идет включение в уничтожение былого природного круговорота двух ведущих факторов: *техносоциума* и формируемой *техносферы* как новой оболочки жизни, но жизни уже *постбиосферной*.

Можно сказать, что с появлением человека разумного на Земле он организованно воздействовал своей жизнедеятельностью на биосферу, что и отметили А.П. Павлов и В.И. Вернадский. Но с переходом к земледельческой экономике появляются определенные биотехнологии и их техноэлементы, искусственные сооружения, что вместе и определяет более заметное воздействие человека при помощи искусственного на отдельные элементы биосферы (при этом происходит незаметное уничтожение некоторые элементов биосферы, особенно почв). С переходом же далее к индустриальному развитию человечество, организованное в социумы, начинает сильнее воздействовать на биосферу, даже уничтожая многие виды живых организмов, формируя ее новый, «окультуренный облик», оцениваемый нами сейчас как губительный [3]. Это и находит отражение в понятии «антропогенной эры» биосферы, хотя мы именуем ее сейчас как «техногенную биосферу» [5].

Но откуда же берутся смертельные проблемы экологического характера, если люди овладели научными знаниями, построили на научной основе технику и технологии, ввели на полную мощность однолетние культуры, спасающие население мира от жуткого голода? В свою очередь, как показывают исследования социально-техногенного развития мира, нынешние науки общественного и социоприродного развития опираются в основном еще на устаревший багаж знаний не только о земном мире, но и о мире человеческом — социуме. Характерной чертой этих знаний является затянувшийся разрыв между основными группами наук, изучающих общественные, технические и естественные явления на основе своих особых законов развития. В то же время по мере усложнения в развитии земного мира его глобальные разнородные явления интегрируются, создавая многие непривычные законы существования как самого мира, так и его прогресса, по сути, интегративного характера мироздания на планете.

Анализ показывает, что за 12 тыс. лет аграрного развития к началу третьего тысячелетия было уничтожено 2 млрд га плодородных

земель. При этом интенсивное уничтожение почв со скоростью, в десятки раз превышающей среднеисторические, наблюдается в последние три века социально-техногенного развития мира (с 1700 года) [11]. Как отмечает академик РАН Г.В. Добровольский, в почвах и на почвах проживают и питаются за счет почв свыше 90% всех видов живых организмов [7]. По самым неблагоприятным сценариям, представленным заместителем генерального директора продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН М. Семедо, в мире через 60 лет плодородие земель будет утрачено².

Результаты и выводы. Каковы же основные тенденции преобладают в земном мире сейчас? *Во-первых, идет либерально-техногенное укрепление общественного развития на базе господства в капиталистическом обществе технократических идей и ценностей небюсферного характера, что особенно наглядно видно в США. Во-вторых, происходит потребительское истощение и бездумное уничтожение биосферной природы, основных составляющих ее биоразнообразия со значительным сокращением массы живого вещества (40%-50%) и особенно почвенного покрова — естественно-природной оболочки биосферной жизни (на 55%), а также весьма опасное сокращение на суше планеты биогеохимических обменных процессов, создающих, по В.И. Вернадскому, «биогеохимическую организованность» всей биосферы со значительной заменой сейчас в почвенном и даже на почвенном покрове социально-антропо-техногенными обменными процессами постбиосферной жизни. В-третьих, идет формирование на биосферных пространствах городской и аграрной техносферы для организации производства, перевода в нее людей и одомашненных животных с постоянным ускорением этого процесса, о чем ярко свидетельствуют следующие данные: если в 1860 году в городской техносфере было 5% животных и людей суши, то сейчас — 40%, к концу века будет 80%. В-четвертых, происходит глобальная трансформация и даже деградация природных объектов биосфер-*

² Еда, которую опасно есть [Электронный ресурс] // Мир новостей. 18.10.2022. URL: <https://mimov.ru/ekonomika/potrebitelskii-rynok/edakotoruyu-opasno-est.html>.

ного и небiosoферного характера в земном мире, что реально приводит к формированию мировой технократией нежизнеспособной поверхностной оболочки суши планеты Земля. В-пятых, идет глобальная трансформация современного человека как биосферного организма и приобретенных им социально-техногенных качеств, связанных с развитием индустриального социума и городской техносферы и существенным сокращением населения в сельскохозяйственной среде, о чем свидетельствуют исследования современных историков-аграриев [8]. В-шестых, появляется проходящая смена эволюции жизни на суше Земли с омертвлением огромных пространств суши и формированием хрупкой постбиосферной жизни в техносферном пространстве. В-седьмых, идет обустройство прозрачными купольными покрытиями техносферно-городского и полевого пространства, так как без достаточной массы здоровых растений на суше планеты начнет заметно сокращаться и нынешняя доля (21 %) кислорода в уже неблагоприятно изменяющейся атмосфере земного мира и т.п. Сказанное о тенденциях гибели биосферы приводит к мысли: нам необходимо *сохранить и упрочить социотехнобиосферную жизнь* демократическими формами организации на первых порах хотя бы скромно живущего социально-капиталистического общества, занятого охраной и возрождением биосферной природы.

Учеными научной школы давно уже предлагается наиболее безопасный сценарий ухода от смертельной опасности для человека и биосферы, которая основана на технократически направляемом либеральным социумом социально-техногенном развитии мира [13]. Сценарий составляют следующие идеи: 1) организация сохранения оставшегося на нашей планете биосферно-биологического вещества, которое создавалось саморазвитием на суше порядка 400 млн лет, за счет мировой перестройки опасного для жизни техногенно-биотического круговорота веществ; 2) частичное восстановление былых биосферных пространств, особенно в регионах с благоприятными климатическими условиями и активными процессами саморазвития жизни и мира; 3) создание благоприятной для жизнедеятельности всех людей и развития полноценного биологического вещества

техносферы; 4) создание широкомасштабной экопереработки отходов как сельскохозяйственной, так и промышленной и других отраслей производства и человеческой жизнедеятельности; 5) рационализация всех видов жизнедеятельности на основе социального равенства, гуманизма, трудового вклада человека и семьи в производство жизненных благ, сохранение и развитие жизни и др. [6]. Эти направления перспективных стратегических идей предполагают поддержание социотехнобиосферной модели жизни, гармоничное развитие биосферы в безопасной техносфере.

Научная школа при БГТУ предлагает вопреки этому социально-техногенному развитию мира иное развитие России и ее регионов, создавая целостную политику регионального социально-биосферного развития в своей основе с учетом больших просторов России и ее биосферы, концентрации внимания на ее длительном эволюционно-биосферном развитии [4]. Важнейшая часть такой политики — концептуальная разработка экономики сохранения биосферы, в этом направлении работают ученые Брянской научной школы. При этом ни в коем случае не следует уходить от нормального цивилизационного развития, на который наша страна встала вопреки западному техногенному прогрессу с уничтожением биосферной жизни.

Сама региональная политика России объединяется единством значимых элементов и единством усвоения их различными социальными слоями на каждом этапе социализации человека. Важнейшим ее звеном является создание системы биосферно-исследовательских институтов РАН в России, начиная с Института теории и практики развития биосферы. С ним могут сотрудничать и многие другие Институты РАН, деятельность которых органически связана с вопросами сохранения и развития биосферы и биосферной жизни. Особую важность приобретает необходимость научно-философского обсуждения проблематики социально-биосферного развития жизни и мира при Институте философии РАН с учетом наработок междисциплинарной научной школы социально-техногенного развития мира и исследовательского коллектива, многие годы функционировавшего по направлению био- и экофилософии [12] и призывающего к стратегическому повороту в науках к сохранению феномена

естественной жизни [9]. Сейчас важно начать формировать Стратегию *развития социально-биосферной системы жизни на суше* на международном и региональном уровнях. Все эти глобальные изменения должны учитывать общественные науки и проводить соответствующую в мире политику и фундаментальную перестройку техногенного социума.

Список источников

1. Вернадский В.И. Живое вещество. М.: Наука, 1978. 358 с.
2. Гирусов Э.В. Биосфера // Философский словарь / Под ред. И.Т. Фролова. 8-е изд., дораб. и доп. М.: Республика; Современник, 2009. С. 76–77.
3. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. Глобальная гибель биосферы и поиск путей сохранения биосферной жизни // Вестник Московского университета. Серия 27: Глобалистика и геополитика. 2021. №2. С. 3–19.
4. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А. От социально-техногенного к социально-биосферному повороту в аграрной истории России // Гуманитарные исследования Центральной России. 2023. №2(27). С. 34–44.
5. Демиденко Э.С., Дергачева Е.А., Попкова Н.В. Философия социально-техногенного развития мира: статьи, понятия, термины: Научное издание. М.: Всемирная информ-энциклопедия; Брянск: Изд-во БГТУ, 2011. 388 с.
6. Дергачева Е.А., Дергачев К.В. Социально-техногенное развитие мира и его проблемы в трудах Э.С. Демиденко // Вестник Палескага дзяржаўнага ўніверсітэта. Серыя грамадскіх і гуманітарных навук. 2017. №1. С. 57–65.
7. Добровольский Г.В. Педосфера — оболочка жизни планеты Земля // Биосфера: Междисциплинарный научный и прикладной журнал. 2009. Т. 1. №1. С. 9.
8. Житин Р.М., Канищев В.В. Половозрастной состав населения сельских советов Липецкой и Тамбовской областей в начале XXI в. // Гуманитарные исследования Центральной России. 2022. №1(22). С. 40–52.
9. Лисеев И.К. Экологическое мышление в формировании цивилизационной ориентации российского общества цифровой эпохи // Вопросы философии. 2023. №4. С. 48–59.

10. Стиглиц Дж. Люди, власть и прибыль: Прогрессивный капитализм в эпоху массового недовольства. М.: Альпина Паблишер, 2021. 430 с.

11. Строганова М.Н. Земельные ресурсы мира // Глобалистика: Международный междисциплинарный энциклопедический словарь. М.; СПб; Н.-Й.: Питер, 2006. С. 339–340.

12. Философия социоприродного взаимодействия в век конвергентных технологий: коллективная монография / Отв. ред. д.ф.н., проф. И.К. Лисеев (сектор био- и экофилософии ИФ РАН). М.; СПб: Нестор-История, 2018. 344 с.

13. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p.

References

1. Vernadskij V.I. Zhivoe veshhestvo. Moscow: Nauka, 1978. 358 c. (In Russ.).
1. Vernadsky V.I. A living being. M.: Nauka, 1978. 358 p.
2. Girusov Je. V. Biosfera // Filosofskij slovar' [Philosophical dictionary]. Pod red. I. T. Frolova [In I. T. Frolov (eds.)]. 8-e izd., dorab. i dop. Moscow: Respublika; Sovremennik, 2009. Pp. 76–77. (In Russ.).
3. Demidenko Je. S., Dergacheva E.A. Global'naja gibel' biosfery i poisk putej sohraneniya biosfernoj zhizni [Global death of the biosphere and the search for ways to preserve the biosphere habitat]. Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 27: Globalistika i geopolitika [Bulletin of the Moscow University. Episode 27: Globalistics and Geopolitics]. 2021; (2): 3–19. (In Russ.).
4. Demidenko Je. S., Dergacheva E.A. Ot social'no-tehnogenno k social'no-biosfernomu povorotu v agrarnoj istorii Rossii [From socio-technically to socio-biospheric in agrarian Eastern Russia]. Gumanitarnye issledovaniya Central'noj Rossii [Humanitarian studies of Central Russia]. 2023; 2(27): 34–44. (In Russ.).
5. Demidenko Je. S., Dergacheva E.A., Popkova N.V. Filosofija social'no-tehnogenogo razvitija mira: stat'i, ponjatija, terminy: Nauchnoe izdanie [Philosophy of social-technogenic development of the world: state of affairs, understanding, term: Scientific statement].

Moscow: Vsemirnaja inform-jenciklopedija; Brjansk: Izd-vo BGTU, 2011. 388 p. (In Russ.).

6. Dergacheva E.A., Dergachev K.V. Social'-no-tehnogennoe razvitie mira i ego problemy v trudah Je. S. Demidenko [Socio-technical development of the world and its problems in the works of E.S. Demidenko]. *Vesnik Paleskaga dzjarzhaj'naga universitjeta. Seryja gramadskih i gumanitarnyh navuk*. 2017; (1): 57–65. (In Russ.).

7. Dobrovol'skij G.V. Pedosfera — obolochka zhizni planety Zemlja [Pedosphere—the shell of the planet Earth]. *Biosfera: Mezhdisciplinarnyj nauchnyj i prikladnoj zhurnal* [Biosphere: An interequivalent scientific and applied journal]. 2009; 1(1): 9. (In Russ.).

8. Zhitin R.M., Kanishhev V.V. Polovozrastnoj sostav naselenija sel'skih sovetov Lipeckoj i Tambovskoj oblastej v nachale XXI v. [The gender and age component of the village of the Soviets of the Lipetsk and Tambov regions at the beginning of the XXI century]. *Gumanitarnye issledovanija Central'noj Rossii* [Humanitarian studies of Central Russia]. 2022; 1(22): 40–52. (In Russ.).

9. Liseev I.K. Jekologicheskoe myshlenie v formirovanii civilizacionnoj orientacii rossijskogo obshhestva cifrovoj jepohi [Ecological thinking in the formation of the civilizational orientation

of the Russian community of digital epochs]. *Voprosy filosofii* [Questions of Philosophy]. 2023; (4): 48–59. (In Russ.).

10. Stiglic Dzh. Ljudi, vlast' i pribyl': Progressivnyj kapitalizm v jepohu massovogo nedovol'stva [Love, rule and approach: Progressive capitalism in the era of mass discontent]. Moscow: Al'pina Publisher, 2021. 430 p. (In Russ.).

11. Stroganova M.N. Zemel'nye resursy mira [Land resources of the world]. *Globalistika: Mezhdunarodnyj mezhdisciplinarnyj jenciklopedicheskij slovar'* [Globalistics: interdisciplinary interdisciplinary encyclopedic dictionary]. Moscow; Saint Petersburg; New-York: Piter, 2006. Pp. 339–340. (In Russ.).

12. Filosofija socioprirodnogo vzaimodejstvija v vek konvergentnyh tehnologij: kollektivnaja monografija [Philosophy of socially beneficial interaction in the age of convergent technologies: a collective monograph]. Otv. red. d.f.n., prof. I.K. Liseev (sektor bio- i jekofilosofii IF RAN). Moscow; Saint Petersburg: Nestor-Istorija, 2018. 344 p. (In Russ.).

13. Demidenko E.S., Dergacheva E.A. Socio-Technogenic Development of the Earthly World: Interdisciplinary Research: monograph. Yelm, WA, USA: Science Book Publishing House, 2021. 172 p.

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 26.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 10.09.2023; approved after reviewing on 26.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дергачева Елена Александровна — доктор философских наук, профессор РАН, профессор кафедры «Отраслевая экономика, управление», Брянский государственный технический университет.

Россия, г. Брянск, Бульвар 50 лет Октября, 7

Elena A. Dergacheva — Doctor of Philosophical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Professor of the Department of Branch Economics, Management, Bryansk State Technical University.

7 50 let of Octyabrya ave., Bryansk, Russia

Научная статья

УДК 316.47

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-204-211

ИНТЕРНЕТ КАК ФАКТОР ФОРМИРОВАНИЯ ПРАВОВОГО СОЗНАНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Елена Сергеевна Жидяева¹, Петр Сергеевич Самыгин^{2✉},
Сергей Иванович Самыгин³

¹Академия маркетинга и социально-информационных технологий — ИМСИТ,
Краснодар, Россия

^{2,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ),
Ростов-на-Дону, Россия

¹Zhidyayeva_Elena@mail.ru, ORCID: 0009-0009-1604-6437,
AuthorID РИНЦ: 674957, SPIN-код: 6543-4926

²samygin78@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-6690-0277, SPIN-код: 8878-7990

³serq1952@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806

Аннотация. Цель исследования — анализ роли Интернета в процессе формирования правового сознания молодежи в современном российском обществе в условиях роста влияния информационно-коммуникационных технологий на массовое сознание граждан.

Методологическую базу исследования составляет совокупность приемов и методов, позволивших авторам провести анализ правового сознания российской молодежи и его формирования, осуществляющегося под влиянием информационных технологий, центральную роль среди которых играет глобальная сеть Интернет. В рамках научного изучения специфики воздействия электронных ресурсов на различные компоненты правосознания молодых людей применялись современные теории виртуализации и общества сетевых структур.

Результаты исследования. Правовое сознание молодежи представляет собой динамично развивающуюся под влиянием информационно-коммуникационных технологий систему идей и представлений о праве и различных правовых явлениях, а также различных ценностных правовых установок и ориентиров, которые призваны регулировать поведение молодых людей в юридически значимых ситуациях. В условиях современного информационного общества ведущую роль, наряду с традиционными институтами или агентами, формирующими правовое сознание молодежи, начинают играть новые факторы, связанные с быстрым развитием новых информационно-коммуникационных технологий, включающих в первую очередь Интернет. Интернет-технологии способны эффективно осуществлять функцию правовой социализации молодежи, поскольку характеризуются достаточно широким охватом аудитории, скоростью передачи информации правового характера, а также обладают способностью оказывать сильное воздействие на правовое сознание молодежи, являющейся становящихся субъектом социальных отношений и находящейся в процессе становления правовых ценностных установок и ориентаций.

Перспективы исследования заключаются в возможности определения и практической реализации информационной и образовательной политики, направленной на эффективное использование ресурсов сети Интернет с целью формирования позитивного правосознания современной российской молодежи.

Ключевые слова: социальный институт, социализация, правовое сознание, правовая культура, правовой нигилизм, правовое воспитание, правовая социализация, информационное общество, молодежь

Для цитирования: Жидяева Е. С., Самыгин П. С., Самыгин С. И. Интернет как фактор формирования правового сознания современной российской молодежи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 204–211. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-204-211>.

Original article

THE INTERNET AS A FACTOR IN THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS OF MODERN RUSSIAN YOUTH

Elena S. Zhidyaeva¹, Peter S. Samygin^{2✉}, Sergey I. Samygin³

¹*Academy of Marketing and Social and Information Technologies – IMSIT, Krasnodar, Russia*

^{2,3}*Rostov State University of Economics (RSUE), Rostov-on-Don, Russia*

¹*Zhidyaeva_Elena@mail.ru, ORCID: 0009-0009-1604-6437,*

AuthorID RSCI: 674957, SPIN-code: 6543-4926

²*samygin78@yandex.ru✉, ORCID: 0000-0002-6690-0277, SPIN-code: 8878-7990*

³*serq1952@mail.ru, AuthorID РИИЦ: 429210, SPIN-код: 6390-7806*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the role of the Internet in the process of forming the legal consciousness of young people in modern Russian society in the context of the growing influence of information and communication technologies on the mass consciousness of citizens.*

The methodological basis of the study *is a set of techniques and methods that allowed the authors to analyze the legal consciousness of Russian youth and its formation, carried out under the influence of information technologies, the central role among which is played by the global Internet. As part of the scientific study of the specifics of the impact of electronic resources on various components of the legal consciousness of young people, modern theories of virtualization and the society of network structures were applied.*

The results of the study. *The legal consciousness of young people is a dynamically developing system of ideas and ideas about law and various legal phenomena, as well as various value legal attitudes and guidelines, which are designed to regulate the behavior of young people in legally significant situations, under the influence of information and communication technologies. In the conditions of the modern information society, new factors associated with the rapid development of new information and communication technologies, including primarily the Internet, are beginning to play a leading role, along with traditional institutions or agents that form the legal consciousness of young people. Internet technologies are able to effectively carry out the function of legal socialization of young people, since they are characterized by a sufficiently wide audience coverage, the speed of transmission of legal information, and also have the ability to have a strong impact on the legal consciousness of young people who are becoming the subject of social relations and are in the process of becoming legal values and orientations.*

The prospects of the research *lie in the possibility of defining and practical implementation of information and educational policy aimed at the effective use of Internet resources in order to form a positive legal awareness of modern Russian youth.*

Keywords: social institution, socialization, legal consciousness, legal culture, legal nihilism, legal education, legal socialization, information society, youth

For citation: Zhidyaeva E.S., Samygin P.S., Samygin S.I. The internet as a factor in the formation of legal consciousness of modern Russian youth // *Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences*. 2023; 16(5): 204–211. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-204-211>.

Введение. Развитие современного общества характеризуется ростом значимости информационно-коммуникационных технологий, центральную роль среди которых играет Интернет, на различные сферы жизнедеятельности общества, массовое сознание представителей разных групп и слоев. Глобальная сеть Интернет в настоящее время оказывает сильнейшее воздействие на сознание людей, фактически формируя у них образ окружающей социальной действительности, базовые ценности и установки, которые, в свою очередь, определяет направленность поведенческой активности индивида. Как отмечается в специальных исследованиях, для современного человека, который является носителем обыденного правового сознания, Интернет становится также базовым источником правовой информации и деятельности юридического характера. Данная информация определяет правовые ориентиры, соответствующие установки, на основе которых осуществляется практическая деятельность в рассматриваемой сфере. Здесь также необходимо акцентировать внимание на кризисе так называемых традиционных механизмов, способствующих формированию правосознания и правовой культуры молодежи и включающих систему государственного и семейного воспитания; рассматриваемые традиционные механизмы в значительной степени замещаются или вытесняются информационно-коммуникационными технологиями и прежде всего Интернетом.

Следует учитывать и то обстоятельство, что сознание молодых людей характеризуется определенной неустойчивостью, лабильностью, что сопровождается высокой подверженностью различной противоречивой информации, транслируемой в сети Интернет, которая имеет асоциальный или криминальный характер. Все это определяет актуальность изучения проблем формирования

правового сознания современной российской молодежи в контексте воздействия Интернета и анализа основных направлений влияния глобальной сети на различные компоненты правового сознания представителей указанной социально-демографической группы.

Методика. В процессе подготовки рассматриваемой публикации авторами применялся прежде всего аналитический метод, базирующийся на анализе данных прикладных социологических исследований, материалах государственных статистических органов, нормативно-правовых документов, а также научных работ, выполненных российскими исследователями по проблематике, являющейся смежной с данным исследованием.

Результаты. Правовое сознание представляет собой динамично развивающуюся под влиянием информационно-коммуникационных технологий систему идей и представлений о праве и различных правовых явлениях [9]. Как справедливо отмечает Е.В. Надыгина, Интернет и другие технологии либо воздействуют на правосознание параллельно с традиционными факторами, либо же определенным образом видоизменяют данные факторы, придавая им новое качество и усиливая их воздействие, которое может быть позитивным, так и негативным [6]. В специальных исследованиях, посвященных молодежи, подчеркивается, что процесс социализации молодых людей и в том числе правовой социализации приобретает в современном российском обществе стихийный и хаотичный характер, следствием чего становится деформация правосознания и правовой культуры [2]. С точки зрения Е.В. Надыгиной, именно негативное влияние Интернета в настоящее время способствует распространению в молодежной среде правового нигилизма, а также различных деформаций правового сознания молодежи [6].

По мнению В.Д. Емельяненко, А.М. Богдановой и Ю.А. Гнаевой, если у человека имеется устойчивое сформированное правосознание, то оно позволяет эффективно противодействовать негативному воздействию асоциальной и противоправной информации, содержащейся в сети, противостоять различному экстремистскому и другому негативному контенту [1]. На наш взгляд, указанное утверждение является справедливым по отношению к взрослым людям, действительно имеющим устойчивое мировоззрение и сформировавшиеся взгляды, однако молодежь, в особенности младшая молодежная группа, относится к числу людей, у которой мировоззрение нередко является еще не сформированным, а ценностные установки и взгляды характеризуются неустойчивостью и неопределенностью. В данной ситуации основную роль по формированию высокого правосознания молодежи призваны играть традиционные институты социализации, включающие образовательные учреждения различных уровней, семью и т.д. [7]. В то же время это не означает, что ресурсы сети Интернет не должны использоваться для трансляции правовых ценностей, а сама глобальная сеть не способна быть эффективным агентом правовой социализации молодежи.

Как отмечает Я.В. Сандул, кризис традиционных институтов правовой социализации во многом обусловлен тем обстоятельством, что в современных условиях правовые реалии зачастую значительно отличаются от формальных правовых норм, вступают в противоречие с ними — это значительно затрудняет реализацию данными институтами, в первую очередь институтом образования, функции правового воспитания и просвещения молодежи [8]. Интернет-технологии способны эффективно осуществлять данную функцию, поскольку характеризуются достаточно широким охватом аудитории, скоростью передачи информации правового характера, а также обладают способностью оказывать сильное воздействие на правовое сознание молодежи, являющейся становящимся субъектом социальных отношений и находящейся в процессе становления правовых ценностных установок и ориентаций. Однако уровень практической реализации Интернетом функции по формированию высокого правового сознания моло-

дежи оценивается многими специалистами как достаточно низкий [5].

В настоящее время весьма трудно спорить с утверждением об огромной пользе интернет-технологий в информировании представителей различных социальных групп и слоев, это касается и информации правового характера, которая может весьма эффективно распространяться в глобальной сети, благодаря широкой доступности и открытости последней. Материалы социологических опросов показывают, что подавляющее большинство представителей российской молодежи (83,9%) получают ту или иную информацию о праве и законодательстве посредством сети Интернет. Интересно, что молодые респонденты при этом достаточно неоднозначно оценивают направленность данной правовой информации: часть (20,3%) отмечает ее положительную направленность, 31,8% убеждены в ее нейтральности, а 30,1% считают, что она является отрицательной или скорее отрицательной. Мнения молодых людей также разделились при ответе на вопрос о доверии содержащейся в сети Интернет информации правового характера: однозначно доверяют ей 42,6% респондентов, а в целом не доверяют — 26,6%. Приведенные эмпирические данные показывают, что Интернет в настоящее время оказывает существенное воздействие на правовое сознание представителей современной российской молодежи [4], причем, учитывая наличие здесь отрицательной информации правового характера, можно говорить о соответствующем негативном воздействии на правовое сознание молодежи, включающем деформацию последнего. Тот факт, что значительная часть молодежи испытывает доверие к юридической информации, содержащейся в сети Интернет, также свидетельствует о том, что данная информация оказывает в настоящее время весьма существенное воздействие на правовое сознание молодежи.

Здесь нельзя не согласиться с точкой зрения А.А. Курносенко, в соответствии с которой количественные показатели правовой информации в сети Интернет значительно превосходят ее качественный уровень. Большое значение в данной ситуации имеет то обстоятельство, что в Интернете в большом объеме присутствует информация антисоциального и антиправового характера, что опре-

деленным образом воздействует на правовое сознание молодежи, способствуя закреплению в нем представлений о широкой распространенности в обществе противоправного поведения, формированию у молодых людей нигилистических правовых ценностей [5]. В Интернете в настоящее время широко представлена информация криминального характера, традиционно вызывающая повышенный интерес у аудитории, в том числе молодежи, которую привлекают различные блоги, сайты или чаты, где говорится о многочисленных способах нарушить закон и приобрести таким образом желаемые материальные блага или рассказывается о многочисленных случаях совершения представителями элиты и их детей и других родственников правонарушений, за совершения которых они не были привлечены к юридической ответственности. Такая информация способствует образованию различных деформаций в правовом сознании молодежи, складыванию у них представлений о допустимости или даже желательности нарушений закона с целью достижения корыстных и других целей, неверия в действие на практике основополагающих правовых принципов, к числу которых относится в первую очередь принцип равенства всех перед законом. Как уже отмечалось выше, для молодых людей характерна неустойчивость ценностных правовых установок и правового сознания, которое достаточно легко подвержено информации антисоциального или криминального характера, транслируемой сетью Интернет [3].

Справедливости ради необходимо отметить, что в Интернете в настоящее время присутствует в достаточно больших объемах юридическая информация позитивного характера: речь идет о правовых интернет-форумах, онлайн-конференциях, информационных справочных системах и т.д. Однако, как показывают результаты социологических опросов молодежи, рассматриваемые интернет-ресурсы, включающие правовые форумы, семинары, конференции, справочные системы, энциклопедии и т.д., не пользуются широкой популярностью у молодых людей: их более или менее регулярно посещают не более 6% молодых респондентов, причем, как было отмечено В.Д. Емельяненко и его соавторами, в эту группу входят в первую очередь сту-

денты юридических факультетов или даже профессиональные юристы, являющиеся носителями профессионального или научного, но не обыденного правосознания [1]. Так, студенты могут использовать данную информацию для подготовки к занятиям, а также участия в научных конференциях и студенческих научных обществах. Что же касается основной массы молодежи, то она посещает преимущественно социальные сети, которые по сути и выступают в рамках интернет-пространства в качестве основного источника формирования правового сознания представителей рассматриваемой социально-демографической группы (именно сайты социальных сетей молодые люди посещают наиболее часто: регулярно это делают 65% молодых респондентов). Таким образом, ресурсы социальных сетей играют основную роль в формировании правосознания молодежи. Наряду с этим довольно значительная часть (не менее трети) молодых людей использует Интернет преимущественно в развлекательных целях: данные цели реализуются молодежью главным образом посредством просмотра видеороликов. Видеоматериал, содержащийся в данных роликах, нередко имеет негативный с точки зрения норм права характер, поскольку содержит информацию о различных противоправных деяниях, за совершение которых не последовало никакого наказания. Очевидно, что просмотр данных роликов для лиц с несформированным правосознанием может иметь следствием укоренение здесь различных деформаций, складывание представлений, в соответствии с которыми совершение правонарушений является допустимым, а ответственность за них, в свою очередь, не является неотвратимой.

По мнению А.Р. Каспарова и О.А. Стойко, именно интернет-ресурсы неформального характера оказывают в настоящее время наиболее значимую роль в формировании правового сознания молодежи: именно на их основе складываются представления о государстве, праве, законодательстве [4]. Здесь сказываются возрастные и психологические характеристики молодежи, которая в большей степени испытывает доверие к неформальным интернет-коммуникациям, соответствующему виртуальному общению. Молодые люди с присущими им лабильным сознанием,

иррационализмом, склонностью к инновациям сами ориентированы на активное участие в неформальных интернет-коммуникациях, что сопровождается высоким уровнем доверия к ним. В итоге получается, что даже антисоциальная и антиправовая информация, которая размещена на тех интернет-ресурсах, которым молодежь доверяет, не только не вызывает отторжения у молодых людей, но и активно ими усваивается, оказывая негативное воздействие на правовое сознание [10]. Все это способствует утрате государством контроля над процессом правовой социализации молодежи, которая в результате приобретает преимущественно стихийный характер, что сопровождается укоренением различных деформаций в правосознании молодежи.

Заключение. На наш взгляд, государству в настоящее время следует более активно использовать ресурсы сети Интернет с целью формирования позитивного правового сознания представителей современной российской молодежи. На формирование данного типа правосознания значительное воздействие оказывает распространение и использование информационных материалов, являющихся доступными для восприятия, которые и формируют правосознание различных групп населения, в том числе молодежи: данные материалы представлены, наряду с другими источниками и носителями информации, в сети Интернет. Соответственно, государственная политика в сфере развития правосознания населения предусматривает обеспечение доступности соответствующей юридической информации, развитие информационно-правовых ресурсов, обеспечение надлежащей работы справочных систем и т.д.

Интернет-технологии должны быть интегрированы в систему правового воспитания молодежи: в качестве значимых источников правовой информации, влияющей на формирование правосознания, могут использоваться интернет-приемные, различные форумы и блоги. В рамках образовательных учреждений различных уровней следует более активно использовать интернет-ресурсы в рамках преподавания различных правовых дисциплин, осуществления правовоспитательной деятельности в отношении представителей учащейся молодежи. В процессе правового

образования необходимо формировать у обучающихся навыки и умения работы с юридической информацией, содержащейся в сети Интернет, при одновременном критическом восприятии информации, размещенной на неофициальных электронных ресурсах.

Список источников

1. Емельяненко В.Д., Богданова А.М., Гнаева Ю.А. Интернет и ценностно-мировоззренческие основания правосознания // Альманах современной науки и образования. 2015. №7. С. 66–70.
2. Жидяева Е.С. Особенности формирования правосознания учащейся молодежи в современном российском обществе // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №3-1. С. 69–73.
3. Жидяева Е.С., Попов М.Ю. Правовая культура современной российской молодежи в условиях возрастающей социальной неопределенности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. №6. С. 26–30.
4. Каспаров А.Р., Стойко О.А. Воздействие неформальных интернет-коммуникаций на правосознание молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. №8. С. 24–27.
5. Курносенко А.А. Интернет в процессе формирования правовой культуры молодежи в условиях трансформирующегося российского общества: дис. ... канд. социол. наук. Краснодар, 2016. 172 с.
6. Надыгина Е.В. Теоретико-правовой анализ влияния информационных технологий на правосознание: автореф. дис. ... канд. юр. наук. Нижний Новгород, 2007. 28 с.
7. Самыгин П.С., Попов М.Ю., Самыгин С.И. Правовая социализация молодежи в условиях кризисного состояния современного российского общества // Вестник Российского университета дружбы народов. 2016. Т. 16. №2. С. 295–301.
8. Сандул Я.В. Влияние Интернета на развитие правового сознания современной молодежи в России // Научные труды КубГТУ. 2017. №6. С. 366–373.
9. Степанов О.В., Самыгин П.С., Самыгин С.И. Образовательное право и проблемы формирования правосознания российской

учащейся молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2015. №3–1. С. 256–260.

10. Фатьянов В.М. Роль сетевых коммуникаций в процессе формирования правовой культуры современной российской молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. №1. С. 58–60.

References

1. Emel'janenko V. D., Bogdanova A. M., Gnaeva Ju. A. Internet i cennostno-mirovozzrencheskie osnovaniya pravosoznaniya [Internet and value-worldview foundations of legal consciousness]. *Al'manah sovremennoj nauki i obrazovaniya* [Almanac of modern science and education]. 2015; (7): 66–70. (In Russ.).

2. Zhidjaeva E. S. Osobennosti formirovaniya pravosoznaniya uchashhejsja molodezhi v sovremennom rossijskom obshhestve [Features of the formation of legal awareness of students in modern Russian society]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2015; (3-1): 69–73. (In Russ.).

3. Zhidjaeva E. S., Popov M. Ju. Pravovaja kul'tura sovremennoj rossijskoj molodezhi v uslovijah vozrastajushhej social'noj neopredelennosti [Legal culture of modern Russian youth in conditions of increasing social uncertainty]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2022; (6): 26–30. (In Russ.).

4. Kasparov A. R., Stojko O. A. Vozdejstvie neformal'nyh internet-kommunikacij na pravosoznanie molodezhi [The impact of informal Internet communications on the legal consciousness of youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2020; (8): 24–27. (In Russ.).

5. Kurnosenko A. A. Internet v processe formirovaniya pravovoj kul'tury molodezhi v uslovijah transformirujushhegosja rossijskogo

obshhestvo: dis. ... kand. sociol. nauk [The Internet in the process of forming the legal culture of youth in a transforming Russian society. Ph. D. (Sociology) Thesis]. Krasnodar, 2016. 172 p. (In Russ.).

6. Nadygina E. V. Teoretiko-pravovoj analiz vlijaniya informacionnyh tehnologij na pravosoznanie: avtoref. dis. ... kand. jur. nauk [Theoretical and legal analysis of the influence of information technologies on legal consciousness. Ph. D. (Juridical Sciences) diss.]. Nizhnij Novgorod, 2007. 28 p. (In Russ.).

7. Samygin P. S., Popov M. Ju., Samygin S. I. Pravovaja socializacija molodezhi v uslovijah krizisnogo sostojaniya sovremennogo rossijskogo obshhestva [Legal socialization of youth in the conditions of the crisis state of modern Russian society]. *Vestnik Rossijskogo universiteta družby narodov* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia]. 2016; 16(2): 295–301. (In Russ.).

8. Sandul Ja. V. Vlijanie Interneta na razvitie pravovogo soznaniya sovremennoj molodezhi v Rossii [The influence of the Internet on the development of legal consciousness of modern youth in Russia]. *Nauchnye trudy KubGTU* [Scientific works of KubSTU]. 2017; (6): 366–373. (In Russ.).

9. Stepanov O. V., Samygin P. S., Samygin S. I. Obrazovatel'noe pravo i problemy formirovaniya pravosoznaniya rossijskoj uchashhejsja molodezhi [Educational law and problems of formation of legal consciousness of Russian students]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2015; (3-1): 256–260. (In Russ.).

10. Fat'janov V. M. Rol' setevyh kommunikacij v processe formirovaniya pravovoj kul'tury sovremennoj rossijskoj molodezhi [The role of network communications in the process of forming the legal culture of modern Russian youth]. *Gumanitarnye, social'no-jekonomicheskie i obshhestvennye nauki* [Humanities, socio-economic and social sciences]. 2018; (1): 58–60. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 30.06.2023; одобрена после рецензирования 21.07.2023; принята к публикации 14.08.2023.

The article was submitted on 30.06.2023; approved after reviewing on 21.07.2023; accepted for publication on 14.08.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Жидяева Елена Сергеевна — кандидат социологических наук, доцент кафедры «Педагогика и межкультурные коммуникации», Академия маркетинга и социально-информационных технологий (ИМСИТ).

Россия, г. Краснодар, ул. Зиловская, 5

Elena S. Zhidyayeva — Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Intercultural Communications, Academy of Marketing and Social Information Technologies (IMSIT).

5 Zipovskaya str., Krasnodar, Russia

Самыгин Петр Сергеевич — доктор социологических наук, профессор кафедры «Теория и история государства и права», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Peter S. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Theory and History of State and Law», Rostov State University of Economics (RSUE).

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Самыгин Сергей Иванович — доктор социологических наук, профессор кафедры «Финансовый и HR-менеджмент», Ростовский государственный экономический университет (РИНХ).

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Большая Садовая, 69

Sergey I. Samygin — Doctor of Sociological Sciences, Professor of the Department of «Financial and HR Management», Rostov State University of Economics (RSUE).

69 Bolshaya Sadovaya str., Rostov-on-Don, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Научная статья

УДК 351

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-212-219

ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ГОРОДСКОГО ПРОСТРАНСТВА В КОНТЕКСТЕ ОБЕСПЕЧЕНИЯ БЕЗОПАСНОСТИ

Максим Евгеньевич Козловский

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X

Аннотация. *Целью исследования* является анализ городского пространства и городской культуры как сферы обеспечения безопасности человека, способной защитить горожанина и гостей от внешних негативных воздействий.

Методологическую базу исследования составляет социокультурный подход, позволяющий проанализировать городское пространство как культурный и социальный феномен, а также экзистенциальный подход, позволяющий раскрыть аспекты безопасности городского пространства как необходимого фактора существования современного человека.

Результаты исследования. Автор статьи отмечает, что совместная городская жизнь способствует формированию приоритетных отношений между членами объединенных локаций, которые заключают себя в «невидимые» границы. Это не отменяет открытость многих городов «внешнему», сложившимся системам обмена и международной коммуникации, которые, однако, осуществляются посредством пор и сложной совокупности каналов внутри сферических оболочек. Вместе с тем стоит отметить и потерю прежней ответственности за безопасность со стороны официальной власти, в особенности это становится актуальным, когда перед нами возникает проблема искусственного интеллекта.

Перспективой исследования является дальнейший анализ формирования культуры городского пространства вокруг человека как фактора создания безопасной среды.

Ключевые слова: город, безопасность, цифровизация, городская культура, безопасное пространство, городское пространство, комфорт, процесс выживания, городская культура

Для цитирования: Козловский М. Е. Формирование культуры городского пространства в контексте обеспечения безопасности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 212–219. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-212-219>.

Original article

FORMATION OF URBAN SPACE CULTURE IN THE CONTEXT OF SECURITY

Maxim E. Kozlovsky

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
maksim.kozlovskiy.87@bk.ru, ORCID: 0000-0002-8606-646X*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze urban space and urban culture as a sphere of human security that can protect citizens and guests from external negative influences.*

The methodological basis of the research *is a socio-cultural approach that allows analyzing urban space as a cultural and social phenomenon, as well as an existential approach that allows revealing aspects of urban space security as a necessary factor of modern human existence.*

The results of the study. *The author of the article notes that joint urban life contributes to the formation of priority relationships between members of united locations who enclose themselves in «invisible» boundaries. This does not negate the openness of many cities to the «external», established systems of exchange and international communication, which, however, are carried out through pores and a complex set of channels inside spherical shells. At the same time, it is worth noting the loss of the former responsibility for security on the part of the official authorities, especially when we face the problem of artificial intelligence.*

The prospect of the study *is further analysis of the formation of the culture of urban space around a person as a factor in creating a safe environment.*

Keywords: *city, security, digitalization, urban culture, safe space, urban space, comfort, survival process, urban culture*

For citation: *Kozlovsky M. E. Formation of Urban Space Culture in the Context of Security // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 212–219. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-212-219>.*

Введение. В современном городе жизнь в значительной степени усложняется, становясь одновременно более напряженной, что не в последнюю очередь связано с влиянием самых последних технологий в сфере взаимодействия человека с окружающим миром. Во многом оставаясь местом концентрации высокой культуры, город несет в себе значительные риски для человеческой экзистенции, связанные с утратой защищенности и появлением новых угроз. Собственно, город и есть защищенная со всех сторон территория, которая часто выполняла роль укрепленного района. Даже город без видимых стен формирует определенное внутреннее пространство, «интеллектуальное силовое поле», обладающее единством и замкнутостью.

Изучая городское пространство, стоит отметить, что оно может быть эксплицировано как сложная и одновременно динамич-

ная система, перестраиваемая в результате постоянных социокультурных изменений [1], поэтому городам необходимо сохранять и поддерживать историческое (культурное) ядро, которое может по-прежнему выполнять политическую роль серьезного символического идентификатора. Таким образом, далеко не только хозяйственно-экономическая жизнь выступает базисной для организации города, но и городская культура, связанная с определенной географической местностью и историческим наследием, также является базисной для создания искусственной среды обитания. Так, городам по-прежнему нужен своего рода смысловой центр, способный организовывать духовные потенции и устремления его обитателей. При этом городская среда должна реагировать на угрозы безопасности, в том числе возникающие в результате интенсификации самого процесса урбаниза-

ции. Но, с другой стороны, современные города в сравнении с городами прошлых исторических эпох во многом утратили некогда очевидный военный и даже прежний политический потенциал и влияние. В настоящее время также довольно редкими являются суверенные города-государства, все-таки обнаруживаемые на политической карте мира.

Специфика города как безопасного пространства. Интересно, что в древности безопасность городов обеспечивали не только внешние укрепленные стены, но и духовное содержание храмов и других сакральных объектов, расположенных внутри городского пространства [9]. К тому же города оставались хранилищами самых передовых знаний и цивилизационных достижений, которые могли быть подвергнуты разорению. Таким образом, город оказывался системой, которая в кризисные моменты могла практически полностью становиться непроницаемой для внешнего противника. Город всегда мог оказывать сопротивление своим недоброжелателям, исходя из особых ресурсов солидарности, которые в большей степени тяготели к биоцентрическим метафорам обитания, чем даже к проекции комплекса идей и представлений о суверенной нации [3]. Другое дело, что на определенном историческом этапе развития цивилизации «городские сферические проекты» в целом были «побеждены» проектами национальными и глобальными.

Порой близость и концентрация множества людей в одном месте вселяла в горожан уверенность, помогала им увеличивать веру в собственные силы. При этом жители городов, прибегая к единому самосознанию и особого рода солидарности, могли сопротивляться не только физическому, но и духовному воздействию. Вместе с тем горожанам легко было оказаться в полной блокаде, лишившись возможности покинуть свой город в самый разгар боевых действий, поэтому порой город-крепость достаточно быстро мог превратиться в «братскую могилу» или подвергнуться сожжению. Однако уже в эпоху позднего Нового времени ситуация начала изменяться, и в последнее время с исчезновением внешних угроз

значительно возросли риски внутренней безопасности крупнейших мегаполисов мира.

Проблема недоверия к другим остро стоит перед жителями многих городов. Пожалуй, человеку легче «окуклиться», создав вокруг себя «невидимую» защиту, а также максимально ограничить круг контактных лиц [5]. Тем более, что со многими людьми можно даже по необходимости контактировать посредством сети Интернет, то есть фактически дистанционно. Так, например, по мнению современного философа О. В. Новиковой, оказывается, что главной «интенцией человека массы — жителя большого города — стало недоверие к другим и закрытость. С одной стороны, эти чувства продиктованы экстраполяцией такого недоверия к незнакомому миру на его обитателей, с другой — они выступили механизмом психологической защиты» [7, с. 17]. Таким образом, выходит, что недоверие во многих случаях выступает фактически необходимым условием безопасности и защиты от окружающего «внешнего».

В результате цифровизации социума и погружения человека в виртуальную (или одновременно «дополненную») реальность произошли сдвиги в сфере ценностных установок¹. Можно говорить даже о фетишизации виртуальной реальности, которая начинает цениться выше, больше, чем «традиционные» типы коммуникации между людьми. Вместе с тем виртуальная реальность оценивается рядом экспертов как более безопасная форма организации духовной жизни современного человека. Тем не менее многие исследователи справедливо отмечают, что «панорамное доминирование средств массовой информации, цифровой среды (“цифровой человек”, “цифровое поколение”, “цифровые аборигены”), интенсивность, масштабность попыток постоянного форматирования общественного сознания приводит к изменению аксиологических стереотипов личности» [10, с. 51]. Таким образом, поиск безопасности и защиты сохраняется в качестве важного сценария человеческого поведения в городском пространстве. Другое дело, что индивид сталкивается с целым рядом рисков цифрового характера, которые легко могут быть кон-

¹ Цифровизация городов [Электронный ресурс] // Центр стратегических разработок. URL: <http://csr.ru/news/tsifrovizatsiya-gorodov/> (дата обращения: 15.09.2023).

вертированы во вполне реальные угрозы для человеческой жизни и психики.

В целом можно предполагать, что «протогорода», архаичные места обитания людей строились по типу защитных сфер, напрямую связанных с биологией человека. Следовательно, сами города должны были обладать определенным рода иммунитетом, в том числе и против «невидимых», духовных угроз, поэтому и развитие городской инфраструктуры всегда предполагало утверждение и расширение «символов безопасности», обеспечивающих сбережению их потенциала. То есть безопасность интерпретировалась в городском пространстве довольно в широком культурном контексте, предполагающим в свою очередь и терапевтический характер, необходимый как для его постоянных обитателей, так и для гостей, поэтому неудивительно, что в подобного рода «огороженных» (и защищенных со всех сторон) местах (сферах) человек древности мог успокоиться и чувствовать себя довольно уверенно, находясь фактически в безопасности.

Основой безопасности во многом является рациональность современного человечества, которая культивируется в качестве методики выявления реальных (а не мнимых) угроз. Таким образом, рациональность, ориентирующая человека в первую очередь на материальный успех, приобретает нормативный характер, становится базисной в отношении к природному окружению. Как отмечает В.Н. Порус, «общей характеристикой так понимаемой рациональности стала ориентация на образцы успешной (познавательной, конструктивной, хозяйственной и т.п.) деятельности» [8, с. 7]. При этом, однако, не стоит забывать, что сфера «иррациональных» чувств и эмоций может занимать в жизни человека определяющую роль. Не в последнюю очередь вышесказанное относится и к выбору человеком места своего возможного обитания.

Пожалуй, не только комфорт, но и сам процесс выживания в крупном городе зависит от решения целого ряда транспортных проблем, которые в свою очередь могут также оказывать прямое влияние на формирование приемлемых параметров безопасности внутри городского пространства [6]. «Ключевой категорией в формирующих процессах современного крупного города, по мне-

нию ряда отечественных исследователей, является скорость, в результате чего третьей линией развития градостроительных практик стоит назвать динамизм пространства. Стремительность, с которой перемещается житель современного мегаполиса, существенно сокращает дистанцию между уплотненным центром и разреженной периферией. Важнейшая функция городского пространства на сегодняшний день — это функция не столько локализации и ранжирования, сколько обеспечения свободы перемещения» [2, с. 7], причем обитатели города могут зачастую и вовсе «проскакать» центр, перемещаясь внутри него в основном из одной периферии в другую. Крупные города, и в первую очередь мегаполисы, существенно преобразуют чувственность индивида, который вынужден перемещаться внутри города на высоких скоростях, как это происходит, например, в метро. Теперь многие важные культурные объекты оказываются вне зоны досягаемости даже коренных горожан, погруженных, как правило, в трудовые будни или в цифровую среду.

Таким образом, оказывается, что «город» или, вернее, «протогородской» способ существования фундирован в биологической природе и жизни самого человека. По крайней мере, многих философов поражают аналогии между миром человеческой культуры и реальностями природы. В первую очередь людей объединяет с животными стремление к безопасности и продлению своего рода часто на более выгодных биологических основаниях. Оказывается, что человек в соответствии со сферологией представляет собой существо, которое стремится находиться в надежно защищенной сфере, часто полагая окружность вокруг себя в качестве «невидимой» реальности, постигаемой в интуиции.

Экзистенциальные аспекты безопасности современных городов. Речь о городской солидарности существенно раздвигает границы понимания современного человека не только как социального, но и как биологического или даже биосферического существа, обладающего собственной природной онтологией, понимаемой как защитная сфера. Так, например, известный немецкий философ П. Слотердаик акцентирует внимание на том, что «уже задолго до того, как

небольшие человеческие группы вели жизнь кочующих охотников и были чрезвычайно далеки от того, чтобы прятаться за городскими стенами и имперскими пограничными валами, они в любом случае существовали внутри неких самозакругляющихся и самозамыкающихся форм: мы называем их теплицами сферической солидарности, лишенными стен, при этом под солидарностью мы подразумеваем нечто совершенно иное, чем воображаемую и организованную солидарность объединенных общими интересами групп современных массовых обществ, будь то солидарность так называемого рабочего класса или солидарность пожилых и молодых, в обход социальных классов, связанных друг с другом мнимыми (очевидным образом несерьезными) договорами поколений» [10, с. 197]. Таким образом, оказывается, что городские локации фактически представляют собой довольно плотные «теплицы сферической солидарности», позволяющие поддерживать безопасность крупных сообществ людей, живущих в относительной близости друг от друга, а порой и вовсе не разделенных собственной землей (территорией).

Иммунные метафоры в достаточной степени укоренились в современной философии, хотя сам латинский термин «*immunis*» имеет как юридические, так и позднейшие биологические и медицинские коннотации. Данный термин, однако, хорошо передает смысл защиты как от инфекции, так и освобождения от уголовного преследования. *Im-minus* (как неприкосновенность) в древнем Риме использовалось также в значении освобождения от налогов и государственных властей. В современную эпоху понятие иммунитета широко распространилось в медицинских практиках, направленных на постоянное поддержание здоровья человека в оптимальной форме. Так, под иммунитетом стали понимать своего рода «внутреннюю броню» человека, защищающую его от различного рода вредных бактерий и вирусов. В целях профилактики людям, как правило, рекомендуют повышать и укреплять собственный иммунитет. Сюда же можно отнести различные практики, направленные на общее оздоровление организма путем холистических методик.

Следуя вышеприведенной метафоре, возможно и человеческие сообщества, сконцен-

трированные в городах (и не только), понимать как своего рода иммунологические сферы, способные поддерживать высокий уровень безопасности и в случае необходимости предоставлять защиту всем желающим. Вместе с тем формирование защитных оболочек вокруг себя во многом является тоской по прежнему бытию, протекавшему внутри материнского лона. Города, таким образом, реализуют давнюю тягу человечества к организации обширных и безопасных сообществ, в которых функции безопасности постепенно делегируются специальным службам. Так, например, согласно мнению, П. Слотердайка, человек представляет собой «животное, которое вместе со своими существенными другими почти в любой ситуации порождает эндосферы, ибо оно остается сформированным воспоминанием о некоем другом прежнем-внутри-бытии и предвосхищением какого-то последнего бытия-в-оболочке. Он рожденное и смертное живое существо, пребывающее в определенном интерьере в силу того, что он сменил один интерьер на другой. В любом месте обитания на человека воздействуют напряжения, вызванные его перемещением. По этой причине его история всегда представляет собой историю стен и их метаморфоз» [10, с. 204]. Изначально, вернее, сразу после рождения, человек ограничивал свое существование более или менее естественными перегородками, рассчитывая на иммунитет, который дает сама природа. Однако, в процессе своего технического развития человечество начинает увлекаться созданием искусственных иммунных систем, которые в определенной степени противостоят окружающим силам.

Города, несомненно, представляют собой экзистенциальные укрытия, но и сельские поселения в принципе стремятся или тяготеют к архаичным формам протогородской организации. Сам город в значительной степени освобождал от сельского труда, вселяя уверенность в технологическом превосходстве человека над природой. Таким образом, речь идет о «закругленных пространствах» как обжитых человеком территориях, которые строятся по образу «утраченного рая» [4], поэтому и город в определенном смысле всегда утопичен, а в основе его лежит мечта о безмятежном существовании. При этом об-

раз самого города в качестве специфического (метафизического) объекта интегрирован в основание современной технократической цивилизации. В то же время в городах можно обнаружить парковые зоны, которые призваны демонстрировать жителям укрощенную природу, сохраняющую почти в полном объеме свои рекреационные возможности.

Во многом даже представления о внутренней душевной жизни отдельного человека оказываются тесно связанными с его базовыми сферологическими представлениями о наиболее лучшей жизни, причем довольно часто терапевтический эффект от защитных стен бывает на порядок больше (и важнее для душевного спокойствия человека), чем их реальные возможности обеспечить достаточную безопасность. Так, например, согласно П. Слотердайку, оказывается, что на самых ранних этапах развития цивилизации «древнейшие орды обнаруживают эту тенденцию к примату внутреннего; в качестве реально существующих теплиц отношений приводя членов группы к их относительному оптимуму, они ориентированы прежде всего на самосохранение за непостроенными стенами и возведенными перегородками» [10, с. 197]. Более того, даже поселения кочевников стремятся к ограничению собственных сфер, путем, например, возведения шатров или временных «круглых» жилищ.

Следуя концептуальной метафоре П. Слотердайка, можно предположить, что существование человека во многом обеспечивается его постоянным стремлением «находиться внутри» в защищенном сферическом пространстве. Конечно, не стоит забывать, что безопасность современного города обеспечивается не перегородками, а скорее, средствами усиленного надзора. Но, с другой стороны, существование более или менее безопасных районов свидетельствует о том, что даже потенциальные преступники и маргиналы из гетто довольно редко покидают те сферы, в которых чувствуют себя «хозяевами». Более того, даже «неблагополучные» жители городов обнаруживают тенденции создавать собственные защитные сферы, укрытия, обеспечивающие минимальный комфорт.

Во многом уверенность горожан связана с обжитостью привычной среды обитания,

которая признается своей собственностью. В своем городе помогают родные стены, даже если сам город не обладает какими-либо видимыми стенами или перегородками, при этом и сам человек должен образовывать с миром доверительные отношения. В отличие от философии М. Хайдеггера здесь важно не просто «присутствие» человека как бытие-в-мире, а его присутствие-в-доверии. Однако получается, что человек, скорее, всегда закрыт по отношению к внешнему, чем открыт миру. По крайней мере, человек не отказывается от стремления находиться внутри безопасной сферы, поскольку открытость таит угрозу.

В принципе, защитная сфера может увеличиваться или уменьшаться в зависимости от целого ряда факторов, где ключевую роль играет привычка и транспортная (комфортная) доступность тех или иных мест. Безопасность может оказаться под угрозой в случае трансформации округлых пространств, то есть в ситуации, когда прежние сферы были разрушены, а новые еще не были полностью сформированы. «Поскольку обитание всегда означает формирование как малых, так и больших сфер, то люди, по мнению немецкого философа П. Слотердайка, — это существа, создающие круглые миры и окруженные определенными горизонтами. Жить в сферах означает создавать такое измерение, в которое могут быть включены люди. Сферы — это эффективные с точки зрения иммунных систем пространственные творения для экстатических существ, в которых действует внешнее» [10, с. 25].

Несомненно, что даже локальные городские культуры обладают в данной связи своей собственной селективностью, а также вниманием к тем или иным угрозам внутренней солидарности. По мнению П. Слотердайка, дискурс о замкнутых сферах раскрывается как повествование «о солидарности в теплицах формы», которое указывает на то, «что для тех, кто действительно живет вместе, внутренние отношения имеют безусловный приоритет по сравнению с так называемыми отношениями с окружающим миром» [10, с. 197]. В данной связи интересным является тот факт, когда горожане в период отпуска выезжают «за город», то есть оказываются

во внешнем мире, а, например, на телефонный звонок отвечают, что «я не в городе», что указывает на чрезмерную занятость или погруженность в рекреационные практики.

Вместе с тем формирование сфер вокруг себя может как носить повседневный характер городской или сельской жизни, так и выливаться в глобальные политико-сферические проекты. Сюда можно отнести создание глобальных цивилизаций, до сих пор во многом функционирующих на основе общей религиозной традиции (объединяющих и собирающих людей под единым куполом). Тем не менее разрушение многих городов, связанное с утратой безопасности, свидетельствует о катастрофическом крушении иммунологических сфер, причем городские катастрофы прошлого довольно рельефно были зафиксированы в мифологии различных стран и народов, связывавших эти события напрямую с грехами людей.

Заключение. В результате проведенного анализа можно сделать вывод, что человек не ограничивается формированием вокруг себя какой-то отдельной сферы (безопасности), но стремится заключить себя порой в множество закругленных миров. Так, например, принадлежа сразу к нескольким социальным кругам или семьям (одновременно к более большим или малым), индивид чувствует большую защищенность от всепоглощающей мощи внешнего. В данной связи стоит заметить, что даже архитектура в подобной перспективе будет иметь явные биологические корни, а сами архитекторы — выступать в роли культурфилософов. Вместе с тем установки человека, формирующие его отношение к внешнему миру и окружающей среде, оказываются проекциями пренатального опыта. Следуя сферологической теории П. Слотердайка, можно сказать, что архитектура и строительство различного рода округлых объектов во многом является попыткой восполнения, утраченного пренатального опыта единства с матерью.

Список источников

1. Акалелова Т. А. Социальное пространство современного города // Теория и практика общественного развития. 2014. №9. С. 23–25.

2. Бабаева А. В., Крашенинников А. А. Антропологическое измерение пространства современного города // Вестник Мининского университета. 2019. Т. 7. №2(27). С. 14.

3. Высоковский А. Борьба за горожанина: человеческий потенциал и городская среда [Электронный ресурс] // Высшая школа урбанистики. Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». URL: <http://mosurbanforum.ru/online/> (дата обращения: 23.09.2023).

4. Ганжа А. Г. Запреты в большом городе: свобода от принуждений или принуждение к свободе? [Электронный ресурс] // Русский журнал. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaprety-v-bol-shom-gorode> (дата обращения: 23.09.2023).

5. Злотникова Т. С., Фролова А. В. «Человек массы» в современном городе // Ярославский педагогический вестник. 2015. №3. С. 232–240.

6. Лэндри Ч. Креативный город. М.: Классика-XXI, 2006. 397 с.

7. Новикова О. В. Философия города: к проблеме человекомерности городского пространства // Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология. 2021. №2. С. 12–20.

8. Порус В. Н. Многомерность рациональности // Эпистемология и философия науки. 2010. Т. XXIII. №1. С. 5–16.

9. Россман В. Столицы. Их многообразие, закономерности развития и перемещение [Электронный ресурс] // Библиотека BOOKARY. М.: Литагент «ИЭП им. Гайдара», 2013. URL: <http://bookary.ru/vadim-rossman/stolitsy-ih-mnogoobrazie-zakonomernosti-razvitiya-i-peremesheniya> (дата обращения: 15.09.2023).

10. Слотердаик П. Сферы. Макросферология. Т. II: Глобусы. СПб.: Наука, 2007. 1024 с.

References

1. Akalelova T. A. Social'noe prostranstvo sovremennogo goroda [Social space of a modern city]. *Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya* [Theory and practice of social development]. 2014; (9): 23–25. (In Russ.).

2. Babaeva A. V., Krashennnikov A. A. Antropologicheskoe izmerenie prostranstva sovremennogo goroda [Anthropological dimension of

the space of a modern city]. *Vestnik Mininskogo universiteta* [Bulletin of Mininsky University]. 2019; 2(27): 14. (In Russ.).

3. Vysokovskij A. Bor'ba za gorozhanina: chelovecheskij potencial i gorodskaja sreda [The struggle for the citizen: human potential and the urban environment] [Elektronnyj resurs]. Vysshaja shkola urbanistiki. Nacional'nyj issledovatel'skij universitet «Vysshaja shkola jekonomiki» [Higher School of Urban Studies. National Research University «Higher School of Economics»]. URL: <http://mosurbanforum.ru/online/> (data obrashhenija: 23.09.2023). (In Russ.).

4. Ganzha A. G. Zaprety v bol'shom gorode: svoboda ot prinuzhdenij ili prinuzhdenie k svobode? [Prohibitions in the big city: freedom from coercion or coercion to freedom?] [Elektronnyj resurs]. *Russkij zhurnal* [Russian journal]. URL: <http://www.russ.ru/pole/Zaprety-v-bolshom-gorode> (data obrashhenija: 23.09.2023). (In Russ.).

5. Zlotnikova T. S., Frolova A. V. «Chelovek massy» v sovremennom gorode [«Mass man» in a modern city]. *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik* [Yaroslavl Pedagogical Bulletin]. 2015; (3): 232–240. (In Russ.).

6. Ljendri Ch. Kreativnyj gorod [Creative city]. Moscow: Klassika-XXI, 2006. 397 p. (In Russ.).

7. Novikova O. V. Filosofija goroda: k probleme chelovekomernosti gorodskogo prostranstva [Philosophy of the city: to the problem of human dimension of urban space]. *Zhurnal Belorusskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofija. Psihologija* [Journal of the Belarusian State University. Philosophy. Psychology]. 2021; (2): 12–20. (In Russ.).

8. Porus V. N. Mnogomernost' racional'nosti [The multidimensionality of rationality]. *Jepistemologija i filosofija nauki* [Epistemology and philosophy of science]. 2010; (1): 5–16. (In Russ.).

9. Rossman V. Stolicy. Ih mnogoobrazie, zakonomernosti razvitiya i peremeshhenie [Their diversity, patterns of development and movement] [Elektronnyj resurs]. Biblioteka BOOKARY. Moscow: Litagent «IJeP im. Gajdara», 2013. URL: <http://bookary.ru/vadim-rossman/stolitsy-ih-mnogobrazie-zakonomernosti-razvitiya-i-peremeshheniya> (data obrashhenija: 15.09.2023). (In Russ.).

10. Sloterdajk P. Sfery. Makrosferologija [Spheres. Macrospherology]. Vol. II: Globusy. Saint Petersburg: Nauka, 2007. 1024 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 04.09.2023; одобрена после рецензирования 22.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 04.09.2023; approved after reviewing on 22.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Козловский Максим Евгеньевич — аспирант кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Maxim E. Kozlovsky — Postgraduate Student of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-220-230

СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ НЕОЕВРАЗИЙСТВА И ИХ ПРАКТИЧЕСКАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ

Лев Савельевич Кочарский

*Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр
Российской академии наук», Сочи, Россия
wklev@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3998-8688, AuthorID РИНЦ: 1103035,
SPIN-код: 3537-9860*

Аннотация. *Целью исследования* является обобщение специфики современных направлений неоевразийства и их практической реализации.

Методология исследования представлена междисциплинарной социально-философской методологией.

Результаты исследования. *Отношение между философскими идеями неоевразийства и его современным развитием (2021–2023 гг.) можно наблюдать в том, как оно формирует геополитическую позицию России, укрепляет ее социокультурную идентичность, способствует экономической интеграции между евразийскими странами и стимулирует технологические достижения. Поскольку мир продолжает испытывать значительные изменения, влияние неоевразийства на Россию и ее окружение, вероятно, будет актуальным и продолжит развиваться.*

Перспективы исследования. *Исследование этой темы дает возможность лучше понять сложное взаимодействие между различными региональными державами, а также их амбиции и стратегии по содействию большей интеграции, сотрудничеству и влиянию в Евразии так и за ее пределами. Поскольку мир становится все более взаимосвязанным и многополярным, нельзя недооценивать значение всестороннего анализа перспектив и последствий неоевразийства.*

Ключевые слова: *евразийство, неоевразийство, русская философия, общество, модернизация*

Для цитирования: *Кочарский Л. С. Современные направления неоевразийства и их практическая реализация // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 220–230. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-220-230>.*

Original article

MODERN TRENDS IN NEO-EUROPEANISM AND THEIR PRACTICAL IMPLEMENTATION

Lev S. Kocharsky

*Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre
of the Russian Academy of Sciences, Sochi, Russia
wklev@yandex.ru, ORCID: 0000-0003-3998-8688, AuthorID RSCI: 1103035,
SPIN-code: 3537-9860*

Abstract. *The purpose of the study is to summarize the specifics of the modern directions of neo-urasianism and their practical implementation.*

The methodological basis *is presented by interdisciplinary socio-philosophical methodology.*

Research result. *The relationship between the philosophical ideas of neo-urasianism and its contemporary development (2021–2023) can be observed in the way it shapes Russia's geopolitical position, strengthens its sociocultural identity, promotes economic integration between Eurasian countries and stimulates technological advances. As the world continues to experience significant change, the influence of neo-urasianism on Russia and its environment is likely to be relevant and will continue to evolve.*

The prospect of the study. *Research on this topic provides an opportunity to better understand the complex interplay between the various regional powers and their ambitions and strategies for promoting greater integration, cooperation, and influence in Eurasia and beyond. As the world becomes increasingly interconnected and multipolar, the importance of a comprehensive analysis of the prospects and implications of neo-urasianism cannot be underestimated.*

Keywords: *urasianism, neo-urasianism, Russian philosophy, society, modernization*

For citation: *Kocharskiy L. S. Modern trends in neo-europeanism and their practical implementation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 220–230. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-220-230>.*

Введение. В последние годы концепция неоевразийства получила значительное распространение как в академической, так и в политической среде. При вступлении в новую эпоху глобальных отношений понимание теоретических основ и практических последствий этой геополитической парадигмы становится весьма важным.

В основе неоевразийства лежит убеждение, что евразийский континент, простирающийся от Европы до Азии, обладает уникальной культурной и геополитической идентичностью, которая отличает его от других регионов. Сторонники этой парадигмы утверждают, что переход к более евразийскому взгляду может способствовать большей кооперации и стабильности среди разнообразных наций,

населяющих этот огромный простор. С помощью междисциплинарного подхода, опирающегося на выводы из истории, политологии, социологии и экономики, в статье будут рассмотрены основные принципы неоевразийства и дана оценка их актуальности в быстро меняющемся глобальном ландшафте.

Методологические аспекты исследования. В соответствии с классификацией этапов неоевразийства современный этап концепции определяется началом спецоперации 24 февраля 2022 года. Эта дата является важным историческим моментом, отмечающим начало данного этапа, который характеризуется новой динамикой и направленностью процесса неоевразийской актуализации [6].

Отношение между философскими идеями неоевразийства и его современным положением заключается в развивающихся геополитических, социокультурных и экономических перспективах, возникших в последние годы. Чтобы лучше понять эту связь, необходимо сначала кратко обозначить основные принципы неоевразийства, а затем перейти к его современным проявлениям и направлениям.

Неоевразийство — это политическое и философское движение, возникшее на базе евразийства в 1920-х годов, сложившегося в 1990-х. Оно появилось в ответ на размывание российской национальной идентичности и основано на идее о том, что Россия и сопредельные с ней регионы образуют отдельную «евразийскую» цивилизацию с уникальными культурными, историческими и геополитическими характеристиками. Эта цивилизация считается принципиально отличной от Западной Европы и Азии, и ее сторонники утверждают, что она должна следовать своему собственному пути развития, а не строго придерживаться западных или восточных моделей [7]. Ключевые фигуры этого движения — Александр Дугин, Глеб Павловский, Алексей Зиновьев, Евгений Сатановский, Александр Панарин и другие. Концепция неоевразийства уходит корнями в работы русских философов и политических мыслителей, таких как Николай Трубецкой, Лев Гумилев, Петр Савицкий и другие. Они утверждали, что евразийский континент имеет уникальное историческое и культурное единство, которое отличает его от Западной Европы и Азии. В современном контексте неоевразийство часто ассоциируется с русским национализмом, а также с идеей восстановления влияния России в соседних странах и за их пределами.

Современное развитие и основные направления. Теперь, когда у нас есть базовое представление о неоевразийстве, давайте рассмотрим его современное развитие и основные направления.

1. Геополитические перспективы. В последние годы геополитическая ситуация между Россией и Западом становится все более

напряженной. Россия представила новую концепцию внешней политики, выражающую глобальные приоритеты Москвы на будущее. Этот документ, впервые полноценно описывающий внешнюю политику России после СВО на Украине в феврале 2022 года, раскрывает видение Москвы относительно происходящего год спустя и ее представления о возникающем многополярном мире¹. В документе отчетливо прослеживается консолидация постепенного развития взглядов России на мировой порядок, начавшегося с выпуска ее первой концепции в 1993 году. В частности, Россия видит себя как великую державу, придерживается мнения о переходе мира к «регионально-центрированным отношениям власти», считает, что Соединенные Штаты и Запад в целом представляют вызов этому движению к многополярности, полагает, что Организация Объединенных Наций должна играть решающую роль в межгосударственных отношениях. Это говорит о том, что Россия видит современный мир как арену глобальной конкуренции за власть и влияние.

Концепция неоевразийства играет ключевую роль в формировании внешней политики России. Основным сторонником этой идеологии, Александр Дугин, и его последователи активно продвигают создание евразийского государства путем восстановления русского господства над бывшими советскими республиками, установления славянского и православного доминирования. Видение русской истории и судьбы, которое представляет Президент России Владимир Путин, все больше соответствует евразийским идеям [1].

В условиях текущих геополитических напряжений Концепция неоевразийства становится всё более актуальной в формировании внешней политики России в рамках её отношений с Западом. Эта идеология подчеркивает роль России как моста между Европой и Азией, что подразумевает стремление России к многополярному мировому порядку, противостоящему однополярному господству Запада. В этой связи А.Г. Дугин справедливо отмечает: «Многополярность является ключевым принципом неоевразийства,

¹ What You Need to Know About Russia's New Foreign Policy Concept [Electronic resource] // United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/05/what-you-need-know-about-russias-new-foreign-policy-concept> (date accessed: 28.04.2023).

которое подразумевает создание равновесия между великими державами и региональными центрами силы, обеспечивая тем самым стабильность и гармонию в мире, вопреки агрессивной униполярности Запада» [3, с. 58].

Как отмечается в «Concept of Foreign Policy of Russia» за 2023 год, Россия видит себя великой державой, способной играть отличительную роль в продвижении многополярной системы, помогая сбалансировать отношения между крупными державами. Данный документ также подчеркивает стремление России играть особую роль в поддержании мира и безопасности на глобальном и региональном уровнях². Данная концепция исходит из идеи, что мир движется к «регионально-центрированным отношениям власти». Соединенные Штаты и коллективный Запад в целом рассматриваются как вызов для этого перехода к многополярности. В рамках этой концепции Россия отвергает текущий порядок и лидирующую роль Соединенных Штатов в нем.

Неоевразийство подразумевает утверждение влияния России в Евразии, главным образом в бывших советских республиках. Это идеологическое направление приобретает все большую реальность в свете активной геополитической стратегии России, особенно в свете СВО. В последние годы Россия налаживает более тесные связи с другими «евразийскими державами». Это направление не только нацелено на стимулирование экономического роста и сотрудничества, но и на увеличение регионального сотрудничества и безопасности. Помимо этого, наша страна активно взаимодействует с Китаем и Ираном, что, по мнению генерала Марка Милли, представляет собой проблему для США и может привести к серьезным последствиям в будущем. Он отметил, что «Россия и Китай становятся ближе друг к другу и что это беспокоит»³.

2. Социокультурная идентичность. Неоевразийство как одно из направлений современной геополитики активно обсуждается

в контексте формирования социокультурной идентичности и национального самосознания России, ибо оно определяет многообразие культур и народов, населяющих ее пространство как ключевой фактор ее исторической судьбы и геополитической роли. Неоевразийство, как и его основа — евразийство, является политико-философским движением, возникшим в начале XX века и стремящимся определить уникальное культурное и историческое место России, которое не подпадает под категории «европейское» или «азиатское», а образует геополитическую концепцию Евразии, управляемую «русским миром».

Истоки евразийства, а тем самым и неоевразийства, уходят в XIX век, когда Российская империя была вовлечена в постоянные войны с европейскими державами на западе. Многие философы, интеллектуалы и стратеги отчуждались от Европы и чувствовали, что европеизация угрожает национальной идентичности России. «Этот фактор стал почвой для формирования новой группы монархистских элит, которые призывали к восточной экспансии, и начали акцентировать свою “азиатскость” в ответ на то, что они видели как “интеллектуальную колонизацию” со стороны романо-германских культур Западной Европы» [5, с. 65].

Евразийство и в свою очередь неоевразийство стали политическим движением с корнями в русской эмигрантской общине 1920-х годов, которая бежала из России в результате большевистской революции, гражданской войны и была свидетелем социально-политической нестабильности межвоенного периода. Это движение утверждало, что русская цивилизация не принадлежит к «европейским» или «азиатским» категориям и представляет собой отдельный «третий континент в старом мире». Будучи противниками монархии и сторонниками авторитарной республики, евразийцы превозносили многие аспекты Октябрьской революции и изображали большевистское движение как

² What You Need to Know About Russia's New Foreign Policy Concept [Electronic resource] // United States Institute of Peace. URL: <https://www.usip.org/publications/2023/05/what-you-need-know-about-russias-new-foreign-policy-concept> (date accessed: 28.04.2023).

³ Milley Says War with China, Russia Not Inevitable [Electronic resource] // U. S. Department of Defense. An official website of the United States Government. URL: <https://www.defense.gov/News/NewStories/Article/Article/334492/milley-says-war-with-china-russia-not-inevitable/> (date accessed: 24.02.2023).

необходимую реакцию на быструю модернизацию русского общества. «Евразийство основывалось на сочетании третьемировизма, сопротивления западнизации, прославления “культурного превосходства” Востока над Западом и определения Евразии в географических терминах, общих для народов русско-тюркского происхождения» [5, с. 66].

Неоевразийство, которое укрепилось после распада Советского Союза в конце XX века, отражает усилия укрепления уникальной культурной и исторической идентичности России, которую видят как смесь славянских, тюркских и монгольских этносов. В этом контексте неоевразийство поддерживается как стратегический культурный и политический подход, ориентированный на Евразию и противостоящий западной гегемонии. В 2023 году это движение было официально одобрено в Концепции внешней политики России, утвержденной Владимиром Путиным, который определил Россию как «евразийское и евро-тихоокеанское» цивилизационное государство, тесно связанное с Китаем, исламским миром и остальной частью Глобального Юга, стремящееся заменить западное господство на «Великое евразийское партнерство»⁴.

В итоге неоевразийство и социокультурная идентичность образуют взаимосвязь, которая способствует укреплению культурных связей народов и осознанию общих корней, лежащих в основе евразийского культурного пространства.

3. Технологические достижения. Неоевразийство как геополитическая концепция предлагает модель интеграции народов и государств Евразии, основанную на их культурных и исторических особенностях, а также активное использование технологических достижений для укрепления и развития региона. В контексте быстро меняющегося мира

концепция поощряет развитие технологий и инноваций для укрепления позиции России на международной арене. Это включает инициативы в таких областях, как искусственный интеллект, космические исследования и возобновляемая энергетика.

В области искусственного интеллекта наблюдается возрастающее внимание к технологии блокчейн, которая используется для защиты данных и улучшения эффективности операций. Интерес в этом направлении подтверждается рядом обзоров и статей, посвященных развитию этой технологии в России, Китае, Японии, Южной Корее и других странах [12].

Одним из факторов, актуализирующих данную тему, является потребность в безопасном хранении и управлении данными. Согласно отчету Cybersecurity Ventures, киберпреступность к 2025 году обойдется миру в \$10,5 триллионов ежегодно, что делает безопасность данных главным приоритетом для бизнеса и правительств⁵. Кроме того, опрос, проведенный Deloitte, показал, что 39% компаний по всему миру внедрили блокчейн в свой производственный процесс. Эти статистические данные демонстрируют растущий мировой интерес к потенциалу ИИ и блокчейна в радикальном изменении различных отраслей⁶. Сегодня это становится актуальным и для Евразийского региона.

В области космических исследований последние обзоры свидетельствуют о том, что наблюдается растущий интерес к исследованию космоса, в частности активно обсуждается развитие космических технологий в России и Китае, что указывает на важность этой области для текущих геополитических трендов⁷. Этот растущий интерес к освоению космоса можно объяснить различными факторами, такими как прогресс технологий, увеличение финансирования и обострение конкуренции между странами. Например,

4 Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.03.2023).

5 Cybersecurity Report 2022 [Electronic resource] // Cybercrime. URL: <https://cybersecurityventures.com/reports/> (date accessed: 23.04.2023).

6 Global blockchain survey 2022 [Electronic resource] // Deloitte digital. URL: <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/us/Documents/financial-services/us-fsi-deloitte-2020-global-blockchain-survey.pdf> (date accessed: 25.02.2023).

7 China-Russia Space cooperation [Electronic resource]. URL: <https://www.airuniversity.af.edu/CASI/Display/Article/3373101/china-russia-space-cooperation-the-strategic-military-diplomatic-and-economic-i/> (date accessed: 24.02.2023).

Россия и Китай совершают значительные успехи в своих космических программах. В 2020 году Россия успешно запустила свою первую межпланетную миссию — орбитальный аппарат ExoMars — совместно с Европейским космическим агентством (ESA)⁸. С другой стороны, космическая программа Китая стремительно развивается, что демонстрирует успешная посадка марсохода «Журун» в мае 2021 года⁹.

Более того, участие коммерческого сектора в освоении космоса также сыграло решающую роль в увеличении мирового интереса. Компании, такие как SpaceX, Blue Origin и Virgin Galactic, постоянно расширяют границы технологий и прокладывают путь к более экономически эффективным и доступным космическим полетам [11]. Это побудило Россию и Китай инвестировать больше в свои космические программы, чтобы оставаться конкурентоспособными на мировой арене.

Важность освоения космоса в контексте геополитических тенденций нельзя недооценивать. Страны все больше осознают потенциальные экономические и стратегические выгоды от инвестиций в космические технологии. Например, амбициозная лунная программа Китая «Чанъэ» нацелена на создание лунной исследовательской станции к 2030-м годам, которая может предоставить ценные ресурсы и стратегическую опору в космосе [2].

Кроме того, военное освоение космоса является еще одним аспектом, который побуждает страны инвестировать в космические технологии. С созданием Космических сил Соединенных Штатов в 2019 году становится ясно, что космос рассматривается как потенциальное поле битвы для будущих конфликтов [11]. Это дополнительно подчеркивает необходимость для стран, таких как Россия и Китай, развивать свои космические возможности для сохранения позиций в качестве мировых держав.

В сфере возобновляемой энергетики наблюдается усиление деятельности в области

развития энергетики на основе возобновляемых источников. Это подтверждается рядом инициатив, направленных на обеспечение энергии из возобновляемых источников и уменьшение зависимости от ископаемых источников энергии, в частности Россия и Индия объявили о пятилетней паузе в строительстве новых угольных электростанций и сделали ставку на возобновляемую энергетику и аккумуляторы¹⁰.

Этот переход к возобновляемой энергии движим рядом факторов, включая растущее осознание проблемы климатических изменений, технологические достижения и потребность в энергетической безопасности. По данным Международного агентства по возобновляемой энергии (IRENA), доля возобновляемой энергии в производстве электроэнергии должна достигнуть 45 % к 2030 году и 86 % к 2050 году.

За последние годы мы стали свидетелями значительного прогресса в секторе возобновляемой энергетики. Например, уровеньная стоимость электричества (LCOE) для солнечных фотоэлектрических (PV) систем снизилась на 82 % между 2010 и 2020 годами, делая их все более конкурентоспособными по сравнению с традиционными источниками энергии. Аналогично LCOE для наземных ветряных энергетических установок снизился на 40 % за тот же период.

Правительства многих стран также внедряют политики и стимулы для поощрения использования возобновляемых источников энергии. Например, Европейский союз стремится достичь доли возобновляемой энергии в 32 % от общего потребления энергии к 2030 году в рамках своей Директивы о возобновляемой энергии. Кроме того, Соединенные Штаты установили цель достижения сектора электроэнергии без выбросов углерода к 2035 году.

Инвестиции в проекты возобновляемой энергии также растут. В 2020 году глобальные инвестиции в возобновляемую энергию составили 303,5 миллиарда долларов, что на 2 %

⁸ Has life ever existed on Mars? [Electronic resource] // The European Space Agency ExoMars. URL: https://www.esa.int/Science_Exploration/Space_Science/ExoMars (date accessed: 12.02.2023).

⁹ Национальный центр космической науки. Китайская академия наук [Электронный ресурс] // Космическое агентство Китая. 2021. URL: <http://english.cssar.cas.cn/ne/CNSA/> (дата обращения: 23.04.2023).

¹⁰ Стабильные перспективы в нестабильной ситуации [Электронный ресурс] // Коммерсантъ. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5318348> (дата обращения: 23.04.2023).

больше, чем в предыдущем году, согласно данным Bloomberg New Energy Finance. Ожидается, что этот тренд продолжится, поскольку все больше стран устанавливают амбициозные цели по возобновляемой энергии и выделяют средства на поддержку развития инфраструктуры чистой энергии.

Более того, частный сектор все больше участвует в переходе на возобновляемую энергию. Крупные корпорации, такие как Google, Amazon и Microsoft, обязались обеспечивать 100% своих потребностей в электричестве из возобновляемых источников, тем самым стимулируя спрос на чистую энергию.

Все эти области имеют огромное значение для укрепления позиции России как цивилизационного государства на международной арене и демонстрируют важность инноваций и технологического прогресса в контексте неоевразийства.

4. Экономическая интеграция. Движение к евразийской интеграции зародилось в начале XX века и приобрело новый импульс после распада Советского Союза. Основываясь на множестве дисциплин, включая историю, географию, этнографию, лингвистику, музыковедение и религиозные исследования, евразийцы утверждали, что территории Российской империи и затем Советского Союза образуют естественное единство. Этот подход был направлен против национализма и утверждал образование великой державы, объединяющей разные народы и культуры Евразии [8].

В 2023 году во внешней политике России было официально одобрено направление евразийства. Эта концепция определяет Россию как «евразийскую и евро-тихоокеанскую» цивилизацию, тесно связанную с Китаем, исламским миром и остальной частью Глобального Юга, стремящуюся заменить западную гегемонию на «Великое евразийское партнерство»¹¹.

В контексте экономической интеграции Евразийский экономический союз (ЕАЭС), созданный в 2015 году, стал ключевым инструментом. ЕАЭС направлен на облегчение

торговли, инвестиций и экономического сотрудничества между своими членами, которые в настоящее время включают Россию, Армению, Беларусь, Казахстан и Киргизию.

Евразийский экономический союз.

Представляет собой ключевое практическое проявление концепции неоевразийства. «ЕАЭС является многообещающим проектом, который призван обеспечить экономическую интеграцию, развитие и сотрудничество между странами-участницами, а также способствовать укреплению стабильности и безопасности в регионе»¹². Этот проект служит практическим воплощением неоевразийской концепции, углубляя сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах между странами, которые разделяют общий исторический и геополитический контекст.

С точки зрения показателей, ЕАЭС насчитывает более 186 миллионов жителей, что делает его восьмым по величине в мире. По территориальному размеру союз занимает первое место в мире, охватывая более 20 миллионов квадратных километров. ВВП союза (номинальный) составляет 2150 миллиардов долларов, что также ставит его на восьмое место в мире [4].

Научное исследование, проведенное в контексте начала деятельности ЕАЭС с 1 января 2015 года, «рассматривает различные концепции евразийской интеграции, включая классическое (русское) евразийство, геополитическую концепцию, западное и восточное евразийство, неоевразийство». Исследователи пришли к выводу, что основой концепции евразийства является культурная самобытность, принципы взаимодействия народов и объединенная Евразия [10, с. 23].

Одним из ключевых аспектов ЕАЭС является его стремление к продвижению торговли между странами-членами. Согласно данным Евразийской экономической комиссии, объем внутренней торговли ЕАЭС увеличился на 38% с 2014 по 2022 год, достигнув общей суммы 66,1 миллиарда долларов [9, с. 33]. Этот рост торговли свидетельствует

¹¹ Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В.В. Путиным 31 марта 2023 г.) [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 22.03.2023).

¹² Евразийская экономическая комиссия [Электронный ресурс]. URL: <https://www.eurasiancommission.org> (дата обращения: 16.02.2023).

об эффективности ЕАЭС в создании общего экономического пространства для своих членов. Более того, ЕАЭС успешно привлекает международных партнеров и расширяет свое глобальное присутствие. На 2021 год ЕАЭС заключил соглашения о свободной торговле (СТЗ) с Вьетнамом, Сербией и Сингапуром, и в настоящее время ведутся переговоры о СТЗ с Индией, Египтом и Израилем [9]. Эти соглашения не только помогают странам — членам ЕАЭС диверсифицировать свои торговые отношения, но и расширять свое присутствие на глобальной экономической арене.

Кроме того, ЕАЭС играет важную роль в улучшении региональной связности через инфраструктурные и транспортные проекты. Например, ЕАЭС активно участвует в инициативе Китая «Один пояс, один путь» (BRI), которая направлена на улучшение связности между Азией, Европой и Африкой через инвестиции в инфраструктуру и торговлю. Это сотрудничество демонстрирует приверженность ЕАЭС содействию региональному развитию и интеграции.

Однако стоит отметить, что у ЕАЭС и идеологии неоевразийства имеется сложное и противоречивое отношение. Основатели неоевразийства утверждают, что формальные и институциональные основы ЕАЭС противоречат фундаментальным евразийским ценностям, таким как национальный дух и исторический процесс. Однако они также отмечают, что ЕАЭС может быть использован как инструмент для продвижения идей евразийства в современном мире.

Несмотря на эти показатели, стоит отметить, что успехи и потенциал ЕАЭС не ограничиваются только экономическими показателями. ЕАЭС также является важной платформой для укрепления связей между странами-участниками и продвижения основных ценностей евразийства. Евразийский экономический союз служит практическим воплощением неоевразийской концепции, углубляя сотрудничество в экономической, политической и культурной сферах между странами, имеющими общий исторический и геополитический контекст. Его достижения в продвижении торговли, привлечении международных партнеров и улучшении региональной связности демонстрируют потен-

циал ЕАЭС для вклада в стабильность и процветание региона.

В последние годы сложные отношения между Россией и странами Евразии (например, Казахстаном) характеризуются деликатным балансированием между сотрудничеством и конкуренцией. С одной стороны, они имеют общие исторические, культурные и экономические связи, которые способствуют сотрудничеству в различных областях, таких как энергетика, торговля и безопасность. С другой стороны, существует непроектное соперничество за региональное влияние, а также разные точки зрения на глобальные политические вопросы. В результате осуществление этих сложных взаимоотношений требует от обеих стран находить общий язык, сохраняя при этом свои национальные интересы и суверенитет. Этот постоянный «танец дипломатии» является свидетельством динамичного характера геополитики в евразийском регионе.

В сложном геополитическом ландшафте сегодняшнего дня становится все более очевидным, что значимость поддержания прочных связей с соседними странами нельзя недооценивать. Беря Казахстан в качестве примера, независимо от того, кто возглавляет страну — Н. А. Назарбаев или Касым-Жомарт Токаев, можно сказать, что выстраивание крепких отношений с «евразийскими соседями» остается жизненно важным. Это связано с географической близостью и стратегическими преимуществами, которые могут предоставить такие союзы. В постоянно меняющемся мире международной политики развитие подобных связей имеет решающее значение для обеспечения стабильности и процветания региона, а также расширения возможностей сотрудничества и взаимного роста.

Вследствие этого евразийство как идеологическая концепция обозначает ценность культурной самобытности, принципов взаимодействия народов и объединенной Евразии. Концепция неоевразийства, в свою очередь, играет важную роль в формировании евразийской интеграции. Важно отметить, что для полного понимания ЕАЭС и его дальнейшего развития необходимо учитывать идеологические основы евразийства и неоевразийства. Признавая и интегрируя эти

философские идеи, ЕАЭС сможет лучше выполнять свою функцию как платформа для укрепления связей между странами-участниками и продвижения основных ценностей евразийства и неоевразийства.

Заключение. Взаимодействие политико-философской концепции неоевразийства на ее современном этапе (2021–2023) проявляется в способности влиять на формирование геополитической стратегии России, закреплять ее социокультурный облик, развивать экономическое сближение между евразийскими государствами и стимулировать технологические новаторства. Учитывая, что мировая ситуация продолжает переживать существенные трансформации, влияние неоевразийства на политику России и ее «геополитических соседей», скорее всего, сохранит свою актуальность и будет далее развиваться.

Современный этап неоевразийства представляет собой динамичное и многогранное явление, охватывающее как теоретические, так и практические аспекты. Как было обозначено в статье, сегодня принципы и концепция неоевразийства значительно влияют на политический, экономический и культурный дискурс в большом евразийском регионе.

Теоретический аспект неоевразийства прошел путь развития от своих первоначальных корней в классическом евразийстве, возникшем в начале XX века. Ученые и мыслители с тех пор разработали и дополнили эти основополагающие идеи, включая такие концепции, как многополярность и «евразийское ядро» в современную неоевразийскую рамку. Это привело к богатому интеллектуальному обсуждению и многообразию точек зрения, которые продолжают формировать текущий дискурс.

На практике неоевразийство проявляется через многочисленные инициативы и проекты, направленные на укрепление сотрудничества и интеграции между разнообразными народами и культурами Евразийского континента. К таким усилиям относятся создание Евразийского экономического союза, Инициатива «Один пояс, один путь» и различные межкультурные и образовательные программы.

Несмотря на то, что эти новшества, несомненно, привели к положительным результатам, важно признать потенциальные

трудности и ограничения, связанные с реализацией неоевразийской политики. Геополитические сложности региона, а также несогласованная политика и внешнее враждебное влияние могут создать серьезные препятствия для достижения конечных целей проектов в Евразии. Продолжая изучать развивающийся ландшафт неоевразийства в теории и практике, важно оставаться открытыми для принятия новаторских подходов и участия в конструктивном диалоге. Таким образом, мы сможем сделать так, чтобы принципы неоевразийства продолжали способствовать развитию более эффективного Евразийского региона.

Список источников

1. Вэй Чуньцзе. Евразийство: глобальные вызовы и новый миропорядок в политической философии А.Г. Дугина // Мировая политика. 2021. №2. [Электронный ресурс]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-globalnye-vyzovy-i-novyy-miroporyadok-v-politicheskoy-filosofii-a-g-dugina> (дата обращения: 26.03.2023).
2. Джонс А. Амбиции Китая в лунной эксплорации: ближе к вопросу // [Электронный ресурс]. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/chinas-lunar-exploration-ambitions-a-closer-look/> (дата обращения: 16.03.2023).
3. Дугин А.Г. Основы геополитики: Геополитическое будущее России. М.: Арктогея, 2020. 419 с.
4. Захарова С.В., Соколова О.Ю. Общая макроэкономическая характеристика стран-членов ЕАЭС [Электронный ресурс] // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2022. №5-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-makroekonomicheskaya-harakteristika-stran-chlenov-eaes> (дата обращения: 26.04.2023).
5. Иманалиев К.К. Об истоках евразийства [Электронный ресурс] // Евразийская интеграция: экономика, право, политика. 2009. №6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-evraziystva> (дата обращения: 22.03.2023).
6. Кочарский Л.С., Зимовец Л.Г. Социально-философский анализ генезиса неоевразийства // Современная наука: акту-

альные проблемы теории и практики. Серия: Познание. 2023. №03. С. 122–126. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.03.14.

7. Ларюэль М. Российское евразийство: идеология империи. М.: Наталис, 2021. 215 с.

8. Марышев А.А. Новое измерение евразийской интеграции в современном мире [Электронный ресурс] // Большая Евразия: развитие, безопасность, сотрудничество. 2023. №6-1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-izmerenie-evraziyskoj-integratsii-v-sovremennom-mire> (дата обращения: 20.02.2023).

9. Миронова В.Н. Экономическая интеграция в аспекте развития взаимной торговли государств — членов ЕАЭС [Электронный ресурс] // Экономика. Налоги. Право. 2022. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaya-integratsiya-v-aspekte-razvitiya-vzaimnoy-torgovli-gosudarstv-chlenov-eaes> (дата обращения: 21.04.2023).

10. Устинкин С.В., Седаев П.В., Параничев Д.В. Теоретические основы евразийства и неоевразийства: является ли ЕАЭС их воплощением? [Электронный ресурс] // Власть. 2022. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-evraziystva-i-neoevraziystva-yavlyaetsya-li-eaes-ih-voploscheniem> (дата обращения: 26.02.2023).

11. Шитц М. Космический бизнес: промышленность, набирающая обороты. CNBC [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cnbc.com/space-industry/> (дата обращения: 20.02.2023).

12. Tagde P., Tagde S., Bhattacharya T. et al. Blockchain and artificial intelligence technology in e-Health [Electronic resource] // National Library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8412875/> (date accessed: 26.03.2023).

13. Pollpeter K., Barrett E., Edmonds J., Kerrigan A., Taffer A. The strategic, military, diplomatic, and economic implications of a growing relationship [Electronic resource] // CNA. URL: <https://www.cna.org/reports/2023/06/china-russia-space-cooperation-may-2023> (date accessed: 24.02.2023).

References

1. Vjej Chun'cze. Evraziystvo: global'nye vyzovy i novyj miroporjadok v politicheskoy

filosofii A. G. Dugina [Global challenges and a new world order in the political philosophy of A. G. Dugin]. *Mirovaja politika* [World Politics]. 2021; (2). [Elektronnyj resurs]. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/evraziystvo-globalnye-vyzovy-i-novyy-miroporyadok-v-politicheskoy-filosofii-a-g-dugina> (data obrashhenija: 26.03.2023). (In Russ.).

2. Dzhons A. Ambicii Kitaja v lunnoj jeksploracii: blizhe k voprosu [China's ambitions in lunar exploration: closer to the question] [Elektronnyj resurs]. The Diplomat. URL: <https://thediplomat.com/2021/01/chinas-lunar-exploration-ambitions-a-closer-look/> (data obrashhenija: 16.03.2023). (In Russ.).

3. Dugin A. G. Osnovy geopolitiki: Geopoliticheskoe budushhee Rossii [Fundamentals of Geopolitics: The Geopolitical future of Russia]. Moscow: Arktogeta, 2020. 419 p. (In Russ.).

4. Zaharova S. V., Sokolova O. Ju. Obshhaja makroekonomicheskaja harakteristika stran-chlenov EAJeS [General macroeconomic characteristics of the EAEU member states] [Elektronnyj resurs]. *Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Greater Eurasia: development, security, cooperation]. 2022; (5-1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obschaya-makroekonomicheskaya-harakteristika-stran-chlenov-eaes> (data obrashhenija: 26.04.2023). (In Russ.).

5. Imanaliev K. K. Ob istokah evraziystva [On the origins of Eurasianism] [Elektronnyj resurs]. *Evrazijskaja integracija: jekonomika, pravo, politika* [Eurasian integration: economics, law, politics]. 2009; (6). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ob-istokah-evraziystva> (data obrashhenija: 22.03.2023). (In Russ.).

6. Kocharskij L. S., Zimovec L. G. Social'no-filosofskij analiz genezisa neoevraziystva [Socio-philosophical analysis of the genesis of neo-Eurasianism]. *Sovremennaja nauka: aktual'nye problemy teorii i praktiki. Serija: Poznanie* [Modern science: actual problems of theory and practice. Series: Cognition]. 2023; (03): 122–126. DOI: 10.37882/2500-3682.2023.03.14. (In Russ.).

7. Larjujel' M. Rossijskoe evraziystvo: ideologija imperii [Russian Eurasianism: the Ideology of Empire]. Moscow: Natalis, 2021. 215 p. (In Russ.).

8. Maryshev A. A. Novoe izmerenie evrazijskoj integratsii v sovremennom mire [A new dimension of Eurasian integration in the modern

world] [Elektronnyj resurs]. *Bol'shaja Evrazija: razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* [Great-er Eurasia: development, security, coopera-tion]. 2023; (6-1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novoe-izmerenie-evraziyskoy-integratsii-v-sovremennom-mire> (data obrashhenija: 20.02.2023). (In Russ.).

9. Mironova V.N. Jekonomicheskaja inte-gracija v aspekte razvitiya vzaimnoj trgovli gosudarstv — chlenov EAJeS [Economic integra-tion in the aspect of the development of mutual trade of the EAEU member states] [Elektronnyj resurs]. *Jekonomika. Nalogi. Pravo* [Economy. Taxes. Law]. 2022; (1). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ekonomicheskaja-integratsiya-v-aspekte-razvitiya-vzaimnoj-torgovli-gosudarstv-chlenov-eaes> (data obrashhenija: 21.04.2023). (In Russ.).

10. Ustinkin S.V., Sedaev P.V., Parani-chev D.V. Teoreticheskie osnovy evraziystva i neoevraziystva: javljaetsja li EAJeS ih voploshheniem? [Theoretical foundations of Eurasian-ism and neo-Eurasianism: is the EAEU their embodiment?] [Elektronnyj resurs]. *Vlast'*

[Power]. 2022; (4). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/teoreticheskie-osnovy-evraziystva-i-neoevraziystva-yavlyaetsya-li-eaes-ih-voploshcheniem> (data obrashhenija: 26.02.2023). (In Russ.).

11. Shitc M. Kosmicheskij biznes: pro-myshlennost', nabirajushhaja oboroty. CNBC [Space business: an industry gaining momen-tum. CNBC] [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.cnbc.com/space-industry/> (data obrashhenija: 20.02.2023). (In Russ.).

12. Tagde P., Tagde S., Bhattacharya T. et al. Blockchain and artificial intelligence technol-ogy in e-Health [Electronic resource]. National Library of Medicine. URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC8412875/> (date accessed: 26.03.2023).

13. Pollpeter K., Barrett E., Edmonds J., Kerrigan A., Taffer A. The strategic, military, dip-omatic, and economic implications of a growing relationship [Electronic resource]. CNA. URL: <https://www.cna.org/reports/2023/06/china-rus-sia-space-cooperation-may-2023> (date accessed: 24.02.2023).

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; при-нята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Кочарский Лев Савельевич — младший научный сотруд-ник, Федеральный исследовательский центр «Субтропический научный центр Российской академии наук».

Россия, г. Сочи, ул. Я. Фабрициуса, 2/28

Lev S. Kocharsky — a Junior Researcher, Federal Research Centre the Subtropical Scientific Centre of the Russian Academy of Sciences.

2/28 Ya. Fabricius str., Sochi, Russia

Научная статья

УДК 159.923

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-231-238

ПОКОЛЕНИЕ Z В КОНТЕКСТЕ ЭПОХИ МОДЕРНА

Василий Сергеевич Любченко

Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)

имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

v.s.lyubchenko@gmail.com, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID РИНЦ: 372408

Аннотация. Цель исследования является философский анализ современного поколения Z в контексте эпохи модерна.

Методологическую базу исследования составляет философская и социологическая концепция эпохи модерна. В то же время для анализа поколения Z используется социологический подход, позволяющий раскрыть особенности жизни молодого поколения.

Результаты исследования. Определены основные социокультурные характеристики современной жизни поколения Z в контексте эпохи модерна. Выделены основные стороны жизни молодого поколения в виртуальном и реальном мире.

Перспективы исследования заключаются в дальнейшем философском анализе поколения Z в контексте эпохи постмодерна.

Ключевые слова: модерн, постмодерн, поколение Z, освобождение, поколение снежинки, виртуальный мир, реальный мир, сознание

Для цитирования: Любченко В. С. Поколение Z в контексте эпохи модерна // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 231–238. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-231-238>.

Original article

GENERATION Z IN THE CONTEXT OF THE MODERN ERA

Vasiliy S. Lyubchenko

Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

v.s.lyubchenko@gmail.com, ORCID: 0000-00010583302479, AuthorID RSCI: 372408

Abstract. The purpose of the research is a philosophical analysis of the modern generation Z in the context of the modern era.

The methodological basis of the research is the philosophical and sociological concept of the modern era. At the same time, a sociological approach is used to analyze generation Z, which allows revealing the peculiarities of the life of the younger generation.

The results of the study. The main socio-cultural characteristics of the modern life of generation Z in the context of the modern era are determined. The main aspects of the life of the young generation in the virtual and real world are highlighted.

The prospects of the research lie in the further philosophical analysis of generation Z in the context of the postmodern era.

Keywords: modern, postmodern, generation Z, liberation, snowflake generation, virtual world, real world, consciousness

For citation: Lyubchenko V.S. Generation Z in the context of the modern era // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 231–238. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-231-238>.

Введение. Как известно «общество модерна» начинает формироваться в XVII веке и характеризуется прежде всего ориентацией на инновации. Исследователи выделяют следующие черты общества типа модерн [7]: преобладание инноваций над традицией; светский характер социальной жизни; поступательное (нециклическое) развитие; преобладание индивидуализма, ориентацию на личную выгоду, достижение успеха, более высокого социального положения; демократическую систему власти; индустриальный характер производства; массовое образование; развитие точных наук и технологий (техногенная цивилизация).

Начатая в эпоху Просвещения борьба за свободу привела вначале к освобождению от сословных ограничений, всем были предоставлены равные права. Но обратной стороной этого стала конкурентная борьба внутри зарождающегося капиталистического общества, борьба за ресурсы, за собственность и власть, чего не было в традиционном обществе. Сейчас мы можем видеть финал этой борьбы: менее 1 % населения сосредоточили в своих руках более 60 % мирового богатства [8]. Можно сказать, что борьба за собственность и власть продолжается, но она идет в основном внутри верхушки, а остальное население в ней практически не участвует.

«Освобождение», начатое в эпоху модерна, не ограничилось снятием сословных ограничений и формальным правом каждого принимать участие в борьбе за собственность и власть. «Освобождение» происходило и в духовной сфере. Это было «освобождение» от прежних религиозных представлений о мире и человеке, что влекло за собой освобождение от религиозной морали, представленной в десяти заповедях, и утверждение новых жизненных ориентиров, новой системы ценностей.

Согласно традиционному христианству, смысл человеческого существования состоит в том, чтобы творить добро, совершать добрые дела. Есть благие побуждения, которые внушаются Богом и есть злые помыслы, которые внушаются дьяволом. Одни люди стремятся к добру, а другие — к злу. Первые должны сплотиться и выступить против вторых.

Один из идеологов либерализма, Д. Локк [6], разрушает эти представления. Никаких сил зла просто не существует. Никто не является злодеем изначально. Никто не хочет зла для других, а тем более — для себя. Абсолютно все люди стремятся к счастью и благу, но идут к счастью различными путями. Счастье состоит в удовлетворении своих желаний. Желания вызываются теми или иными вещами, которыми человек хочет обладать.

Одинаковые представления о счастье у людей возникали бы в том случае, если бы всех привлекали одни и те же вещи, но все люди разные, поэтому они воспринимают одни и те же вещи по-разному. У каждого свое собственное, абсолютно индивидуальное восприятие вещи, одному она нравится, другому — нет.

Поскольку же из вещей состоит весь мир, то у каждого — свое собственное, уникальное восприятие этого мира. И никто, абсолютно никто не имеет права считать, что именно у него восприятие — правильное, а у всех остальных — неправильное. Это убеждение в том, что у каждого своего взгляда на мир свое представление о том, что хорошо, а что плохо.

Именно на таком убеждении и основан рынок. Никаких абсолютных ценностей на рынке нет. А там, где они есть, нет и не может быть рыночных отношений, как нет и свободного предпринимательства. Свободное предпринимательство появляется только там, где люди видят вещи и оценивают по-разному.

Собственно освобождение от «религиозных предрассудков», провозглашенное в эпоху Просвещения, означало реабилитацию того, что раньше считалось греховным, то есть таких качеств человека, как гордыня, честолюбие, алчность, зависть и т.д. Просветители в своих трудах писали, что эти качества, хотя и не очень приятны, но весьма полезны для общества, поскольку благодаря им совершаются различные открытия и увеличивается богатство.

Именно страсти, по мнению Гельвеция, «оживляют все» в человеческом мире: «Алчность направляет суда через пустыни океанов; тщеславие заполняет долины, превращает горы в равнины, пробивает пути сквозь скалы, воздвигает пирамиды...» [3, с. 358]. Такая оценка страстей была направлена против христианской проповеди обуздания страстей во имя благочестия. Гельвеций считал, что страстям мы обязаны почти всеми предметами на земле, которыми мы восхищаемся, и что именно страсти заставляют героев задумывать и выполнять смелые предприятия, более того, страстям науки и искусства обязаны открытиями, а душа — благородством [3]. Свое понимание счастья Д. Дидро представил в своей повести «Племянник Рамо» [4]. Героя повести Дидро изобразил откровенным циником, ни во что не ставящим моральные нормы и добродетели. Рамо — циник, эгоист, ниспровергатель нравственности, в его лице Дидро создал литературный образ эстетствующего имморалиста. Дидро одним из первых в европейской традиции продемонстрировал возможность сознательной приверженности злу, точнее, тому, что принято считать злом и что, оказывается, вполне приемлемо, если это отвечает личным интересам.

В конечном счете «освобождение» индивида от прежних ограничений, начатое в эпоху Просвещения, привело к тотальной конкуренции за ресурсы, к значительной деградации морали, росту индивидуализма и эгоизма [9]. Обратной стороной этого стал научный и технический прогресс, рост уровня жизни, уровня образования, бытовых удобств и т.д.

Методология исследования. В качестве концептуальной схемы исследования мы будем опираться на сложившееся в современной философии представление о том, что в исто-

рическом процессе, прежде всего в развитии западного мира, выделяются три основные стадии: премодерн, модерн и постмодерн [8].

Социокультурное пространство современного общества является сложным сочетанием элементов всех трех стадий с преобладанием культуры постмодерна. На основе этого мы можем объяснить качественные различия поколений второй половины XX — начала XXI века различным сочетанием в их социокультурной среде и в их ментальности элементов модерна и постмодерна, которые несут в себе различные жизненные ориентиры и различные системы ценностей.

Более того, современное молодое поколение, которое социологи обозначили как поколение Z [5; 10], начинает осваивать очень противоречивую реальность, где с одной стороны бытовые проблемы решены, по крайней мере, в развитых странах, а с другой — никуда не делись проблемы социального неравенства, кризисов, угрозы войны и т.д., а к ним еще прибавились проблемы с экологией и климатом.

Современная социокультурная среда и поколение Z. Важно для начала отметить, что мощнейшим фактором, влияющим на общество в целом и на каждого его представителя, стал интернет, компьютеры, гаджеты и IT-технологии. Это привело к тому, что молодое поколение фактически существует в двух мирах: реальном и виртуальном.

Казалось бы, эти миры должны дополнять друг друга, поскольку виртуальный мир — источник информации, позволяющей человеку правильно ориентироваться в реальном мире, понимать происходящие в нем процессы и влиять на них. Отчасти это так, однако для большинства молодых виртуальный мир стал прежде всего миром развлечений, источником удовольствий, миром свободы, где каждый может найти то, что ему интересно, что ему нравится: игры, фильмы, клипы, музыку, общение и т.д.

В виртуальном мире, в отличие от реального, нет конкурентной борьбы за ресурсы, принуждения, подчинения и связанных с этим негативных эмоций. Молодые уходят в виртуальный мир, поскольку реальный мир для них — мир принуждения: надо учиться, работать, деньги зарабатывать, семью обес-

печивать, кредиты выплачивать, общаться с начальством, полицией, сотрудниками госорганов и т.д. На фоне виртуального мира свободы и развлечений, мира «праздника» реальный мир — это мир несвободы, серых будней, негативных эмоций.

Старшим поколениям «праздник» надо было заработать, он был наградой за труд и был связан с каким-то важным событием или приобретением: свадьбой, рождением ребенка, получением квартиры, отпуском и т.д. У молодого поколения ситуация совершенно иная. Им не надо «праздник» зарабатывать, он всегда с ними в виде гаджета или компьютера, где игры, фильмы, музыка, клипы и т.д., и все это почти бесплатно, поэтому они равнодушны к карьере, деньгам, вещам и т.д. Им свобода и возможность заниматься тем, что нравится, дороже денег. О этом говорят исследования социологов и жалобы руководителей компаний, у которых в массовом порядке стали возникать трудности с набором персонала.

Молодое поколение, рожденное в 2000-е, как было сказано, существует между двух миров — виртуальным и реальным, миром «праздника» и свободы и миром серых будней и принуждения. Реальный мир для большинства из них непонятен, при контакте с ним они испытывают неуверенность и растерянность, они ранимы, обидчивы, эмоционально неустойчивы, поэтому социологи их называют «поколение снежинки» [2; 1].

Из реального мира они убегают в мир виртуальный, но реальный мир их не отпускает, поскольку деньги все же зарабатывать надо, а значит, реально общаться с теми, с кем не хотелось бы общаться, тоже надо. Как бы ни был привлекателен для молодого поколения виртуальный мир — мир свободы и развлечений, они понимают, что жизнь в виртуальном мире — это не настоящая жизнь. Им кажется, что настоящая жизнь где-то в другом месте — там, где море, солнце, яхты, пятизвездочные отели, лимузины и т.д., т.е. там, где «праздник». Поскольку они понимают, что реальная жизнь в таком праздничном ее варианте доступна немногим избранным, у них формируется негативное отношение к той реальности, в которой они существуют, и это становится одной из главных причин их ухода в мир виртуальный.

Таким образом, это поколение психологически очень сильно отличается от поколения их родителей, которое помнит советское прошлое, формировалось в 90-е годы, прошло через тяжелые испытания и всего добивалось самостоятельно. А с поколением их бабушек и дедушек у них социокультурный разрыв, поскольку их первичная социализация происходила в социальной среде, абсолютно не сопоставимой с той, которая была в СССР в годы взросления их бабушек и дедушек.

Поколение Z: существование в двух мирах. Пожалуй, главное отличие поколения 2000-х от старших поколений — их отмеченное нами существование в двух мирах: реальном и виртуальном, причем виртуальный мир побеждает реальный с подавляющим преимуществом. Виртуальный мир для них привлекателен, поскольку это мир свободы. Он ничего от них не требует, наоборот, предлагает им массу развлечений, которые они сами выбирают.

В реальном же мире они чувствуют себя неуверенно, поскольку он требует от них того, чего они в большинстве своем делать не умеют и не хотят: обязательности, ответственности, дисциплины, определенных знаний и умений и т.д. Из-за этого новое поколение считает, что мир, в котором они живут, жестокий и несправедливый, что никому нельзя доверять, каждый думает только о себе и т.д.

Это и есть парадоксальный итог периода модерна, провозгласившего главными ценностями свободу, разум и прогресс. Главным результатом освобождения стали индивидуализм и эгоизм, отчуждение, одиночество, взаимное недоверие, а результатом научного и технического прогресса — уход из реальности в виртуальный мир. Последнее привело к тому, что человек становится пассивным потребителем виртуального контента. У многих атрофируются интеллект, память, воображение, творческие способности. Вместо этого — бесконечные пересылки друг другу «интересных» клипов, обмен sms-сообщениями, фотки, селфи и т.д. Как итог — отсутствие устойчивых жизненных ориентиров, поскольку в виртуальном мире они не нужны, размытость представлений о том, что хорошо, что плохо, что правильно, что неправильно, распространенность убеждения

«у каждого своя истина», толерантность, т.е. неспособность противостоять негативу, эгоцентризм, отсутствие прочных устойчивых отношений, временность и зыбкость всего: семьи, работы, места жительства, дружеских связей и т.д. С новым поколением сложно коммуницировать, они закрыты, для них нет авторитетов. Исключением являются их успешные сверстники и популярные блогеры.

Если смотреть на новое поколение объективно, то главной их проблемой является отмеченное нами их пребывание в двух мирах — виртуальном и реальном. Виртуальный мир их притягивает, поскольку это мир свободы и удовольствия. Из него, из фильмов, клипов, компьютерных игр, общения в сетях они получают яркие эмоции. На этом фоне реальный мир, с которым они сталкиваются в повседневной жизни, переживается ими как скучный, серый и неинтересный. Он им не нравится, но они вынуждены с ним взаимодействовать, поэтому они в растерянности, плохо понимают, что им делать в этой ситуации, поскольку они с реальным миром знакомы очень поверхностно и, как правило, стараются просто меньше с ним контактировать, избегают его. Когда это не удается и реальный мир начинает требовать от них дисциплины, обязательности, ответственности, умения работать, они испытывают внутреннее напряжение и не могут это долго выносить. Они не понимают, что проблемы не мир им создает, а их собственные, достаточно поверхностные, примитивные представления о реальном мире, о жизни, о себе, о смысле собственного существования. Они формировались как потребители различного рода развлекательного контента, который они получали практически бесплатно, нажатием кнопки. Для большинства этим их жизненный опыт и ограничивается, поэтому им сложно адаптироваться в реальном мире, где просто так ничего не дают, где надо прилагать усилия, осваивать определенные знания и умения, а потом их применять. Большинство молодых к этому не готовы, из-за чего ощущают мир как жестокий и несправедливый. Это означает, что мир не такой, как им хотелось бы.

Возвращение в реальность: преодоление поверхностных представлений о мире

и о себе. Выход из ситуации достаточно простой — вернуть их в реальность, освободить их от поверхностных, примитивных представлений о мире и о себе, которые являются главной причиной их жизненных проблем, и указать путь к правильному миропониманию. Правильное понимание мира и себя позволяет правильно ориентироваться в жизни, принимать правильные решения и правильно действовать.

Но начинать надо с простого: перевести их внимание на себя, на свое сознание, свой внутренний мир. Может возникнуть возражение: они и так замкнуты на себя, на свои переживания, чувства, эмоции. И это отчасти правильно. Но им не хватает главного: способности отделить свои субъективные переживания, чувства, эмоции, оценки от мира, от самой реальности, от тех вещей, ситуаций, событий, которые переживаются и оцениваются определенным образом.

Они видят и чувствуют в основном себя, свои эмоции, желания и небольшую часть мира рядом с собой, свой дом, улицу, работу, магазины. В нем все обыденно и скучно, в нем все видишь сквозь призму своих проблем: люди эгоистичные, жадные, ленивые, хамоватые, неинтересные, зарплаты низкие, дороги разбитые, везде мусор, грязь, мухи, тараканы, мебель ободранная, одежда заношенная, разговоры глупые. Большой мир им не интересен, он как бы не существует. Они живут своими заботами, страхами и переживаниями, их сознание заполнено этими переживаниями. Мир представляется чуждым и враждебным, готовым в любой момент создать им неприятности. Если показать им красоту и гармонию мира, суть человека как творца, создающего себя и свою жизнь, они смогут обрести подлинную свободу, свободу от мелких, повседневных проблем, которые перестают казаться такими важными и значимыми.

Это другой взгляд на мир, который позволяет увидеть мир, каким он существует независимо от меня, сам по себе. Тогда примитивные, поверхностные оценки происходящих в мире процессов уходят растворяются, возникают другие эмоции, другие ощущения — чувство удивления и восхищения перед миром, чувство благодарности за то, что тебе дана возможность жить в этом удивительном

мире и не просто жить, а чувствовать, познавать мир и себя самого, создавать то, чего в мире не было: автомобили, самолеты, компьютеры и т.д. Мир перестает быть скучным и серым или жестоким и несправедливым.

Молодых надо научить видеть и понимать мир большой, видеть красоту творения и чудесность всего: каждого человека, дерева, мухи или таракана. Это просто более глубокий взгляд на мир, не поверхностный. Мир предстает в другом свете, обыденный мир преобразается. Человек видит красоту и гармонию всего. Открывается истина, уходит поверхностный, неправильный взгляд на мир.

У человека с ограниченным сознанием преобладает эгоизм, у него много претензий к себе и миру. Ему кажется, что мир не такой, как надо, поскольку у других дела идут более успешно, чем у него. Он сам не такой, как надо, поскольку уступает в чем-то другим и т.д. Заблуждение рождает претензии к себе и миру. Истина — другой взгляд, когда человек видит, что в мире все необходимо, видит истинную цель всего, в том числе и своей жизни. Эта цель жизни — не занять удобное место, а узнать свою подлинную суть, вспомнить, что ты тоже немного Бог, творец, и ты творишь свой мир. От тебя зависит, какой он.

Обычный человек, т.е. человек с поверхностным взглядом на мир, живет в представлении «от меня ничего не зависит». Это так и не так одновременно, поскольку внешний мир от тебя почти не зависит, но внутренний мир, мир твоих представлений, зависит от тебя, и ты можешь изменить его радикально. Если его изменишь, изменится и внешний мир. То есть «обычный человек» не знает главный секрет, как изменить внешний мир, как сделать его радостным, удобным и комфортным. Мир не надо трогать, изменись сам, и он изменится без твоего вмешательства.

Сравнительно малым усилием, изменяя свои представления, избавляясь от эгоизма и претензий к миру, отбрасывая заблуждения, человек меняет окружающий мир. Он понимает, что счастье не во внешнем мире (деньги, власть, удовольствия), а внутри. Надо просто убрать мусор заблуждений, убрать претензии к миру и к себе, увидеть красоту и гармонию

мира, которые раньше не замечал, тогда внутри появятся радость и покой, поскольку тебе от мира почти ничего не надо, мир — в тебе, а ты — в нем.

Если преодолеть поверхностный взгляд обыденного сознания, мир предстает как очень сложная гармоничная структура, несоизмеримо огромная по сравнению со мной. Становится понятно, что в мире нет хорошего и плохого, в нем все необходимо. Мы вписаны в мир, человек — часть целого, у него есть особая задача в этом мире. Она связана с тем, что человек обладает уникальным качеством — сознанием. Когда меняется сознание, все вроде бы то же самое, те же дома, машины, люди, деревья, но все это видится в другом свете: прежние представления, оценки, выделение хорошего и плохого уходят, возникает ощущение гармонии и красоты всего. Таким образом, если обратить внимание на свое сознание, становится ясно, что мир такой, каким мы его себе представляем. Тогда можно увидеть свою суть как творца, который в своем сознании создает мир, представляя и оценивая его определенным образом. Человек может воспринимать мир как светлый и радостный, а может — наоборот. Мир, который каждый создает в своем сознании, зависит от того, какой он сам. Какой художник, такая и картина.

Сотворить надо прежде всего себя, избавиться от своих поверхностных представлений о мире и о себе, преодолеть свой эгоцентризм, когда мир кажется плохим, если тебе в нем что-то не нравится. Как в семечке есть растение как некая возможность, так и у нас есть возможность прорасти, созреть, прожить полноценную, счастливую жизнь, если хватит ума преодолеть свои поверхностные, детские, эгоцентрические представления о мире и о себе.

Выводы. На наш взгляд, предложенный в данной работе рецепт «возвращения» поколения Z из виртуального мира в реальность может сработать в том случае, если будет создана новая социокультурная среда, новая система образования и воспитания, которая будет ориентирована на то, чтобы формировать у молодого поколения правильное миропонимание и правильную систему жизненных ориентиров.

Давно пора отказаться от навязанных Западом представлений о том, что не существует правильной или неправильной системы ценностей и каждый выбирает то, что ему подходит. Сейчас уже понятно, что практическое применение таких идей ведет к разрушению социальных связей, росту отчуждения, недоверия и индивидуализма. К такому выводу приходят и ряд западных социологов и философов, в частности Ф. Фукуяма.

В основе западного миропонимания лежат идеи эпохи Просвещения и дарвиновская концепция эволюции, прежде всего идея естественного отбора. Она стала «научным» оправданием рыночной конкуренции с ее безжалостностью и цинизмом, а также оправданием отказа от христианской морали. Все это фактически привело Запад к войне с Россией и поставило мир на грань ядерной войны.

Новое миропонимание должно быть построено на иных принципах, на приоритете общего, на приоритете сотрудничества и взаимопомощи. Именно этому и надо научить новое поколение, тем более что это практически применялось в СССР, опыт которого нуждается в изучении и применении в новых условиях.

Список источников

1. Беляев В. А., Ахметшина А. А., Сибеева Г. Р. Институциональные ценности демократии vs феминизации, social justice warriors, blm и «поколения снежинок» // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2022. №3(54). С. 12–18.
2. Воеводина Е. В. Проблемы социального взаимодействия в поликультурном пространстве: дискриминация, толерантность и «поколение снежинок» // Отечественный журнал социальной работы. 2022. №4(91). С. 32–38.
3. Гельвеций. Сочинения в 2-х т. Т. 1. М.: Мысль. 1973. 647 с.
4. Дидро Д. Сочинения: в 2-х т. Т. 2. М.: Мысль. 1991. 604 с.
5. Кулакова А. Б. Поколение Z: теоретический аспект // Вопросы территориального развития. 2018. №2(42). С. 10.
6. Локк Дж. Сочинения: в 3-х т. Т. 2 / Под ред. И. С. Нарского. М.: Мысль, 1985. 560 с.
7. Любченко В. С. Социокультурное пространство современного общества: модерн

и постмодерн // Гуманитарий Юга России. 2022. Т. 11. №1(53). С. 48–58.

8. Любченко В. С. Человек в обществе модерна: монография. Новочеркасск: ЛИК, 2013. 298 с.

9. Фукуяма Ф. Конец истории и последний человек. М.: АСТ; Политграфиздат, 2010. 588 с.

10. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon // MCB University Press. 2001. №5. Pp. 1–6.

References

1. Beljaev V. A., Ahmetshina A. A., Sibeeva G. R. Institucional'nye cennosti demokratii vs feminacii, social justice warriors, blm i «pokolenija snezhinok» [Institutional values of democracy vs feminization, social justice warriors, blm and «generations of snowflakes»]. *Kazanskij social'no-gumanitarnyj vestnik* [Kazan Socio-humanitarian Bulletin]. 2022; 3(54): 12–18. (In Russ.).
2. Voevodina E. V. Problemy social'nogo vzaimodejstvija v polikul'turnom prostranstve: diskriminacija, tolerantnost' i «pokolenie sn-ezhinok» [Problems of social interaction in the multicultural space: discrimination, tolerance and the «generation of snowflakes»]. *Otechestvennyj zhurnal social'noj raboty* [Domestic Journal of Social Work]. 2022; 4(91): 32–38. (In Russ.).
3. Gel'vecij. Sochinenija v 2-h t. [Essays in 2 vols.]. Vol. 1. Moscow: Mysl'. 1973. 647 p. (In Russ.).
4. Didro D. Sochinenija: v 2-h t. [Essays: in 2 vols.]. Vol. 2. Moscow: Mysl'. 1991. 604 p. (In Russ.).
5. Kulakova A. B. Pokolenie Z: teoreticheskij aspekt [Generation Z: theoretical aspect]. *Vo-prosy territorial'nogo razvitija* [Issues of territorial development]. 2018; 2(42): 10. (In Russ.).
6. Lокk Dzh. Sochinenija: v 3-h t. [Essays: in 3 vols.]. Vol. 2. Pod red. I. S. Narskogo [In I. S. Narsky (eds.)]. Moscow: Mysl', 1985. 560 p. (In Russ.).
7. Ljubchenko V. S. Sociokul'turnoe prostranstvo sovremennogo obshhestva: modern i postmodern [Sociocultural space of modern society: modern and postmodern]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2022; 1(53): 48–58. (In Russ.).

8. Ljubchenko V.S. Chelovek v obshhestve moderna: monografiya [Man in Modern society: monograph]. Novocherkassk: LIK, 2013. 298 p. (In Russ.).

9. Fukujama F. Konec istorii i poslednij chelovek [The end of history and the last man].

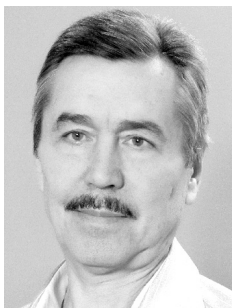
Moscow: AST; Politgrafizdat, 2010. 588 p. (In Russ.).

10. Prensky M. Digital Natives, Digital Immigrants. On the Horizon // MCB University Press. 2001. №5. Pp. 1–6.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Любченко Василий Сергеевич — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) им. М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Vasiliy S. Lyubchenko — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, «Social Sciences and Humanities» Department, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Научная статья

УДК 316.023

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-239-248

ИНТЕЛЛИГЕНЦИЯ: В ПОИСКАХ СУЩНОСТИ

Андрей Федорович Поломошнов^{1✉}, Елена Викторовна Волохова²
Юлия Владимировна Маслова³

¹Донской государственный аграрный университет, Персиановский, Россия

^{2,3}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия

¹paf1@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6312-9440, AuthorID РИНЦ: 629425

²volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507

³yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID РИНЦ: 379483

Аннотация. Целью исследования является изучение сущности интеллигенции как специфической социальной группы.

Методологическую базу исследования представляют современные отечественные подходы к определению специфики интеллигенции как социальной группы. К используемым научным методам относятся парадигматический анализ, а также интеграция стратификационного и классового подходов при определении социальной природы интеллигенции.

Результаты исследования. Социальная природа интеллигенции рассматривается с точки зрения двух альтернативных подходов: 1) классового и 2) стратификационного. Обосновано, что трактовка интеллигенции как социальной прослойки между классами противоречит самому классовому подходу. В контексте классового подхода интеллигенция может быть представлена как интеллектуальная часть существующих в обществе основных социальных классов. Стратификационный подход также не позволяет дифференцировать интеллигенцию как специфическую социальную группу. Однако, он позволяет установить социальный статус интеллигенции как части высшей и средних страт общества, занятой в сфере интеллектуального труда. Таким образом, по своей социальной природе интеллигенция представляет собой межклассовую и межстратовую социальную группу, специализирующуюся на интеллектуальном труде.

Перспективы исследования заключаются в исследовании социальных, нравственных и идеологических параметров определения интеллигенции в контексте культурно-исторического подхода.

Ключевые слова: интеллигенция, интеллектуалы, духовная элита, социальная группа, умственный труд, интеллигентность, духовное производство, социальная стратификация, классовый подход

Для цитирования: Поломошнов А. Ф., Волохова Е. В., Маслова Ю. В. Интеллигенция: в поисках сущности // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 239–248. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-239-248>.

Original article

INTELLIGENCE: IN SEARCH OF THE ESSENCE

Andrey F. Polomoshnov^{1✉}, Elena V. Volokhova², Yulia V. Maslova³

¹Don State Agrarian University, Persianovsky v., Russia

^{2,3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia

¹paf1@mail.ru✉, ORCID: 0000-0001-6312-9440, AuthorID RSCI: 629425

²volohova.1973@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5192-3823, AuthorID РИНЦ: 290507

³yuliamaslova@gmail.com, ORCID: 0000-0002-2756-868, AuthorID RSCI: 379483

Abstract. *The purpose of the study is to research the essence of the intelligentsia as a specific social group.*

The methodological basis of the study is represented by modern domestic approaches to determining the specifics of the intelligentsia as a social group. The scientific methods used include paradigmatic analysis, as well as the integration of stratification and class approaches in determining the social nature of the intelligentsia.

Research results. *The social nature of the intelligentsia is considered from the perspective of the two alternative approaches: 1) class and 2) stratification. It is substantiated that the interpretation of the intelligentsia as a social streak between classes contradicts the class approach itself. In the context of the class approach, the intelligentsia can be presented as the intellectual part of the main social classes of existing society. The stratification approach also does not allow us to differentiate the intelligentsia as a specific social group. However, it allows us to establish the social status of the intelligentsia as part of the upper and middle strata of society, engaged in the field of intellectual work. Thus, by its social nature, the intelligentsia is an interclass and interstratal social group specializing in intellectual work.*

The prospects for the study *lie in the study of the social, moral and ideological parameters of the definition of the intelligentsia in the context of the cultural-historical approach.*

Keywords: *intelligentsia, intellectuals, spiritual elite, social group, mental work, intelligence, spiritual production, social stratification, class approach*

For citation: Polomoshnov A. F., Volokhova E. V., Maslova Yu. V. Intelligence: in Search of the Essence // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 239–248. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-239-248>.

Введение. Интеллигенция — интеллектуальная элита общества, в немалой степени определяющая его социокультурный потенциал и историческую жизнеспособность. Перефразируя известный лозунг советского периода, можно утверждать, что интеллигенция является умом, честью и совестью народа. Проблема интеллигенции далеко не случайно находится в центре внимания отечественной мысли, начиная с XIX века, когда появился сам термин, а также началась активная работа отечественных мыслителей по осознанию своего места в жизни общества и своей сущности. Это проблема не столько отвлеченно

теоретическая, сколько аксиологическая, мировоззренческая проблема самосознания мыслящего слоя общества. Мыслители ведут напряженные поиски сущности этой крайне важной для самосохранения и развития российской цивилизации социальной группы, но никакого консенсуса по вопросу о сущности интеллигенции пока не достигнуто. «Эпитеты, которыми награждается интеллигенция в общественном сознании, отличаются своей контрастностью» [10, с. 115].

Методика. В современном дискурсе можно наблюдать плюрализм и фрагмента-

цию разнообразных подходов к постижению сущности интеллигенции. Даже классификация подходов к исследованию интеллигенции и определений ее сущности является неоднозначной. Г.А. Будник выделяет две группы подходов с точки зрения критериев интеллигенции: 1) социально-функциональный и 2) нравственно-этический [1]. С научно-дисциплинарной точки зрения Г.А. Будник дополняет свою классификацию целой группой подходов: организмический, культурно-семиотический, культурно-антропологический, социально-психологический, краеведческий, ноофсерный [1].

В этой группе подходов Г.А. Будник особо выделяет разработанный В.С. Меметовым комплексный междисциплинарный подход. Суть подхода В.С. Меметова состоит в том, чтобы, опираясь на ретроспективный анализ истории интеллигенции, выделить ее некие универсальные, внеисторические сущностные черты. Как пишет Г.А. Будник, поясняя замысел В.С. Меметова, «Сущностные черты стабильны и обязательны, их утрата означает изменение сущности их обладателя» [1, с. 12–13]. Итогом изысканий В.С. Меметова стало следующее определение: интеллигенция — это «специфическая социальная группа, профессионально и целенаправленно занятая формированием, созданием, хранением и распространением информации» [6, с. 7].

А.А. Скворцова выделяет три основных подхода к изучению интеллигенции как социальной группы: «...социально-профессиональный, культурологический и нравственно-этический» [8, с. 29]. И.В. Купцова также ведет речь о трех подходах: социологическом (выделяет характер профессиональной деятельности, социокультурные функции интеллигенции в обществе), морально-этическом (относит к интеллигенции людей, обладающих высокими нравственными качествами, выраженными термином «интеллигентность»), политологическом (интеллигенция рассматривается как группа, объединенная общей идеологией, находящаяся в оппозиции к власти) [4, с. 100–102]. И.В. Купцова подчеркивает необходимость интеграции этих подходов [4].

Е.Л. Сараева отмечает семь плодотворных подходов к изучению интеллигенции: социальный (социологический), професси-

ональный, функциональный, морально-этический, политологический, культурологический и исторический [7]. Разобрав сущность этих подходов, исследователь, однако, не предпринимает попытки их критического анализа и конструктивной концептуальной и междисциплинарной интеграции. Кроме того, в ее классификации смешаны дисциплинарные и концептуальные критерии.

Анализ отечественного дискурса по проблеме интеллигенции показывает, что междисциплинарный подход завоевывает все большую популярность, но он связан с двумя опасностями. Первая опасность — потенциальная произвольность междисциплинарных комбинаций. Вторая опасность — потенциальный эклектицизм этих междисциплинарных комбинаций.

Все вместе эти опасности ведут к фрагментации уже не концептуальных, а междисциплинарных исследований интеллигенции. Ключом к преодолению этих опасностей, на наш взгляд, является концептуальная философская интеграция существующих подходов к определению интеллигенции, которая не преодолевается формальной междисциплинарной интеграцией, какой бы оригинальной и многообразной она ни была.

Плюрализм подходов к определению сущности интеллигенции закономерно подводит нас к вопросу о том, можно ли создать универсальное определение интеллигенции, отражающее ее сущность? Другими словами, проблему постижения сущности интеллигенции в контексте плюрализма подходов можно поставить следующим образом: возможно ли (и главное — каким способом) преодолеть фрагментацию подходов к определению интеллигенции?

Очевидно, что первая часть проблемы имеет положительный ответ. В противном случае сама постановка проблемы потеряла бы смысл. Таким образом, решение проблемы связано с поиском эффективного способа преодоления современного плюрализма и фрагментации подходов к исследованию сущности интеллигенции.

Обобщая существующий опыт определения сущности интеллигенции, можно выделить два основных направления мысли: 1) исторический анализ и 2) концептуально-теоретический анализ.

Исторический анализ концентрирует свое внимание на описании особенностей различных исторических и социокультурных типов интеллигенции, опираясь в основном на историко-философские исследования представлений различных поколений мыслителей об интеллигенции, иногда дополняемых попыткой связать тот или иной исторический тип интеллигенции с определенным типом или стадией развития общества, а также попытками установить закономерности динамики исторических типов интеллигенции в контексте динамики социокультурной системы общества.

Второй аспект историзма связан с культурной и цивилизационной спецификой конкретного общества, которая определяет специфические особенности интеллигенции, в том числе особенности социокультурного статуса интеллигенции в этом обществе, а также специфические особенности реализации ей своей социокультурной миссии.

Исторический анализ, однако, не основанный на эффективной концептуально-теоретической базе, не может в полной мере реализовать свои задачи. Нередко исторический анализ концепта «интеллигенция» превращается в филологическое исследование истории происхождения и динамики смысла термина на основе некритического обзора истории концепций интеллигенции в отечественной мысли. Но такой обзор истории концепций интеллигенции в лучшем случае может дать нам лишь первичный эмпирический материал для концептуального осмысления реальной истории интеллигенции как особой социальной группы, формирующейся по общему мнению всех исследователей в процессе модернизации традиционного общества.

При постижении сущности интеллигенции первичным должен быть концептуально-теоретический анализ как ключ к истории интеллигенции, которая представляет развертывание ее сущности в историческом процессе. Лишенный надежной концептуальной базы, исторический анализ нередко превращается в эклектическую компиляцию истории исследований интеллигенции.

Результаты. Концептуально-теоретический анализ сущности интеллигенции в современном дискурсе может быть реализован

различными способами. Одним из них является формальное обобщение, выделение тех общих признаков интеллигенции, которые упоминаются во всех разновидностях ее определений, но такие формально общие признаки, если бы даже удалось их выделить, не имели бы никакого отношения к действительной сущности исследуемого феномена. На этом пути можно получить только предельно абстрактное определение, растворяющее сущность интеллигенции в слишком общих признаках. Чаще всего на этом пути приходят к отождествлению интеллигенции с образованными людьми либо с людьми, занимающимися умственным трудом. Такое определение интеллигенции, очевидно, было бы неудовлетворительным, так как данное отождествление не соответствует природе интеллигенции.

Вторым возможным способом определения сущности интеллигенции может быть метод интеграции нескольких разнообразных подходов и определений. Однако, если эта интеграция проводится формально, путем эклектического соединения разнородных подходов к определению сущности интеллигенции, она не проясняет эту сущность, а скорее размывает ее, делает ее многоаспектной, но неопределенной.

Третий способ состоит в попытке определить интеллигенцию только через видовой признак, игнорируя родовой признак понятия. В рамках этого способа вводится понятие «интеллигентность» как определенный набор личностных качеств, который применяется для квалификации определенного конкретного человека: если он обладает «интеллигентностью», то он относится к категории интеллигенции. Фактическая подмена предметного понятия «интеллигенция» определительным понятием «интеллигентность», конечно, не позволяет сформулировать адекватный концепт, отражающий сущность интеллигенции. Кроме того, само понятие интеллигентности допускает самые разнообразные произвольные трактовки, которые невозможно свести к одному знаменателю.

Четвертый способ, сознательно, а чаще всего бессознательно применяемый многими исследователями, можно определить как парадигматический подход. Парадигматический подход состоит в системе концепту-

альных выборов исследователя, осуществляемых в процессе разрешения системы концептуальных проблем, образующих теоретический каркас современного дискурса об интеллигенции.

Этот теоретический каркас включает в себя, на наш взгляд, семь ключевых проблем. Первая проблема — проблема реальности существования интеллигенции, которую можно сформулировать в виде строгой дизъюнкции: интеллигенция — это миф (выдумка некоторых мыслителей) или это реальный феномен? Естественно, что данная проблема предполагает две альтернативы: признание или отрицание существования интеллигенции. В современном отечественном дискурсе проблема существования или реальности интеллигенции приобрела особую остроту в форме вопроса о том, сохранилась ли сегодня в российском обществе интеллигенция или она исчезла в результате спорных российских реформ и модернизаций на рубеже тысячелетий? Спор сторонников и противников оптимистического признания сохранения интеллигенции в современном российском обществе составляет иногда открытый, иногда замаскированный подтекст современных отечественных исследований интеллигенции.

Вторая проблема появляется, если мы признаем реальность интеллигенции как специфического социокультурного феномена. Это проблема сущности интеллигенции, которая потенциально допускает большое количество возможных выборов, в зависимости от содержания и группировки видовых и родовых признаков интеллигенции. Обычно при определении интеллигенции выбор осуществляется между тремя группами качеств: социальными (социологическими), личностными (в основном нравственными) и идеологическими (мировоззренческими).

Третья проблема — проблема классификации интеллигенции, предполагающая также разнообразие критериев или оснований классификации в зависимости от ранее сформулированных видовых признаков интеллигенции.

Четвертая проблема — это проблема социокультурной атрибуции интеллигенции, которая приняла в отечественном дискурсе форму строгой логической дизъюнкции: интеллигенция — это мировое явление или

только специфически российское? Сторонники первого выбора стремятся выделить универсальные признаки интеллигенции, не связанные с ее национальной или цивилизационной спецификой. Сторонники второго выбора, напротив, абсолютизируют российскую специфику интеллигенции.

Пятая проблема — проблема специфики российской интеллигенции, которая вытекает из четвертой проблемы, причем стоит заметить, что специфику российской интеллигенции признают и те, кто считают интеллигенцию мировым явлением, и те, кто считают ее чисто российским явлением. Только первые минимизируют значение этой специфики, а вторые — абсолютизируют. Альтернативные версии специфики российской идентичности обычно формируются в русле общих направлений дискурса социокультурной идентичности российского цивилизации, который традиционно ведется между условными «западниками» и «славянофилами».

Шестая проблема — социальный статус интеллигенции и ее социальные функции. Потенциальное разнообразие возможных выборов находится здесь в интервале между крайними позициями возвышения или, напротив, принижения социального статуса и социальной значимости, реализуемых интеллигенцией социальных функций.

Седьмая проблема — проблема культурно-исторической миссии или призвания интеллигенции, которую она сама возлагает на себя в процессе формирования собственного самосознания. Выбор здесь приходится делать между признанием или отрицанием особой миссии интеллигенции. В случае признания дискуссия ведется по поводу конкретного содержания этой миссии, причем в этой дискуссии важное значение имеет с одной стороны различие между миссией и социальными функциями интеллигенции, а с другой — установление типа соотношения между «миссией» и «функциями», ведь нередко между ними существует большее или меньшее, но всегда мучительное и трагическое расхождение.

В рамках парадигматического метода путь к сущности интеллигенции осуществляется через последовательную систему выборов, а в итоге мы получаем развитый концепт или теорию интеллигенции.

Плюрализм способов построения концепта интеллигенции и определений этого понятия приводит к актуальной задаче концептуальной интеграции на основе критического анализа существующих определений. Реализуя этот путь, стоит вспомнить классические правила научного определения как мыслительной процедуры. Прежде всего нужно выделить родовой признак определяемого предмета, т.е. найти ближайшее более общее понятие, видовым по отношению к которому будет понятие интеллигента, другими словами, определить родовой признак понятия «интеллигенция».

Начать необходимо с понятия интеллигенции как специфической социальной группы. Наиболее распространенным подходом здесь является выделение интеллигенции на основании вида ее деятельности — умственного труда. Согласно этому подходу, интеллигенция «...является элементом структуры любого цивилизованного общества, располагающего индустриальными и информационными способами производства» [11, с. 110]. Характерно, что при этом никому не приходит мысль о какой-то специфической социально-классовой или стратификационной идентификации интеллигенции как особой социальной группы. Особенно это характерно для западной мысли: «В европейских странах интеллигенция располагалась “над классами”, была “парящей стратой”» [11, с. 111].

Однако, все исследователи, мыслящие в контексте традиционного подхода к социальной природе интеллигенции, обычно проводят различие между социальным статусом западной и российской интеллигенции. «Западные интеллектуалы никогда не принадлежали к “бессребренникам”; большая часть из них представляла высокооплачиваемые группы социально-профессиональной структуры общества. Российская интеллигенция, напротив, никогда не была укоренена в экономическом базисе, длительное время она функционировала как маргинальный слой» [11, с. 112].

При данном достаточно распространенном подходе родовая сущность интеллигенции подменяется видовой — занятием интеллектуальным трудом. Чтобы найти родовую сущность интеллигенции, важно

уточнить, к какому типу социальных групп может быть отнесена интеллигенция? Эту проблему можно рассматривать с точки зрения двух альтернативных подходов: классового и стратификационного.

С точки зрения классового подхода интеллигенция рассматривается как некая промежуточная между основными классами индустриального общества социальная группа, которая появляется в процессе развития капиталистического общества. Интеллигенция, по мысли В.И. Ленина, «...занимает своеобразное положение среди других классов, примыкая отчасти к буржуазии по своим связям, воззрениям и проч., отчасти к наемным рабочим» [5, с. 209]. Характеризуя интеллигенцию как промежуточную межклассовую социальную группу, В.И. Ленин отмечает ее «переходное, неустойчивое, противоречивое положение», которое обуславливает ее «половинчатые, эклектические воззрения, мешанину противоположных принципов и точек зрения» [5, с. 209]. Следуя данной интерпретации социального статуса интеллигенции, С.Я. Вольфсон определяет интеллигенцию как «межклассовую, промежуточную — между пролетариатом и мелкой буржуазией — группировку, образуемую лицами, существующими путем продажи своей умственной (интеллектуальной) энергии» [2, с. 9]. Он также включает в эту межклассовую группировку «интеллигентские прослойки» трудящихся классов, которые состоят из интеллектуальной, высококвалифицированной части классов рабочих и крестьян (рабочая и крестьянская интеллигенция).

В советском марксизме за интеллигенцией закрепился статус социальной прослойки между основными трудящимися классами советского общества: «Интеллигенция — общественная прослойка, состоящая из людей умственного труда» [3, с. 160]. Марксисты связывали социальную группу интеллигенции с занятием умственным трудом. При этом подчеркивалось, что «интеллигенция никогда не была и не может быть особым классом, т.к. рекрутируется из различных классов и не занимает своего особого положения в системе общественного производства» [12, с. 149]. Поскольку умственный труд в той или иной форме характерен для любой социальной деятельности, советский марк-

сизм пришел к необходимости уточнить, что к интеллигенции относятся не все люди, занимающиеся умственным трудом, а лишь те, кто занимается высококвалифицированным трудом и имеют высшее или среднее специальное образование.

Трактовка интеллигенции как некоего особого социального слоя (прослойки между классами) вообще-то противоречила самому классовому подходу, а промежуточное состояние прослойки придавало социальному статусу интеллигенции в этом контексте какое-то приниженное, подчиненное значение некой сервилитской группы, обслуживающий интересы господствующих классов. Кроме того, в советском марксизме отсутствовало представление о фактически господствующем правящем классе советских чиновников (партийно-государственной номенклатуры) и поэтому не было различия между этим классом («кастой советского общества») и интеллигенцией, хотя сами чиновники интуитивно не включались в состав интеллигенции даже советскими марксистами.

Признание интеллигенции некой межклассовой социальной прослойкой вместо выделения внутри интеллигенции различных классовых и стратификационных групп позволяло лишь дифференцировать ее лишь по видам интеллектуальной деятельности. Выделялись: «а) научно-производственная интеллигенция... б) гуманитарная интеллигенция... в) специалисты в области государственного и муниципального управления» [11, с. 112]. Профессиональная дифференциация при этом подменяла и маскировала социальную дифференциацию.

Может быть, интеллигенции как самостоятельной полноценной социальной группе находится место в рамках стратификационного подхода? Один из основоположников этого подхода П.А. Сорокин в основу социальной стратификации общества кладет принцип социальной иерархии. Отсюда формулируется понятие социальной страты: «Наилучшая из возможных дефиниций социального класса следующая: общность людей, располагающих близкими позициями в отношении экономических, политических и профессиональных статусов» [9, с. 303]. Соответственно этому определению мыслитель ведет речь о трех основных формах

социальной стратификации: экономической, политической и профессиональной.

Конкретизируя содержательные критерии страты, П.А. Сорокин использует два ряда критериев: горизонтальные и вертикальные. К горизонтальным относят «... его семейное положение, гражданство, национальность, отношение к религии, профессию, принадлежность к политическим партиям, экономический статус, его происхождение и т.д.» [9, с. 299]. К вертикальным критериям относится положение человека внутри отдельной социальной группы. «Поскольку внутри одной и той же группы существуют совершенно различные позиции (например, король и рядовой гражданин внутри одного государства), то необходимо также знать положение человека в пределах каждой из основных групп населения» [9, с. 299].

Выделенные П.А. Сорокиным критерии страты не позволяют дифференцировать интеллигенцию как отдельную социальную страту. Также понятие интеллигенции у П.А. Сорокина остается вне научного интереса при его анализе экономической и политической стратификации общества, тем более он не выделяет интеллигенцию как особую страту в рамках экономической и политической стратификации. Казалось бы, при анализе профессиональной стратификации появляется возможность выделить интеллигенцию как специфическую страту. Исследователь и здесь этого не делает, акцентируя свое внимание на иерархии профессиональных статусов, а не на специфике или характере профессионального труда, от которой можно было бы перейти к понятию интеллигенции как страты, профессионально занятой в области умственного труда. П.А. Сорокин выделяет два вида профессиональной стратификации. «Профессиональная стратификация, таким образом, проявляется в этих двух основных формах: а именно в форме иерархии основных профессиональных групп (межпрофессиональная стратификация) и в форме стратификации внутри каждого профессионального класса (внутрипрофессиональная стратификация)» [9, с. 353].

В обоих видах профессиональной стратификации П.А. Сорокина интересует не содержание профессиональной деятельности, а иерархия профессий. Характеризуя меж-

профессиональную стратификацию, ученый исходит из социального ранжирования профессий на высшие и низшие по социальному статусу [9, с. 353]. В рамках межпрофессиональной стратификации у П.А. Сорокина не находится места интеллигенции как собой профессиональной группе.

Тем не менее, опираясь на стратификационный подход, можно попытаться определить хотя бы место интеллигенции как формальной межстратовой социальной группы в системе основных социальных страт общества. Ключ к этому месту дает нам внутрипрофессиональная стратификация по П.А. Сорокину. Согласно этой стратификации выделяются: 1) высший слой предпринимателей-собственников, 2) второй слой — служащие высшей категории (наемные менеджеры), 3) третий слой — наемные рабочие [9, с. 312].

Таким образом, интеллигенцию можно отнести к низшей высшей страте и средней страте в целом либо к высшей средней социальной страте, в зависимости от предпочтений того, кто захочет этим заниматься.

Заключение. Подводя итог нашим попыткам определить специфику родового признака интеллигенции как особой социальной группы с точки зрения альтернативных подходов классового и стратификационного, мы сталкиваемся с трудностями. Классовый подход отказывает интеллигенции в статусе социального класса, а стратификационный подход вообще игнорирует интеллигенцию как специфическую социальную группу.

Тем не менее, извлекая рациональное зерно из обоих подходов, мы можем определить интеллигенцию как особую интеллектуальную часть существующих в обществе основных социальных классов (с позиции классового подхода) и как часть высшей и средних страт общества (с позиции стратификационного подхода).

Признавая разнородность интеллигенции по ее социальной природе и стратификационному составу, следует выделять внутри этой социальной группы отдельные части или отряды с существенно различными социальными статусами, причем разделение это должно вестись не в соответствии с профессиональной дифференциацией интеллектуального труда, а в соответствии с классовой

или стратификационной структурой конкретного общества.

Список источников

1. Будник Г.А. Понятие «интеллигенция»: новые подходы и дискуссии // Интеллигенция и мир. 2009. №3. С. 7–18.
2. Вольфсон С.Я. Интеллигенция как социально-экономическая категория. М., Л.: Гос. изд-во, 1926. 61 с.
3. Краткий философский словарь // Под ред. М. Розенталя и П. Юдина. 4-е изд. М.: Госполитиздат, 1955. 558 с.
4. Купцова И.В. Историчность понятия интеллигенции // Интеллигенция: генезис, формирование, становление, развитие и деятельность. Иваново: Ивановский государственный университет, 2009. С. 100–102.
5. Ленин В.И. Рецензия. Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm // Ленин В.И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 4. М.: Госполитиздат, 1959. С. 199–210.
6. Меметов В.С., Попов А.В. О некоторых проблемах теории и методологии исследования интеллигенции, ее генезиса и формирования // Интеллигенция и мир. 2005. №1. С. 6–8.
7. Сараева Е.Л. Русская интеллигенция в рефлексии Иванова-Разумника. Ярославль: ЯГПУ, 2014. 486 с.
8. Сковорова А.А. Теоретические подходы к исследованию интеллигенции как социальной группы // Известия Саратовского университета. Серия: Социология. Политология. 2014. №4. С. 29–31.
9. Сорокин П.А. Социальная стратификация и мобильность // Питирим Сорокин. Человек. Цивилизация. Общество. М.: Политиздат, 1992. С. 302–373.
10. Шими́на А.Н. Интеллигенция как социальное явление // Берегиня. 777. Сова. 2012. №4(15). С. 115–119.
11. Шиняева О.В., Ключева Т.В., Займалин Е.П. Интеллигенция в российском обществе // Известия ВУЗов. Поволжский регион. Общественные науки. 2012. №3(23). С. 110–120.
12. Философский словарь // Под ред. М.М. Розенталя. Изд. 3-е ИПЛ, М.: Политиздат, 1975. 496 с.

References

1. Budnik G.A. Ponjatie «intelligencija»: novye podhody i diskussii [The concept of «intelligentsia»: new approaches and discussions]. *Intelligencija i mir* [Intelligentsia and the World]. 2009; (3): 7–18. (In Russ.).
2. Vol'fson S. Ja. Intelligencija kak social'no-jekonomicheskaja kategorija [Intelligentsia as a socio-economic category]. Moscow, Leningrad: Gos. izd-vo, 1926. 61 p. (In Russ.).
3. Kratkij filosofskij slovar' [A concise philosophical dictionary]. Pod red. M. Rozentalja i P. Judina [In M. Rosenthal and P. Yudin (eds.)]. 4-e izd. Moscow: Gospolitizdat, 1955. 558 p. (In Russ.).
4. Kupcova I.V. Istorichnost' ponjatija intelligencii [Historicity of the concept of intelligentsia]. Intelligencija: genesis, formirovanie, stanovlenie, razvitie i dejatel'nost' [Intelligentsia: genesis, formation, formation, development and activity]. Ivanovo: Ivanovskij gosudarstvennyj universitet, 2009. Pp. 100–102. (In Russ.).
5. Lenin V.I. Recenzija. Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm [Review. Karl Kautsky. Bernstein und das sozialdemokratische Programm]. Lenin V.I. Polnoe sobranie sochinenij [Complete works]. 5-e izd. Vol. 4. Moscow: Gospolitizdat, 1959. Pp. 199–210. (In Russ.).
6. Memetov V.S., Popov A.V. O nekotoryh problemah teorii i metodologii issledovanija intelligencii, ee genezisa i formirovanija [On some problems of the theory and methodology of the study of the intelligentsia, its genesis and formation]. *Intelligencija i mir* [Intelligentsia and the World]. 2005; (1): 6–8. (In Russ.).
7. Saraeva E. L. Russkaja intelligencija v refleksii Ivanova-Razumnika [Russian intelligentsia in the reflection of Ivanov-Razumnik]. Jaroslavl': JaGPU, 2014. 486 p. (In Russ.).
8. Skvorcova A.A. Teoreticheskie podhody k issledovaniju intelligencii kak social'noj grupy [Theoretical approaches to the study of the intelligentsia as a social group]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Serija: Sociologija. Politologija* [Izvestiya Saratov University. Series: Sociology. Political science]. 2014; (4): 29–31. (In Russ.).
9. Sorokin P.A. Social'naja stratifikacija i mobil'nost' [Social stratification and mobility]. Pitirim Sorokin. Chelovek. Civilizacija. Obshchestvo [Pitirim Sorokin. Human. Civilization. Society]. Moscow: Politizdat, 1992. Pp. 302–373. (In Russ.).
10. Shimina A.N. Intelligencija kak social'noe javlenie [Intelligentsia as a social phenomenon]. *Bereginja*. 777. Sova [Bereginya. 777. Owl]. 2012; 4(15): 115–119. (In Russ.).
11. Shinjaeva O.V., Kljueva T.V., Zajmalin E.P. Intelligencija v rossijskom obshhestve [Intelligentsia in Russian society]. *Izvestija VU-Zov. Povolzhskij region. Obshhestvennye nauki* [News of universities. Volga region. Social sciences]. 2012; 3(23): 110–120. (In Russ.).
12. Filosofskij slovar' [Philosophical Dictionary]. Pod red. M.M. Rozentalja [In M.M. Rosenthal (eds.)]. Izd. 3-e IPL, Moscow: Politizdat, 1975. 496 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; одобрена после рецензирования 16.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.
The article was submitted on 25.08.2023; approved after reviewing on 16.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Поломошнов Андрей Федорович — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой «Философия и история Отечества», Донской государственный аграрный университет.

Россия, п. Персиановский, ул. Кривошлыкова, 24

Andrey F. Polomoshnov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Head of the Department «Philosophy and History of the Fatherland», Don State Agrarian University.

24 Krivoshlykova str., Persianovsky v., Russia

Волохова Елена Викторовна — доктор философских наук, доцент, профессор кафедры «Юриспруденция», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Elena V. Volokhova — Doctor of Philosophical Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of Jurisprudence, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Маслова Юлия Владимировна — кандидат философских наук, старший преподаватель кафедры «Иностранные языки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Yulia V. Maslova — Candidate of Philosophical Sciences, Senior Lecturer of the Department of Foreign languages, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Поломошнов А. Ф. — научное руководство; концепция исследования; развитие методологии; написание исходного текста; итоговые выводы.

Волохова Е. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Маслова Ю. В. — доработка текста; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Polomoshnov A. F. — scientific management; research concept; development of methodology; writing the source text; final conclusions.

Volokhova E. V. — follow-on version of the text; final conclusions.

Maslova Yu. V. — follow-on version of the text; final conclusions.

Научная статья

УДК 338.48

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-249-256

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО ТУРИЗМА НА СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ЭПОХИ

Липа Исаевна Саидова

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

Чеченский государственный университет имени А. А. Кадырова, Грозный, Россия
lipa-ch1enti@mail.ru, AuthorID РИНЦ: 824144, SPIN-код: 6745-0718

Аннотация. *Целью исследования* является актуализация проблемы становления и развития личности в условиях глобальной цифровизации, когда человек все дальше и глубже погружается в виртуально-цифровое пространство, утрачивая связь с природой и с самим собой как ее части. Экологический туризм обладает мощным социализационным потенциалом, и эта его миссия раскрывается в данной статье с учетом того, что большинство работ на современном этапе актуализируют социально-экономический эффект развития этого вида туризма в регионах России.

Методологическую базу исследования составляет представленный в научно-исследовательском дискурсе корпус мнений, позиций, взглядов, подходов, сложившихся в рамках изучения экологического туризма, его сущности, предназначения, функций, проблем развития в условиях меняющейся реальности и самой социальности в эпоху глобализации, индивидуализации, цифровизации.

Результаты исследования позволили раскрыть миссию экологического туризма, которая заключается в возможности реализации экзистенциальных потребностей и установок личности в эпоху значительного дистанцирования человека от природы. Вместе с тем сложившийся в обществе запрос на использование социализационного потенциала экологического туризма, способного сформировать социально ответственную, уважительно относящуюся к природе личность, стремящуюся выйти за пределы сжатого в повседневности пространства и расширить свои жизненные горизонты познания, общения, помощи природе, реализуется далеко не в полной мере. Вероятно, экономическая целесообразность развития экотуристских практик в регионах России ставится выше социокультурной.

Перспективу исследования составляет разработка социально-философской методологической модели исследования экологического туризма как фактора становления и развития личности в цифровую эпоху, а также изучение в ее рамках факторов, форм, барьеров и перспектив развития этого вида туризма в российском обществе с учетом его региональной специфики и туристско-рекреационного потенциала территорий.

Ключевые слова: экологический туризм, туризм, экологические практики, природа, молодежь, цифровизация, социализация, личность

Для цитирования: Саидова Л. И. Влияние экологического туризма на становление и развитие личности в условиях цифровой эпохи // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, №5. С. 249–256. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-249-256>.

Original article

THE IMPACT OF ECOTOURISM ON THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF PERSONALITY IN THE DIGITAL AGE

Lipa I. Saidova

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
Kadyrov Chechen State University, Grozny, Russia
lipa-ch1enti@mail.ru, AuthorID RSCI: 824144, SPIN-code: 6745-0718*

Abstract. *The aim of the research* is to actualize the problem of formation and development of personality in the context of global digitalization, when a person is plunging further and deeper into the virtual digital space, losing touch with nature and with himself as part of it. Ecological tourism has a powerful socialization potential, and this mission is revealed in this article, taking into account the fact that most of the works at the present stage actualize the socio-economic effect of the development of this type of tourism in the regions of Russia.

The methodological basis of the research is the corpus of opinions, positions, views, approaches presented in the research discourse that have developed within the framework of the study of eco-tourism, its essence, purpose, functions, development problems in a changing reality and sociality itself in the era of globalization, individualization, digitalization.

The results of the study allowed us to reveal the mission of eco-tourism, which is the possibility of realizing the existential needs and attitudes of the individual in an era of significant human distancing from nature. At the same time, the demand that has developed in society for the use of the socialization potential of eco-tourism, which is able to form a socially responsible, nature-respecting personality, striving to go beyond the limits of the space compressed in everyday life and expand their horizons of knowledge, communication, and assistance to nature, is far from being fully realized. Probably, the economic feasibility of the development of ecotourism practices in the regions of Russia is put above the socio-cultural one.

The perspective of the research is the development of a socio-philosophical methodological model for the study of ecological tourism as a factor in the formation and development of personality in the digital age, as well as the study within its framework of factors, forms, barriers and prospects for the development of this type of tourism in Russian society, taking into account its regional specifics and the tourist and recreational potential of territories.

Keywords: ecological tourism, tourism, ecological practices, nature, youth, digitalization, socialization, personality

For citation: Saidova L. I. The impact of ecotourism on the formation and development of personality in the digital age // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 249–256. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-249-256>.

Введение. Информационная эпоха, а за ней и цифровая значительно поменяли формат социализации личности. Многое из того, что составляло пространство становления личности с ключевыми агентами социализации, идеями, смыслами, образцами и моделями поведения, переместилось в виртуальное/цифровое пространство. В это же пространство переместился частично и такой вид досуга, вид активной деятельности, как туризм. Многие в современной реальности, даже имея возможность реального выезда, реального путешествия, предпочитают делать это в цифровом формате, посещая музеи, массивы природных ландшафтов, заповедников и иных интересных и познавательных объектов.

Ничего удивительного в этом нет, ведь согласно некоторым данным практически каждый второй житель планеты Земля подключен к Интернету, и примерно через 20 лет автоматизация рабочих операций и, соответственно, профессий, может достигнуть порядка 50%, если во внимание брать весь мир [17]. По своим масштабам данный исторический процесс сопоставим с промышленной революцией XVIII–XIX веков. Что же Россия? Она также активно вовлечена в процесс цифровой трансформации социальности, в процесс цифровой революции и перехода к цифровой экономике [9], а потому любые социальные явления и процессы, тем более связанные со становлением личности, ее самореализацией и развитием, не могут изучаться вне этого цифрового контекста.

Другой важный вопрос, который актуализируется в свете темы цифровизации социума, — это безопасность общества и отдельной личности в мире, совершающем парадигмальный переход — цифровой переход.

Да, безусловно, следуя законам экономической эффективности, любое государство не может не развиваться в русле цифровизации и инновационных технологий, способствующих становлению общества «цифры». Однако при этом на повестке дня для всего мира и прогрессивно развивающихся в русле цифровизации обществ остро встает вопрос сохранения человеческого, социального как гаранта безопасного социокультурного развития. И с этой точки зрения самым актуальным образом стоит проблема социа-

лизации личности, социализации молодых поколений, для которых цифровое становление как процесс овладения навыками работы с цифровыми технологиями происходит сейчас гораздо раньше, нежели социальное, личностное.

Молодежь является самым активным потребителем информационной продукции и тем классом, который обслуживает ее производство и воспроизводство. В сфере общения, в сфере профессиональной деятельности, в сфере досуга, в иных сферах общественной жизни не обойтись сегодня без цифровых технологий, с которыми именно молодежь на «ты». Без этих технологий молодежь себя не мыслит сегодня. И в этом кроется большая проблема. В этом заложен высокий потенциал риска с точки зрения личностного развития, формирования мировоззренческих установок, системы коммуникации и отношений с окружающим миром, с другими людьми.

Иными словами, цифровое общество таит в себе множество рисков социализации и развития личности. Об этом пишут многие исследователи [11], в том числе рассматривая проблемы воспитания личности в цифровую эпоху в семье, в школе, в вузах [3], ее адаптации к условиям цифровой среды и сохранения экологических ценностей [2].

Цифровое общество, цифровая молодежь — результат эволюции общества и цифровой трансформации, и первой в фокус внимания исследователей попадает молодежь как ключевой субъект этой трансформации и ресурс будущего каждого общества [6].

Какие ресурсы социализации современной цифровой молодежи могут стать эффективными на пути к нивелированию негативных последствий цифровизации и информатизации социальности, когда человек отдаляется от природы, погружаясь в цифровой мир, в мир виртуальной реальности, утрачивая связь с самой природой, с тем, чем он, по сути, является частью? Вероятно, такие ресурсы должны содержать в себе саму природу, непосредственное общение с ней, ее познание, ее сбережение. И в данном ключе мы обращаемся к экологическому туризму как одному из возможных ресурсов и механизмов социализации личности в эпоху цифровизации, уже называемой цифровой [14].

Социализационная миссия экологического туризма. Количество экологических проблем во всем мире и в российском обществе в том числе увеличивается с каждым годом. Тревожные симптомы угрожают надвигающейся экологической катастрофой, что, как справедливо отмечают исследователи, требует иного отношения к природе [1], переосмысления самой ценности природы в соотношении с потребностями и прерогативами общества в научном, технологическом и материальном с целью улучшения благополучия общества и комфорта жизнедеятельности. На фоне актуализации данной проблемы остро встает вопрос об экологическом воспитании, о внедрении новых форм и методов формирования экологических ценностей у подрастающего поколения с целью формирования экологического сознания и высокой экологической культуры как базиса экологического поведения [5].

Недаром в современном научной литературе все более пристальное внимание обращается к такому виду туризма, как экологический туризм. И это вполне объяснимо. Сам туризм, надо заметить, как значимая часть развития экономики государства и активности молодежи в современных условиях, прежде всего вызванных международной напряженностью, выступает важнейшим направлением государственной политики. И особенно пристальное внимание российское государство уделяет молодежному туризму в стремлении вызвать у молодых россиян интерес к собственной истории, культуре, природным ландшафтам, регионам, народам и т.д. На этом фоне, а также с учетом остро стоящих экологических проблем экологический туризм занимает особое место в пространстве научного дискурса. О нем пишут различные ученые, представляющие самые разные отрасли научного знания. Популярна данная тема среди экономистов, которые акцентируют внимание на том, что экологический туризм имеет социально-экономическую эффективность для развития региона, особенно на охраняемых природных комплексах, поскольку развитие этого вида туризма «способствует привлечению туристов, созданию новых рабочих мест, развитию новых форм общественного разделения труда, культурно-досуговой ин-

фраструктуры и повышению уровня инвестиционной привлекательности» [8, с. 107]. Экологический туризм способствует также более интенсивному развитию предпринимательства в регионах, обладающих территориями для развития данного вида туризма [16], и в целом может рассматриваться в качестве фактора обеспечения экономической безопасности региона [13].

Исследователями разных направлений научного знания экологический туризм все чаще связывается с концепцией устойчивого развития, что предполагает, по мнению исследователей, необходимость долгосрочного соблюдения баланса целей экономического роста с экологической осознанностью, а также социальной ответственностью [19]. Данная концепция принята в соответствии со «Стратегией развития туризма в Российской Федерации до 2035 г.» и ориентирована на развитие въездного и внутреннего туризма в России, в том числе и экологического, имеющего значение и социально-экономическое, и рекреационное, и социокультурное. Это дает основание исследователям интерпретировать экологический туризм как устойчивый, создающий равновесие между экономическими, социально-культурными и экологическими факторами позитивного туристского влияния на общество [12].

Нас более всего волнует социально-философский контекст научной проблематики относительно экологического туризма, поскольку именно он в большей степени обращен к личности, к ее становлению в процессе осмысления экологических проблем и занятий экологическим туризмом. В социально-философской традиции исследователи исходят из сущности самого туризма как социального явления и его функциональных характеристик, соответствующих конкретной эпохе. Иными словами, туризм — продукт общества в совокупности его актуальных на современный день характеристик, а потому изучение любого вида туризма следует связывать со спецификой современного общества, с его эволюцией. В данном ключе ученые анализируют различные концепции современного общества в его динамике, переходе от модерна к постмодерну, к «текучей современности», мобильному обществу, к обществу риска, обществу потре-

ния и глобализации, цифровому обществу, используя труды Дж. Урри, Ж. Бодрийяра, З. Баумана, Э. Гидденса и др. современных ученых и мыслителей с целью выявить сущность современного туризма, которая, по их мнению, заключается в том, что туризм практически находится в центре «текущей современности», способствуя глобализации и соединению культуры в некое единство [18, с. 39]. Стоит согласиться с О.В. Чистяковой, что туризм очень важен для осуществления экзистенциальных сущностей человека, который хочет лично прочувствовать какие-то события, пообщаться, встретиться с новыми людьми в ином, не очень обустроенном пространстве, включиться в новое пространство: «Опосредованные туризмом социокультурные практики возможны только в специфическом, специализированном “месте для досуга”, географически и онтологически отдаленном от работы и дома. Они ощущаются как “другие”, отличаются от повседневной рутины и знакомых картин» [18, с. 39].

Экологический туризм способствует выполнению этой важной экзистенциальной задачи, усиливая тот самый контекст, который связан с сопричастностью, с соприсутствием человека не только в обществе других людей, новых кругов знакомства и общения, но, прежде всего, с природой, когда ощущение целостности бытия, человека и природы ощущается сильнее всего на лоне нетронутой природы, ее величия и естественной красоты. Экологический туризм по-разному представлен в научных исследованиях. Его называют и зеленым, и природным, и сельским, но важно его сущностное понимание и предназначение. Можно обратиться к мнению исследователей, попытавшихся проанализировать многочисленные определения данного феномена и прийти к выводу о том, что «экологический туризм — это ответственное путешествие в хрупкие, нетронутые и обычно охраняемые районы, где флора, фауна и культурное наследие являются основными достопримечательностями, знакомство с которыми должно проходить в условиях предотвращения негативных воздействий на природную среду и содействия охране окружающей среды» [10, с. 106].

В туристских практиках традиционно наиболее активно принимает участие

молодежь, а, следовательно, она не может не испытывать на себе влияние туризма как важного агента социализации, становления и развития личности, поскольку туристское пространство — «это зона общения, сфера раскрытия способностей и реализации потребности в самовыражении и признании» [15, с. 48]. В этом и выражается социализационная сущность и миссия туризма, в экологическом формате реализующаяся наиболее явно, недаром экологический туризм называют также природоориентированным, социально-ответственным [7].

Экологический туризм дает возможность побывать в уголках природы, нетронутой, чистой, испытать высокие эстетические чувства, духовно обогатиться и набраться физических сил, обрести чувство гармонии с природой, а для современного человека, погруженного в пространство высокой динамики жизни, информационных технологий и цифрового общения, это немаловажно.

Заключение. Экотуризм особое значение в условиях цифровизации приобретает для молодежи. Именно она больше времени проводит сейчас в сетях, в информационно-цифровом пространстве, нежели на природе. Видеть природу, восхищаться ею, воспринимать ее и себя как части единого целого и понимать, насколько важно сохранить природу как часть себя — важнейшая составляющая сохранения Человека как личности, как ответственного гражданина с высоким уровнем экологического сознания и соответствующей культурой экологического поведения. И исследователи замечают, что в молодежной среде российского общества сформировался запрос на экологические практики, однако, уровень их реализации как экологической культуры довольно низкий в стране, в молодежной среде [4], и этим обстоятельством определяется высокая значимость экологического воспитания молодежи, которое должно сочетаться с конкретными экологическими практиками. Экологический туризм в этом случае представляет большие возможности, что в свою очередь определяет высокую социальную значимость его развития в российских регионах, а также научную ценность исследовательских работ в данном направлении.

Список источников

1. Антонова В.С. Экологическое просвещение как инструмент формирования устойчивых моделей экологического поведения // Социальная компетентность. 2022. Т. 7. №4(26). С. 290–295.
2. Ахметова Д.З. «Человек экологический» в эпоху цифровизации // Высшее образование в России. 2020. Т. 29. №5. С. 117–126. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-5-117-126.
3. Гришаева Ю.М., Гагарин А.В. Экологическое развитие личности в цифровом образовании: тренды междисциплинарных подходов // Психология развития и образования: (русский журнал прикладных исследований). 2020. №1. С. 5–8.
4. Захарова В.А. Экологическое поведение в современной России: мнения молодежи Южного федерального округа (по материалам фокус-группового исследования) // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. №1(15). С. 42–52. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.1.4.
5. Захарова В.А. Экологическое поведение современной молодежи: общероссийские и региональные тенденции. М.: Русайнс, 2022. 280 с.
6. Кугай А.И., Михайлова В.В. «Цифровое поколение»: угрозы и надежды в эпоху информационно-цифровой цивилизации // Управленческое консультирование. 2019. №7. С. 90–99.
7. Лапочкина В.В., Косарева Н.В., Адашова Т.А. Экологический туризм в России: тенденции развития // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. №5(47). С. 100–105.
8. Лихарева Т.С. Особенности развития экологического туризма на базе особо охраняемых природных территорий // Сервис в России и за рубежом. 2023. Т. 17. №3. С. 104–113. DOI: 10.5281/zenodo.8148701.
9. Минаков А.В., Евраев Л.О. Потенциал и перспективы развития цифровой экономики регионов России [Электронный ресурс] // Региональная экономика и управление: электронный научный журнал. 2020. №3(63). URL: <https://eee-region.ru/article/6318/> (дата обращения: 10.08.2023).
10. Нюрнбергер Л.Б., Шнорр Ж.П., Щетинина Н.А. и др. Экологический туризм: теоретические основы, современная региональная специфика // Человек. Спорт. Медицина. 2022. Т. 22. №S1. С. 105–112. DOI: 10.14529/hsm22s117.
11. Орлов М.О. Многомерность цифровой среды в обществе риска // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19. Вып. 2. С. 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>.
12. Ралык Д.В. Экологический и «умный» туризм в контексте устойчивого развития отрасли в России // Общество: политика, экономика, право. 2023. №8(121). С. 150–157. DOI: 10.24158/per.2023.8.19.
13. Саушева О.С. Экологический туризм как одно из приоритетных направлений экологического инвестирования: оценка возможностей и перспектив для экономической безопасности региона // Национальная безопасность / Nota Bene. 2023. №1. С. 41–52. DOI: 10.7256/2454-0668.2023.1.39400.
14. Сергеев Д.И., Прочко А.Л., Тищенко В.И. Цифровая личность: трансформация или удостоверение // Системные исследования: Методологические проблемы. Т. 39. М.: Информатика и управление, 2020. С. 117–150. DOI: 10.14357/SRMP201920203906.
15. Степановский Е.П., Складаров А.В. Социализация в туристском пространстве // Научный вестник ЮИМ. 2015. №4. С. 48–52.
16. Хашимова М.М. Повышение роли государства в развитии предпринимательства в регионах экологического туризма // Экономика и предпринимательство. 2023. №6(155). С. 797–801. DOI: 10.34925/EIP.2023.155.6.144.
17. Цифровая Россия: новая реальность [Электронный ресурс] // Мак-Кинзи и Компания СиАйЭс, 2017. 133 с. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (дата обращения: 10.08.2023).
18. Чистякова О.В. Философская рефлексия туризма: современные реалии // Научный вестник МГИИТ. 2013. №2(22). С. 34–40.
19. Шестакова Е.В., Ситжанова А.М., Прытков Р.М. Экологический туризм как форма устойчивого развития // Вестник университета. 2022. №6. С. 105–113. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-6-105-113.

References

1. Antonova V.S. Jekologicheskoe prosveshchenie kak instrument formirovaniya ustojchivyh modelej jekologicheskogo povedeniya [Environmental education as a tool for the formation of sustainable models of environmental behavior]. *Social'naja kompetentnost'* [Social competence]. 2022; 4(26): 290–295. (In Russ.).
2. Ahmetova D.Z. «Chelovek jekologicheskij» v jepohu cifrovizacii [«Ecological man» in the era of digitalization]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2020; 29(5): 117–126. DOI: 10.31992/0869-3617-2020-29-5-117-126. (In Russ.).
3. Grishaeva Ju. M., Gagarin A.V. Jekologicheskoe razvitie lichnosti v cifrovom obrazovanii: trendy mezhdisciplinarnyh podhodov [Ecological development of personality in digital education: trends of interdisciplinary approaches]. *Psihologija razvitija i obrazovaniya: (rossijskij zhurnal prikladnyh issledovanij)* [Psychology of development and education: (Russian Journal of Applied Research)]. 2020; (1): 5–8. (In Russ.).
4. Zaharova V.A. Jekologicheskoe povedenie v sovremennoj Rossii: mnenija molodezhi Juzhnogo federal'nogo okruga (po materialam fokus-gruppovogo issledovaniya) [Ecological behavior in modern Russia: opinions of the youth of the Southern Federal District (based on the materials of a focus group study)]. *Caucasian Science Bridge*. 2022; 1(15): 42–52. DOI: 10.18522/2658-5820.2022.1.4. (In Russ.).
5. Zaharova V.A. Jekologicheskoe povedenie sovremennoj molodezhi: obshherossijskie i regional'nye tendencii [Ecological behavior of modern youth: all-Russian and regional trends]. Moscow: Rusajns, 2022. 280 p. (In Russ.).
6. Kugaj A.I., Mihajlova V.V. «Cifrovoe pokolenie»: ugrozy i nadezhdy v jepohu informacionno-cifrovoy civilizacii [«Digital generation»: threats and hopes in the era of information and digital civilization]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Managerial consulting]. 2019; (7): 90–99. (In Russ.).
7. Lapochkina V.V., Kosareva N.V., Adashova T.A. Jekologicheskij turizm v Rossii: tendencii razvitija [Ecological tourism in Russia: development trends]. *Mezhdunarodnyj nauchno-issledovatel'skij zhurnal* [International Research Journal]. 2016; 5(47): 100–105. (In Russ.).
8. Lihareva T.S. Osobennosti razvitija jekologicheskogo turizma na baze osobo ohranjaemykh prirodnykh territorij [Features of the development of ecological tourism on the basis of specially protected natural territories]. *Servis v Rossii i za rubezhom* [Service in Russia and abroad]. 2023; 17(3): 104–113. DOI: 10.5281/zenodo.8148701. (In Russ.).
9. Minakov A.V., Evraev L.O. Potencial i perspektivy razvitija cifrovoj jekonomiki regionov Rossii [Potential and prospects for the development of the digital economy of the regions of Russia] [Elektronnyj resurs]. *Regional'naja jekonomika i upravlenie: jelektronnyj nauchnyj zhurnal* [Regional Economics and Management: electronic scientific journal]. 2020; 3(63). URL: <https://eee-region.ru/article/6318/> (data obrasheniya: 10.08.2023). (In Russ.).
10. Njurenberger L.B., Shnorr Zh.P., Shhetinina N.A. et al. Jekologicheskij turizm: teorēticheskie osnovy, sovremennaja regional'naja specifika [Ecological tourism: theoretical foundations, modern regional specifics]. *Chelovek. Sport. Medicina* [Man. Sport. Medicine]. 2022; 22(S1): 105–112. DOI: 10.14529/hsm22s117. (In Russ.).
11. Orlov M.O. Mnogomernost' cifrovoy sredy v obshhestve riska [The multidimensionality of the digital environment in a risk society]. *Izvestija Saratovskogo universiteta. Novaja serija. Serija: Filosofija. Psihologija. Pedagogika* [News of Saratov University. A new series. Series: Philosophy. Psychology. Pedagogy]. 2019; 19(2): 155–161. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-7671-2019-19-2-155-161>. (In Russ.).
12. Ralyk D.V. Jekologicheskij i «umnyj» turizm v kontekste ustojchivogo razvitija otrasli v Rossii [Ecological and «smart» tourism in the context of sustainable development of the industry in Russia]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo* [Society: politics, economics, law]. 2023; 8(121): 150–157. DOI: 10.24158/pep.2023.8.19. (In Russ.).
13. Sausheva O.S. Jekologicheskij turizm kak odno iz prioritetnykh napravlenij jekologicheskogo investirovaniya: ocenka vozmozhnostej i perspektiv dlja jekonomicheskoy bezopasnosti regiona [Ecological tourism as one of the priority directions of ecological investment: assessment of opportunities and prospects for the economic security of the region]. *Nacional'naja bezopasnost' / Nota Bene* [National

al Security / Nota Bene]. 2023; (1): 41–52. DOI: 10.7256/2454-0668.2023.1.39400. (In Russ.).

14. Sergeev D.I., Prochko A.L., Tishchenko V.I. Cifrovaja lichnost': transformacija ili udostoverenie [Digital personality: transformation or identity]. Sistemnye issledovaniya: Metodologicheskie problemy [System research: Methodological problems]. Vol. 39. Moscow: Informatika i upravlenie, 2020. Pp. 117–150. DOI: 10.14357/SRMP201920203906. (In Russ.).

15. Stepanovskij E.P., Skljarov A.V. Socializacija v turistском prostranstve [Socialization in the tourist space]. Nauchnyj vestnik JuIM [Scientific Bulletin of the YUIM]. 2015; (4): 48–52. (In Russ.).

16. Hashimova M.M. Povyshenie roli gosudarstva v razvitii predprinimatel'stva v regionah jekologicheskogo turizma [Increasing the role of the state in the development of entrepreneurship in the regions of ecological tourism]. Jekonomika i predprinimatel'stvo [Economics

and entrepreneurship]. 2023; 6 (155): 797–801. DOI: 10.34925/EIP.2023.155.6.144. (In Russ.).

17. Cifrovaja Rossija: novaja real'nost' [Digital Russia: new reality] [Elektronnyj resurs]. McKinsey & Company, 2017. 133 p. URL: <http://www.tadviser.ru/images/c/c2/Digital-Russia-report.pdf> (data obrashhenija: 10.08.2023). (In Russ.).

18. Chistjakova O.V. Filosofskaja refleksija turizma: sovremennye realii [Philosophical reflection of tourism: modern realities]. Nauchnyj vestnik MGIT [Scientific Bulletin of the Moscow State Institute of Tourism]. 2013; 2(22): 34–40. (In Russ.).

19. Shestakova E.V., Sitzhanova A.M., Prytkov R.M. Jekologicheskij turizm kak forma ustojchivogo razvitija [Ecological tourism as a form of sustainable development]. Vestnik universiteta [Bulletin of the University]. 2022; (6): 105–113. DOI: 10.26425/1816-4277-2022-6-105-113. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 10.09.2023; approved after reviewing on 28.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Саидова Липа Исаевна — аспирант Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М.И. Платова, и.о. заведующего кафедрой «Социально-культурный сервис и туризм» Чеченского государственного университета.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132
Россия, г. Грозный, ул. Асланбека Шерипова, 32

Lipa I. Saidova — Postgraduate Student, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Acting Head of the Department «Socio-cultural service and Tourism», Chechen State University.

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia
32 Aslanbeka Sheripova str., Grozny, Russia

Научная статья

УДК 304.2

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-257-265

КУЛЬТУРНЫЕ АРХЕТИПЫ В ВОСПРОИЗВОДСТВЕ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Анна Игоревна Яковлева

**Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
yakovleva_a_i@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7482-545X**

Аннотация. *Цель исследования* заключается в анализе культурных архетипов России как государства — цивилизации и их влияния на модель социально-экономического неравенства в обществе.

Методологической основой исследования выступают цивилизационный подход, положения теории культурного архетипа, концепции азиатского способа производства, концепции российской модели государственности, концепции М. Вебера о влиянии религии на экономическую деятельность.

Результаты исследования. Специфика современного социально-экономического неравенства, сложившегося в российском обществе, обусловлена культурными архетипами, сформировавшимися в процессе длительного цивилизационного развития страны. Глубокое социально-экономическое неравенство, сложившееся сегодня в российском обществе, детерминировано следующими устойчивыми социокультурными комплексами: моделью государственности, институтом раздаточной экономики, ценностями православного вероучения.

Перспективы исследования. Работа открывает перспективы для дальнейшего исследования особенностей социально-экономического неравенства современного российского общества.

Ключевые слова: культурный архетип, социально-экономическое неравенство, российская государственность, институт власти-собственности, раздаточная экономика, экономическая ментальность, культура бедности

Для цитирования: Яковлева А. И. Культурные архетипы в воспроизводстве социально-экономического неравенства в современной России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 257–265. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-257-265>.

Original article

CULTURAL ARCHETYPES IN THE REPRODUCTION OF SOCIO-ECONOMIC INEQUALITY IN MODERN RUSSIA

Anna I. Yakovleva

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
yakovleva_a_i@gmail.com, ORCID: 0000-0001-7482-545X*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze the cultural archetypes of Russia as a state — civilization and their influence on the model of socio-economic inequality in society.*

The methodological basis of the study is the civilizational approach, the provisions of the theory of cultural archetype, the concept of the Asian mode of production, the concept of the Russian model of statehood, the theory of the institutional matrix, M. Weber's concept of the influence of religion on economic activity

Research results. *The specificity of modern socio-economic inequality that has developed in Russian society is determined by cultural archetypes formed in the process of the country's long civilizational development. The deep socio-economic inequality that has developed in Russian society today is determined by the following stable socio-cultural complexes: the model of statehood, Institute of Distribution Economy, values of the Orthodox faith.*

Research prospects. *The work opens up prospects for further research into the characteristics of socio-economic inequality in modern Russian society.*

Keywords: *cultural archetype, socio-economic inequality, Russian statehood, institution of power-property, distribution economy, economic mentality, culture of poverty*

For citation: *Yakovleva A. I. Cultural archetypes in the reproduction of socio-economic inequality in modern Russia // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 257–265. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-257-265>.*

Введение. Социально-экономическое неравенство является вполне естественным явлением, которое сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Это обусловлено эволюцией общества, усложнением его социальной структуры, способами распределения материальных благ, различным ресурсным потенциалом социальных групп, спецификой личных качеств человека и др. В то же время социально-экономическое неравенство, формируясь в контексте конкретного общества, обладает своей культурно-цивилизационной спецификой, которая определяет его особенности, причины и факторы воспроизводства.

Несмотря на динамику общественного развития, смену одного типа общества другим, развитие новых тенденций, культурно-цивилизационные факторы имманентно ока-

зывают влияние на модель экономических, политических, социальных отношений, которая в свою очередь определяет и специфику социально-экономического неравенства. Данное обстоятельство определяет научный интерес и инициирует социально-философское осмысление проблемы влияния культурных архетипов на воспроизводство социально-экономического неравенства в современном российском обществе.

Методология и методы исследования. Методологической основой исследования выступает цивилизационный подход, позволяющий исследовать динамику развития и специфику социально-экономического неравенства в российском социуме [12; 20; 22]. Методологически значимыми для исследования проблемы воспроизводства социально-

экономического неравенства в российском обществе являются положения теории культурного архетипа [23], концепции азиатского способа производства [17], концепции российской модели государственности [1; 14; 15], концепции М. Вебера о влиянии религии на экономическую деятельность [11]. Совокупность этих подходов обуславливает теоретико-методологические основания исследования глубинных факторов, определяющих культурную специфику социально-экономического неравенства в российском обществе.

Результаты. В настоящее время в связи с обострением геополитического противостояния России с коллективным Западом в политическом и научном дискурсе актуализировалась тема цивилизационной уникальности России. Данное обстоятельство обусловлено вызовами, с которыми сегодня столкнулось российское государство. Это обосновывает необходимость нового осмысления своей цивилизационной идентичности, задающей дальнейший вектор развития страны.

Социально-экономическое неравенство как иерархическая форма общественных отношений обусловлено культурно-цивилизационной спецификой России. Культурные архетипы, формирующиеся в процессе исторического развития общества, определяют его мировоззренческие установки, влияющие на модели политических и экономических отношений, доминирующих в социуме.

Исследователи отмечают, что «каждое государство имеет собственную локальную цивилизационную матрицу, которая преломляет общие закономерности для отдельных цивилизаций, определяет специфику прохождения всеобщих универсальных этапов развития и формирует глубинные процессы эволюции» [7, с. 111].

Архетипы представляют собой коллективные бессознательные установки, укорененные в культуре народа и трудно поддающиеся изменениям [21]. Кроме того, культурные архетипы, задающие человеку вектор мировосприятия, характеризуются не только устойчивостью, но и неосознанностью своего присутствия в сознании людей. Эта неосознанность заключена в системе ценностей, смыслов, символов, характерных для

конкретной культуры, что оказывает влияние на специфику общественных отношений, складывающихся в экономической, политической и социальной жизни.

В этой связи очевидно, что специфика социально-экономического неравенства, сложившегося в современном российском обществе, обусловлена культурными архетипами, определяющими функционирование политических и экономических институтов в стране.

Культурно-цивилизационные особенности развития политических институтов обусловлены архетипом российской государственности, который определил модель отношения власти и общества, что в свою очередь повлияло на специфичность сложившегося в России социально-экономического неравенства.

В научном дискурсе сформировалась концепция российской государственности, в рамках которой выделяются такие ее черты, как авторитаризм, державность, этатизм, патернализм, сакрализация власти и т.п. Исследователи подчеркивают, что именно эти черты политической власти отражают те культурные архетипы, которые определяют цивилизационную идентичность России [15]. Следует отметить, что культурный архетип российской государственности сложился в силу объективных условий становления российской цивилизации и обусловлен в первую очередь геоклиматическими и геополитическими факторами.

Еще В. О. Ключевский указывал на роль природных факторов в формировании культурной матрицы общности. Согласно его подходу, именно естественные условия проживания являются «колыбелью народа», то есть той средой, в которой протекает формирование его ментальности, определяющей способ мышления и мировосприятия [13]. Русский историк утверждает, что суровый климат центральных и северных территорий России оказал значительное влияние на модель политического управления, для которой свойственны самодержавность и субъектность, то есть стремление власти принимать единовластные решения и единолично инициировать модернизационные процессы в обществе.

В свою очередь и современные исследователи, опираясь на данный подход, утверж-

дают, что «государственное овладение необъятными русскими пространствами сопровождалось централизацией, подчинением всей жизни государственному интересу и подавлением свободных личных и общественных сил» [18, с. 139]. Очевидно, что такая модель управления обществом не способствовала развитию инициативности человека, его личной ответственности за свою жизнь и судьбу, а напротив, развивала патерналистские установки, формирующие пассивность и социальное иждивенчество.

В такой политической системе место человека в социально-экономической иерархии общества определялось сугубо властными структурами. Управление экономической активностью личности со стороны государства не позволяла ей самостоятельно осуществлять вертикальную мобильность и повышать свой социальный статус, что, несомненно, оказывало влияние на развитие социально-экономического неравенства в обществе.

На формирование культурного архетипа российской государственности значительное влияние оказал геополитический фактор, который связан с расположением России между Западом и Востоком, что определяет амбивалентность ее культуры в силу влияния различных цивилизационных миров. На эту сложность и противоречивость русской культуры указывал еще Н. Бердяев, подчеркивая, что «в России сталкиваются и приходят во взаимодействие два потока мировой истории — Восток и Запад. <...> Россия есть целая часть света, огромный Восток-Запад, она соединяет два мира» [3, с. 50]. Русский философ связывает цивилизационную особенность России именно с влиянием на нее геополитического фактора, в силу которого сформировался данный культурный симбиоз, который делает Россию глубоко противоречивой цивилизацией, где сталкиваются и пересекаются различные типы культур, что определяет ее вечные метания в поиске вектора развития страны.

К тому же исследователи указывают на то, что цивилизационной особенностью российского общества является его сложная стратификационная структура, в которой индивиды и группы «различались не своими правами, а обязанностями, повинностями в пользу государства» [8, с. 5]. Именно это

послужило основанием для развития в обществе института власти-собственности. Последний характеризуется ключевой ролью государства в распределении собственности между своими «подданными» на основе их приближенности к властным структурам.

Специалисты отмечают, что институт власти-собственности является достаточно условным, поскольку не гарантирует права собственности, так как «собственность может быть отобрана в любое время, если власть (любого уровня) заинтересована в перераспределении этой собственности» [4, с. 145].

Надо отметить, что культурный архетип власти-собственности определяет специфику социально-экономического неравенства в современном российском обществе. Последняя проявляется в том, что распределение государством материальных или социальных благ опирается на принцип вхождения в политическую элиту (российское чиновничество) или близости к ней. Анализируя стратификационную систему российского общества, ученые подчеркивают, что «в системе власти-собственности (на примере российского квазирынка) высшие государственные чиновники являются крупными частными собственниками, менеджеры госкорпораций назначают вознаграждение сами себе и зарплату приближенному кругу лиц, устанавливают прибыль и характер ее использования зачастую в непроизводительных целях» [5, с. 14]. Очевидно, что сложившаяся модель государственного управления способствует обогащению лишь определенных категорий граждан, имеющих тесные формальные и неформальные отношения с властными структурами, закрывая другим легальные возможности для улучшения своего материального положения. В этой связи ключевой характеристикой института власти-собственности выступает «монополизация должностных функций в общественном разделении труда, когда власть и господство основываются не на частной собственности как таковой, а на высоком положении в традиционной иерархии и престиже» [10, с. 63].

В такой ситуации социально-экономическое неравенство, формирующееся в обществе, характеризуется глубиной, колоссальными диспропорциями в доходах граж-

дан, отсутствием равных возможностей для личностной и профессиональной реализации, а также оценивается большинством населения как несправедливое.

Культурным архетипом, определяющим структуру социально-экономического неравенства в России, выступает модель редиistribuтивной или раздаточной экономики. Последняя сформировалась в российском обществе в силу объективных факторов, а именно неблагоприятных природно-климатических условий, диктующих свои правила выживания обществу, а также закрепились на уровне коллективного бессознательного народа и определила его мировоззренческие установки. Развитие «раздаточной» экономики в российском социуме было обусловлено не только геоклиматическими условиями, но и моделью российской государственности, в рамках которой все природные, производственные и материальные ресурсы концентрировались исключительно в руках политической власти, которая выступала основным актором их распределения в обществе. В этой связи исследователи указывают на то, что «на всем протяжении русской истории имущество отдельных граждан образовывалось в результате “пожалования”, “дарствования”, “государского данья”, “раздачи”» [6, с. 6]. Тем самым в российском обществе сформировалась прямая зависимость экономической деятельности от политической власти. Такого рода отношения между политической и экономической сферами закрепились на уровне общественного сознания и определили специфику стратификационной системы российского общества.

Архетип раздаточной экономики предполагает передачу материальных благ, ресурсов или услуг из государственной собственности во владение различным субъектам хозяйственной жизни, исходя из их отношений с институтами политической власти. В процессе цивилизационного развития России сложилась экономическая модель, которая опиралась не на рыночные отношения, а на принцип раздачи «каждому по чину». В силу этого обладателю более высокого чина доставалось ресурсов больше, чем другим, что определяло их место в социально-экономической иерархии общества.

Раздаточная система экономики связана с общественно-служебным характером собственности, суть которого заключается в передаче собственности или ее долей «хозяйствующим субъектам под условия выполнения правил ее использования и управляются специальными государственными органами» [6, с. 31]. Таким образом, основой раздаточной экономики выступает служебный труд, являющийся обязательным и направленным на выполнение определенных функций, установленных государством, поэтому такой порядок трудовых отношений определяет и закрепляет в обществе получение доходов «по чину», то есть в зависимости от места человека в системе политической иерархии.

Анализируя цивилизационную специфику экономических институтов российского общества, исследователи отмечают, что их формирование обусловлено как природными, так и политическими условиями выживания российского государства. В этом культурно-цивилизационном контексте формировалась такая модель российской государственности, которая контролировала всю хозяйственную деятельность в стране, подавляя любую экономическую инициативу, или брала ее под свое управление. Такого рода отношения между политической властью и экономической деятельностью выстраивались преимущественно на основе неформальной коммуникации.

Наряду с архетипами государственной власти и раздаточной экономики на специфику социально-экономического неравенства в российском обществе оказали ценности православия.

Еще М. Вебер обосновал влияние религиозных систем на экономическую деятельность людей [11]. По мнению ученого, религиозные ценности определяют этические основания хозяйственной деятельности, которые либо ориентируют человека на получения материальной выгоды, либо, напротив, формируют пассивную, выжидательную позицию. Анализируя влияние протестантской этики на экономическое развитие западных стран, немецкий мыслитель пришел к выводу о том, что именно ее нормы и принципы заложили духовные основы для развития классического (промышленного) капитализма. Такие ценности трудовой этики протес-

тантства, как трудолюбие, установка на получение прибыли, аскетизм, скромность, усердие и профессионализм, стали основой развития предпринимательства на Западе. Вне сомнений, мировые религиозные системы оказали значительное влияние на формирование культурных архетипов, которые определили специфику экономической культуры народов. Ученые подчеркивают, что именно в «...системе религиозной нормативности откладываются главнейшие особенности культуры...» [24, с. 47].

Православие, в отличие от католицизма и протестантизма, несет свои ценностные установки и мотивации хозяйственной деятельности. Аксиологические различия присутствуют в понимании труда, его целей и смыслов: если в католицизме, и тем более в протестантизме, сложилась рациональная мотивация хозяйственной деятельности, то в православии делается акцент на ее духовное содержание. На это обращали внимание русские философы (В.С. Соловьёв, С.Н. Булгаков), подчеркивающие доминирование духовной мотивации хозяйственно-экономической деятельности над сугубо материальным интересом [9; 19]. В этой связи В.С. Соловьёв пишет о том, что «труд есть взаимодействие людей в области материальной, которое, в согласии с нравственными требованиями, должно обеспечивать всем и каждому необходимые средства к достойному существованию и всестороннему совершенствованию, а в окончательном своём назначении должен преобразовать и одухотворить материальную природу. Такова сущность труда со стороны его высшей причинности» [19, с. 429]. Такое понимание назначения труда обусловлено православной этикой, основными ценностями которой являются бескорыстие, альтруизм, взаимопомощь, негативное отношение к богатству, наживе, осуждение жадности.

Православная этика определила развитие особого типа культуры — культуры бедности, что было обусловлено фаталистическими установками вероучения, которые не ориентировали человека на экономическую активность, на материальные достижения и успехи. Напротив, православие проповедует установку: все осуществляется «по воле Божьей», что исключает для человека возможность уп-

равлять своей жизнью и призывает смириться с социальной реальностью.

Специалисты указывают на то, что духовные ценности, заключенные в религиозных системах, формируют экономическую ментальность народа. Специфика последней заключается в том, что «материальное благосостояние человека отделялось от его собственной активности и ответственности. Русской культуре было свойственно более терпимое, чем на Западе, отношение к неудачникам хозяйственной деятельности, помощь бедным составляла важнейшую нравственную обязанность христианина» [2, с. 70]. Такие мировоззренческие установки способствовали развитию в российском обществе культуры бедности, которая на практике демонстрировала воплощение ценности смирения, принятия своего положения, упования на милость Бога, на милостыню и благотворительность.

По мнению исследователей, такого рода культурные установки обусловлены фаталистическим характером православного вероучения, которое не мотивирует человека на трудовую активность и достижение более высокого уровня жизни, поэтому «ценности, связанные с возможностью не работать, имеют в России значительно более высокие ранги, чем в западных странах» [16, с. 150].

Очевидно, что специфика культурно-цивилизационного развития общества влияет на формирование глубинных коллективных психологических установок, которые определяют политические традиции и экономическую ментальность народа. Осознание этого приводит к тому, что в настоящее время в политическом и научном дискурсе возрождается интерес к идее «государства-цивилизации», которая поможет российскому обществу понять специфику своих культурных архетипов, определиться со своей культурной идентичностью и выбрать вектор дальнейшего развития страны.

Заключение. Таким образом, специфика современного социально-экономического неравенства обусловлена культурными архетипами, сформировавшимися в процессе длительного цивилизационного развития России.

Глубокое социально-экономическое неравенство, сложившееся сегодня в российском

обществе, детерминировано следующими устойчивыми социокультурными комплексами:

а) моделью государственности, в рамках которой формируется институт власти-собственности, который определяет доходы и место человека в социально-экономической структуре;

б) институтом раздаточной экономики, определяющим все социально-экономические отношения, в которых главным собственником и экономическим субъектом выступает государство;

в) православным вероучением, сформировавшем определенную систему ценностей, не мотивирующую человека на субъектность, экономическую активность и материальные блага.

Очевидно, что культурные архетипы формируют цивилизационную матрицу государства, которая определяет специфику функционирования и воспроизводства политических и социально-экономических институтов в современном российском обществе.

Список источников

1. Ахиезер А. Специфика российской политической культуры и предмета политологии (Историко-культурное исследование) // *Pro et Contra*. 2002. Т. 7. №3. С. 51–76.
2. Балабанова Е.С. Особенности российской экономической ментальности // *Мир России*. 2001. №3. С. 67–77.
3. Бердяев Н.А. *Философия свободы*. М.: АСТ, 1998. 732 с.
4. Бережной И.В. Онтология института власти-собственности в России // *Научные труды ДонНТУ. Серия: экономическая*. 2011. №40-2. С. 142–149.
5. Бессонова О.Э. Контрактный раздаток и солидаризм — новая веха российской матрицы // *Мир России*. 2019. №1. С. 7–31.
6. Бессонова О.Э. *Раздаточная экономика России: Эволюция через трансформации*. М.: РОССПЭН, 2006. 144 с.
7. Бессонова О.Э. Траектория и современный вектор развития цивилизационной матрицы России // *Мир России*. 2008. №2. С. 108–138.
8. Бондар А., Динес В. Российские политические традиции и российская государственность // *Власть*. 2008. №4. С. 3–8.
9. Булгаков С.Н. *Философия хозяйства*. М.: Наука, 1990. 412 с.
10. Васильев Л.С. Феномен власти-собственности. К проблеме типологии докапиталистических структур // *Типы общественных отношений на Востоке в средние века*. М.: Наука, 1982. С. 60–99.
11. Вебер М. *Протестантская этика и дух капитализма* // *Избранные произведения*. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
12. Данилевский Н. *Россия и Европа*. М.: Книга, 1991. 573 с.
13. Ключевский В.О. *Сочинения: в 9-ти т. Т. 1*. М.: Мысль, 1987. 430 с.
14. Лубский А.В. Государственность как матрица российской цивилизации // *Гуманитарный ежегодник 4*. Ростов н/Д: Изд-во РГУ, 2005. С. 51–65.
15. Лубский А.В., Лубский Р.А. Этатизм и патернализм как культурные маркеры цивилизационной идентичности в России // *Гуманитарий Юга России*. 2013. №3. С. 90–103.
16. Магун В. Российские трудовые ценности в сравнительной перспективе // *Социологические чтения*. Вып. 2. М.: ИС РАН, 1997. С. 134–176.
17. Маркс К. *Экономические рукописи 1857–1859 годов. Критика политической экономики (черновой набросок 1857–1858 годов)* // Маркс К., Энгельс Ф. *Сочинения*. Изд. 2-е. Т. 46. Ч. I. М.: Политиздат, 1968. 560 с.
18. Смирнова Ж.Г. Влияние географического положения и климатических особенностей на национальный характер русских // *Вестник славянских культур*. 2008. №3-4(10). С. 137–141.
19. Соловьёв В.С. *Оправдание добра* // *Сочинения в 2-х т. Т. 1*. М.: Мысль, 1988. 822 с.
20. Тойнби А. Дж. *Постижение истории* / Пер. с англ. М.: Прогресс, 1990. 730 с.
21. Четвертакова Ж.В. Ценностные ориентации, укорененные в культурных архетипах // *Аналитика культурологии*. 2007. №7. С. 184–188.
22. Шпенглер О. *Закат Европы*. В 2-х т. Т. 2: *Всемирно-исторические перспективы*. М.: Айрис-Пресс, 2003. 611 с.
23. Юнг К.Г. *Психология бессознательного*. М.: Наука, 1994. 317 с.
24. Яковенко И. *Православие и исторические судьбы России* // *Общественные науки и современность*. 1994. №2. С. 47–56.

References

1. Ahiezer A. Specifika rossijskoj politicheskoy kul'tury i predmeta politologii (Istoriko-kul'turnoe issledovanie) [Specificity of Russian political culture and the subject of political science (Historical and cultural research)]. *Pro et Contra*. 2002; 7(3): 51–76. (In Russ.).
2. Balabanova E. S. Osobennosti rossijskoj jekonomicheskoy mental'nosti [Features of the Russian economic mentality]. *Mir Rossii [The world of Russia]*. 2001; (3): 67–77. (In Russ.).
3. Berdjaev N. A. Filosofija svobody [Philosophy of Freedom]. Moscow: AST, 1998. 732 p. (In Russ.).
4. Berezhnoj I. V. Ontologija instituta vlasti-sobstvennosti v Rossii [Ontology of the institute of power-property in Russia]. *Nauchnye trudy DonNTU. Seriya: jekonomicheskaja [Scientific works of DonNTU. Series: economic]*. 2011; (40-2): 142–149. (In Russ.).
5. Bessonova O. Je. Kontraktnyj razdatok i solidarizm — novaja vеха rossijskoj matricy [Contract distribution and solidarism — a new milestone of the Russian matrix]. *Mir Rossii [The world of Russia]*. 2019; (1): 7–31. (In Russ.).
6. Bessonova O. Je. Razdatochnaja jekonomika Rossii: Jevoljucija cherez transformacii [Distribution economy of Russia: Evolution through transformation]. Moscow: ROSSPJEN, 2006. 144 p. (In Russ.).
7. Bessonova O. Je. Traektorija i sovremennij vektor razvitija civilizacionnoj matricy Rossii [Trajectory and modern vector of development of the civilizational matrix of Russia]. *Mir Rossii [The world of Russia]*. 2008; (2): 108–138. (In Russ.).
8. Bondar A., Dines V. Rossijskie politicheskie tradicii i rossijskaja gosudarstvennost' [Russian political traditions and Russian statehood]. *Vlast' [Power]*. 2008; (4): 3–8. (In Russ.).
9. Bulgakov S. N. Filosofija hozjajstva [Philosophy of economy]. Moscow: Nauka, 1990. 412 p. (In Russ.).
10. Vasil'ev L. S. Fenomen vlasti-sobstvennosti. K probleme tipologii dokapitalisticheskikh struktur [The phenomenon of power-property. On the problem of typology of pre-capitalist structures]. *Tipy obshhestvennyh otnoshenij na Vostoke v srednie veka [Types of social relations in the East in the Middle Ages]*. Moscow: Nauka, 1982. Pp. 60–99. (In Russ.).
11. Veber M. Protestantskaja jetika i duh kapitalizma [Protestant ethics and the spirit of capitalism]. *Izbrannye proizvedenija [Selected works]*. Moscow: Progress, 1990. 808 p. (In Russ.).
12. Danilevskij N. Rossija i Evropa [Russia and Europe]. Moscow: Kniga, 1991. 573 p. (In Russ.).
13. Ključevskij V. O. Sochinenija: v 9-ti t. [Essays: in 9 volumes]. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1987. 430 p. (In Russ.).
14. Lubsij A. V. Gosudarstvennost' kak matrica rossijskoj civilizacii [Statehood as a matrix of Russian civilization]. *Gumanitarnyj ezhegodnik 4 [Humanitarian Yearbook 4]*. Rostov-on-Don: Izd-vo RGU, 2005. Pp. 51–65. (In Russ.).
15. Lubsij A. V., Lubsij R. A. Jetatizm i paternalizm kak kul'turnye markery civilizacionnoj identichnosti v Rossii [Statism and paternalism as cultural markers of civilizational identity in Russia]. *Gumanitarij Juga Rossii [Humanities of the South of Russia]*. 2013; (3): 90–103. (In Russ.).
16. Magun V. Rossijskie trudovye cennosti v sravnitel'noj perspektive [Russian labor values in a comparative perspective]. *Sociologicheskie chtenija [Sociological readings]*. Issue 2. Moscow: IS RAN, 1997. Pp. 134–176. (In Russ.).
17. Marks K. Jekonomicheskie rukopisi 1857–1859 godov. Kritika politicheskoy jekonomii (chernovoj nabrosok 1857–1858 godov) [Economic manuscripts of 1857–1859. Criticism of political economy (a rough sketch of 1857–1858)]. Marks K., Jengel's F. Sochinenija [Essays]. Izd. 2-e. Vol. 46. Part I. Moscow: Politizdat, 1968. 560 p. (In Russ.).
18. Smirnova Zh. G. Vlijanie geograficheskogo polozhenija i klimaticheskikh osobennostej na nacional'nyj harakter russkikh [The influence of geographical location and climatic features on the national character of Russians]. *Vestnik slavyjanskih kul'tur [Bulletin of Slavic Cultures]*. 2008; 3-4(10): 137–141. (In Russ.).
19. Solov'jov V. S. Opravdanie dobra [Justification of good]. *Sochinenija v 2-h t. [Essays in 2 vols.]*. Vol. 1. Moscow: Mysl', 1988. 822 p. (In Russ.).
20. Tojnbi A. Dzh. Postizhenie istorii [Comprehension of history]. Per. s angl. Moscow: Progress, 1990. 730 p. (In Russ.).

21. Chetvertakova Zh. V. Cennostnye orientatsii, ukorenennye v kul'turnyh arhetipah [Value orientations rooted in cultural archetypes]. *Analitika kul'turologii* [Analysis of cultural studies]. 2007; (7): 184–188. (In Russ.).

22. Shpengler O. Zakat Evropy. V 2-h t. [The Decline of Europe. In 2 vols.]. Vol. 2: Vsemirno-istoricheskie perspektivy. Moscow: Ajris-Press, 2003. 611 p. (In Russ.).

23. Jung K. G. Psihologija bessoznatel'nogo [Psychology of the unconscious]. Moscow: Nauka, 1994. 317 p. (In Russ.).

24. Jakovenko I. Pravoslavie i istoricheskie sud'by Rossii [Orthodoxy and the historical destinies of Russia]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'* [Social Sciences and Modernity]. 1994; (2): 47–56. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 10.09.2023; одобрена после рецензирования 28.09.2023; принята к публикации 15.10.2023.

The article was submitted on 10.09.2023; approved after reviewing on 28.09.2023; accepted for publication on 15.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Яковлева Анна Игоревна — соискатель Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Anna I. Yakovleva — Candidate of the Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ ACTUAL PROBLEMS OF HIGHER EDUCATION

Научная статья

УДК 316.344.34

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-266-273

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В НОВЫХ СОЦИАЛЬНЫХ УСЛОВИЯХ: ФАКТОРЫ ТРАНСФОРМАЦИИ

Оксана Владимировна Богданова

*Социально ориентированная автономная некоммерческая организация
«Первый консалтинговый институт социально-экономического развития»,
Ростов-на-Дону, Россия
oksanavelo9@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5540-4008*

Аннотация. Актуальность. В статье анализируются факторы трансформации дополнительного образования в новых социальных условиях. Под ними понимается актуализированная переходом на стадию информационного общества потребность в обновлении образования в течение всей жизни. Устаревание информации, необходимость в перманентном обновлении знаний, умений и навыков обуславливают новый статус дополнительного образования, которое становится равноценным высшему профессиональному образованию. В качестве трансформирующих его статус факторов рассмотрены деградация дополнительного образования в высшей школе, распространение онлайн-обучения и транс-профессионализация.

Цель исследования — сформулировать и описать основные факторы трансформации дополнительного образования в новых социальных условиях.

Методы исследования. Проведенное исследование выстроено с применением общенаучных методов анализа и синтеза, сравнительного метода, прогностического подхода, применяемого для оценки установления векторов развития дополнительного образования в условиях воздействия на него трансформационных факторов.

Результаты исследования. В результате проведенного исследования мы пришли к выводу о том, что дополнительное образование в настоящее время переживает трансформационные процессы. Это связано с переходом его социальной значимости в статус образования, которое равноценно получаемому в классических университетах. Данный статус обуславливается новым этапом социального развития, переходом на стадию информационного общества, в котором обновление полученных в высшей школе знаний, умений и навыков требуется на протяжении всей жизни и значительно чаще и в большем объеме, чем это было в индустриальном обществе. Дополнительное образование становится не просто надстройкой на фундаменте полученного в высшей школе профессионального образования, оно обеспечивает возможность соответствовать актуальным требованиям на рынке труда.

Перспективы исследования связаны с изучением эмпирических условий функционирования дополнительного образования в результате воздействия факторов цифровизации, менеджериализации и транспрофессионализации.

Ключевые слова: дополнительное образование, онлайн-обучение, рынок труда, мотивация, трансформация, эффективность, классическое образование, транспрофессиональность

Для цитирования: Богданова О. В. Дополнительное образование в новых социальных условиях: факторы трансформации // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 266–273. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-266-273>.

Original article

ADDITIONAL EDUCATION IN NEW SOCIAL CONDITIONS: FACTORS OF TRANSFORMATION

Oksana V. Bogdanova

*Autonomous Non-Profit Organization of Supplementary Professional Education
«First Consulting the Institute of Socio-Economic», Rostov-on-Don, Russia
oksanelo9@bk.ru, ORCID: 0000-0002-5540-4008*

Abstract. Introduction. The article analyzes the factors of additional education transformation in new social conditions. They are understood as a need actualized by the transition to the stage of information society, obtaining lifelong learning. Information obsolescence, the need for permanent updating of knowledge, skills and abilities determine the new status of additional education, which becomes equal to higher professional education. The degradation of additional education in higher education, the spread of online learning and transprofessionalization are considered as factors transforming its status.

Purpose of the article is to formulate and describe the main factors of additional education transformation in the new social conditions.

Methods. The study is built using general scientific methods of analysis and synthesis, comparative method, predictive approach used to assess the establishment of vectors of additional education under the impact on it transformational factors.

Results. As a result of the study we came to the conclusion that additional education is currently undergoing transformational processes. This is associated with the transition of its social significance in the status of education equal to that received in classical universities. This status is conditioned by a new stage of social development, the transition to the stage of information society, in which the updating of knowledge, skills and abilities received in higher education is required throughout life, and much more often and in greater volume than it was in the industrial society. Supplementary education is not just a superstructure on the basis of professional education, obtained in higher education, it provides the ability to meet the current requirements of the modern labor market.

Research prospects: related to the study of empirical conditions for the functioning of additional education as a result of the impact of factors of digitalization, managerization and transprofessionalization.

Keywords: additional education, online learning, labor market, motivation, transformation, efficiency, classical education, transprofessionalism

For citation: Bogdanova O. V. Additional education in new social conditions: factors of transformation // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 266–273. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-266-273>.

Введение. Дополнительное образование стоит на пороге больших перемен. Их необходимость и высокая степень вероятности обусловлены фундаментальным изменением социальной ситуации, в которой развивается образование как комплексная социальная система, включающая в себя все его разновидности: школьное, среднетехническое, высшее и, конечно, дополнительное.

Перемены называют по многим причинам, но в первую очередь они вызываются изменением самого общества к ценности получаемых знаний. С одной стороны, значимость информации растет. Это неудивительно, т.к. мы постепенно входим в информационное общество, где приоритетным по релевантности капиталом выступает информация. Владелец информационных потоков, продавец информации, производитель информации — это обладатели наиболее ликвидного в наши дни товара. С другой стороны, в современном динамично развивающемся обществе информация очень быстро превращается в социальный мусор, приобретая эффект ценности «вчерашних газет». Информация способна очень быстро и безнадежно устареть, потеряв все свойства ожидаемой полезности. И каковой бы ни была её исходная цена, за которую она приобреталась социальным актором, стоимость может стремительно опуститься к нулю, если окажется вытесненной по релевантным причинам более актуальной информацией.

Всё сказанное в полной мере относится и к образовательной информации. Знания, умения и навыки, приобретаемые в учреждениях среднего и высшего образования, являются основой для интеллектуального развития, социализации и профессионального обучения. Они жизненно необходимы для того, чтобы социальный актор имел возможность занять свое место в социальной структуре. И чем более ценной будет у него информация для окружающих, тем на более высокое место в социальной иерархии он может рассчитывать.

Но это лишь одна сторона вопроса. Вторая заключается в высокой степени вероятности устаревания приобретенных знаний. Мы не ставим под сомнение профессионализм учителей и преподавателей, но в новой социальной реальности, когда стремительно

меняются условия для профессиональной деятельности, знаний «на всю жизнь» не существует. В этой ситуации дополнительное образование из второстепенного вида образования постепенно начинает трансформироваться в основной вид образования, который уже сейчас становится таким же равноценным для получателей образовательных услуг социальным институтом, каким является базовое профессиональное образование или средняя общеобразовательная школа.

В свете обозначенных тенденций мы можем определить цель данной статьи. Она состоит в том, чтобы сформулировать и описать основные факторы трансформации дополнительного образования в новых социальных условиях.

Результаты исследования

Первый фактор: *деградация дополнительного профессионального образования в государственных образовательных учреждениях высшего образования.*

Во времена СССР функционировала тщательно разработанная и отвечающая всем необходимым запросам времени система дополнительного образования. Ее основными институциональными единицами были два типа структурных образований, один из которых существовал на уровне министерства высшего и среднего специального образования СССР, а второй интегрировался в уже существующие образовательные учреждения. Первый существовал в виде разветвленной сети институтов повышения квалификации. Они создавались на уровне различных министерств и ведомств, а методически курировались общесоюзным министерством образования. Вторая структурная единица называлась факультетом дополнительного образования и организовывалось для реализации образовательных потребностей действовавших на тот момент высших учебных заведений. Высокая эффективность их деятельности обеспечивалась организационной самостоятельностью и наличием четких целей, связанных с основным профилем учебной работы [2].

В первое десятилетие после 2000 года высшие учебные заведения России перешли на менеджеристскую модель управления эффективностью [3]. Для нее характерно рас-

творение ответственности на низовом уровне, а значит — слом традиционной организационной структуры. В качестве основного «сборщика показателей» были определены под личную ответственность руководители структурных подразделений в вузах, а главными производителями благ (услуг) в системе дополнительного образования стали рядовые преподаватели университетов. По сути, никакого дополнительного образования не сохранилось. Все действующие ИПК и факультеты дополнительного образования расформировали, а вместо этого была введена система показателей, реализацию которых должны были обеспечивать ППС.

Данная реформа исходила из нескольких принципов. Во-первых, она отталкивалась от признания значимости дополнительного образования как особого блага. С первых дней применения менеджеристской модели институционализируется ценность, в соответствии с которой ни один сотрудник вуза не может считать себя высококвалифицированным работником, если хотя бы раз в 2–3 года, а желательно намного чаще, не прошёл повышение квалификации. Эти установки подкрепляются принятием формальных правил императивно-побудительного характера. Так, если сотрудник вуза подает заявление на конкурс ППС, то в качестве обязательного документа в сдаваемом ученому секретарю пакете документов должна быть ксерокопия сертификата о прохождении дополнительного образования по одному из преподаваемых им учебных курсов. Во-вторых, каждый преподаватель может, а в некотором роде даже обязан, создавать собственные курсы повышения квалификации. Мало того, что популярность, востребованность таких курсов отождествляется с его личной эффективностью в обществе знания, эффективность автоматически приобретают структурное подразделение и в целом само учебное заведение, т.к. одним из важнейших индикаторов эффективного управления по канонам менеджизма выступает объем заработанных средств, приобретенных за счёт проданных на рынке образовательных услуг предложений в системе услуг дополнительного профессионального образования. В-третьих, произошла децентрализация управления дополнительным образованием через, как мы уже отмечали,

размывание управленческой ответственности. Для преподавателей участие в процессах, связанных с дополнительным образованием, стало императивной обязанностью, причем эта обязанность проявляется в обоих статусных компонентах: и с позиции потребителя образовательных услуг (без сертификата нельзя пройти по конкурсу отбора на должность ППС), и с точки зрения производителя образовательных услуг (каждый сотрудник обязан обеспечить личную (через индивидуальный рейтинг) и общеуниверситетскую (в рамках межвузовской конкуренции) эффективность).

Данная реформа не могла пройти без последствий для дополнительного образования. Необдуманные, не имеющие под собой ресурсного обеспечения преобразования фактически привели к развалу продуктивно работавшей в государственных образовательных учреждениях системы дополнительного образования. Основным способом деятельности сотрудников вузов стал сводиться к имитации своего участия в ДПО. Это коснулось и создания образовательных проектов, и их потребления. Нормой стало формальное повышение квалификации, когда весь смысл сертификата, вся его информационная ценность сводится к возможности получить право подавать документы на конкурс должностей ППС. В ином качестве его ценность значительной частью преподавателей не воспринимается. То же касается и обратной стороны — сотрудников вузов, предлагающих свои услуги для повышения профессиональной квалификации. Качество и образовательная значимость предлагаемых программ ДПО невысока, но их продвижение обеспечивается системой договоренностей, цель которой состоит в создании системы взаимных обязательств по выполнению предписанных ректоратом показателей.

При таких институциональных условиях система дополнительного образования в российских университетах постепенно приходит в состояние деградации.

Второй фактор: *новые возможности онлайн обучения.*

Если для классического образования, в том числе реализуемого в высшей школе, онлайн-обучение выступает мощным вызовом, способным видоизменить до неузнавае-

мости всю сложившуюся конфигурацию высшего профессионального обучения, то для дополнительного образования это, напротив, новые возможности [4]. Цифровизация учебной деятельности вполне способна придать институту дополнительного образования новые импульсы развития, подняв его по степени релевантности на один уровень с классической школой и даже в чем-то потеснив её на рынке образовательных услуг. В первую очередь, потому что дополнительное образование благодаря процессу цифровизации постепенно становится независимым, самостоятельным субъектом в образовательной системе. Оно может позволить себе находиться вне организационной структуры государственных и частных университетов, работающих в очном, аудиторно-контактном формате. Это отдельный актор в системе общего и профессионального обучения. Его услуги по преимуществу носят коммерческий характер, следовательно, находящаяся на этапе становления новая модель дополнительного образования располагается на стыке институциональных полей предпринимательства и образования.

Итак, онлайн-образование выступает весомым фактором, содействующим становлению автономного от классической школы субъекта образовательной деятельности. Детализируя, мы можем выделить три основных аспекта воздействия данного фактора на предмет нашего исследования.

1. Широкий территориальный охват слушателей. То, что благодаря онлайн-обучению в виртуальных образовательных классах могут находиться тысячи человек, является результатом развития современных информационно-коммуникативных технологий. Мгновенная передача информации на расстояние, возможность ее оцифровки и применение альтернативных способов доставки расширяет перспективы организации бизнес-проектов без умаления качества собственно самого образования. На основе цифровизации можно создавать образовательные платформы и вовлекать в учебную работу одновременно тысячи людей. То же самое касается онлайн-лекций, вебинаров и т.п. Главное — чтобы информационный контент был полезен заказчику, и тогда потребитель в информационном обществе на него обязательно найдется.

2. Отказ или существенное снижение учебной деятельности в аудиторно-контактном формате. Онлайн-обучение снимает зависимость в ходе организации образовательного процесса от привязки к определенному территориальному месту (в случае с классическим университетом — комплексу зданий учебно-административного характера). Дополнительное образование нового типа можно организовать из обычного офиса. Это сильно облегчает организационно-административные возможности и создает большой потенциал для заключения массовых контрактов с потребителями образовательных услуг.

3. Снижение издержек на штат сотрудников. В классическом вузе, построенном на принципах аудиторно-контактной работы, высок процент издержек на образование. Онлайн-образование их существенно снижает: не нужен постоянный штат преподавателей, нет трат на аренду зданий и помещений, отсутствует необходимость оплачивать услуги охраны, ЖКХ, клининговых компаний, систематически делать ремонт и т.п. Остаются лишь те, кто вовлечен в непосредственный образовательный процесс. Это повышает рентабельность бизнеса, позволяя рассчитывать на высокие прибыли и устойчивый доход от коммерческой деятельности на рынке образовательных услуг.

Онлайн-обучение обеспечивает институту дополнительного образования безграничный потенциал для развития, тем не менее в этом формате имеются и свои трудности, которые особенно актуальны на этапе начальной стадии организации бизнеса. Здесь можно обратить внимание на два сюжета.

Во-первых, любое качественное образование нельзя выстроить без надлежащих информационных ресурсов и преподавательских кадров [6]. В первом случае имеются в виду онлайн-курсы и образовательные программы-симулякры. Для классического вуза это не проблема. У него имеется свой собственный штат ППС, который готов обеспечить подготовку и проведение образовательного процесса. Государственное финансирование позволяет закупать все (или хотя бы частично) необходимые информационные ресурсы, включая программное обеспечение. По этой причине многие структуры, создаваемые в системе дополнительного образова-

ния, находятся в тесной связи с действующими университетами. Так, например, функционируют многочисленные МООСs (массовые открытые онлайн-курсы). Самостоятельный статус организации дополнительного образования предполагает или наличие большого стартового капитала для начала ведения бизнеса или выстраивание автономной модели сотрудничества с университетами.

Во-вторых, нельзя не сказать и об уже ставшей пресловутой проблеме мотивации. У онлайн-обучения в этом плане не самая лучшая репутация [8]. Но, надо заметить, что сформировалась она через опыт работы в цифровом формате именно государственных образовательных учреждений, которые были переведены на дистант в принудительном порядке. Не будем скрывать, что снижение мотивации имманентно свойственно поточным моделям онлайн-обучения. Купировать эту проблему можно исключительно за счет набора высокомотивированных слушателей и предоставления им качественного образовательного контента.

Третий фактор: транспрофессионализация на рынке труда.

Мы сейчас не будем останавливаться на разночтениях этого термина, сложившихся в тех или иных дискурсивных практиках, а сразу перейдем к тому, какая позиция разделяется нами относительно его интерпретации. Транспрофессионализм в данной работе понимается как возможность выйти за рамки узкопрофессиональных знаний и приобрести способность к коллективной или индивидуальной деятельности на стыке нескольких смежных по специфике реализации трудовых функций профессий [9].

Считается, что транспрофессионализм стал новым этапом развития профессиональной структуры социума в постиндустриальном обществе [1]. Если в индустриальном мире доминирующими были две группы профессий: высококвалифицированные работники и малоквалифицированный персонал, то на современном этапе развития основой профессиональной структуры выступают транспрофессиональные компетенции. Они позволяют выходить на новый уровень возможностей и обеспечивать обществу необходимый креативный потенциал для дальнейшего стимулирования прогресса.

Отталкиваясь от означенных позиций, выдвинем следующий тезис: классическое образование строится на началах профессионального обучения и не закладывает транспрофессиональные компетенции. Частично в таком качестве могут рассматриваться универсальные компетенции, с которых обычно начинается обучение на первых двух курсах бакалавриата или специалитета, однако они могут рассматриваться лишь как основание для развития транспрофессиональных компетенций, но отнюдь не сами компетенции, позволяющие работать на стыке нескольких профессий [7].

Из сказанного допустимо сделать вывод, что классическая школа несколько отстает от главных трендов современности. Следовательно, функции по развитию транспрофессиональных компетенций может взять на себя социальный институт дополнительного образования. Для этого у него есть все необходимые возможности. Он не стиснут жесткими образовательными стандартами, нацелен на работу по пожеланиям клиента, может перестраивать образовательный процесс в связи с новыми потребностями и запросами, корректировать допущенные упущения и исправлять совершенные ошибки, приглашать на вебинары и открытые лекции профессионалов из разных направлений деятельности и т.п. [5].

Здесь нужно также обратить внимание на разные целевые ориентиры профессионально-предметного и дополнительного образования. Первое ориентировано на формирование фундамента из знаний, умений и навыков; второе — на решение конкретных образовательных потребностей клиента, необходимых для выполнения строго определенного рода профессиональных задач. С этой точки зрения дополнительное образование формирует у обучающегося внутренне взаимосвязанный репертуар из разных профессиональных компетенций, позволяющих трудиться в режиме транспрофессиональности.

Заключение. Дополнительное образование в настоящее время переживает трансформационные процессы. Это вызвано переходом его социальной значимости в статус образования, равноценного получаемому в классических университетах. Данное поло-

жение обуславливается новым этапом социального развития, переходом на стадию информационного общества, в котором обновление полученных в высшей школе знаний, умений и навыков требуется на протяжении всей жизни, и значительно чаще и в большем объеме, чем это было в индустриальном или позднеиндустриальном обществе. Дополнительное образование становится не просто надстройкой на фундаменте полученного в высшей школе профессионального образования, оно обеспечивает возможность соответствовать актуальным требованиям на современном рынке труда. Мы уверены, что более глубокое изучение данной проблематики раскроит новые смыслы и перспективы, но даже означенные преимущества дополнительного образования позволяют при правильной организации дела позиционировать его как современный тип образования, способный вместить в себя все необходимые запросы общества.

Список источников

1. Бельграй Н.В. Феномен транспрофессионализма в профессиональном образовании // Вестник Луганского государственного педагогического образования. Серия 1: Педагогические науки. Образование. 2022. №90. С. 5–9.
2. Гвоздева Н.М. Система повышения квалификации партийных и советских служащих в СССР: исторический экскурс // Вестник Поволжского института управления. 2010. №3. С. 28–31.
3. Дятлов А.В., Ковалев В.В. Асланов Я.А. Методологический конструкт исследования менеджеристских инструментов обеспечения эффективности муниципального управления // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (Новочеркасского политехнического института). 2021. Т. 14. №4. С. 23–35. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-23-35>.
4. Журавлева И.А. Особенности развития дополнительного образования детей и взрослых в России // Социология. 2021. №1. С. 103–114.
5. Иванченко О.С. Воспроизводство молодых ученых как социально-профессиональной группы в современных россий-

ских реалиях // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. №4. С. 99–107. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.10>.

6. Ковалев В.В., Дятлов А.В., Лацвеева А.В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // Наука. Культура. Общество. 2022. №2. С. 57–69.

7. Лазарева Г.Ю. Профессиональная социализация студентов: опыт социального партнерства технических вузов Ростовской области // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. №4. С. 108–118. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.11>.

8. Лацвеева А.В. Социальный портрет сторонника онлайн-обучения // Caucasian Science Bridge. 2022. Т. 5. №2. С. 60–68.

9. Третьякова В.С. Транспрофессионализм субъектов социально-профессиональной деятельности: монография [Электронный ресурс] / Под ред. Э.Ф. Зеера, В.С. Третьяковой. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2019. 144 с. URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0668-6>.

References

1. Bel'graj N. V. Fenomen transprofessionalizma v professional'nom obrazovanii [The phenomenon of transprofessionalism in vocational education]. *Vestnik Luganskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo obrazovaniya. Serija 1: Pedagogicheskie nauki. Obrazovanie* [Bulletin of Lugansk State pedagogical education. Series 1: Pedagogical Sciences. Education]. 2022; (90): 5–9. (In Russ.).
2. Gvozdeva N.M. Sistema povysheniya kvalifikacii partijnyh i sovetskih sluzhashhih v SSSR: istoricheskij jekskurs [The system of advanced training of party and Soviet employees in the USSR: a historical excursion]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravlenija* [Bulletin of the Volga Institute of Management]. 2010; (3): 28–31. (In Russ.).
3. Djatlov A. V., Kovalev V. V. Aslanov Ja. A. Metodologicheskij konstrukt issledovanija menedzheristskih instrumentov obespechenija jeffektivnosti municipal'nogo upravlenija [Methodological construct for the study of managerial tools to ensure the effectiveness of municipal management]. *Vestnik Juzhno-Rossijskogo gosudarstvennogo tehničeskogo uni-*

versiteta (Novocherkasskogo politehnicheskogo instituta) [Bulletin of the South Russian State Technical University (Novocherkassk Polytechnic Institute)]. 2021; 14(4): 23–35. DOI: <https://doi.org/10.17213/2075-2067-2021-4-23-35>. (In Russ.).

4. Zhuravleva I.A. Osobennosti razvitiya dopolnitel'nogo obrazovaniya detej i vzroslyh v Rossii [Features of the development of additional education for children and adults in Russia]. *Sociologija* [Sociology]. 2021; (1): 103–114. (In Russ.).

5. Ivanchenko O.S. Vosproizvodstvo molodyh uchenykh kak social'no-professional'noj grupy v sovremennyh rossijskikh realijah [Reproduction of young scientists as a socio-professional group in modern Russian realities]. *Caucasian Science Bridge*. 2022; 5 (4): 99–107. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.10>. (In Russ.).

6. Kovalev V.V., Djatlov A.V., Lacveeva A.V. Kachestvo vysshego obrazovaniya v Rossii: kognitivnye resursy onlajn-obucheniya [Quality of higher education in Russia: cognitive

resources of online learning]. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo* [Science. Culture. Society]. 2022; (2): 57–69. (In Russ.).

7. Lazareva G. Ju. Professional'naja socializacija studentov: opyt social'nogo partnerstva tehniceskikh vuzov Rostovskoj oblasti [Professional socialization of students: experience of social partnership of technical universities of the Rostov region]. *Caucasian Science Bridge*. 2022; 5(4): 108–118. DOI: <https://doi.org/10.18522/2658-5820.2022.4.11>. (In Russ.).

8. Lacveeva A.V. Social'nyj portret storonika onlajn-obucheniya [Social portrait of a supporter of online learning]. *Caucasian Science Bridge*. 2022; 5(2): 60–68. (In Russ.).

9. Tret'jakova V.S. Transprofessionalizm sub'ektov social'no-professional'noj dejatel'nosti: monografija [Transprofessionalism of subjects of socio-professional activity: monograph] [Elektronnyj resurs]. Pod red. Je. F. Zeera, V.S. Tret'jakovoj [In E. F. Zeer, V.S. Tretyakova (eds.)]. Ekaterinburg: Izd-vo Ros. gos. prof.-ped. un-ta, 2019. 144 p. URL: <http://elar.rsvpu.ru/978-5-8050-0668-6>. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 14.07.2023; одобрена после рецензирования 12.08.2023; принята к публикации 12.10.2023.

The article was submitted on 14.07.2023; approved after reviewing on 12.08.2023; accepted for publication on 12.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Богданова Оксана Владимировна — кандидат социологических наук, генеральный директор СО АНО «Первый консалтинговый институт социально-экономического развития».

Россия, г. Ростов-на-Дону, ул. Ерёменко, 87/2

Oksana V. Bogdanova — Candidate of Sociological Sciences, General Director of Autonomous Non-Profit Organization of Supplementary Professional Education «First Consulting Institute of Socio-Economic Development».

87/2 Eremenko str., Rostov-on-Don, Russia

Научная статья

УДК 378.4

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-274-283

ДИГИТАЛИЗАЦИЯ РОССИЙСКОГО ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА В УСЛОВИЯХ СТАНОВЛЕНИЯ АКАДЕМИЧЕСКОГО ЛИДЕРСТВА

*Александра Владимировна Лацвеева^{1✉}, Евгений Сергеевич Попов²,
Кристина Артемовна Шаровара³*

*^{1, 2, 3}Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия*

¹iluxin.2011@mail.ru[✉], ORCID: 0000-0003-4565-1387, WoS Research ID: AAE-3619-2022

²povove@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3474-4994, AuthorID РИНЦ: 1145404

³starodubceva.kriss@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7088-6777

Аннотация. *Цель исследования.* В представленной статье анализируется современное явление дигитализации в отечественном образовании, которое связано с развитием информационно-коммуникационных технологий, а также их использование в образовательном процессе в контексте рассмотрения академического лидерства высшей школы.

Методологию исследования составляет комплексный подход, который позволяет проанализировать дигитализацию и академическое лидерство высшего образования с образовательных и культурных сторон. Вместе с тем авторы, используя положения исследователей В. С. Москалюк, Л. С. Лабуз, Л. Н. Мазаевой, О. А. Грицовой и Е. В. Тиссен рассматривают элементы дигитализации высшего образования как онлайн-образование и цифровую образовательную среду. Опираясь на работы Х. Ортега-и-Гассета, Д. В. Галкина и Р. Гира, авторы анализируют явление цифровой культуры в контексте дигитализации высшего образования.

Результаты исследования. Авторы исследования в контексте анализа поставленной цели пришли к выводам, что становление академического лидерства в отечественном образовательном пространстве связано с тенденциями развития экономик регионов, а именно — необходимости подготовки будущих молодых специалистов на основе фундаментализма и переподготовки кадров с использованием дигитализации. Отмечается, что дигитализация прошла определенный период своего собственного развития, которое в настоящее время выступает в качестве средства, способствующему образовательному процессу. В статье показано, что дальнейшие перспективы использования дигитализации в высшем образовании находятся в плоскости проведения лекционных занятий, трансляции цифровой культуры и создания цифрового образовательного контента для студентов.

Перспективы исследования связаны с дальнейшим осмыслением дигитализации высшего образования и академического лидерства, разработки конкретных способов применения оцифровки в условиях становления академического лидерства.

Ключевые слова: академическое лидерство, дигитализация, онлайн-образование, цифровая образовательная среда, цифровая культура, образовательный процесс, оцифровка, цифровизация

Для цитирования: Лацвеева А. В., Попов Е. С., Шаровара К. А. Дигитализация российского образовательного пространства в условиях становления академического лидерства // Вестник Южно-Российского государственного технического университета.

Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 274–283. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-274-283>.

Благодарности: статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».

Original article

DIGITALIZATION OF THE RUSSIAN EDUCATIONAL SPACE IN THE CONTEXT OF THE FORMATION OF ACADEMIC LEADERSHIP

Alexandra V. Latsveeva^{1✉}, Evgeny S. Popov², Kristina A. Sharovara³

^{1, 2, 3}Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
¹iluxin.2011@mail.ru✉, ORCID: 0000-0003-4565-1387, WoS Research ID: AAE-3619-2022
²povove@mail.ru, ORCID: 0000-0002-3474-4994, AuthorID RSCI: 1145404
³starodubceva.kriss@mail.ru, ORCID: 0009-0006-7088-6777

Abstract. The purpose of the study. The article analyzes the modern phenomenon of digitalization in domestic education, which is associated with the development of information and communication technologies, as well as their use in the educational process in the context of considering academic leadership of higher education.

The methodology of the study is an integrated approach that allows us to analyze the digitalization and academic leadership of higher education from the educational and cultural sides. At the same time, the authors, using the provisions of researchers V.S. Moskalyuk, L.S. Labuz, L.N. Mazaeva, O.A. Gritsova and E.V. Thyssen, consider the elements of digitalization of higher education as online education and digital educational environment. Based on the works of H. Ortega y Gasset, D.V. Galkina and R. Gira, the authors analyze the phenomenon of digital culture in the context of digitalization of higher education.

The results of the study. The authors of the study in the context of the analysis of the set goal came to the conclusion that the formation of academic leadership in the domestic educational space is associated with the trends in the development of regional economies, namely the need to train future young professionals on the basis of fundamentalism and retraining using digitalization. It is noted that digitalization has passed a certain period of its own development, which currently acts as a means to promote the educational process. The article shows that further prospects for the use of digitalization in higher education are in the plane of conducting lectures, broadcasting digital culture and creating digital educational content for students.

The prospects of the research are related to further understanding of the digitalization of higher education and academic leadership, the development of specific ways to apply digitization in the context of the formation of academic leadership.

Keywords: academic leadership, digitalization, online education, digital educational environment, digital culture, educational process, digitization, digitalization

For citation: Latsveeva A. V., Popov E. S., Sharovara K. A. Digitalization of the Russian educational space in the context of the formation of academic leadership // Bulletin of the South

Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 274–283. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-274-283>.

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. В настоящее время дигитализация (от англ. *digitalisation* — оцифровка, цифровизация) в отечественном образовательном пространстве получила новый период своего собственного развития, которое прежде всего было связано с необходимостью перехода на онлайн-обучение и создания цифровой образовательной среды в условиях активного распространения коронавирусной инфекции.

В то время предполагалось, что дигитализация качественно повлияет на образовательный процесс в целом, обеспечит его доступность для широкого слоя населения и студенческой молодежи посредством свободного доступа, ознакомления, изучения и познания всего духовного опыта человечества в цифровой форме (электронные учебники, видео и аудиоматериалы, онлайн-курсы, обучение и т.д.), перестроит взаимоотношения в системе «преподаватель-студент» в русле индивидуального подхода в подготовке учащегося.

Однако, в высших учебных заведениях, особенно в образовательном сообществе вузов, продолжается дискуссия в отношении дигитализации, которая, по мнению ряда специалистов, содержит в себе как позитивные, так и негативные моменты [1; 15]. Последние заключаются в рисках дегуманизации, исчезновения ценностного характера образования, разрыва культурной преемственности, усиления направленности узкой специализации в подготовке выпускников вузов. Кроме того, нам представляется, что негативная сторона дигитализации в определенной мере оказывает влияние и на академическое лидерство. Речь идет о том, что академическое лидерство как новое состояние высшего образования имеет своим основанием фундаментальную подготовку студентов в естественнонаучных и гуманитарных областях научного знания с высоким культурным уровнем [2].

В связи с этим возникает вопрос: как данное основание соотносится с дигитализацией? Это обстоятельство определяет актуальность проблемы дигитализации в контексте становления академического лидерства и необходимость анализа сложившегося вопроса с перспективой раскрытия и развития тенденции оцифровки отечественной высшей школы.

Методология исследования. В качестве методологической базы анализа дигитализации определен комплексный подход. Для анализа элементов дигитализации, выступающей в формах онлайн-образования и цифровой образовательной среды, используются ряд положений работ В.С. Москалюк [9], Л.С. Лабуз, Л.Н. Мазаевой [8], О.А. Грицивой, Е.В. Тиссен [5].

Как отмечает испанский философ Х. Ортега-и-Гассет, существенной функцией образования является культурное развитие личности, которая должна соответствовать определенной исторической эпохе [10]. Следовательно, поскольку речь идет об дигитализации в сфере высшей школы, необходимо проанализировать не только образовательный, но и культурный потенциал университетов в региональном пространстве.

Рассматривая культурный аспект университетов и моменты в дигитализации, важно обратиться к явлению цифровой культуры. Это приводит нас к необходимости использования концепции цифровой культуры, представленной в трудах Д.В. Галкина и Р. Гира [3; 13]. Это важно в контексте того, что для онлайн-образования и цифровой образовательной среды предполагается освоение участниками образовательного процесса соответствующих цифровых компетенций (способностей), а также то обстоятельство,

что цифровая культура должна способствовать культурной преемственности в высшей школе.

На наш взгляд, использование комплексного подхода будет также способствовать раскрытию нового вектора развития отечественного образования как академического лидерства.

Образовательное и региональное пространство в контексте становления академического лидерства. Прежде чем рассматривать явление дигитализации высшей школы, необходимо проанализировать, что представляет собой современное высшее образование в контексте нового вектора образовательной политики государства как академического лидерства.

Авторы исходят из того, что высшая школа есть социальный институт, который выполняет несколько важных функций в обществе: образовательную, научно-исследовательскую и культурную.

Говоря о социальных институтах вообще, мы подразумеваем, что они являются историческими сложившимися определенными формами организации взаимоотношений и социального взаимодействия между акторами в конкретных условиях. Это означает, что социальные институты подвержены постоянным изменениям в контексте определенного экономического развития общества в целом, поэтому образование как социальный институт отражает внутренние экономические тенденции по профессиональной подготовке индивидов и обеспечению воспроизводства рабочей силы в региональном пространстве. В данной связи необходимо говорить о регионализации академического лидерства как об установлении режима активного взаимодействия между университетами, публичной властью, общественными объединениями и работодателями для социально-экономического развития региона в целом, причем важно отметить, что в региональном пространстве продолжает существовать проблема несоответствия в структуре изначальной вузовской подготовки и структуре потребностей экономики региона, что проявляется в таких социальных явлениях, как «работа не по специальности» и «кадровый дефицит» в секторах экономики. Речь идет о том, что в данном контексте академическим высшим

учебным заведениям необходимо вернуться к практике подготовки профессиональных кадров на заказ для потребностей региональной экономики.

Здесь можно согласиться с экономистом А.С. Удовиченко [12] в том плане, что региональные субъекты, которые сумеют разработать систему согласованной работы образовательного и экономического секторов, получают инструмент форсированного социально-экономического развития региона. Речь идет о необходимости создания нового общественного института, который способен решить двуединую задачу: во-первых, обеспечить постоянное взаимодействие сторон, заинтересованных в развитии региона; во-вторых, обеспечить трансфер знаний, технологий и профессиональных кадров академического уровня, а также культуру соответствующей экономики региона.

В связи с этим приоритетным направлением для системы образования остается необходимость формирования кадров из учащейся молодежи, способных в дальнейшем отвечать запросам региональной экономики, взаимодействовать с академической средой и постоянно повышать свои профессиональные компетенции. Последнее проявляется в нескольких тенденциях: с одной стороны, в послевузовской подготовке молодежи в различных форматах — от приобретения практических навыков до исследовательской деятельности в университетах; с другой — в постоянной переподготовке и повышении квалификации. Более того, сегодня для разрешения проблемы в области кадрового дефицита в секторах экономики регионов необходимо привлекать профессиональные кадры с продолжительным трудовым стажем, то есть необходимо переподготавливать уже существующую рабочую силу в регионе с целью удовлетворения потребностей экономики.

Представляется, что вышеуказанные моменты актуализируют внедрение и использование других форм образовательного процесса, что в настоящее время происходит в рамках дигитализации, особенно в регионах с ограниченным образовательным ресурсом.

Таким образом, дигитализация в образовательном пространстве в контексте академического лидерства становится одним из факторов, который может в определенной

мере способствовать формированию специалистов, соответствующих структуре потребностей экономики. Однако, на наш взгляд, в рамках дигитализации обучающиеся получают прикладной характер обучения, в отличие от классического академического образования, нацеленного на фундаментализм. В связи с этим возникает противоречие между нацеленностью академического лидерства на фундаментальную подготовку студентов и прикладным характером цифрового обучения. Сложившаяся ситуация, очевидно, приводит к необходимости рассмотреть дигитализацию высшего образования с ее внутренними тенденциями и рисками.

Дигитализация высшего образования: тенденции и риски. Несмотря на то, что в настоящее время дигитализация является, с одной стороны, организационно-педагогическим условием, способствующим образовательному процессу посредством информационно-коммуникационных технологий (ЭВМ, смартфоны и т.п.), с другой — совокупностью опосредствованных отношений и взаимодействия между участниками образовательного процесса (онлайн-образование, онлайн-сообщения и т.д.), исторически она прошла несколько этапов своего собственного развития, которое по-разному проявлялось и воздействовало на высшее образование в целом.

Для начала можно выделить этап, проходивший в конце 90-х и начала 2000-х годов, который был связан с оцифровкой учебников, учебных пособий, созданием онлайн-библиотек и т.д. В то время считалось, что свободный доступ к научным публикациям будет способствовать развитию личности студента через его самостоятельное ознакомление с интересующей литературой. Однако, как показала образовательная практика того периода времени, оцифровка не оказала качественных изменений в образовательном пространстве. Подобная ситуация была связана не только со слабой технической оснащённостью университетов, массовым отсутствием сети Интернет у обучающихся и соответствующих образовательных платформ, но и неготовностью обучающихся к самостоятельной работе без преподавателя в качестве наставника, поэтому сохранялась академическая система обучения в высших

учебных заведениях, проявляющаяся в аудиторном взаимодействии между преподавателями и студентами, в работе с научными источниками в библиотеке и т.д. Однако следует отметить, что утверждался позитивный момент опосредствованного взаимодействия между студентами и преподавателями с помощью электронной почты.

Следующий этап наступил примерно в 2010-х годах и был связан с развитием видеоплатформ (YouTube и т.п.) — на них размещались видео-лекции, видеоматериалы, расширяющие информацию о предметной области изучения и т.д. Данное явление позитивно сказалось на возможностях обучения в среде молодых обучающихся, поскольку появились реальные возможности повторить пройденный учебный материал через просмотр видеозаписи, но в то же время оставались прежние формы взаимодействия между участниками образовательного процесса.

Современный этап утвердился в 2020 году с объективной необходимостью перехода на онлайн-обучение в контексте пандемии COVID-19 и создания цифровой образовательной среды. Благодаря развитию дистанционных платформ (Teams, Zoom) были преодолены ряд рисков в высшем образовании, прежде всего — риск прерывания самого образовательного процесса.

Необходимо также отметить, что дигитализация в системе высшего профессионального образования выявила ряд проблем, к которым специалисты относят следующие [11]:

- отсутствие цифровых компетенций (способностей) преподавания учебных курсов у преподавателей посредством информационно-коммуникационных технологий;

- отсутствие реальных педагогических техник и методов контроля за онлайн-образовательным процессом;

- необходимость перехода к работе от средних групп к малым группам (до 15 человек);

- разрыв взаимодействия студентов с академической средой вуза, соответственно, рассогласование между культурным и образовательным аспектами обучения.

Следовательно, в этом контексте роль преподавателя как регулятора онлайн-обучения стала первостепенной, поскольку только от педагога и его способностей начинает зависеть мотивированность подключения к за-

нениям. Более того, стали необходимы новые формы методических технологий, во многом отличающиеся от классических, используемых в университетах.

Важно то, что в данном случае качественно по-другому выстраиваются взаимоотношения между преподавателем и обучающимся. В классических университетских схемах педагог в аудитории оценивает отклик студентов, определяет их заинтересованность в овладении учебной дисциплины. В то же время в системе онлайн-подготовки преподаватель лишается возможности использовать многие подобные педагогические технологии, поэтому, как отмечает исследователь Е. В. Гнатышина, уже сегодня необходимо формировать цифровую культуру нынешних и будущих преподавателей как новый цифровой опыт субъектов образовательного процесса, который включает в себя не только способность использования онлайн-платформ, но и ряд компетенций, к которым автор относит [4]:

- способность выступать в качестве мотиватора в процессе опосредствованного взаимодействия;

- способность транслировать культуру общества в цифровой среде;

- цифровая грамотность как способность находить и распространять в среде студентов достоверные информационные источники;

- способность создавать цифровой контент для студентов;

- способность выступать в качестве представителя академической среды вуза;

- способность поддерживать коммуникацию со студентами в опосредствованной форме и транслировать учебный материал изучаемого курса.

Несмотря на то что за прошедший период с начала коронавирусной инфекции преподавательский состав отечественных высших учебных заведений выработал ряд способов организации образовательного процесса в режим онлайн, исследователи ЮФУ и КГУ отмечают риски, связанные с регрессом некоторых навыков обучающихся, в частности развитие монологической речи, преодоление страха перед аудиторией, способности работать в команде, поскольку онлайн-образование рассчитано на лекционный формат, а не на проведение практик, семинаров и лабораторных работ [6].

Действительно, в условиях современного вектора российской образовательной политики, направленного на фундаментализацию высшей школы, которая предоставляет собой углублённую фундаментальную подготовку и выступает в качестве основания дальнейшего всестороннего развития личности студента, становится необходимо ограничивать использование дигитализации и политику цифровизации высшей школы. Более того, как показывают социологические исследования, данные представления имеют под собой реальные основания. Так, большая часть респондентов в лице преподавателей и студентов считают, что аудиторная площадка университета является лучшей интеллектуальной и культурной средой для развития личности. В свою очередь респонденты, являющиеся сторонниками онлайн-образования, нацелены на получение знаний в кратчайший период времени [7]. Таким образом, можно предположить, что сторонников онлайн-образования не очень интересует фундаментальная подготовка, поскольку они нацелены на получение практических знаний, необходимых для трудовой деятельности. Совершенно очевидно, что данный подход у индивидов является следствием необходимости отвечать на запросы рынка рабочей силы в регионе.

Наряду с онлайн-образованием другим аспектом дигитализации является создание цифровой образовательной среды, под которой понимается совокупность социальных медиа, цифровых инструментов и технологий, способствующих образовательной деятельности, в частности веб-блоги, веб-сайты, социальные сети (видеоформат, текстовые сообщения и т. д.).

По мнению исследователей, цифровая образовательная среда изменяет роль преподавателя, превращает его в носителя информации и цифровой культуры, становясь своего рода наставником, направляющим индивидуальную образовательную деятельность обучающегося, в отличие от классической университетской роли педагога как транслятора фундаментальных знаний и университетской культуры [14].

Нельзя не обратить внимание на то, что цифровая образовательная среда нацелена на получение конкретных практических зна-

ний, что для экономики регионов важно, поскольку отвечает запросам в подготовке конкретных кадров, но в условиях становления академического лидерства высшей школы является противоположной тенденцией, поскольку сам академизм нацелен на универсализацию рабочей силы.

Нам представляется, что в перспективе онлайн-образование и цифровая образовательная среда могут выступать определенным средством в проведении лекционных занятий и/или формой проведения переподготовки, повышения квалификации для выпускников университетов, трудоустроенных кадров и вместе с тем стать средством трансляции цифровой культуры как культуры российского общества, передающейся посредством преподавателя в цифровой среде.

В целом анализ тенденций и рисков дигитализации высшего образования позволяет понять, что дигитализация в настоящее время — установившийся факт, но вступающий в противоречие с целью академического лидерства, причем важно отметить, что большинство отечественных университетов не имеют своей целью провести полную цифровизацию высшей школы, поскольку оно лишь средство для реализации образовательного процесса как содействие воспроизводству человека, его интеллектуальному и культурному развитию в целом.

Выводы. Проведенное исследование дигитализации отечественного образовательного пространства в условиях становления академического лидерства позволяет заключить, что современная направленность образовательного вектора развития на фундаментализм в подготовке студентов является исторически приемлемой академической традицией в России. Однако академическое лидерство высшей школы не может существовать само по себе, независимо от экономических потребностей регионов. Представляется, что в перспективе необходимо создать социальный институт по координации и взаимодействию субъектов в регионе, нацеленных на социально-экономическое развитие и трансфер знаний, технологий, профессиональных кадров и культуры в российскую экономику и общество.

В настоящий момент времени, по мнению многих исследователей, данную задачу должна разрешить «Третья миссия университета», однако она до сих пор решает культурную задачу. Нам представляется, что действительной формой реального взаимодействия субъектов в регионе, которое законодательно оформлено, может начать выступать институт трехсторонних комиссий.

Далее, в условиях массового распространения ИКТ, которое уже утвердилось в отечественном образовательном пространстве, нельзя отказаться от его полного использования, поскольку оцифрованные учебники, видеозаписи лекций, экспериментов являются для студентов удобным инструментом в познавательном процессе. Но в то же время образовательная практика показала узконаправленность использования дигитализации, а именно — онлайн-обучения в форме онлайн-лекций, трансляции цифровой культуры, создания и использования цифровой образовательной среды. Представляя собой технические средства, способствующие образовательному процессу, они будут в перспективе и дальше позитивно использоваться в качестве способов проведения лекционных занятий, повышения квалификации, переподготовки кадров, контроля успеваемости, распространения учебных материалов и цифровой культуры. Следовательно, необходимо выработать образовательные программы, использующие данные позитивные моменты в высшем образовании.

Список источников

1. Воденко К.В., Боровая Л.В., Ефимов А.В. Российское образование в условиях глобальной информатизации и цифровизации: социально-философский дискурс // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №3. С. 36–44.
2. Воденко К.В. Формирование академического лидерства в контексте трендов развития современного российского высшего образования // Alma mater (Вестник высшей школы). 2022. №9. С. 20–25.
3. Галкин Д.В. Цифровая культура: горизонты искусственной жизни. Томск: Изд-во Томского ун-та, 2013. 285 с.

4. Гнатышина Е.В. Формирование цифровой культуры будущего педагога: монография. Челябинск: Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет, 2019. 294 с.

5. Грицова О.А., Тиссен Е.В. Оценка качества онлайн-обучения в системе высшего образования в регионах // Экономика региона. 2021. Т. 17. №3. С. 929–943.

6. Ковалев В.В., Касьянов В.В., Манучарян А.К. Онлайн-образование в высшей школе России: фактор разрушения или источник развития? // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №3. С. 72–91.

7. Ковалев В.В., Дятлов А.В., Лацвева А.В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // Наука. Культура. Общество. 2022. Т. 8. №2. С. 57–69.

8. Лабуз Л.С., Мазаева Л.Н. Информационные технологии в высшем профессиональном образовании: проблемы и перспективы // Концепт. 2016. Т. 37. С. 90–95.

9. Москалюк В.С. Понятие и сущность цифровизации системы образования // Наука и образование сегодня. 2019. №10. С. 15–17.

10. Ортега-и-Гассет Х. Миссия университета. Пер. с исп. М.Н. Голубевой; ред. перевода А.М. Корбут; под общ. ред. М.А. Гусакковского. Мн.: БГУ, 2005. 104 с.

11. Пашков М.В., Пашкова В.М. Проблемы и риски цифровизации высшего образования // Высшее образование в России. 2022. Т. 31. №3. С. 40–57.

12. Удовиченко А.С. Время для развития. Научная монография. СПб.: Издатель Англинова Л.Н., 2022. 340 с.

13. Gere C. Digital Culture [Electronic resource]. London: Reaktion Books, 2002. 222 p. URL: <https://archive.org/details/digital-culture0000gere/page/n5/mode/2up> (date accessed: 14.07.2023).

14. Saykili A. Higher education in the digital age: The impact of digital connective technologies // Journal of Educational Technology & Online Learning. 2019. №2(1). Pp. 1–15.

15. Tawafak R., Romli A., Arshah R., Almaroof R. Assessing the Impact of Technology Learning and Assessment Method on Academic Performance: Review Paper // EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education. 2018. №14(6). Pp. 2241–2254.

References

1. Vodenko K. V., Borovaja L. V., Efimov A. V. Rossijskoe obrazovanie v uslovijah global'noj informatizacii i cifrovizacii: social'no-filosofskij diskurs [Russian education in the conditions of global informatization and digitalization: socio-philosophical discourse]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2020; 9(3): 36–44. (In Russ.).

2. Vodenko K. V. Formirovanie akademicheskogo liderstva v kontekste trendov razvitiya sovremennogo rossijskogo vysshego obrazovaniya [Formation of academic leadership in the context of trends in the development of modern Russian higher education]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)]. 2022; (9): 20–25. (In Russ.).

3. Galkin D. V. Cifrovaja kul'tura: gorizonty iskusstvennoj zhizni [Digital culture: horizons of artificial life]. Tomsk: Izd-vo Tomskogo un-ta, 2013. 285 p. (In Russ.).

4. Gnatyshina E. V. Formirovanie cifrovoj kul'tury budushhego pedagoga: monografiya [Formation of digital culture of the future teacher: monograph]. Cheljabinsk: Juzhno-Ural'skij gosudarstvennyj humanitarno-pedagogicheskij universitet, 2019. 294 p. (In Russ.).

5. Gricova O. A., Tissen E. V. Ocenka kachestva onlajn-obuchenija v sisteme vysshego obrazovaniya v regionah [Assessment of the quality of online education in the higher education system in the regions]. *Jekonomika regiona* [The economy of the region]. 2021; 17(3): 929–943. (In Russ.).

6. Kovalev V. V., Kas'janov V. V., Manucharjan A. K. Onlajn-obrazovanie v vysshej shkole Rossii: faktor razrushenija ili istochnik razvitiya? [Online education in higher education in Russia: a factor of destruction or a source of development?]. *Gumanitarij Juga Rossii* [Humanities of the South of Russia]. 2020; 9(3): 72–91. (In Russ.).

7. Kovalev V. V., Djatlov A. V., Lacveeva A. V. Kachestvo vysshego obrazovaniya v Rossii: kognitivnye resursy onlajn-obuchenija [Quality of higher education in Russia: cognitive resources of online learning]. *Nauka. Kul'tura. Obshhestvo* [Science. Culture. Society]. 2022; 8(2): 57–69. (In Russ.).

8. Labuz L. S., Mazaeva L. N. Informacionnye tehnologii v vysshem professional'nom

obrazovanii: problemy i perspektivy [Information technologies in higher professional education: problems and prospects]. *Koncept* [Concept]. 2016; (37): 90–95. (In Russ.).

9. Moskaljuk V.S. Ponjatie i sushhnost' cifrovizatsii sistemy obrazovaniya [The concept and essence of digitalization of the education system]. *Nauka i obrazovanie segodnja* [Science and Education today]. 2019; (10): 15–17. (In Russ.).

10. Ortega-i-Gasset H. Missiya universiteta [The mission of the university]. Per. s isp. M.N. Golubevoj; red. perevoda A.M. Korbut; pod obshh. red. M.A. Gusakovskogo [In M.A. Gusakovsky (eds.)]. Minsk: BGU, 2005. 104 p. (In Russ.).

11. Pashkov M.V., Pashkova V.M. Problemy i riski cifrovizatsii vysshego obrazovaniya [Problems and risks of digitalization of higher education]. *Vysshee obrazovanie v Rossii* [Higher education in Russia]. 2022; 31(3): 40–57. (In Russ.).

12. Udovichenko A.S. Vremya dlja razvitiya. Nauchnaya monografiya [Time for development. Scientific monograph]. Saint Petersburg: Izdatel' Anglinova L.N., 2022. 340 p. (In Russ.).

13. Gere C. Digital Culture [Electronic resource]. London: Reaktion Books, 2002. 222 p. URL: <https://archive.org/details/digitalculture0000gere/page/n5/mode/2up> (date accessed: 14.07.2023).

14. Saykili A. Higher education in the digital age: The impact of digital connective technologies. *Journal of Educational Technology & Online Learning*. 2019; 2(1): 1–15.

15. Tawafak R., Romli A., Arshah R., Almaroof R. Assessing the Impact of Technology Learning and Assessment Method on Academic Performance: Review Paper. *EURASIA Journal of Mathematics, Science and Technology Education*. 2018; 14(6): 2241–2254.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 14.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 14.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Лацвеева Александра Владимировна — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Alexandra V. Latsveeva — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Попов Евгений Сергеевич — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Evgeniy S. Popov — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Шаровара Кристина Артемовна — ассистент кафедры «Социальные и гуманитарные науки», Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Kristina A. Sharovara — Assistant of the Department of Social Sciences and Humanities, Platov South Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

Вклад авторов:

Лацвеева А. В. — научное руководство; концепция исследования; доработка текста.

Попов Е. С. — написание исходного текста; итоговые выводы.

Шаровара К. А. — подготовка материалов к публикации; итоговые выводы.

Contribution of the authors:

Latsveeva A. V. — scientific guidance; research concept; revision of the text.

Popov E. S. — writing the source text; final conclusions.

Sharovara K. A. — preparation of materials for publication; final conclusions.

Научная статья

УДК 101.1

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-284-290

АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЛИДЕРСТВО: УНИВЕРСИТЕТ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕАЛИЯХ СОВРЕМЕННОГО КАПИТАЛИЗМА

Павел Викторович Павлов

*Южно-Российский государственный политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, Новочеркасск, Россия
pavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID РИНЦ: 402794*

Аннотация. *Целью статьи* является анализ академического лидерства как феномена современного высшего образования. *Предлагается* рассматривать этот феномен в контексте социально-экономических реалий современного капиталистического общества.

Методология исследования. *Статья базируется на теоретико-методологических подходах к исследованию университета в условиях современного капитализма. В методологическом плане определяющими стали работы Б. Ридингса, Т. Иглтона, С. Коллини, а также идеи З. Баумана о кризисе высшего образования.*

Результаты исследования. *Феномен академического лидерства на индивидуальном уровне и на уровне глобальной конкуренции между университетами определяется социально-экономическими реалиями современного капитализма. В свете этих реалий становятся прозрачными новации в сфере высшего образования: университет, подобно коммерческим предприятиям, ориентируется на корпоративные методы управления, «эффективность», рейтинги, формальные индикаторы оценки «качества» образования и научных исследований.*

Ключевые слова: *академическое лидерство, университет, высшее образование, капитализм, совершенство, качество образования, научное исследование, конкуренция, рейтинги*

Для цитирования: *Павлов П. В. Академическое лидерство: университет в социально-экономических реалиях современного капитализма // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 284–290. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-284-290>.*

Благодарности: *статья выполнена в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ Российской Федерации (НШ-239.2022.2) «Академическое лидерство в пространстве развития транспрофессиональной идентичности и формирования рынка новой экономики в условиях дигитализации и регионализации высшего образования».*

Original article

ACADEMIC LEADERSHIP: UNIVERSITY IN THE SOCIO-ECONOMIC REALITIES OF MODERN CAPITALISM

Pavel V. Pavlov

*Platov South Russian State Polytechnic University (NPI), Novocherkassk, Russia
pvpavlov2006@yandex.ru, ORCID: 0000-0002-9700-5136, AuthorID RSCI: 402794*

Abstract. *The purpose of the study is to analyze academic leadership as a phenomenon of modern higher education. It is proposed to consider this phenomenon in the context of the socio-economic realities of modern capitalist society.*

Research methodology. *The article is based on theoretical and methodological approaches to the study of the university in the conditions of modern capitalism. Methodologically, the defining works were the works of B. Readings, T. Eagleton, S. Collini, as well as the ideas of Z. Bauman on the crisis of higher education.*

Research results. *The phenomenon of academic leadership at the individual level and at the level of global competition between universities is determined by the socio-economic realities of modern capitalism. In the light of these realities, innovations in the field of higher education become transparent: the university, like commercial enterprises, focuses on corporate management methods, «efficiency», ratings, formal indicators for assessing the «quality» of education and research.*

Keywords: *academic leadership, university, higher education, capitalism, excellence, quality of education, scientific research, competition, ratings*

For citation: *Pavlov P. V. Academic leadership: university in the socio-economic realities of modern capitalism // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 284–290. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-284-290>.*

Acknowledgments: *the research was performed within the grant of the President of the Russian Federation for state support for the leading scientific schools of the Russian Federation (NSh-239.2022.2) «Academic leadership in the space of development of transprofessional identity and formation of the new economy market in the conditions of digitalization and regionalization of higher education».*

Введение. Среди множества различных новаций в сфере современной университетской жизни в последнее время выделяется феномен академического лидерства. Следует подчеркнуть, что этот феномен и современные дискуссии вокруг него представляют особый интерес, поскольку позволяют еще раз обратиться к проблеме непростой судьбы университета в современном мире и заново обозначить «болевые точки» нынешней системы высшего образования. Но современный

мир — это прежде всего мир капиталистический, поэтому мы неизбежно будем рассматривать феномен академического лидерства через призму социально-экономических реалий современного капитализма, которые сегодня самым существенным образом определяют жизнь университета.

Академическое лидерство: «совершенство», «качество» и современный капитализм. «Академическое лидерство»

(«academic leadership») — концепт, который все чаще упоминается в современных дискуссиях о «совершенствовании» системы высшего образования. Как отмечают исследователи, академическое лидерство предполагает нацеленность на «совершенство», повышение «качества преподавания» [2], а также стремление преподавателей (прежде всего профессоров) осуществлять свою профессиональную деятельность «наилучшим способом» [8]. Тем самым можно сказать, что «совершенство» и «качество» предстают как основные характеристики академического лидерства.

Ключевым моментом здесь, конечно, является идея «совершенства» («excellence»): согласно известной книге Билла Ридингса [6], написанной еще в начале 1990-х годов, суть современного университета как раз и состоит в «совершенстве», постоянном «совершенствовании» («дискурс совершенства»). Так, отмечает Б. Ридингс, классический университет, который восходит к модели Вильгельма фон Гумбольдта, был нацелен на формирование и развитие субъектов культуры, их «образование» (Bildung), поэтому классический университет — это прежде всего «университет культуры». Современный университет, будучи подчиненным движению глобального капитала, превращается в «бюрократическую корпорацию», для которой культура утрачивает всякое реальное значение. Содержательное понятие «культура» вытесняется, по словам Б. Ридингса, пустым и абстрактным «техно-бюрократическим понятием совершенства»: современный «университет совершенства» — это «симулякр идеи Университета» [6, с. 90]. И в этом смысле описываемый Б. Ридингсом феномен «университета в руинах» характеризует прежде всего радикальный кризис классического «университета культуры».

Современный университет под влиянием глобализации, развития глобального капитализма формирует потребителей. «Поэтому вопрос об Университете, — пишет Б. Ридингс, — это лишь вопрос об относительной денежной стоимости, вопрос, адресуемый студенту, который понимается исключительно как потребитель, а не как человек, желающий мыслить» [6, с. 48]. Университет через идею «совершенства», у которой «нет культурно-

го содержания», включается «в круговорот капитала и транснациональной политики»: «Совершенство отдает традиции Университета, сохранившиеся от предыдущей эпохи, на откуп рыночному капитализму. Преграды на пути свободной торговли рушатся» [6, с. 66]. Тем самым «единственным критерием совершенства является успешная деятельность на рыночных просторах» [6, с. 66].

Эта идея абстрактного «совершенства» как раз и определяет все нынешние новации в сфере высшего образования, которые, по сути, взяты из сферы бизнеса, из лексикона, характерного для современных коммерческих предприятий. Это и «стратегии развития» (или даже «стратегическая миссия» и «стратегическое видение»), различные рейтинги, формальные индикаторы оценки «эффективности» и «качества», «управление качеством». «Качество» образования, знаний, научных исследований оценивается количественными показателями — «количественными индикаторами качества». Академическое лидерство в этом смысле как раз и определяется через «совершенство» и «качество», и тем самым предполагается, что деятельность современного академического лидера должна, прежде всего, соответствовать формальным индикаторам и критериям «качества».

Однако отнюдь не у всех «стратегии» и новации, связанные в том числе и с «качеством», «совершенством», «лидерством», вызывают энтузиазм. «Прежде всего, нужно сказать, что те из нас, кто вертится в академических кругах и по-прежнему считает себя в первую очередь преподавателем и ученым, бояться слова “стратегический”. Словосочетание “формулировка стратегической миссии” (или еще хуже — “концепция стратегического видения”) внушает особый ужас, поскольку это основное средство, при помощи которого в академическую жизнь внедряются корпоративные методы управления», — пишет Дэвид Гребер в своей напумевшей книге о «бредовой работе» [1, с. 97]. Речь идет, продолжает Д. Гребер, о создании и внедрении «количественных методов для оценки эффективности, из-за которых преподаватели и ученые вынуждены всё больше времени тратить на оценку и обоснование того, что у них остается всё меньше времени делать. Аналогичное подозрение вызывает и любой

документ, в котором постоянно используются слова “качество”, “передовой опыт”, “лидерство” или “стейкхолдер”» [1, с. 97].

Вполне понятно, что количественные методы оценки «качества» образования и исследований, формальные показатели «эффективности» весьма удобны для администрации, поскольку призваны обеспечить «управление персоналом» — «профессорско-преподавательским составом», который оказался вытесненным на периферию университетской жизни и, по сути, лишенным подлинного самоуправления. Столь же очевидно, что эти формальные показатели подменяют реальное существо дела — действительное преподавание и действительное научное исследование. Своим собственным подлинным делом науки и образования профессорско-преподавательскому составу просто некогда заниматься, поскольку большая часть времени и сил отдается «симулятивным» практикам — подготовке формальной отчетности, достижению неких показателей, придуманных бюрократией, а также бесконечному (и столь же формальному) составлению, обновлению и «совершенствованию» образовательных программ, рабочих программ дисциплин и т.д. На действительно значимую научную и преподавательскую работу просто не хватает времени и сил.

Вот что пишет в своей известной статье Терри Иглтон по поводу засилья бюрократии и управленческой идеологии в британских университетах и ее влияния на практики ученых: «В любом случае огромный рост бюрократии в британском высшем образовании, вызванный расцветом управленческой идеологии и жесткими требованиями государственной аттестации, означает, что у ученых теперь остается гораздо меньше времени на подготовку к занятиям, даже если они еще кажутся им достойным делом — что в последние годы представляется весьма сомнительным» [3, с. 111]. В приоритете оказываются иные формы деятельности — привлечение денежных средств, написание бесконечного числа статей для формальных рейтингов, постоянная подача заявок на гранты и т.д. «Для британского государства, — отмечает Т. Иглтон, — все финансируемые им научные исследования должны быть теперь частью так называемой экономики знаний, и их влияние

на общество должно стать измеримым... Те, кого не привлекают выгодные гранты от частного бизнеса или кто не может заинтересовать большее число студентов, переживают состояние хронического кризиса. Научные заслуги зависят от того, сколько денег вы способны заработать, в то время как хорошее образование приравнивается к трудоустройству» [3, с. 111].

Университет: основные проблемы в эпоху глобального капитализма. Социально-экономические реалии современности нередко порождают риторический вопрос, который Стефан Коллини [4] вынес в заглавие своей книги: зачем нужны университеты? И действительно, несмотря на стремительное увеличение числа различных высших учебных заведений статус университета продолжает неуклонно падать. В сегодняшних рыночных условиях университеты вынуждены доказывать свою значимость, конкурируя друг с другом. Университет утрачивает свою прежнюю «идентичность», свои классические ценности и предназначение, связанные с образованием и свободным развитием личности, субъекта. Современные высшие учебные заведения, ориентированные на «предпринимательские» стратегии, весьма и весьма далеки от гумбольдтовской модели классического университета или же от представлений о его высоком назначении, столь вдохновенно сформулированных во второй половине XIX века Джоном Генри Ньюменом в ставшей почти хрестоматийной работе «Идея университета» [5].

Впрочем, причина кризиса университета вполне понятна: эта причина — глобализация, современный глобальный капитализм. С этим согласны, пожалуй, все авторы, которые критически пишут о проблемах университета в современном мире. Так, Билл Ридингс, как уже отмечалось, связывает кризис классического университета с развитием глобального капитала, которому требуются потребители, а не субъекты культуры. Стефан Коллини, характеризуя историческую эволюцию британских университетов, указывает на то, что, «попробовав себя в роли семинарий, пансионов, колледжей государственных чиновников, хранителей культуры, воспитателей гражданского чувства и центров научных исследований» [4, с. 60], сегодня они

превратились в коммерческие предприятия, «в которых ученые выступают скорее сотрудниками низшего звена» [4, с. 45]. Что касается Терри Иглтона, то он прямо говорит о том, что университеты «капитулировали перед беспощадными приоритетами глобального капитализма» [3, с. 110].

И, быть может, самое худшее в произошедшем заключается в том, что Т. Иглтон называет утратой «критической дистанции». Университет — больше не место для критики, для критических исследований. Если традиционно университет так или иначе соблюдал «критическую дистанцию», которая позволяла размышлять над происходящими в обществе процессами, оценивать их (и тем самым обеспечивать возможность критического исследования общества и его противоречий), то в условиях современного капитализма эта дистанция практически полностью стирается, поэтому, как пишет Иглтон, «во всем мире неуклонно разворачивается событие», вполне эпохальное по своей значимости, — «медленная смерть университета как центра гуманитарной критики» [3, с. 109].

Современные университеты на манер коммерческих предприятий, крупных корпораций озабочены конкуренцией, «лидерством». Речь идет, конечно, о международной конкуренции университетов на глобальном рынке образовательных услуг. Академическое лидерство становится не только феноменом индивидуального преподавательского «совершенствования», но, в первую очередь, феноменом конкуренции университетов, каждый из которых стремится доказать свое «совершенство». Эта конкурентная борьба фиксируется в рейтингах, составленных на основе формальных индикаторов. Как пишет С. Коллини, индикаторы «наделены аурой точности и одновременно объективности, а потому, когда они соединяются с предпосылкой о конкуренции, могут породить не терпящий оговорки рейтинг. Сегодня ректоры следят за рейтингами так же нервно, как и футбольные менеджеры, а позиции, в них занимаемые, часто служат для оправдания того или иного изменения в стратегии» [4, с. 39]. В этом заключается «синдром рейтингов», в свете которого высшие учебные заведения различных стран стремятся попасть в некий «топ» лучших мировых универси-

тетов. Так, продолжает С. Коллини, если «в Британии обсуждение по большей части сводится к тому, могут ли Оксфорд, Кембридж и Имперский колледж “конкурировать” с Гарвардом, Стэнфордом или Массачусетским технологическим институтом», то «в некоторых других странах все внимание приковано к необходимости вывести один или несколько университетов в первые “50” или “100” университетов мира» [4, с. 39].

Каковы же стратегии представителей академического сообщества, пути формирования профессиональной идентичности в современной университетской среде, практически полностью подчиненной рыночным силам? В этом смысле интересны размышления Зигмунта Баумана, приведенные им в его книге об «индивидуализированном обществе» [7]. Так, рассматривая проблему кризиса высшего образования, З. Бауман выделяет две полярные стратегии университетских преподавателей в условиях современной социально-экономической реальности — стратегию принятия новой рыночной реальности, адаптации к ней и стратегию «крепости», «замыкания в себе». Первая стратегия предполагает адаптацию преподавателей университетов к существующим социально-экономическим реалиям, что выражается прежде всего в их готовности к новой роли менеджеров. Вторая — противоположная — стратегия подразумевает, напротив, сознательный и демонстративный отказ от «интеграции» в современные капиталистические реалии и уход в замкнутую сферу «чистого» академического знания.

Конечно, существует и множество промежуточных вариантов, в рамках которых преподаватели пытаются отыскать компромисс между этими стратегиями. Другое дело, насколько удачно удастся представителям академического сообщества пройти между этими двумя крайностями. Более того, как полагает З. Бауман, обе обозначенные полярные стратегии являются капитуляцией перед современными рыночными силами, поскольку, несмотря на свою противоположность, признают практически полную победу этих сил над прежними университетскими ценностями.

Налицо явная и притом радикальная смена приоритетов: в центре академической жизни оказывается не выдающийся ученый,

интеллектуал, исследователь, а менеджер. Академический лидер сегодня — это отнюдь не ученый и преподаватель, но прежде всего управленец. Об этом хорошо пишет С. Коллини: «Традиционно, когда пытались выяснить, для чего же нужны университеты, обращались к великим культурным героям интеллектуальных исканий начиная с Платона и афинской Академии, а в XX в. прославляли нобелевских лауреатов и увенчанных лаврами исследователей, чьи достижения, как считалось, определялись их затворнической жизнью, огражденной от многих тягот этого мира» [4, с. 40]. Однако современная университетская жизнь, подчиненная рыночным силам, — «отвлеченная, утонувшая в цифрах и помешавшаяся на аудите и грантах жизнь большинства современных факультетов», — понятным образом оказалась весьма далекой от традиционных академических идеалов: «Сегодня положение заслуженного академического сотрудника, особенно если он руководит кафедрой или исследовательским центром, во многих отношениях ближе к менеджеру среднего звена в коммерческой фирме, чем к положению независимого исследователя или преподавателя-фрилансера, а условия работы младшего или временного преподавателя в некоторых неблагополучных институтах могут в крайних случаях сближаться с условиями труда работников колл-центра» [4, с. 40]. Что же касается проректоров, то они, по сути дела, позиционируют себя в качестве топ-менеджеров. «Вместо самоуправления ученых здесь господствует иерархия: разветвленная и запутанная сеть бюрократии, младшие преподаватели — рабочие лошадки — и проректоры, которые ведут себя так, будто руководят “Дженерал Моторс”», — пишет Терри Иглтон о ситуации в большинстве современных британских университетах [3, с. 110].

Заключение. Феномен академического лидерства — как на уровне индивидуального преподавательского «совершенства», так и на уровне глобальной конкуренции между университетами — определяется социально-экономическими реалиями современного капитализма. Эти реалии вполне понятны, однако вряд ли следует останавливаться на простой констатации того факта, что университеты поглощены рыночными

силами. От серьезных критических вопросов нельзя отделаться простым оправданием «status quo». Так, вполне резонно спрашивает Б. Ридингс, почему «лучшим» и «хорошим» университетским преподавателем следует считать того, кто выполняет все требования, предусмотренные формально-бюрократическими показателями и рейтингами, и тем самым «наилучшим образом воспроизводит систему» [6, с. 46]? По крайней мере, продолжает существовать понимание того, что академическое лидерство не сводится к формально-должностным управленческим ролям: академический лидер — это не только менеджер и администратор, но, прежде всего, наставник, который действительным образом способствует приобщению университетской молодежи к академическому знанию и научным исследованиям [8]. Да и назначение самого университета отнюдь не сводится к зарабатыванию денег и конкуренции на рынке образовательных услуг. Тем более, что проблемы финансирования системы высшего образования и обеспечения доступа к бесплатному образованию можно во многом решить, по словам Т. Иглтона, «за счет повышения налогов для некоторых богатых до неприличия граждан и взыскания миллиардов, которые ежегодно исчезают из-за уклонения от уплаты налогов... Это также возродило бы почетное прошлое университета как одного из немногих мест в современном обществе (другое — искусство), где преобладающие идеологии могут подвергаться пристальному изучению» [3, с. 112]. «Конечно, — пишет Т. Иглтон, — образование должно реагировать на потребности общества. Но это не значит, что стоит полностью подчинять себя нуждам современного капитализма. В действительности, бросив вызов этой отчужденной модели обучения, можно удовлетворить нужды общества гораздо лучше» [3, с. 111]. Ведь все-таки общество по-прежнему остро нуждается в действительных, «неотчужденных» формах образования, которые способствуют свободному развитию человека.

Список источников

1. Гребер Д. Бредовая работа. Трактат о распространении бессмысленного труда. М.: Ad Marginem Press, 2020. 440 с.

2. Другова Е. А. Ключевые характеристики программ преподавательского совершенства для академических лидеров. Обзор опыта высокорейтинговых университетов на материале зарубежных публикаций // Вопросы образования. 2019. №4. С. 8–29.

3. Иглтон Т. Медленная смерть университета // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. №2. С. 109–112.

4. Коллини С. Зачем нужны университеты? М.: ГУ ВШЭ, 2016. 264 с.

5. Ньюмен Дж. Г. Идея университета. Минск: БГУ, 2006. 208 с.

6. Ридингс Б. Университет в руинах. М.: ГУ ВШЭ, 2010. 304 с.

7. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. 272 p.

8. Evans L. University professors as academic leaders: Professorial leadership development needs and provision // Educational management administration & leadership. 2017. Vol. 45. №1. Pp. 123–140.

References

1. Greber D. Bredovaja rabota. Traktat o rasprostranenii bessmyslennogo truda [Delusional work. A treatise on the spread of senseless labor]. Moscow: Ad Marginem Press, 2020. 440 p. (In Russ.).

2. Drugova E. A. Ključevye harakteristiki programm prepodavatel'skogo sovershenstva dlja akademicheskikh liderov. Obzor opyta vysokorejtingovyh universitetov na materiale zarubezhnyh publikacij [Key characteristics of teaching excellence programs for academic leaders. Review of the experience of highly rated universities based on the material of foreign publications]. *Voprosy obrazovanija* [Education issues]. 2019; (4): 8–29. (In Russ.).

3. Iglton T. Medlennaja smert' universiteta [The slow death of the University]. *Alma mater (Vestnik vysshej shkoly)* [Alma mater (Bulletin of the Higher School)]. 2016; (2): 109–112. (In Russ.).

4. Kollini S. Zachem nuzhny universitety? [Why are universities needed?]. Moscow: GU VShJe, 2016. 264 p. (In Russ.).

5. N'jumen Dzh. G. Ideja universiteta [The idea of a university]. Minsk: BGU, 2006. 208 p. (In Russ.).

6. Ridings B. Universitet v ruinah [University in Ruins]. Moscow: GU VShJe, 2010. 304 p. (In Russ.).

7. Bauman Z. The Individualized Society. Cambridge: Polity Press, 2001. 272 p.

8. Evans L. University professors as academic leaders: Professorial leadership development needs and provision. *Educational management administration & leadership*. 2017; 45(1): 123–140.

Статья поступила в редакцию 28.08.2023; одобрена после рецензирования 18.09.2023; принята к публикации 12.10.2023.

The article was submitted on 28.08.2023; approved after reviewing on 18.09.2023; accepted for publication on 12.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Павлов Павел Викторович — доктор философских наук, профессор кафедры «Социальные и гуманитарные науки» Южно-Российского государственного политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова.

Россия, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Pavel V. Pavlov — Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Department of Social Sciences and Humanities, Platov South-Russian State Polytechnic University (NPI).

132 Prosveshcheniya str., Novocherkassk, Russia

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ SCIENTIFIC LIFE

Научная статья

УДК: 314.7

DOI: 10.17213/2075-2067-2023-5-291-299

НОВАЯ МИГРАЦИЯ В ЕВРАЗИИ: ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ ИНТЕГРАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ (ПО МАТЕРИАЛАМ МЕЖДУНАРОДНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ)

Сергей Васильевич Рязанцев¹, Ольга Александровна Волкова²✉

^{1,2}Институт демографических исследований — обособленное подразделение
Федерального научно-исследовательского социологического центра
Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН), Москва, Россия

¹riazan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID РИНЦ: 77673,
AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²volkovaoa@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0001-5325-0730, AuthorID РИНЦ: 690209,
AuthorID Scopus: 55962445600, WoS Research ID: S-6912-2016

Аннотация. В Кыргызско-Российском Славянском университете им. Б.Н. Ельцина в Бишкеке (Кыргызстан) 18–21 мая 2023 года прошла Международная конференция «Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов». На конференции выступили известные ученые из Армении, Беларуси, Казахстана, Кыргызстана, России, США, Таджикистана, Узбекистана, Японии. В докладах обсуждался комплекс научно-практических проблем демографического, социологического, экономического, экологического и культурологического характера, решение которых позволит обеспечить результативное содействие регулированию миграционных и интеграционных процессов в Евразии.

Ключевые слова: интеграционные процессы, евразийская интеграция, демографические процессы, миграция населения

Для цитирования: Рязанцев С. В., Волкова О. А. Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов (по материалам международной конференции) // Вестник Южно-Российского государственного технического университета. Серия: Социально-экономические науки. 2023. Т. 16, № 5. С. 291–299. <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-291-299>.

Благодарности: статья подготовлена при поддержке Совета при Президенте Российской Федерации по поддержке ведущих научных школ Российской Федерации (грант №НШ-53.2022.2).

Original article

**NEW MIGRATION IN EURASIA:
IMPLICATIONS FOR INTEGRATION PROCESSES
(BASED ON THE MATERIALS OF THE INTERNATIONAL CONFERENCE)**

Sergey V. Ryazantsev¹, Olga A. Volkova²✉

^{1,2}*Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS), Moscow, Russia*

¹*riazan@mail.ru, ORCID: 0000-0001-5306-8875, AuthorID RSCI: 77673,*

AuthorID Scopus: 22136228700, WoS Research ID: F-7205-2014

²*volkovaoa@rambler.ru✉, ORCID: 0000-0001-5325-0730, AuthorID RSCI: 690209,*

AuthorID Scopus: 55962445600, WoS Research ID: S-6912-2016

Abstract. *On May 18–21, 2023, the International Conference «New Migration in Eurasia: Implications for Integration Processes» was held at the Kyrgyz-Russian Slavic University named after B. N. Yeltsin in Bishkek (Kyrgyzstan). Well-known scientists from Armenia, Belarus, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Russia, the USA, Tajikistan, Uzbekistan, and Japan made presentations at the conference. Scientists discussed a complex of demographic, sociological, economic, environmental and cultural problems. Their solution will ensure effective assistance in regulating migration and integration processes in Eurasia.*

Keywords: *integration processes, Eurasian integration, demographic processes, population migration*

For citation: *Ryazantsev S. V., Volkova O. A. New migration in Eurasia: implications for integration processes (based on the materials of the international conference) // Bulletin of the South Russian State Technical University. Series: Socio-economic Sciences. 2023; 16(5): 291–299. (In Russ.). <http://dx.doi.org/10.17213/2075-2067-2023-5-291-299>.*

Acknowledgments: *the article was prepared with the support of the Council of the President of the Russian Federation for the support of leading scientific schools of the Russian Federation (grant №NSh-53.2022.2).*

Научные сотрудники Института демографических исследований ФНИСЦ РАН приняли участие в Международной конференции «Новая миграция в Евразии: последствия для интеграционных процессов», которая прошла 18–21 мая 2023 года в столице Кыргызской Республики, г. Бишкеке. Мероприятие прошло при поддержке Института демографических исследований ФНИСЦ РАН (г. Москва, Россия) и Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б. Н. Ельцина (г. Бишкек, Кыргызстан) с участием исследователей из научных и образовательных центров стран ближнего и дальнего зарубежья.

Организаторами мероприятия выступили Институт демографических исследований ФНИСЦ РАН, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН, Научный совет «Социально-политические и демографические проблемы формирования Евразийского экономического союза (ЕАЭС)» при Отделении общественных наук РАН, Кыргызско-Российский Славянский университет имени первого Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина, Международный аналитический клуб «Иссык-Куль — Большая Евразия». Организаторы обозначили основные программные направления мероприятия, которые способствовали раскрытию

новых особенностей, тенденций и возможных последствий современных миграционных и интеграционных процессов в Большой Евразии.

Значительное содействие в подготовке и проведении международной конференции оказали партнеры из нескольких стран: Белорусский государственный университет (г. Минск, Белоруссия); Евразийская ассоциация социологов; Казахский национальный университет им. Аль-Фараби» (г. Алматы, Казахстан); Институт философии, социологии и права НАН РАН (г. Ереван, Армения); Научно-исследовательский институт труда, миграции и занятости населения (г. Душанбе, Таджикистан); Российский государственный гуманитарный университет (г. Москва, Россия); Ташкентский государственный экономический университет (г. Ташкент, Узбекистан). Международный интеграционный подход к организации и проведению конференции обеспечил проведение научной дискуссии с учетом мнений представителей разных стран (как отдающих, так и принимающих разные категории мигрантов), вовлеченных в новые миграционные и интеграционные процессы, протекающие в Евразии. Основной целью конференции было обсуждение проблем демографического, социологического, экономического, экологического и культурологического характера, решение которых позволит обеспечить результативное содействие регулированию миграционных и интеграционных процессов в Евразии.

С приветственным словом к участникам мероприятия обратились представители правительственных, научных, образовательных и общественных структур. От стороны, любезно принимающей на своей территории гостей конференции, выступил ректор Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина академик НАН В.И. Нифадьев (г. Бишкек, Кыргызстан), который высоко оценил значение миграционных процессов для стран Евразии, ЕАЭС, непосредственно для Кыргызстана и в особенности для возглавляемого им университета. В современных условиях развития миграционных и интеграционных процессов Кыргызско-Российский Славянский университет им. Б.Н. Ельцина призван выполнять важную миссию осуществления образовательного,

научного, социокультурного сотрудничества, а также просвещения.

Председатель Научного совета «Демографические и миграционные проблемы России» при Отделении общественных наук РАН, член-корреспондент РАН С.В. Рязанцев (г. Москва, Россия) тепло поприветствовал участников мероприятия и обозначил ключевые темы для возможного обсуждения на конференции, затрагивающие различные аспекты взаимодействия, в том числе влияние иммиграции на этнодемографические процессы в принимающей стране, подходы к совершенствованию миграционной политики, способы стимулирования интеграции иммигрантов в местное общество, трансформацию миграционной политики стран Евразии, миграционные процессы в условиях демографического кризиса и дефицита трудовых ресурсов [1].

И.о. директора Института демографических исследований ФНИСЦ РАН М.Н. Храмова (г. Москва, Россия) предложила для рассмотрения на заседаниях конференции традиционные и новые темы, разрабатываемые в институте: историю и теорию демографических и миграционных исследований, методологию исследования миграционных процессов, демографические аспекты пространственного развития, тенденции расселения населения, миграционное поведение населения, здоровье и самосохранительное поведение мигрантов, последствия миграционных процессов, концепции демографической и миграционной политики, оценку результативности мер демографической и миграционной политики.

Заместитель Торага Жогорку Кенеша Кыргызской Республики Д.К. Исаева (г. Бишкек, Кыргызстан) обратилась с официальным письмом к участникам конференции и отметила, что в Республике имеется достаточно проблем, над которыми необходимо работать, однако практическая деятельность требует достоверных научных сведений, которые лягут в основу разработки новых государственных программ. Несомненно, что ответственность органов управления велика, поэтому руководство Республики нуждается в достоверных научно обоснованных рекомендациях, которые способны подготовить участники конференции.

Председатель комитета по социальной политике Жогорку Кенеша Кыргызской Республики В.К. Раимбачаева (г. Бишкек, Кыргызстан) в своем приветственном письме обозначила актуальность проблем, связанных с разработкой и реализацией мероприятий, направленных на решение социальных проблем в Кыргызстане. Одной из важнейших тем, которые требуют изучения и экспертного обсуждения, является занятость населения, в том числе мигрантов. Речь идет о возможностях развития социального партнерства в области трудовых отношений в Кыргызской Республике, о гармонизации практических действий с принципами социальной справедливости и сотрудничества.

Депутат Комитета Государственной Думы Российской Федерации по делам национальностей А.О. Удальцова (г. Москва, Россия) сделала акцент на том, что среди стран Евразии преобладают те, в которых проживают десятки и даже сотни народов. Но это не явилось препятствием для того, чтобы на этой территории сложились общности, каждая из которых играет свою исключительную культурно-историческую роль в становлении и развитии государственности и сотрудничества разных стран. Основные особенности современного этнокультурного развития стран Евразии состоят в единстве и многообразии состава населения, в сложившихся на протяжении веков способах и путях взаимодействия, с учетом общенациональных интересов и культурных традиций народов разных стран.

Министр труда, социального обеспечения и миграции Кыргызской Республики К.Б. Базарбаев (г. Бишкек, Кыргызстан), принявший активное участие в работе конференции, выразил надежду, что выводы и предложения, которые разрабатываются в ходе работы конференции, могут служить на благо устойчивому развитию стран, своевременному реагированию на ожидания общества, способствовать построению общества, свободного от коррупции, поэтому конференция является общенациональной экспертной площадкой для согласования различных мнений. Наиболее важными задачами являются содействие занятости, помощь в поисках подходящей работы со стабильной заработной платой, активизация сотрудничества центров содей-

ствия занятости с работодателями, с которыми специалисты нашей службы сотрудничают уже долгое время, стабилизация внутреннего рынка труда, снижение уровня безработицы, уменьшение дефицита рабочих мест, обучение безработных граждан.

Министр образования и науки Кыргызской Республики К.К. Иманалиев (г. Бишкек, Кыргызстан) пожелал участникам конференции плодотворной работы, направленной как на определение перспективных путей развития целостной, гибкой, открытой и динамично развивающейся системы образования в отдельных странах Евразии, так и на развитие межнационального сотрудничества в этой области. Современная система образования и науки призвана обеспечивать сохранение и трансляцию духовных и культурных ценностей народов Кыргызстана и других стран. Повышение качества образования должно привести к росту благополучия каждого гражданина Кыргызстана и других государств Евразии.

Советник Посольства Российской Федерации в Кыргызской Республике В.А. Харченко (г. Бишкек, Кыргызстан) обосновал актуальность и значимость обсуждения вопросов развития взаимовыгодного сотрудничества в сфере трудовой миграции населения и укрепления между странами связей, направленных на совершенствование миграционного законодательства, на сотрудничество служб занятости, работодателей и кыргызских диаспоральных объединений. В перспективе важными являются задачи развития сотрудничества в торгово-экономической и социокультурной сферах. Речь велась об укреплении российско-киргизских отношений, о стратегическом союзничестве, о разностороннем взаимодействии в рамках интеграционных объединений Евразии.

Председатель Исполкома Ассоциации «Аналитика», председатель Евразийского информационно-аналитического консорциума Н.Н. Бордюжа (г. Москва, Россия) в своем письме приветствовал экспертов, собравшихся для обсуждения особенностей и перспектив развития миграционных процессов, а также перспектив осуществления содействия евразийской интеграции в новых условиях. Важное место при разработке управленческих решений, направленных на социальное

развитие государств, занимает евразийское аналитическое сообщество. И здесь накопилось немало нерешенных проблем: неразвитость аналитических технологий, недооценка аналитических проектов со стороны недальновидных представителей органов управления и крупного бизнеса, отсутствие системы повышения квалификации специалистов-аналитиков и другие.

Председатель комиссии Общественной палаты Российской Федерации по гармонизации межнациональных и межрелигиозных отношений В.Ю. Зорин (г. Москва, Россия) в своем приветственном письме-обращении обозначил актуальность решения задач культурного и духовного сближения народов Евразии. Одной из самых важных тем в общественной работе является международная миграция, в том числе адаптация иностранных граждан и их интеграция в принимающее общество. Важным является повышение роли институтов гражданского общества в реализации миграционной политики государств на территории Евразии. Практическое оказание поддержки социально ориентированным этнокультурным и религиозным организациям в современных условиях нуждается в научном обосновании, в учете мнений экспертов.

Первый заместитель Генерального секретаря — Руководитель Генерального секретариата Ассамблеи народов Евразии, член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, Председатель Совета Ассамблеи народов России С.К. Смирнова (г. Москва, Россия) обозначила наиболее важные задачи, по которым могут быть сформулированы экспертные мнения и предложения: разработка общественной интеграционной модели в условиях формирования многополярного мира; развитие многостороннего сотрудничества и народной дипломатии; поддержка проектов, направленных на укрепление дружбы и межнационального добрососедства; внедрение новых форматов взаимодействия и создание эффективного партнерства институтов гражданского общества и органов власти стран Евразии.

Член Совета по миграции при Парламенте Кыргызской Республики, член комитета по миграции Евразийской экономической

комиссии С.Н. Баштовенко (г. Бишкек, Кыргызстан) в приветственном письме-обращении выразила предположение, что участники конференции смогут внести важный экспертный вклад в практическое регулирование миграционных и интеграционных процессов, в помощь мигрантам, которые трудятся в странах Евразии или возвращаются на родину. Впереди очень сложный этап, который будет нелегким как для правительства Кыргызстана, так и для населения страны. Государству предстоит реализовать проекты, предназначенные для содействия благополучию кыргызских трудовых мигрантов, а также возвратных мигрантов.

Президент Российского государственного гуманитарного университета Е.И. Пивовар (г. Москва, Россия) в своем письменном обращении к сотрудникам принимающего Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина и к гостям конференции актуализировал необходимость рассмотрения возможностей по совершенствованию регулирования процесса образовательной миграции, по разработке и реализации традиционных и новых образовательных программ в разных областях: математики, лингвистики, информатики, культурологии, международных отношений, медицины, туризма и проч. Достижение договоренностей между высшими учебными заведениями стран Евразии позволит налаживать и развивать студенческие обмены, проведение совместных лекций и интерактивных мероприятий.

Руководитель общественного фонда «Евразийское поколение» Е.Г. Строкова (г. Бишкек, Кыргызстан) акцентировала внимание на задачах донесения до молодежи актуальной информации о предпосылках, состоянии и перспективах евразийской интеграции. Продвижение евразийской интеграционной идеи среди молодежи может быть реализовано через образовательные процессы, в том числе в ходе образовательной миграции молодежи и расширения мировоззренческих горизонтов юношей и девушек.

Проблемам развития интеграционных тенденций в разных странах и в Евразии в целом была посвящена серия докладов пленарной сессии, которую открыл видеодоклад члена Коллегии (министра) по интеграции и макроэкономике Евразийской экономической

кой комиссии, председателя Научного совета Центра евразийской интеграции, академика РАН С.Ю. Глазьева (г. Москва, Россия). Докладчик обосновал, что в настоящее время центр мировой экономики смещается с Запада на Восток, который становится ядром мировой интеграции. Этот процесс сопровождается обострением социальной, политической и военной обстановки. В связи с этим очень важной становится научная поддержка практической работы по содействию евразийской интеграции.

Заведующий Центром социальных исследований Института философии, права и социально-политических исследований НАН Кыргызской Республики, профессор Н.А. Омуралиев (г. Бишкек, Кыргызстан) представил социологический анализ демографической политики Кыргызстана в современный период.

Заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, профессор Г.И. Осадчая (г. Москва, Россия) представила основные характеристики, динамику, причины, структуру возвратной миграции из России в Кыргызстан, в том числе в гендерном разрезе [2].

Директор Центра Евразийских исследований, доктор политических наук, профессор Л.Л. Хопёрская (г. Бишкек, Кыргызстан) посвятила доклад характеристике релокации из России как социально-политического феномена последних двух лет.

Научный руководитель Института философии, социологии и права НАН РА, академик Г.А. Погосян (г. Ереван, Армения) обозначил в докладе проблемы и перспективы диверсификации миграционных потоков в Евразии.

Профессор Университета Рикке К. Охаша (г. Токио, Япония) представил этнографические данные о последних тенденциях трансформации русскоязычной туристической мобильности во Вьетнаме.

И.о. доцента кафедры международных отношений и мировой экономики Казахского национального университета им. Аль-Фараби, доктор Л.Ф. Деловарова (г. Алматы, Казахстан) описала потенциал сотрудничества Казахстана со странами Центральной Азии в современных миграционных процессах.

Директор НИИ труда, миграции и занятости населения Министерства труда, миграции и занятости населения Республики Таджикистан М. Махмадбекзода (г. Душанбе, Таджикистан) определил проблемы, связанные с вызовами возвратной миграции в Таджикистане, и представил пути их решения. Заведующий кафедрой демографии Высшей школы современных социальных наук МГУ им. М.В. Ломоносова, профессор В.А. Ионцев (г. Москва, Россия) осветил состояние международной миграции населения и охарактеризовал перспективу евразийского пути демографического развития в России и в Кыргызстане.

Член Совета при Президенте Российской Федерации по межнациональным отношениям, член Общественного совета при Министерстве внутренних дел Российской Федерации, профессор Государственного университета управления В.А. Волох (г. Москва, Россия) выделил наиболее сложные проблемы и приоритеты государственной политики Российской Федерации в сфере миграции населения, связанные с совершенствованием миграционной политики, развитием трудового и учебного обмена.

Заведующий кафедрой финансов Кыргызского национального университета им. Ж. Баласагына, профессор А.А. Саякбаева (г. Бишкек, Кыргызстан) охарактеризовала демографическую ситуацию в Кыргызской Республике в целом и в ее отдельных регионах.

Главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, профессор Т.Н. Юдина (г. Москва, Россия) представила всестороннюю характеристику потоков и профиля возвратных мигрантов из России в Кыргызстан, наметила ключевые направления работы по их реинтеграции.

Ведущий научный сотрудник Института народнохозяйственного прогнозирования РАН Д.В. Полетаев (г. Москва, Россия) акцентировал внимание участников конференции на медико-социальных аспектах, поднимая вопросы беременности, родов и здоровья трудовых мигранток из Кыргызстана в России.

Главный научный сотрудник Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, профессор О.А. Волкова (г. Москва, Россия) дала научное обоснование ресурсному потенциалу женских некоммерческих ор-

ганизаций России по социальной интеграции мигрантов из Кыргызстана.

Заместитель проректора по научной работе Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, доцент Ю.М. Грузина (г. Москва, Россия) охарактеризовала демографический аспект в развитии научного потенциала молодежи стран Евразии.

Заведующий отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, председатель Комитета Ассамблеи народов России по социально-культурной адаптации и интеграции мигрантов, профессор В.Ю. Леденёва (г. Москва, Россия) охарактеризовала тенденции формирования многоуровневой системы адаптации и реинтеграции мигрантов на пространстве Большой Евразии.

Директор Азиатского экспертно-аналитического центра Алтайского государственного университета, профессор С.Г. Максимова (г. Барнаул, Россия) раскрыла специфику национальной и религиозной идентичности населения приграничных регионов России в контексте миграционных процессов в Евразии.

Заместитель директора по научной работе Института демографических исследований ФНИСЦ РАН, профессор Т.К. Ростовская (г. Москва, Россия) осветила перспективы формирования новой парадигмы развития международной образовательной миграции в части привлечения молодых соотечественников.

Директор международного аналитического клуба «Иссык-Куль — Большая Евразия», профессор кафедры менеджмента Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина А.А. Кочербаева (г. Бишкек, Кыргызстан) статистически и эмпирически обосновала возможные экономические последствия релокации россиян в Кыргызстане.

Завершил пленарную сессию доклад руководителя аппарата генерального директора — директора по коммуникациям, директора дивизиона «Развитие регионов и инвестиции» АНО «Агентство стратегических инициатив по продвижению новых проектов» И.О. Карачина (г. Москва, Рос-

сия) об актуальных подходах к изучению, разработке и реализации миграционной политики России в свете новой национальной доктрины.

На пленарной сессии были представлены результаты исследовательской работы коллективов из Института демографических исследований ФНИСЦ РАН и Кыргызско-Российского Славянского университета им. Б.Н. Ельцина [1; 2; 3], в том числе результаты совместных опросов.

Во второй день конференции прошли секционные заседания: «Демографическая политика Кыргызстана и России: экономические и социальные аспекты», «Реинтеграция возвратных мигрантов из России в Кыргызстане: социально-экономические проблемы», «Возвратная миграция и эмиграция из России в Кыргызстан: динамика, причины и повседневные практики». На секциях речь шла о перспективах создания механизмов управления, гибко реагирующих на внутренние и внешние вызовы, на удовлетворение социальных запросов и потребностей населения стран Евразии, в том числе образовательных и трудовых мигрантов. Уделено внимание вопросам возвратной миграции, обеспечения доступа граждан к услугам в сфере занятости, смягчения условий получения права безработных на назначение пособия по безработице. Особенного внимания заслужила тема сотрудничества государственной власти, работодателей и диаспор трудовых мигрантов за рубежом. Даны обоснования тому, что в будущем работу следует вести через помощь будущим молодым специалистам в реализации и совершенствовании приобретенных в вузе профессиональных компетенций. В том числе особенно важно развивать коммуникативные способности студентов для конкурентоспособного включения в евразийский рынок труда: формировать навыки публичных выступлений, ведения открытых дискуссий и аргументированного отстаивания своей точки зрения по актуальным вопросам.

В третий день конференции научные сотрудники Института демографических исследований ФНИСЦ РАН провели «Демографическую школу» для студенческой молодежи. Главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, профессор Т.Н. Юдина дала

обзор теории и практики современных миграционных процессов. Заведующий отделом этнодемографических, религиозных и интеграционных процессов ИДИ ФНИСЦ РАН, профессор В.Ю. Леденёва подробно описала модели адаптации и интеграции мигрантов в современном мире. Ведущий научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН Е.Ю. Киреев изложил результаты эмпирических социологических исследований межпоколенческих различий, социальной памяти [3], особенностей адаптации и образа жизни молодежи из стран ЕАЭС в России. Заведующий отделом исследования социально-демографических процессов в ЕАЭС ИДИ ФНИСЦ РАН, профессор Г.И. Осадчая представила комплексное социогуманитарное осмысление евразийской интеграции. Главный научный сотрудник ИДИ ФНИСЦ РАН, профессор О.А. Волкова провела интерактивную игру «Моя демографическая карьера: выстраивание траектории», к активному участию в которой были привлечены все присутствующие юноши и девушки.

Международная конференция явилась площадкой для обмена опытом, консолидации усилий и налаживания взаимодействия в сфере развития, трансформации и расширения форм и направлений сотрудничества стран Евразии в соответствии с новой миграционной реальностью.

Список источников

1. Миграционный атлас Российской Федерации / Рязанцев С.В., Белозеров В.С., Щитова Н.А., Зольникова Ю.Ф., Соловьев И.А., Кузнецов Н.Г., Черкасов А.А., Мирязов Т.Р., Есикова В.О., Глущенко И.В., Сопнев Н.В., Аселедченко В.В., Вегнер М.А., Смир-

нов Д.И., Сидоренко М.М. М.: Перспектива, 2022. 232 с.

2. Молодые женщины из Кыргызстана в московском мегаполисе / Осадчая Г.И., Волкова О.А., Юдина Т.Н., Кочербаева А.А. // Женщина в российском обществе. 2023. №1. С. 43–62.

3. Социальная память молодежи государств-участников евразийской интеграции: монография / Под общ. ред. Г.И. Осадчей, А.А. Кочербаевой, М.Л. Варгановой. Бишкек: Изд-во КРСУ, 2023. 274 с.

References

1. Migracionnyj atlas Rossijskoj Federacii [Migration Atlas of the Russian Federation]. Rjazancev S.V., Belozеров V.S., Shhitova N.A., Zol'nikova Ju. F., Solov'ev I. A., Kuznetsov N.G., Cherkasov A.A., Mirjazov T.R., Esikova V.O., Glushhenko I.V., Sopnev N.V., Aseledchenko V.V., Vegner M.A., Smirnov D.I., Sidorenko M.M. Moscow: Perspektiva, 2022. 232 p. (In Russ.).

2. Molodye zhenshhiny iz Kyrgyzstana v moskovskom megalopolise [Young women from Kyrgyzstan in the Moscow metropolis]. Osadchaja G.I., Volkova O.A., Judina T.N., Kocherbaeva A.A. Zhenshhina v rossijskom obshchestve [Woman in Russian society]. 2023; (1): 43–62. (In Russ.).

3. Social'naja pamjat' molodezhi gosudarstv-uchastnikov evrazijskoj integracii: monografija [Social memory of the youth of the member states of the Eurasian integration: monograph]. Pod obshh. red. G.I. Osadchey, A.A. Kocherbaevoy, M.L. Vartanovoj [In G.I. Osadchaya, A.A. Kocherbayeva, M.L. Vartanova (eds.)]. Bishkek: Izd-vo KRSU, 2023. 274 p. (In Russ.).

Статья поступила в редакцию 25.08.2023; одобрена после рецензирования 15.09.2023; принята к публикации 12.10.2023.

The article was submitted on 25.08.2023; approved after reviewing on 15.09.2023; accepted for publication on 12.10.2023.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Рязанцев Сергей Васильевич — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент РАН, главный научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Sergey V. Ryazantsev — Doctor of Economic Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Senior Researcher of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Волкова Ольга Александровна — доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института демографических исследований — обособленного подразделения Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (ИДИ ФНИСЦ РАН).

Россия, г. Москва, ул. Фотиевой, 6, корп. 1

Olga A. Volkova — Doctor of Sociological Sciences, Professor, Senior Researcher of the Institute for Demographic Research — Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (IDR FCTAS RAS).

6 Fotievoy str., bld. 1, Moscow, Russia

Вклад авторов:

Все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors:

The authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

16+

Свободная цена

Издатель и учредитель: Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Телефон: (8635) 25-51-54

Сайт: www.vestnik.npi-tu.ru/index.php/vestnikSRSTU

E-mail: vestnik-npi@yandex.ru

Отпечатано в типографии ИД «Политехник» Южно-Российского государственного
политехнического университета (НПИ) имени М. И. Платова

Адрес: 346428, г. Новочеркасск, ул. Просвещения, 132

Формат 60x84 1/8. Бумага офсетная

Усл. печ. л. _____. Уч.-изд. л. _____

Тираж 500 экз. Заказ № _____

© Составительство. Южно-Российский государственный
политехнический университет (НПИ)
имени М. И. Платова, 2023